

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2017

№ 45

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.).

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).
Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».
Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии.

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Гузей Я.С. К вопросу о захватном землепользовании в европейской части Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.	5
Дамбаев Д.Н. Развитие внешкольного сельскохозяйственного образования в Байкальском регионе в начале XX в.	11
Долдидович О.М. Попечительства о семьях призванных солдат в 1914–1917 гг. (на материалах Барнаульского уезда Томской губернии)	16
Концевой И.А. Опыт двухпартийности: большевики и левые эсеры в Президиуме ВЦИК II–IV созывов	22
Симонов М.А. Сравнительный анализ проектов изменений Устава ВКП(б) 1947 и 1952 гг.	30

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Камари Д.М. Эмиграция фокейцев на Запад	37
Филенко К.В. Социально-экономические аспекты монополизации киноконцерна УФА (1933–1945 гг.)	42
Новичков В.С. Сущность национальной политики в КНР в Период деструкции (1957–1978 гг.)	48
Румянцева Т.Б. «Инвестиции в будущее»: подготовка кадров в сфере фундаментальных, инженерных наук и математики как приоритет технологической политики администрации Б. Клинтона (1993–1995 гг.)	55
Бочарникова М.В. Либерализация экономики Южной Кореи по американским стандартам в 1990-е гг. и влияние на неё азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.	60
Троицкий Е.Ф. Лиссабонский договор и региональное измерение Европейского Союза	67

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Бейсенов А.З. Жилище сакской эпохи	72
Казakov А.А. О восточной границе распространения изделий полихромного стекла	83
Романов П.И. Проблемы и перспективы корреляции архивных документов и археологического материала на примере Умревинского острога	93
Орлова Е.А., Челухоев В.В. Символическое значение некоторых предметов домашнего обихода в традиционной культуре телеутов	99
Брызгина Д.Е. «Китайские» рынки в постсоветских трансформациях городского пространства Иркутска	106
Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Образ Другого как отражение национально-культурной идентичности в советском и постсоветском кино	114

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Ананьев Д.А. Крестьянские переселения в Сибирь и на Дальний Восток в пореформенную эпоху в оценках англо-американских и немецких исследователей (конец XIX – начало XXI в.)	120
Буркин С.Ю. Подходы к научному изучению эсхатологической проблематики в польской историографии	133
Миронов В.В. Историческая социология Адама Уотсона и проблемы изучения истории международного общества в XX в.	139

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Guzey I.S. To the question of seizure of land in the European part of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries	5
Dambaev D.N. The development of the non-scholastic agricultural education in the Baikal region in the early XX century	11
Dolidovich O.M. Guardianship organizations about families of mobilized soldiers in 1914–1917 (on materials of the Barnaul county of Tomsk province)	16
Kontsevoy I.A. Experience of the two-party system: the Bolsheviks and the Left Socialist-Revolutionaries in the Central Executive Committee Presidium of II – IV convocations	22
Simonov M.A. Comparative analysis of the draft amendments of the charter of the VKP(b), 1947 and 1952	30

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Kamari D.M. The Emigration of Phocaeans to the West	37
Filenko K.V. Socio-economic aspects of the monopolization of UFA Cinema Concern (1933–1945)	42
Novichkov B.S. The nature of ethnic policy in the PRC during the Period of destruction (1957–1978)	48
Rumyantseva T.B. "Investment in the Future": Training in Basic Science, Mathematics and Engineering as a Priority of Technology Policy of Clinton's Administration, 1993–1995	55
Bocharnikova M.V. Liberalization of the economy of South Korea by the U.S. standards in the 1990s. The role of the global financial crisis of 1997–1998	60
Troitskiy E.F. The Lisbon Treaty and the Regional Dimension of the European Union	67

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND SOCIAL ANTHROPOLOGY

Beisenov A.Z. Saka dwellings	72
Kazakov A.A. On Eastern border of polichrome style objects spreading	83
Romanov P.I. Problems and prospects of correlation of archival documents and the archaeological material (in the Umrevinsk stockaded town)	93
Orlova Ye.A., Cheloukhoev V.V. Symbolic Meaning of Some Household Items in the Traditional Teleut Culture	99
Bryazgina D.E. "Chinese" markets in Post-Soviet transformations of urban space (the case of Irkutsk)	106
Savelieva, E.N., Budenkova V.E. The concept of the other as a manifestation of national and cultural identity in Soviet and Post-Soviet cinema	114

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Ananyev D.A. Peasant Migration to Siberia and Far East during the Post-Reform Era as Evaluated by the Anglo-American and German Researchers (Late XIX – Early XXI centuries)	120
Burkin S.Yu. Approaches to the scientific study of the eschatological problem in Polish historiography	133
Mironov V.V. Historical Sociology by Adam Watson and the Problems of the study History of International Relations in the XX century	139

РЕЦЕНЗИИ

Румянцев В.П. Рецензия: Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование : в 2 т. М. : ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2015	146
Колева Г.Ю. Рецензия: Стась И.Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960 – начало 1990-х гг.). Сургут : Дефис, 2016. 258 с.	149
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	153

REVIEWS

Rumyantsev V.P. Review: V.O. Pechatnov, I.E. Magadeev. The correspondence of Josef V. Stalin with Franklin D. Roosevelt and Winston Churchill during the Great Patriotic war. Documentary research. In two volumes. Moscow : Olma media group, 2015.	146
Koleva G.Y. Review: Stas I.N. From villages to cities and back: the history of urban planning policy in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (1960 – start of the 1990s). Surgut : Hyphen, 2016. 258 p.	149
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	153

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 332.21

DOI 10.17223/19988613/45/1

Я.С. Гузей

К ВОПРОСУ О ЗАХВАТНОМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта «Институт захватного землепользования на Востоке России: исторический и сравнительный анализ», 16-32-00029.

Анализируются практики захватного землепользования в европейской части Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Ставится задача проследить, что понималось под «захватным землепользованием» в поздней имперской России и какие нарушения прав собственности на землю считались «захватом». На основании различных источников и литературы показывается, что захватное землепользование к концу XIX в. приобретает довольно широкое распространение в центральных областях империи и становится серьезной проблемой для царского правительства, оставаясь при этом отсутствующей «категорией» в российском праве.

Ключевые слова: землепользование; земельный захват; поземельные отношения; земельная собственность; межевое дело.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали новой вехой в развитии поземельных отношений в Российской империи. Отмена крепостного права привела к существенному усложнению земельно-правовых отношений, выдвинув на юридическую арену империи российского крестьянина, готового бороться не только за пользование, но и обладание земельными богатствами. В стране, где подавляющее большинство населения составляли крестьяне, земля всегда имела особую ценность и звучание. Это был тот ресурс, в котором видели источник благосостояния и процветания, а потому использовали любую возможность для того, чтобы расширить свои земельные наделы, хотя бы и за счет соседней стороны.

Наличие практик захватного землепользования в поздней имперской России не раз фиксировалось исследователями [1–5]. При рассмотрении данного вопроса исследователи чаще всего обращались к территориям Дальнего Востока и Сибири, где во второй половине XIX – начале XX в. довольно широкое распространение получила заимочная форма ведения хозяйства [2, 3, 6–9]. Что же касается более общих вопросов о том, что понималось под захватным землепользованием в поздней имперской России и какие нарушения прав собственности на землю считались захватом, то они фактически остались за рамками академической литературы. Именно на устранение данного пробела и ориентирована настоящая статья.

Особенности поземельных отношений в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. К середине XIX столетия Российская империя оказалась одной из самых огромных по размерам территории стран на политической карте мира. Серия договоров с Китаем, заключенных в 1860–1880-е гг., сделала ее обладательницей внушительного земельного фонда, которому придавали большое значение и на

который возлагали серьезные надежды. В ту пору, когда многие западные страны вступали на путь индустриального развития, Россия продолжала оставаться преимущественно аграрной страной, где земля служила основным средством обеспечения населения, а сельское хозяйство выступало доминирующим сектором экономики.

Важнейшей особенностью поземельных отношений в России был их сословный характер: земля была главным богатством империи, а владение ею – привилегией. Российским законодательством строго ограничивался круг субъектов, которые имели право приобретения и владения землей. Долгое время эта прерогатива принадлежала исключительно выходцам из дворянского сословия. Самодержавие, отражавшее интересы и взгляды дворянства, всеми силами старалось сохранять и поддерживать незыблемость этого непреложного правила.

Между тем земельный фонд в поздней имперской России включал в себя далеко не только помещичьи владения. В зависимости от формы собственности земля в империи делилась преимущественно на земли государственные, частновладельческие, монастырские (церковные), кабинетские, удельные, майоратные, посессионные и общественные. Частновладельческие были представлены угодьями, находящимися в собственности отдельных лиц в основном дворянского происхождения. Что касается государственных, то они считались собственностью казны и включали в себя казенные земли, пустопорожные и дикие поля, леса, а также все те земли, на которые не предъявлялись права собственности. Значительные земельные угодья закреплялись за церквями и монастырями. Часть земель приписывалась к заводам и именовалась посессионными. Отдельным особняком стояли земли, предназначенные для содержания лиц императорской фамилии.

К ним относились кабинетские земли, находившиеся под непосредственным управлением кабинета его императорского величества. Наряду с ними императорской фамилии принадлежали и земли удельные, обеспечивавшие средствами существования тех родственников императора, которые утратили право на престолонаследие. Владения, пожалованные императором за службу, воплощали в себе майоратные имения, которые не могли дробиться и должны были быть переданы старшему из наследников. В качестве отдельной категории выделялись и земли общественные, приписываемые обычно городам, городским обществам, дворянским обществам и земским учреждениям.

Такое разнообразие форм земельной собственности объяснялось спецификой российского самодержавия, интересы которого обслуживались зачастую посредством земельных держаний. Земля служила не только главным источником дохода в империи, но и оставалась важнейшим средством обретения опоры и поддержки монархического строя. С другой стороны, такое «изобилие» земельных держаний делало неопределённой саму категорию собственности на землю и те права, которые оказывались в руках ее обладателя. В результате, несмотря на тот факт, что понятие земельной собственности появилось в российском праве еще в 1832 г. [10. С. 5–6], правовые нормы в отношении отдельных ее форм так и не получили серьезного развития в законодательстве империи.

На практике поземельные отношения в поздней имперской России регламентировались Сводом законов Российской империи, введенным в действие еще в 1835 г. Как особую часть гражданского и административного права разрозненные законодательные акты, касающиеся земельных держаний, уже в первом издании Свода законов старались свести в единый том, но отдельного земельного кодекса, подробно регламентировавшего все стороны российских поземельных отношений в Российской империи, так и не было создано [11. С. 6].

В системе имперских поземельных отношений наиболее уязвимым звеном оказывались российские крестьяне. Главные пользователи российских земель долгое время были совершенно лишены всякой возможности стать правообладателями земельного надела. Такое положение крайне тормозило развитие капиталистических отношений в России, что отлично понимали в верхах. Дать новый импульс развитию российской деревни и страны в целом должны были масштабные аграрные преобразования, подготовленные и инициированные правительством в 40–60-е гг. XIX в.

Правительственные преобразования российской деревни, однако, так и не принесли крестьянам желаемой земельной собственности, внося еще большую неразбериху в вопрос с земельными держаниями. Вопреки чаяниям дворянства частновладельческие крестьяне хоть и получили свободу вместе с наделом, который должны были выкупить в установленный срок, тем не менее

полноправными владельцами своих земель (вплоть до столыпинской аграрной реформы начала XX в.) так и не стали. Фактическое право собственности на землю получила крестьянская община, ставшая в большинстве российских губерний новым субъектом земельных правоотношений. И хотя к началу XX столетия, по оценкам местных комитетов по нуждам сельскохозяйственной промышленности, в непосредственном ведении крестьянских хозяйств находилось почти две трети всех культурных площадей европейской части России, а большая часть остальной земли числилась за ними в аренде [12. С. 1], право распоряжения собственным наделом российский крестьянин фактически не имел. Отдельный домохозяин на деле получал лишь право на обработку выделенного ему земельного участка, в то время как все вопросы юридического характера, связанные с землеустройством и землепользованием, были переданы в ведение общины. В результате, по меткому замечанию современника реформы П.Д. Дюшена, «ни один русский крестьянин-общинник в отдельности <...> действительный плательщик выкупных денег не получил никаких прочных прав на выкупаемую землю» (цит. по: [13. С. 123]).

Отсутствие у российского крестьянина фактических прав на землю усугубилось к концу XIX в. еще и общей проблемой аграрного перенаселения европейской части России. Демографический взрыв конца XIX в. привел к стремительному увеличению численности крестьянского населения и, вместе с тем, к серьезному сокращению среднедушевого надела в целом ряде российских губерний. По оценкам влиятельного экономиста рубежа XIX – начала XX в. А.А. Исаева, в черноземных губерниях империи на одну квадратную версту к концу XIX в. приходилось уже 45–60 человек, что было довольно много для нормального функционирования сельского хозяйства [14. С. 19–20]. Возросшая плотность населения к концу XIX столетия превратилась в довольно серьезную проблему. В наиболее густонаселенных губерниях она фактически сводила на нет площадь крестьянских наделов при семейных и общинных разделах. Существование же чересполосности, в основе которой лежал принцип уравнительного землепользования в общине, когда каждый крестьянин получал не один, а зачастую несколько небольших участков земли в соответствии с качеством почв, еще больше усугубляло обстановку, превращая крестьянские наделы фактически «в пыль». В целом ряде мест, по различным свидетельствам, в поколениях многосемейных дробление земли вообще приводило к невозможности вести хозяйство на тех «ничтожных клочках земли», что достались наследникам [12. С. 4].

Малоземелье, нередко усугублявшееся неравным распределением земель между общинниками, не только вызывало крупные недоразумения между крестьянами, но и приводило к общему росту недовольства царским правительством. Потребность крестьян в земле оказалась настолько серьезной, что сделала к концу XIX в.

аграрный вопрос одной из важнейших проблем российского самодержавия.

Земельные захваты в европейской части России и практики их осуществления. Малоземелье заставляло крестьян изыскивать различные возможности расширения своих обрабатываемых площадей. Самым простым способом расширить площадь собственной запашки было взятие частновладельческих земель в аренду. Между тем стоимость арендной платы за землю к концу XIX в. в черноземных губерниях несколько возросла, что, по мнению специалистов, не соответствовала сельскохозяйственной производительности труда и не оправдывала потраченных усилий и средств [14. С. 19–20]. В этих условиях крестьяне, не решавшиеся в поисках лучшей доли покинуть родину и переселиться в другие регионы, нередко пытались решить проблему собственного малоземелья на свой собственный манер – посредством незаконного присвоения чужой земельной собственности.

Поскольку свободной земли в европейской части России фактически не было, то речь в данном случае шла не об освоении пустующих государственных земель, а о незаконном использовании земельной собственности, принадлежавшей другим лицам. В результате главной «мишенью» незаконных захватов становились чаще всего соседние земельные участки.

На практике незаконный захват соседней земли обычно производился в течение длительного времени и начинался обычно скашиванием пограничной полосы, захватом при распашке соседней скибы (пласт земли, отваливаемый плугом при вспашке. – *Я.Г.*), рубкою хвороста, самовольной пастьбой скота и другими мелкими действиями, постепенно расширяясь и охватывая все более и более широкую полосу за счет отсутствующего или безмолвного соседа. Такие захваты, совершаемые год от года миниатюрными шапками, оказывались очевидными только с течением времени, когда сосед прирезал к своему участку значительную полосу пограничного владения.

Наиболее часто от захватов подобного рода страдали помещичьи владения. Обладая зачастую значительными земельными угодьями и лично не участвуя в обработке собственной земли, помещики чаще всего не были в состоянии вовремя заметить ежегодные мелкие запашки соседних крестьянских хозяйств. И чем больше было земель у помещика, тем труднее было уберечь их от захватов различного рода. Сдавая землю в аренду, их владельцы фактически передавали охрану границ собственных владений на откуп и добросовестность нанимателя, зачастую не особо заинтересованных в проявлении бдительности. В результате при отсутствии сколько-нибудь серьезного надзора крестьяне фактически не упускали возможности для того, чтобы расширить свои поля за счет соседних помещичьих владений. Даже наиболее бдительные помещики не могли застраховать свои владения от подобного рода захватов. Всякие попытки помещика, имеющие целью

оградить свои владения от их незаконного использования проведением канав или приглашением землемеров для разграничения крестьянских и помещичьих земель, нередко наталкивались на серьезное сопротивление крестьян. Так, в Волынской губернии, по сообщениям Волынского комитета по нуждам сельскохозяйственной промышленности, казенные землемеры вообще не решались выезжать на такие работы, поскольку они всегда влекли за собой серьезные беспорядки, волнения и самоуправство крестьян [15. С. 7].

Интересно, что проводившееся в конце XIX в. в 49 губерниях европейской России исследование местных комитетов по нуждам сельскохозяйственной промышленности пришло к выводу о том, что захватам помещичьей земли крестьянами во многом способствовало не только «смутное понятие среди крестьян о неприкосновенности чужой земельной собственности», но и незаконность их земельного устройства, развившая в крестьянах убеждение, что «разные виды права участия их в пользовании помещичьими угодьями представляют лишь переходную ступень к тому времени, когда вся помещичья земля перейдет в их владение» [Там же].

Незаконным захватам земли во многом способствовало и полное отсутствие четких, юридически установленных границ между отдельными владениями в империи. К концу XIX в. межи специального и генерального значения фактически утратили свою значимость, потеряв значительную долю того юридического значения, которое было им присвоено по закону. С течением времени большинство дач генерального межевания, принадлежавших когда-то одним владельцам, перешли в руки других, нередко более мелких собственников, в результате образовав вместо одной окружной межи несколько частных. Что же касается крестьянских наделных владений, то за 40 лет границы наделов, указанные мировыми посредниками при введении уставных грамот, совершенно утратили значение юридических меж, а составленные в 60-х гг. XIX в. чертежи и планы в большинстве случаев не отвечали самым элементарным правилам геодезии и не соответствовали реальным границам отдельных наделов [Там же. С. 4]. Такая неопределенность границ земельных держаний сама по себе уже порождала огромное число самых различных недоразумений, споров и судебных процессов.

Проблема захватного землепользования в европейской части России оказалась к концу XIX в. настолько серьезной, что стала привлекать к себе внимание и царской администрации. В 1903 г. правительством было инициировано изучение данной проблемы по 49 губерниям европейской России. Проведенное исследование, имевшее целью сбор материалов относительно захватного землепользования в различных областях империи и выработку мер по борьбе с ним, показало, что земельные захваты в целом ряде губерний Российской империи стали явлением «совершенно обыденным»,

принимая «характер одного из средств к увеличению площади земельных владений» [15. С. 6]. При этом под «захватом» здесь явно понималась не только незаконная «запашка чужой земли», но также и всякое *самовольное пользование* чужими сенокосами («закосы»), пастбищами («потравы»), лесами («порубки») и другими земельными держаниями, принадлежащими другим лицам [Там же. С. 5].

Особое беспокойство администрации вызывал тот факт, что общее число преднамеренных захватов ширилось год от года, создавая массу проблем для собственников и совершенно не поддаваясь контролю со стороны правительства. Основную причину такого положения дел губернские комитеты по охране земельной собственности усматривали не только «в непреодолимом стремлении крестьянина к приобретению земли хотя бы и самым нелегальным путем», но и серьезных пробелах в законодательстве империи, не способствовавших защите земельной собственности от захватов различного рода.

Земельные захваты и закон. Захват чужой земельной собственности, превратившийся к концу XIX в. в серьезную проблему, на практике оказывался фактически отсутствующей «категорией» в российском праве. В Своде законов Российской империи термина «захват», активно применявшегося губернскими комитетами для описания случаев незаконного пользования чужой земельной собственностью, вообще не существовало. Вместо него в российском законодательстве использовался термин «завладение», под которым понимались самые различные правонарушения, связанные с присвоением как движимого, так и недвижимого имущества других лиц (см.: [16]). И при том эти области российского права оказывались весьма слабо разработанными. Это в полной мере касалось и вопроса о правонарушениях, связанных с использованием чужой земельной собственности.

Выдающийся ученый-юрист, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета И.Я. Фойницкий отмечал, что российскому закону вообще было «неизвестно общего понятия самовольного пользования как наказуемого деяния», а все разъяснения, дававшиеся на этот счет, носили довольно отвлекающий характер [17. С. 414–415]. В российском законе всегда фигурировали довольно размытые, а не конкретные формулировки – пользование «чужим имуществом», проступки «на чужих землях», в «чужих лугах», открывавшие широкий простор для самых различных толкований. Самовольное пользование чужим имуществом в виде общего правила в Российской империи вызывало лишь меры гражданской ответственности ввиду ничтожности степени преступления. Из этого правила исключались лишь правонарушения, особо прописанные в законе и носившие характер наказуемых деяний. Что же касается самовольной запашки чужой земли, то по российскому законодательству она не носила характер наказуемого деяния и

предусматривала лишь гражданскую ответственность [Там же. С. 423].

Подобная необеспеченность правовых отношений в плане пользования землей невольно приводила многих к убеждению, что в поземельных отношениях за отсутствием точно установленных юридических норм можно руководствоваться собственным усмотрением. Последнее обстоятельство открывало широкий простор для захватов и дало повод губернским комитетам по охране земельной собственности констатировать совершенную незащищенность земельной собственности в России от посягательств различного рода.

Безусловно, каждый владелец земельного участка имел возможность обратиться в судебные инстанции и восстановить границы нарушенного владения, однако доказать на практике свое право на землю и привлечь нарушителя к ответственности оказывалось делом довольно сложным и весьма затратным. Интересно, что добрая часть российских землевладельцев вообще не могла доказать своего законного права на владение землей. Документы на право собственности, карты и планы земельных участков были зачастую составлены настолько плохо, что фактически не отвечали своему основному предназначению. Обращая внимание на эту проблему, известный в империи специалист по землеустройству и межеванию И.Е. Герман не без основания называл российскую систему землеустройства крайне отсталой в юридическом плане. По его мнению, отсутствие в стране кадастра, недостоверность официальных и частных земельных планов делали фактически невозможным создание в России четкой системы регистрации земельных прав (см.: [4. С. 28]). Примечательно, что в империи было немало и таких «собственников», кто вообще никаких документов на право владения землей не имел. К последним относились фактически все собственники пригородных селений, приписываемые зачастую к мещанским обществам, но жившие на земле оседло и по своему образу жизни совершенно не отличавшиеся от крестьян. В доказательство своего права собственности большая их часть могла представить лишь свое фактическое владение, которому зачастую могло быть противопоставлено владение ответчика-захватчика [15. С. 17].

Небезынтересно, что такому фактическому владению землей исторически всегда придавали довольно большое значение в России. В стране, где долгое время дефицит свободных земель не ощущался вовсе, именно фактическое владение нередко служило основным доказательством прав собственности на землю. Именно так, явочным характером, в целом складывалось и помещичье землевладение в империи. Общая процедура Генерального межевания и закрепления прав собственности на землю, проведенная при Екатерине II, не потребовала от землевладельцев доказательств законности их владений, в результате чего помещики смогли в большинстве своем легализовать масштабные захваты казенных земель, совершенные ранее [4. С. 28].

В XIX в. фактическое владение хоть и утрачивало свои позиции, постепенно уступая место официальным документам, тем не менее все еще сохраняло свою значимость. Согласно российскому законодательству, иск о восстановлении нарушенного владения должен был быть предъявлен истцом до истечения 6 месяцев с момента захвата. Стоило захватчику успеть провладеть землей в течение этого срока, как он мог на основании своего «фактического владения» смело доказывать свое правообладание захваченным участком земли. На деле такая ситуация зачастую приводила к тому, что собственник, вовремя не успевший заметить захват своей территории, фактически утрачивал свое законное право на обработку принадлежащего ему участка земли. В результате российский закон парадоксальным образом оказывался на стороне пользователя, а не владельца земли, предоставив губернским комитетам по охране земельной собственности повод для совершенно справедливых сетований: «Наш закон смотрит на присвоение чужой движимой собственности как на воровство, на присвоение же земли в каком бы то ни было размере – как на гражданское правонарушение, и захватчик земли именуется уже не вором, а “фактическим владельцем”» [15. С. 6]. Российское самодержавие

отдавало приоритет на владение землей тому, кто ее обрабатывал, и по большому счету ему было не особенно важно, каким образом была получена эта земля.

Во второй половине XIX – начале XX в. для европейской части Российской империи захват земельной собственности оказался во многом явлением привычным и довольно обыденным. Поскольку свободной земли в центральных областях империи уже практически не было, то под захватом здесь понимался скорее «передел» уже существующих отношений собственности или самовольное пользование земельными богатствами, принадлежащими другим лицам. Возможными такие захваты делали как неопределенность прав собственности на землю, так и пробелы в законодательной базе империи, со всей очевидностью проявившиеся в конце XIX в. Парадоксальность ситуации, сложившейся в это время в России, заключалась в том, что поземельные отношения, перешедшие на новую стадию развития после 1861 г., оказались диссонансом по отношению к слабо разработанной системе российского земельного права, открыв широкий простор для различного рода злоупотреблений и остро поставив на повестку дня вопрос о земельной собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ландарь И.А. Аграрная политика государства в отношении казачества восточных окраин России на рубеже XIX–XX веков // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 2 (51). С. 195–199.
2. Польская Е.В. К вопросу о захватном землевладении на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Наука и образование в жизни современного общества : сб. науч. тр. Тамбов, 2012. С. 122–123.
3. Польская Е.В., Стасюкевич С.М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4, № 3. С. 91–101.
4. Христофоров И.А. От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства // Российская история. 2011. № 4. С. 27–43.
5. Христофоров И.А. Между частным и казенным: крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // Российская история. 2011. № 2. С. 93–109.
6. Белянин Д.Н. Предпосылки и характер индивидуализации крестьянского землевладения в Западной Сибири в начале XX в. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 1 (38). С. 120–126.
7. Гарбуз И.В. Земельные отношения в Забайкальской области во второй половине XIX в. // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. С. 31–39.
8. Польская Е.В. Землевладение и землепользование казаков на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 2(28). С. 119–121.
9. Masoero Alberto Layers of property in the tsar's settlement colony: projects of land privatization in Siberia in the late nineteenth century // Central Asian Survey. 2010. Vol. 29, № 1. P. 9–32.
10. Езжева М.Н. Понятие права собственности на землю в российском законодательстве XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. № 1. С. 5–9.
11. Илюшина Т.В. Особенности формирования земельного права в России // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2010. № 4. С. 3–8.
12. Крестьянское землепользование. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России / сост. А.А. Риттих. СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. 117 с.
13. Владимиров С.М. Особенности правового статуса сельской общины как субъекта земельного права в Российской империи в середине XIX – начале XX в. // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 2 (20). С. 121–125.
14. Исаев А.А. Переселение в русском народном хозяйстве. СПб. : Изд. А.Ф. Цинзерлинга, 1891. 192 с.
15. Земельные захваты и межевое дело. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России / сост. С.И. Шидловский. СПб., 1904. 171 с.
16. Устав о судопроизводстве и взысканиях межевых // Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Т. 10, Кн. 3. С. 151–222.
17. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательство на личность и имущество. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1893.

Guzei Iana S. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: guzeiana@mail.ru

TO THE QUESTION OF SEIZURE OF LAND IN THE EUROPEAN PART OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES.

Keywords: using land; seizure of lands; land relations; land ownership; land surveying.

The article is devoted to analyzing practices of seizure of lands in the European part of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries. The task is to analyze what was understood under the “seizure of lands” in late Imperial Russia, and what kind of violation of rights of ownership of land was regarded as a “seizure”. Based on the materials of the committees on development of the

agricultural industry and the works of experts about land relations in late Imperial Russia, the author emphasizes on the features of seizure and using land in the European part of the country. The author shows, that in the second half of XIX – early XX centuries illegal using of other people's land became common practice in the central part of the Russian Empire. Its main target was the neighboring area. In reality, the seizure was for quite a long time, gradually expanding and covering much wider strip of neighboring land. These miniature seizures became obvious only over time, when the neighbor attached considerable strip of the adjacent land to his own land. Landlords suffered from such kind of actions. They were not working on their own land, they were not able to notice the small seizure of neighboring farms. By the end of the nineteenth century, this problem was so serious that began to attract the attention of the Royal administration, which initiated in 1903 the research of this problem in 49 provinces of the European Russia. Meanwhile, a seizure of lands was virtually an absent "category" in Russian law. Until the fall of the Empire in 1917 the term "seizure" did not appear in the Russian legislation. Plowing other people's land was mentioned in the article about the unauthorized use someone else's land property and there were not punishment for these actions on Russian law. In addition, in Russia the "actual" possession of the land was more significant, than the legal possession of the land. Those who managed illegally use the lands belonged to other people for 6 months or more could claim their rights on treated areas. As a result, the concept of land ownership was the uncertain category in the Empire. Based on the conducted research the author came to the conclusion that land ownership was not protected from various kinds of the seizure, which in the European part of Russia were regarded as unauthorized using of the land resources belonging to others. Such seizures were feasible because of the uncertainty of the rights of land ownership and deficiency of law of the Empire, clearly manifested in the late XIX century.

REFERENCES

1. Landar, I.A. (2010) Agrarnaya politika gosudarstva v otnoshenii kazachestva vostochnykh okrain Rossii na rubezhe XIX – XX vekov [The state agrarian policy towards the Cossacks in the eastern border regions of Russia at the turn of the 20th century]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2(51). pp. 195–199.
2. Polskaya, E.V. (2012) [On the issue of land-grabbing tenure in the Far East in the late 19th – early 20th centuries]. *Nauka i obrazovanie v zhizni sovremennogo obshchestva* [Science and Education in Modern Society]. Proc. of the International Conference. Tambov: Biznes-Nauka-Obshchestvo. pp. 122–123. (In Russian).
3. Polskaya, E.V. & Stasyukevich, S.M. (2012) Private land ownership in the Russian Far East in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University* ty. 4(3). pp. 91–101. (In Russian).
4. Khristoforov, I.A. (2011) Ot Speranskogo do Stolypina: krest'yanskaya reforma i problema zemleustroystva [From Speranskii to Stolypin: The Peasant Reform and the problem of land]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 27–43.
5. Khristoforov, I.A. (2011) Mezhdru chastnym i kazennym: krest'yanskaya reforma v gosudarstvennoy derevne, liberal'naya doktrina i spory o sobstvennosti [Between private and state-owned: The Peasant Reform in the state village, liberal doctrine and property disputes]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 93–109.
6. Belyanin, D.N. (2005) Predposylki i kharakter individualizatsii krest'yanskogo zemlevladieniya v Zapadnoy Sibiri v nachale XX v. [The background and nature of the individualisation of peasant land tenure in Western Siberia in the early 20th century]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik of Kuzbass State Technical University*. 1(38). pp. 120–126.
7. Garbuz, I.V. (2011) Land Relations in Transbaikalian Region in the Second Half of the 19th century. *Gumanitarnyy vector – Humanitarian Vector*. 3. pp. 31–39. (In Russian).
8. Polskaya, E.V. (2014) Zemlevladienie i zemlepol'zovanie kazakov na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX- nachale XX vv. [Land tenure and use by the Far East Cossacks in the late 19th – early 20th century]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(28). pp. 119–121.
9. Masoero, A. (2010) Layers of property in the tsar's settlement colony: projects of land privatisation in Siberia in the late 19th century. *Central Asian Survey*. 29(1). pp. 9–32. DOI: 10.1080/02634931003765498
10. Ezzheva, M.N. (2010) Ponyatie prava sobstvennosti na zemlyu v rossiyskom zakonodatel'stve XIX v. [The concept of land tenure in the Russian 19th-century legislation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov – RUDN Journal*. 1. pp. 5–9.
11. Ilyushina, T.V. (2010) Osobennosti formirovaniya zemel'nogo prava v Rossii [Land law formation in Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Geodeziya i aerofotos"emka – Izvestiya Vuzov. Geodesy and aerophotography*. 4. pp. 3–8.
12. Rittikh, A.A. (ed.) (1903) *Krest'yanskoe zemlepol'zovanie. Osoboe soveshchanie o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. Svod trudov mestnykh komitetov po 49 guberniyam evropeyskoy Rossii* [The peasant land. A special meeting devoted to the agricultural industry needs. The works by local committees on 49 provinces of European Russia]. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum.
13. Vladimirov, S.M. (2016) Osobennosti pravovogo statusa sel'skoy obshchiny kak sub"ekta zemel'nogo prava v Rossiyskoy imperii v seredine XIX-nachale XX v. [The legal status of rural communities as the subject of land law in the Russian Empire in the mid-19th – early 20th centuries]. *Vestnik samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2(20). pp. 121–125.
14. Isaev, A.A. (1891) *Pereselenie v russkom narodnom khozyaystve* [Resettlement in the Russian economy]. St. Petersburg: A.F. Tsinzerling.
15. Shidlovskiy, S.I. (1904) *Zemel'nye zakhvaty i mezhevoe delo. Osoboe soveshchanie o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. Svod trudov mestnykh komitetov po 49 guberniyam evropeyskoy Rossii* [Land grabbing and land surveying. A special meeting devoted to the agricultural industry needs. The works by local committees on 49 provinces of European Russia]. St. Petersburg: [s.n.].
16. Russia. (1857) *Ustav o sudoproizvodstve i vzyskaniyakh mezhevykh* [The Charter of the legal proceedings and survey penalties]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 10(3). St. Petersburg: Second Branch of His Imperial Majesty's Office. pp. 151–222.
17. Foynitskiy, I.Ya. (1893) *Kurs ugolovnoy prava. Chast' osobennaya. Posyagatel'stvo na lichnost' i imushchestvo* [Criminal Law. Special Part. Offence against person and property]. St. Petersburg: Stasyulevich.

УДК 37:947 (571.54)
DOI 10.17223/19988613/45/2

Д.Н. Дамбаев

РАЗВИТИЕ ВНЕШКОЛЬНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XX в.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ректората
Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова Г – 16.*

Статья посвящена развитию внешкольного сельскохозяйственного образования в Байкальском регионе в начале XX в. Проводя аграрную политику, правительство искало разные пути модернизации сельского хозяйства, одним из которых являлось внешкольное сельскохозяйственное образование. В связи с недостатком профессиональных сельскохозяйственных образовательных учреждений широкое распространение получило внешкольное образование, осуществляемое через такие формы, как публичные чтения, беседы, лекции. Рассмотрена деятельность агрономической организации по трансляции в крестьянскую среду аграрно-научных знаний. Дан краткий историографический обзор по теме исследования.

Ключевые слова: внешкольное образование; Байкальский регион; агрономическая организация; Иркутская губерния; Забайкальская область.

В отечественной историографии все чаще предпринимаются попытки осветить историю сельскохозяйственного образования во второй половине XIX – начале XX в. Гораздо меньше изучена история распространения сельскохозяйственных знаний внешкольным путем. В этой связи представляет интерес работа Е.М. Чедуровой о развитии агрономической службы в Сибири в конце XIX – начале XX в. Агрономы проводили в регионе передвижные агрономические выставки, краткосрочные курсы, беседы и встречи, на которых объяснялась значимость опытных работ для повышения плодородия земли, давались практические советы по освоению агротехнических новшеств, что, в свою очередь, способствовало расширению посевных площадей и росту производства товарного хлеба. Автор подчеркивает, что роль дореволюционной кооперации в организации сельскохозяйственного производства, пропаганды и внедрения новых аграрных технологий была весьма значительна.

Особое внимание уделено деятельности сельскохозяйственных опытных участков. Отмечается, что устройство опытных полей наглядно убеждало крестьян в пользе удобрений, усовершенствованных приемов ведения хозяйства и в создании образцовых ферм для населения, занятого в скотоводстве. Недостатком работы является то, что автор затрагивает проблемы только Западной Сибири, оставляя без внимания территорию Восточной Сибири [1].

Внешкольное сельскохозяйственное образование исследует М.Д. Книга. Автор анализирует деятельность правительства в области аграрной пропаганды среди населения России, знакомит с работой Департамента земледелия по внедрению среди крестьян аграрно-научных знаний, отмечает, что в условиях неграмотности и патриархальной агрокультуры большинства крестьянского населения Департамент искал более доступные и в то же время менее затратные пути решения

данной проблемы. Подчеркивается, что такие пути были найдены в проведении публичных лекций, бесед, чтений, создания показательных участков и полей и других мероприятий, которые доходчиво объясняли сельским жителям преимущества использования передовых аграрных технологий и новой техники [2].

Также необходимо выделить работу Е.В. Севастьяновой. Её статья посвящена народным чтениям в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. Анализируя внешкольное образование через такие формы, как народные публичные чтения и лекции в Иркутской губернии и Забайкальской области, она рассматривает деятельность правительства и различных обществ в организации народных чтений [3]. Однако за рамками исследования остались вопросы по устройству сельскохозяйственных курсов, чтений, бесед в Восточном Забайкалье.

Историографический анализ позволяет сделать вывод, что история внешкольного сельскохозяйственного образования в начале XX в. в отечественной историографии недостаточно изучена. Нет ни одного монографического исследования по истории пропаганды аграрных знаний внешкольным путем как в Сибири в целом, так и в Байкальском регионе в частности. История внешкольного сельскохозяйственного образования требует дальнейшего исследования.

К началу XX в. в России продолжала складываться система профессионального образования, в том числе и сельскохозяйственного. К 1913 г. действовали 307 сельскохозяйственных учебных заведений, из них с правами высших и средних – 28, остальные 279 – низшие сельскохозяйственные школы разного типа [4. С. 585]. В Байкальском регионе, в территорию которого в начале XX в. входили Иркутская губерния и Забайкальская область, действовали только два сельскохозяйственных учебных заведения. Первое – Иркутская низшая сельскохозяйственная школа, основанная в

1898 г. в селе Жердовка Иркутского уезда, второе – Нерчинская сельскохозяйственная школа 2-го разряда, которая была основана в 1913 г. В связи с недостатком специальных учебных заведений широкое распространение получила пропаганда сельскохозяйственных знаний внешкольным путем, чему способствовало развитие капитализма в Сибири. Проведение Транссибирской железнодорожной магистрали ускорило распространение товарно-денежных отношений, дало толчок к развитию торговли, увеличило переселенческий поток, способствовало расширению внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции. Основными потребителями сельскохозяйственной продукции на тот момент являлись промышленные предприятия и растущее городское население. Так, на нужды золотодобывающей промышленности ежегодно требовалось 75 тыс. пудов мяса, а винокуренные заводы только Западного Забайкалья закупали более 800 тыс. пудов хлеба [5. С. 239]. Скотоводы региона поставляли значительную часть своей продукции интендантству для нужд армии в период Русско-японской войны. В связи с ростом товарности сельскохозяйственной продукции увеличиваются площади посева зерновых и картофеля. Так, если в 1901 г. площадь посевов в Иркутской губернии составляла 347,2 тыс. дес., а в Забайкальской области – 327,6 тыс. дес., то к 1916 г. она увеличилась до 410,4 тыс. дес. в Иркутской губернии и до 457,7 тыс. дес. в Забайкальской области [Там же. С. 238].

В результате развития товарно-денежных отношений, увеличения ёмкости рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, роста посевных площадей и переселенческой политики государства в регионе увеличилось количество крестьянских хозяйств. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в период с 1897 по 1916 г. общее число хозяйств в Забайкальской области увеличилось на 29% [Там же. С. 237]. В этих условиях улучшение методов ведения сельского хозяйства с целью повышения доходности, как в земледелии, так и в скотоводстве среди крестьян, имело большое значение. Основная масса населения, среди которого были русские, буряты и тунгусы, около 90%, проживала в сельской местности и занималась сельским хозяйством. В начале XX в. на территории Байкальского региона проживали: русских – 825 тыс. чел., бурят – 288 тыс. чел., тунгусов – 32,5 тыс. чел. [Там же. С. 296].

Проводя аграрную политику, правительство искало разные направления модернизации сельского хозяйства. Одним из таких путей являлось внешкольное сельскохозяйственное образование. Необходимо отметить, что процесс внедрения аграрных знаний в крестьянскую среду проходил «сверху», т.е. осуществлялся государством. Позже инициативу проявили агрономические организации, со стороны крестьянского населения инициатива была совсем незначительна. Это объясняется тем, что уровень образования населения в начале XX в. был низким, слабо развита система

школьного образования. Так, по данным однодневной школьной переписи 1911 г., одна школа приходилась: в Иркутской губернии – на 1 608 человек, в Забайкальской области – на 1 379. Из каждой тысячи человек учились в школе: в Иркутской губернии – 41, а в Забайкальской области – 32 [6. С. 362]. Результат неграмотности населения проявлялся в патриархальности агрономической культуры, в недоверии к внедрению более новых методов ведения хозяйства. Учитывая эти условия, правительство начинает разработку проекта по пропаганде аграрного образования, опираясь на отчеты регионов страны. Об этом свидетельствует разосланный циркуляр Главным управлением землеустройства и земледелия, в котором сообщалось о необходимости предоставления отчетных данных о проводимых курсах, чтениях, беседах по сельскому хозяйству для координации дальнейших действий по развитию внешкольного сельскохозяйственного образования.

Координация образовательно-просветительской деятельности по пропаганде аграрно-научных знаний возлагалась на Департамент земледелия при Министерстве земледелия и государственных имуществ. Министерство было образовано из Министерства государственных имуществ в соответствии с «Высочайше утвержденным Учреждением Министерства Земледелия и Государственных Имуществ» от 21 марта 1894 г. [1. С. 309]. Позже, в 1906 г., новое министерство преобразуется в Главное управление землеустройства и земледелия. В функции нового ведомства входили: управление сельским хозяйством, руководство землеустройством и землепользованием, подготовка и проведение в жизнь аграрных законов и т.д. В связи с преобразованием министерства и переноса центра тяжести на развитие аграрного сектора по всей стране широкое распространение получает внешкольное сельскохозяйственное образование, которое координирует правительственная агрономическая организация при Департаменте земледелия.

В Иркутской губернии и Забайкальской области агрономическая организация Департамента земледелия создается с целью повышения производительности сельского хозяйства и улучшения жизни населения путем развития агрономии, введения опытных хозяйств, распространения сельскохозяйственных знаний. Руководящим органом агрономической организации было агрономическое совещание, которое возглавлял губернатор, заместителем являлся заведующий землеустройством и переселенческими делами, в состав входили начальник управления земледелия и государственных имуществ, правительственный агроном и др. [7. Л. 189–190]. Наряду с этим территория региона была разделена на агрономические районы, которые, в свою очередь, подразделялись на более мелкие сельскохозяйственные единицы – подрайоны. Во главе первых стояли агрономы, во главе вторых – инструкторы по сельскохозяйственной части. Так, к 1909 г. в Сибири

было 8 правительственных агрономов, 5 старших агрономов, 8 инструкторов сельского хозяйства, 5 техников сельского хозяйства и один техник по льноводству [1. С. 197]. В дальнейшем с развитием агрономической службы число специалистов увеличивалось. К 1923 г. в Бурят-Монгольской АССР из 68 специалистов сельского хозяйства было 7 агрономов, 1 зоотехник, 41 ветеринарный работник [8. С. 75].

С появлением агрономической организации в регионе увеличивается число проводимых лекций и чтений по аграрным знаниям. Началась повсеместная работа агрономов и инструкторов сельского хозяйства. Об этом свидетельствуют отчеты правительственных агрономов о проделанной работе. Некоторые из них отличаются достаточно подробными сведениями. Среди них следует отметить отчет правительственного агронома Ингодино-Акшинского района Забайкальской области Н.С. Иконникова за 1912 г. В нем сообщается о природно-климатических условиях района, составе и численности населения, состоянии сельского хозяйства. Н.С. Иконников пишет, что земледелие ведется на примитивном уровне, огородничество и скотоводство развито слабо, в основном ведется для собственного потребления. Далее приводятся данные по самим курсам. Говорится, что было поручено устроить курсы по скотоводству и молочному хозяйству в п. Чиндат Акшинского уезда. Лекторами были: по молочному хозяйству – инструктор молочного хозяйства И.Ф. Микулко, по ветеринарии – ветеринарный врач И.Г. Мармышев, занятия по скотоводству вел сам Н.С. Иконников. Занятия проводились как теоретические, так и практические. В целом на курсы записалось 26 человек: 3 инородца Цугольской волости, 1 мещанин, остальные 22 человека – представители казачества. Было отмечено, что курсисты проявили большой интерес к данному мероприятию и высказали мнение о необходимости дальнейшего устройства таких курсов [9. Л. 1–7].

В этом же году были проведены месячные курсы по скотоводству и молочному хозяйству, а также двухнедельные курсы по пчеловодству в с. Олинском и п. Новый Цурухайтуй Читинского уезда. Организовать курсы поручили районному агроному И.Д. Добровольскому при содействии земского инструктора молочного хозяйства К.Л. Андржеевского, техника маслоделия К.К. Уденса и местного ветеринарного врача Г.П. Попова. Занятия велись как теоретические, так и практические. На теоретические занятия было потрачено 55 часов, на практические – 161 час. Курсистов записалось 15 человек разного возраста: 9 человек от 16 до 20 лет, 3 чел. от 20 до 25, один 30 и один 50 лет [10. С. 152]. По роду занятий большинство из них являлось земледельцами и скотоводами, один торговец, два сельских учителя и один священник. Курсы были оснащены необходимыми наглядными пособиями. По скотоводству были различные плакаты по уходу, кормлению и содержанию ско-

та, по молочному делу – плакаты по составу молока, артельному маслоделию. Кроме того, для проведения курсов использовались портативная маслодельня и молочная лаборатория. Для курсов по ветеринарии были приобретены разборная модель, схема кровообращения, плакаты с изображениями внутреннего строения пищеварительных органов жвачных, несколько ветеринарных приборов: термометры, один стетоскоп [11. С. 155].

Организация краткосрочных курсов и лекций оказывала положительное влияние на крестьян. Об этом свидетельствуют проходившие курсы в с. Зюльзя Нерченского уезда. Курсы велись по вопросам работы артельного завода и артельных лавок, по окончании которых курсисты открыли у себя в уезде артельную лавку. Проводимые районным агрономом В.П. Фатеевым в Кабанске Селенгинского уезда курсы по очистке семян, травосеянии и о потребительском обществе дали также положительный результат: крестьяне приобрели 30 пудов вики и открыли потребительское общество. Положительный результат дали и курсы по пчеловодству, проводимые агрономом И.Д. Добровольским в г. Чите. Слушатели, состоявшие из народных учителей, по окончании курсов завели у себя пасеки [Там же. Л. 34–36].

Аналогичные курсы по разным отраслям сельского хозяйства организовывались и в других районах Забайкальской области. Так, курсы проходили в разных населенных пунктах Верхнеудинского, Читинского, Акшинского и Нерчинского уездов [Там же].

Широкое распространение получили сельскохозяйственные чтения по разным отраслям сельского хозяйства в разных уездах Иркутской губернии. Так, в 1914 г. в Нижнеудинском уезде чтения организовали два правительственных агронома. Чтения велись по 15 темам, общее количество часов – 108. За весь период курсы посетили 775 слушателей. Как отмечалось в отчете агрономической службы, «слушатели проявили большой интерес к проводимым курсам» [12. Л. 6]. Примерно одинаковое количество чтений прошло в Киренском уезде с одинаковым количеством отведенного времени 108 часов. В Балаганском уезде было проведено 35 чтений с отведенным на них временем в количестве 173 часов [Там же. Л. 5]. Правительственные агрономы Верхленского уезда организовали 132 чтения по 35 различным темам, привлекли большую аудиторию слушателей в количестве 5 354 человек. Согласно отчету по проведенной работе агрономов Верхленского уезда, «в прошлом 1913 г. число слушателей было намного меньше <...> видно, что население проявляет большой интерес к проводимым чтениям» [Там же. Л. 9].

В целом по Иркутской губернии чтения велись по разным предметам: естествознание, полеводство, сельскохозяйственные орудия и машины, вредители сельскохозяйственных растений, луговое хозяйство, молочное хозяйство и животноводство, птицеводство, пчеловод-

ство, ветеринария, огородничество, общественное хозяйство, кооперация. Сразу после окончания чтений начинались беседы, обычно между самими слушателями. Как отмечалось в отчёте агрономической организации Иркутской губернии, «чтения, возбуждая интерес слушателей, заставляют их обращать свое внимание на такие вопросы, которые раньше иным совсем не приходили в голову или считались другими обыденными явлениями, не заслуживающими серьезного внимания и живого интереса» [13. С. 27].

Согласно плану агрономической организации по улучшению методов ведения сельского хозяйства, кроме проведения курсов, чтений и бесед предусматривалось развитие опытно-показательных полей и станций с целью оказания местному населению агрономической помощи. К ним необходимо отнести Баяндаевское опытное поле и Тулунскую опытную станцию в Иркутской губернии. Основателем, в последующем и директором был Писарев Виктор Евграфович (1882–1972) – биолог, генетик и специалист по селекции растений. Им были выведены новые сорта сельскохозяйственных растений, которые получили широкое распространение в Сибири и приносили устойчивые урожаи: озимая рожь «Тулунская» зелёнозерновая, яровая пшеница «Балаганка», яровой ячмень «Червонец», овёс «Тулунский». Он отмечал: «...всякий практический хозяин по опыту знает, какое важное значение имеет посевной материал. Растение, тот или иной его сорт играют в полеводстве большую роль, принося хозяину и насущный хлеб, и денежный доход, поэтому значение посевного материала, как фактора, влияющего на высоту урожая, громадно» [14. С. 3]. Организация опытного поля и станции внесла значительный вклад в развитие ведения земледелия среди населения региона и Сибири в целом.

В начале XX в. элементы внешкольного сельскохозяйственного образования встречаются в общеобразовательных учреждениях. Так, в 1904 г. директор народных училищ Забайкальской области П. Рябинин рассылает циркуляр в училища, где, в частности, было сказано: «...кто из учителей желал бы устроить сад, огород при своей школе или училище <...> сколько для этого имеется земли и средств <...> какие овощи и растения подходят к посадке в данной местности...» [15. Л. 27]. Организовать пришкольный участок решил учитель Баргузинского приходского училища В. Шубин. Для этих целей было выделено $\frac{1}{4}$ десятины земли, нашлись денежные средства в размере 240 руб., в основном пожертвованные местными жителями. На участке выра-

щивали картофель, капусту, огурцы, редьку, редиску, тыкву, брюкву, салат, морковь, лук репчатый [Там же. Л. 47 об.]. В 1881 г. Училищный совет при Синоде ввел в церковно-приходских школах преподавание «начал сельскохозяйственных знаний», уделяя «особое внимание садоводству и огородничеству». Каждая церковно-приходская школа в стране должна была иметь небольшой пришкольный участок. В Забайкальских школах такое встречалось нечасто. Так, например, учительница из с. Куранжа Е. Каменская открыла пасеку и работала на ней с учениками. Законоучитель, священник с. Зюльзя Н. Титов, учитель В. Демидов из Полканово организовали школьные огороды. Хорошим огородом располагала школа с. Топки, на огороде возделывались различные овощные культуры [Там же. Л. 82]. В 1899 г. лишь в 124 одноклассных и 18 двухклассных церковно-приходских школах, как отмечалось в обер-прокурорском отчете, «велись показательные сельскохозяйственные занятия с учащимися» [Там же. Л. 83]. В Забайкалье только в пяти церковно-приходских школах были пришкольные участки [16].

Таким образом, в начале XX в. в Байкальском регионе из-за недостатка специальных сельскохозяйственных образовательных учреждений широкое распространение получила пропаганда аграрных знаний внешкольным путем. Агрономическая организация была основным инициатором устройства сельскохозяйственных курсов. Так, в Иркутской губернии к 1914 г. были проведены 249 чтений с охватом 8 703 слушателей, в Забайкальской области соответственно 173 и 4 856 (подсчет наш по: [11. Л. 3–11]). Успешному развитию внешкольного сельскохозяйственного образования препятствовал низкий уровень грамотности сельского населения, поэтому сельскохозяйственные курсы велись в наиболее доступной форме, охватывая разновозрастную аудиторию, в виде лекций, чтений и бесед. В начале XX в. пропаганда аграрных знаний осуществлялась через деятельность опытно-показательных полей и станций, на которых демонстрировались достижения агрономической науки: новая агротехника и орудия труда, более эффективные методы ведения земледелия и скотоводства. Элементы внешкольного сельскохозяйственного образования встречались и в работе пришкольных участков, открытых в высших начальных училищах и церковно-приходских школах. Благодаря начавшейся работе по пропаганде аграрных знаний внешкольным путем была частично решена проблема патриархальности агрономической культуры и внедрения новой агротехники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чедурова Е.М. Западносибирская кооперация в период реформ и революции начала XX века: идеология, законодательство, агротехнологии / Е.М. Чедурова. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 272 с.
2. Книга М.Д. Первые шаги Министерства земледелия и государственных имуществ в сфере сельскохозяйственного просвещения в Российской империи в 90-х годах XIX века // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2015. № 4 (47). С. 309–313.
3. Севастьянова Е.В. Народные чтения в досуговой сфере сельского населения Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 392–401.
4. Днепров Э.Д. Российское образование в XIX – начале XX века: в 2 т. М., 2011. Т. 1. Политическая история Российского образования. 648 с.
5. История Бурятии: в 3 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. II. XVII – начало XX в. 624 с.: ил.

6. Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ : Бурят. книж. изд-во, 1972. 490 с. Т. 1 / отв. ред. Е.М. Залкинд, Н.В. Ким, Т.М. Михайлов.
7. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 320. Оп. 1. Д. 1.
8. Народное хозяйство Бурятской АССР за 60 лет (1923–1983 гг.) : юбил. стат. сб. Улан-Удэ, 1983. 146 с.
9. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1(с.х.). Д. 36.
10. Труды Забайкальского областного агрономического совещания за 1914 год. Чита, 1915.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 176. Оп. 1. Д. 2056.
12. ГАИО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 17.
13. Отчет агрономической организации Иркутской губернии за 1914 год. Иркутск, 1914. 54 с.
14. Писарев В.Е. Семенной материал крестьянских хозяйств. Отчет по обследованию крестьянских хозяйств за 1913–1914 гг. Иркутск, 1915. 148 с.
15. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 266. Оп. 1. Д. 44.
16. Косых В.И. Забайкальская епархия накануне и в годы Первой российской революции. Чита, 1999.

Dambaev Dmitry N. The Buryat State Academy of Agriculture named after Philippov V.R. (Ulan-Ude, Russia). E-mail: dima.dambaev92@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF THE NON-SCHOLASTIC AGRICULTURAL EDUCATION IN THE BAIKAL REGION IN THE EARLY XX CENTURY.

Keywords: non-scholastic agricultural education; the Baikal region; agronomic organization; the Irkutsk province; the Trans-Baikal area.

In the early XX century the increasing necessity of the literate population that was engaged in the agriculture and the lack of agricultural educational institutions made it possible to provide rapid development of non-scholastic agricultural education. The main objective of the article is to present all variety of non-scholastic educational forms existed in the Baikal region. These forms included lectures, readings, panel sessions hold by governmental agronomists and advisors in agriculture, opening of the experimental fields, arrangement of school grounds in the parochial schools. The work is based on the unpublished documents of the State Archive of the Irkutsk region (fund 176 – Administration of the Irkutsk region and the Trans-Baikal area's governmental property; fund 178 – the Irkutsk governorate governmental agronomist), The State Archive of the Trans-Baikal area (fund 1, list 1 (agriculture) – the Trans-Baikal regional Authority; fund 320 – the Trans-Baikal regional agronomic organization of the Department of Agronomy), the State Archive of the Republic of Buryatia (fund 266 – Barguzin and Buryat parochial training school). The published materials are: the report of the Irkutsk Province's agronomic organization for 1914, works of the Trans-Baikal agronomic council for 1914, the report of Pisarev E.V. on maintenance of the peasant farms for 1913–1914. Non-scholastic propaganda of the agricultural knowledge got a wide spread occurrence due to the introduction of the agricultural organization in the region. The latter started establishing experimental fields and agricultural courses. Governmental agronomists, advisors in agriculture organized lectures, readings and panel discussions on various spheres of agriculture throughout the Irkutsk province and the Trans-Baikal area. So, in the Irkutsk province by 1914 there were 249 lections with the audience of 8703 listeners, on the Trans-Baikal area the number of lections was 173 and quantity of listeners was 4856 respectively. In conclusion, non-scholastic agricultural education in the Baikal region in the early XX century started with the promotion of new agricultural equipment and achievement of experimental fields, with new plants, breeds of livestock and new agricultural tools. At the same time a rather low level of literacy of rural population, the lack of sufficient number of high-qualified specialists in agriculture made the process of the successful implementation of non-scholastic agricultural education quite difficult.

REFERENCES

1. Chedurova, E.M. (2014) *Zapadnosibirskaya kooperatsiya v period reform i revolyutsii nachala XX veka: ideologiya, zakonotvorchestvo, agrotekhnologii* [West Siberian cooperation between the reform and revolution of the early 20th century: Ideology, legislation, agricultural technologies]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.
2. Kniga, M.D. (2015) The initiatory steps of the Ministry of Agriculture and State Property in the sphere of agricultural education in the Russian empire in the late 19th century. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Vestnik of Voronezh State Agrarian University*. 4(47). pp. 309–313. (In Russian).
3. Sevastyanova, E.V. (2013) People's lecturing in East Siberian rural population's leisure in the late 19th – early 20th centuries. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskyy ezhegodnik*. pp. 392–401.
4. Dneprov, E.D. (2011) *Rossiyskoe obrazovanie v XIX – nachale XX veka: v 2-kh t.* [Russian education in the 19th – early 20th centuries. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Marios.
5. Bazarov, B.V. (ed.) *Istoriya Buryatii: v 3-kh t.* [History of Buryatia. In 3 vols]. Vol. 2. Ulan-Ude: SB RAS.
6. Zalkind, E.M., Kim, N.V. & Mikhaylov, T.M. (eds) (1972) *Ocherki istorii kul'tury Buryatii* [Studies on the History of Culture of Buryatia]. Vol.1. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. *The State Archives of the Transbaikalian Territory (GAZK)*. Fund 320. List 1. File 1.
8. *Narodnoe khozyaystvo Buryatskoy ASSR za 60 let (1923–1983 gg.)* [The national economy of the Buryat Republic for 60 years (1923–1983)]. (1983) Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. *The State Archives of the Transbaikalian Territory (GAZK)*. Fund 1. List 1. File 36.
10. Transbaikalian Regional Agronomic Board. (1915) *Trudy Zabaykal'skogo oblastnogo agronomicheskogo soveshchaniya za 1914 god* [Proceedings of the 1914 Transbaikalian Regional Agronomic Meeting]. Chita.
11. *The State Archives of Irkutsk Region (GAIO)*. Fund 176. List 1. File 2056.
12. *The State Archives of Irkutsk Region (GAIO)*. Fund 178. List 1. File 17.
13. Irkutsk Agronomic Organisation. (1915) *Otchet agronomicheskoy organizatsii Irkutskoy gubernii za 1914 god* [The report of Irkutsk agronomic organisation for 1914]. (1914) Irkutsk.
14. Pisarev, V.E. (1915) *Semennoy material krest'yanskikh khozyaystv. Otchet po obsledovaniyu krest'yanskikh khozyaystv za 1913–1914 gg.* [Seed grains of peasant farms. The report on the survey of farms for 1913–1914]. Irkutsk.
15. *The State Archives of the Republic of Buryatia*. Fund 266. List 1. File 44.
16. Kosykh, V.I. (1999) *Zabaykal'skaya eparkhiya nakanune i v gody pervoy rossiyskoy revolyutsii* [The Transbaikalian Diocese before and during the first Russian revolution]. Chita: Transbaikalian State Pedagogical University.

УДК 94 (470+571) «1914–1918»
DOI 10.17223/19988613/45/3

О.М. Долидович

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О СЕМЬЯХ ПРИЗВАННЫХ СОЛДАТ В 1914–1917 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ БАРНАУЛЬСКОГО УЕЗДА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Исследуется деятельность городских и волостных попечительств о семьях солдат в 1914–1917 гг. на материалах Барнаульского уезда Томской губернии. На основе анализа местной дореволюционной периодической печати, документов Государственного архива Алтайского края выявлены источники финансовых поступлений, состав сотрудников, виды оказываемой помощи и направления работы. Автор отмечает, что семьи солдат испытывали низкий уровень доверия к сотрудникам попечительств, поскольку воспринимали их в качестве государственных служащих, были слабо информированы об их деятельности. Следствием этого стали высокая конфликтность в отношениях между попечителями и опекаемыми, острая кадровая проблема, слабая работа по привлечению благотворительных средств. В течение всего военного периода попечительства испытывали организационные, финансовые трудности, что обусловило их неустойчивость, быстрый переход в кризисное состояние.

Ключевые слова: Барнаул; Первая мировая война; попечительства о семьях призванных; Томская губерния.

В начале XX в. одним из важнейших направлений внутренней политики Российской империи было формирование системы социального обеспечения семей военнослужащих. 25 июня 1912 г. вышел закон «О призрении семейств нижних чинов, находящихся на действительной службе, в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружинах», который определил категории лиц, подлежащих обеспечению, условия предоставления казенного пособия. Вопросы, связанные с практической реализацией этого закона, правительство возложило на органы местного самоуправления.

В годы Первой мировой войны большую часть работ по обследованию имущественного положения и состава семей призванных, выплате казенного пособия, а также поддержке гражданских жен и внебрачных детей, не попадавших под действие закона, осуществляли городские и волостные попечительства, формировавшиеся из числа добровольцев на выборной основе. Изучение различных аспектов их деятельности на конкретно-историческом материале (состав сотрудников, восприятие оказываемой помощи членами солдатских семей, злоупотребления и скандалы, связанные с выдачей пособий, особенности организации трудовой помощи солдаткам и др.) позволяет выявить особенности взаимодействия государства и общества в сфере социального попечения о нуждающихся в период масштабных вооруженных конфликтов.

Интенсивное изучение истории благотворительности и процесса формирования государственной системы социальной защиты населения в отечественной историографии началось в 1990-е гг. Вопросам организации помощи семьям нижних чинов в годы Первой мировой войны посвящены работы Л.А. Булгаковой, И.П. Павловой, Н.Л. Пушкаревой и П.П. Щербинина [1–3]. В них проанализировано развитие нормативной правовой базы в сфере обеспечения солдатских семей, объемы государственного финансирования, положение гражданских жен и незаконно рожденных детей.

Значительный интерес для нашего исследования представляют работы И.А. Еремина, который изучает экономические процессы, благотворительную работу населения в западносибирском тыловом регионе Российской империи в годы войны [4, 5]. На основе анализа обширного фактического материала он обозначил ведущие тенденции развития системы социального попечения в Томской губернии, привел сведения об общественных ассоциациях, которые занимались организацией помощи солдатским семьям, основных направлениях их деятельности.

В настоящей статье выявляются особенности деятельности городских и сельских попечительств о семьях призванных как организаций, реализовывавших на практике меры государственной социальной поддержки и одновременно общественные благотворительные инициативы, через исследование их структуры, принципов управления, кадрового состава и направлений деятельности. Научная новизна определена тем, что дается оценка степени профессионализма оказывавшейся помощи и социальной эффективности этих ассоциаций.

Основным источником при проведении исследования послужили материалы периодической печати. Ежедневная частная газета «Жизнь Алтая», издававшаяся в Барнауле, оперативно освещала все значимые события жизни города и уезда. В годы войны общественные и благотворительные организации публиковали в ней регулярные отчеты, специальная рубрика была посвящена деятельности городского попечительства о семьях призванных. Журнал местного союза кредитных и ссудно-сберегательных товариществ «Алтайский крестьянин» уделял большое внимание работе волостных попечительств, вопросам организации общественной трудовой помощи солдатским семьям при проведении сельскохозяйственных работ. Делопроизводственные документы фонда Барнаульской городской думы (Ф. 51), сосредоточенные в Государственном архиве Алтайского края (КГКУ ГААК), дают

представление об объемах финансирования попечительства и других видах помощи, оказывавшейся городскими властями семьям запасных. Таким образом, привлеченные источники позволяют анализировать систему социальной помощи солдатским семьям в контексте экономических, общественных, культурных особенностей жизни населения уезда.

К началу Первой мировой войны в Барнаульском уезде проживали 35,7% населения Томской губернии (1 496 331 человек) [6. С. 4]. Основу экономики составляло сельское хозяйство, которое специализировалось на зерновом земледелии и молочном животноводстве. Деловая активность была сосредоточена в Барнауле, представлявшем собой один из крупных купеческих центров Сибири. В нем работали более двухсот предприятий по изготовлению сливочного масла, винокуренное, кожевенное, свечное, кирпичное, лесопильное и другие производства (около 20% от их численности в губернии).

Согласно сведениям новосибирского историка М.В. Шиловского, из 53 призывных участков, образованных в Томской губернии во время войны, в Барнаульском уезде работали 14. Мобилизация коснулась более половины крестьянских хозяйств. Отсюда отправились на фронт порядка 160 000 человек, среди которых «абсолютно преобладали русские, большей частью женатые, православные крестьяне в возрасте 19–30 лет» [7. С. 75].

В Барнауле обследования состава и имущественного положения солдатских семей для назначения казенного пособия начались уже в июле 1914 г. Их осуществляла комиссия из 12 гласных городской думы. Однако объемы и масштабы работ оказались настолько большими, что городской голова А.А. Лесневский был вынужден обратиться к барнаульцам с просьбой о помощи. Попечительство о семьях запасных нижних чинов под председательством городского головы было создано 31 августа 1914 г. Более 70 человек выразили желание работать в нем на добровольной основе [8].

В составе городского попечительства действовало 6 секций (отделов): по обследованию имущественного положения и состава солдатских семей, организации благотворительных мероприятий, поиску работы для солдаток, открытию яслей, обеспечению бесплатного медицинского обслуживания, помощи учащимся детям.

В секцию «обследователей» первоначально вошли 50 горожан. А.А. Лесневский предложил установить обязательные ежедневные дежурства сотрудников с 9 до 12 часов для приема заявлений. Однако среди них численно преобладали служащие и учителя, которые не могли работать по такому графику. Было принято решение организовать бюро дежурных из 22 человек, которые располагали свободным временем в утренние часы [9].

Попечительство осуществляло выплату казенного пособия членам солдатских семей, а также дополнительного пособия (в таком же объеме) из собственных

средств. Денежные фонды организации складывались из отчислений городской думы и частных пожертвований. Гражданские семьи солдат, которые по закону 25 июня 1912 г. не имели права на получение пособия от казны, получали от попечительства пособие в двойном размере. Кроме прямых денежных выплат попечительство обеспечивало и другие виды помощи: врачи бесплатно консультировали и выдавали лекарства больным, школьники получали теплую одежду, обувь и учебники. В зимнее время наиболее нуждавшимся солдаткам ежемесячно выдавалось по 1,5–2 рубля на дрова. Масштабы деятельности непрерывно росли. Если в сентябре 1914 г. опекаемых солдатских семей в Барнауле было 800, в сентябре 1915 г. – уже 2 500 [10].

В секцию по приисканию работы в течение первого года войны обратились 428 солдаток. За этот же период от работодателей поступила информация о 160 вакансиях, но была удовлетворена лишь 51 заявка. Большинство из них искали прислугу, но женщины неохотно откликались на такие предложения: «Порядочно подготовленных кухарок, горничных, прачек среди солдаток не оказалось. Кроме того, замещению мест прислуги мешают дети, которыми обременено большинство солдаток. Поденный труд среди солдаток также не прививается: поденщицы в громадном большинстве случаев требуются на работу немедленно, и пока бюро через посыльного подыскивает подходящую работницу, надобность в ней уже пропадает» [11].

При секции была открыта швейная мастерская. С 24 ноября 1914 г. по 24 ноября 1915 г. в ней работали 250 солдаток. Они могли шить только самые простые вещи (рубашки, фартуки, детскую одежду и т.п.), поэтому заказов от частных лиц не поступало. Работали с местными комитетами Красного Креста и Сибирского общества помощи больным и раненым воинам. Председательница секции по изысканию труда М.А. Смирнова считала, что мастерская не просто предоставляла женщинам работу, но стала для них школой повышения квалификации, потому что качество пошитых изделий быстро росло [12].

Зимой 1914–1915 гг. в городском попечительстве о семьях призванных значительно сократилась численность сотрудников. Так, на общем собрании 8 января 1915 г. присутствовали лишь 30 человек. К лету 1915 г. в связи с отъездом многих горожан на дачи деятельность попечительства практически замерла. В секции по изысканию средств числился один человек. Участки, не имевшие попечителей, обслуживала канцелярия. Секретарь попечительства заявлял о перегруженности работой, с которой не был в состоянии справиться [13].

Председатель А.А. Лесневский видел причину этого в охлаждении горожан к благотворительности в следующем: «Создается у нас общество, начинается работа, и вначале все идет хорошо. Но вот проходит некоторое время, порыв остывает, энергия падает, усталость овладевает прежде живыми работниками, и дело быстро идет к краху» [8. С. 2]. Однако вскоре всем стало

очевидно, что выход барнаульцев из рядов попечителей был во многом вызван грубым отношением к ним со стороны солдаток. Казенное пособие и пособие городского попечительства они получали в здании управы, не понимая, из каких источников поступало финансирование. Солдатки не просили назначения городского пособия, а требовали, считая, что на это идут средства государственного бюджета. Были недовольны размером пособия, результатами обследования: «Они видят, что в управе сидят какие-то люди, пишут, считают и выдают деньги, и считают этих людей чиновниками, и нередко выражают недовольство или размером пособия или отказом в нем. Такими чиновниками, получающими казенное жалованье, они считают и попечителей-обследователей. В результате – обоюдное недовольство и неизбежные нарекания на самую организацию» [14].

Чем дальше шла война, тем сложнее было найти желающих работать в попечительстве. Поскольку не хватало средств, началось сокращение видов оказываемой помощи. Возмущенные и озлобленные солдатки подвергали сотрудников оскорблениям. Один из попечителей Э.А. Гордзялковский писал: «Имея дело с солдатками, надо обладать ангельским терпением, потому что свои, иногда чрезмерные требования, они предъявляют в грубой, оскорбительной форме, высказывают подозрения, что их долю попечители кладут себе в карман. Такой ответ на свой бескорыстный труд не всякий может выносить» [15].

Попечительница К.С. Смирнова рассказывала на одном заседании, как при обходе участка по Бийской улице на нее кричал родственник солдатки Оболенской дьякон Блонский: «Он начал возмущаться тем, что вся канцелярия попечительства, вместе с находящимися там “дамами в шляпках”, только издеваются над солдатками, заставляя их ждать часами в канцелярии и приходить туда по несколько раз за получением пайка; что солдатки месяцами не могут получить пайка из-за небрежности канцелярии и попечителей, и что всем этим солдаткам, ожидающим в канцелярии полочки своего пайка, следовало бы разгромить канцелярию вместе с “дамами в шляпках”» [16].

В ноябре 1915 г. эта проблема обсуждалась на заседании городской думы: «Многие солдатки по своему крайнему невежеству не понимают и не хотят понимать, что попечительство наиболее нуждающимся семьям выдает пособие исключительно из сумм, собранных в городе путем добровольных пожертвований. <...> Не осознавая всего этого, такие солдатки, хотя они и не испытывают крайней нужды, требуют от обследователей дать в попечительство благоприятные для них сведения и в случае отказа не стесняются наносить грубые оскорбления. Само собой разумеется, такие поступки солдаток или их родственников на обследователей действуют угнетающе и многих из них вынуждают прекращать работу» [17. Л. 11 об.].

Гласный С.А. Чернобровин предложил прояснять ситуацию для членов солдатских семей через местную печать. Однако ему было высказано замечание, что подавляющее большинство солдаток были неграмотными и не имели средств на покупку газет. В результате обсуждения при попечительстве создали особую комиссию для урегулирования конфликтных ситуаций между обследователями участков и солдатками.

В октябре 1916 г. обследование осуществляли лишь 20 попечителей, на каждого из которых приходилось по нескольку сотен семей. Практически прекратили работу секции по обследованию, изысканию средств и выдаче пособий. Не хватало кассиров, поэтому солдаткам приходилось подолгу стоять в очередях. Новый городской голова В.Я. Бирюков обращался к горожанам, чиновникам правительственных учреждений с просьбой принять участие в работе попечительства [18].

С начала войны до 4 ноября 1915 г. в пользу попечительства поступило 41 142 руб. 47 коп., было израсходовано 37 244 руб. 79 коп. При этом приток частных пожертвований составлял всего 500–600 руб. в месяц, городская управа перечисляла ежемесячно 3 000 руб. В среднем выплаты на пособия составляли летом 1 500 руб., зимой – 4 000 руб. Призывалось около 3 000 семей. Таким образом, на выплату казенного пособия в Барнауле в год тратилось 35 000 руб. и еще 30 000 руб. ежегодно выплачивало попечительство [17. Л. 11].

В 1916 г. в сибирских городах серьезно усложнилась экономическая ситуация: росли цены на продукты питания, начались дефицит промышленных товаров, инфляция, спекуляция. Благотворительным организациям удавалось собрать все меньше пожертвований, так как доходы населения падали. Стал дефицитным городской бюджет Барнаула. Расходы города к 1 января 1917 г. превышали доходы почти на 200 000 руб., общий дефицит составлял 341 000 руб. На заседании городской думы 25 января 1917 г. рассматривался вопрос о банкротстве. В связи с этим городской голова предложил прекратить финансирование больниц, начальных школ, амбулатории, библиотеки. С февраля городское попечительство о семьях призванных осуществляло выплаты казенного пособия, из собственных средств – только пособия гражданским семьям [19].

Согласно закону 25 июня 1912 г., обследование солдатских семей и выплату казенного пособия в сельской местности должны были осуществлять волостные попечительства. 26 сентября 1914 г. состоялось первое заседание Барнаульского уездного комитета по призрению семей запасных. Его председатель С.Г. Лаптев отметил самую важную проблему в организации их работы: «Деревня имеет средства для оказания помощи запасным, но она совершенно не организована» [20].

Из-за отсутствия грамотных добровольцев на селе волостные попечительства функционировали лишь кое-где. Сельские старосты не обладали авторитетом у населения, поэтому от мысли возложить на них эти

обязанности пришлось отказаться сразу. В первые месяцы войны кредитные товарищества делали пожертвования в пользу семей запасных, но из-за того, что никто не обследовал положение семей, фактически деньги распределялись крестьянами путем чисто арифметического дележа. Второе заседание уездного комитета состоялось в октябре того же года. Приглашенные на него крестьянские начальники отмечали, что в тех деревнях, где удалось организовать волостные попечительства, вся их деятельность свелась к изучению инструкции о выдаче казенного пайка. Никто не посещал заседания, сельчане были заняты уборкой урожая.

В связи с этим остро стоял вопрос о положении гражданских семей и незаконнорожденных детей. Если в Барнауле они получали денежное пособие от городского попечительства, могли рассчитывать на помощь благотворительных организаций, то волостные попечительства, как правило, занимались лишь выдачей казенного пособия, прав на которое гражданские семьи по закону не имели.

Деятельность волостных попечительств, как и городского, сопровождалась скандалами, вызвала множество нареканий со стороны солдатских семей. Так, в Смоленской волости соседнего Бийского уезда при первой раздаче собранных пожертвований остались не наделенными солдаты из состоятельных семей. На головы попечителей посыпались оскорбления, которые сразу поспешили отказаться от своих обязанностей. Всю работу попечительства был вынужден выполнять волостной старшина. Но за свой труд он не получил благодарности: «Дошло до того, что жены призванных стали смотреть на старшину, как на лицо, якобы по закону обязанное помогать им во всем, включительно до уборки снега от крыльца. По их мнению, волостной старшина виноват положительно во всем: не выдается долго казенный паек – виноват старшина, надо его отругать. Задерживается отпуск денег по дополнительным спискам – старшину надо облаять. Если какой семье отказывается в пайке – вся семья идет к старшине и настаивает на выдаче “заслуженного их сыновьями жалованья”, а не то – “мы тебе докажем”. Не внесена в список обследования семья, не имеющая права на казенное пособие, – “погоди, мы тебе покажем”. Отказало Управление Алтайского Округа в бесплатном отпуске дров для солдаток – “заглотил старшина, надо брать его за горло”» [21].

Большие споры вызывал вопрос о том, помогать ли всем семьям солдат или только беднейшим. Если местный крестьянский начальник обзывал сельское общество помогать всем без исключения семьям призванных, т.е. тем, у которых дома остались братья или трудоспособный отец, крестьяне выказывали открытое возмущение. В случае если помощь оказывалась только хозяйствам, которые остались совсем без мужских рабочих рук, были недовольны прочие солдатки. К примеру, весной 1916 г. в селе Хмелевка Барнаульского

уезда кредитное товарищество выделило 250 руб. на сев беднейшим солдаткам: «Но к получке явились все, и крику было довольно. – Давать всем, все равны, и все состоим! – Не выбирай, царь ведь берет без разбору, бедных и богатых!» [22].

В свою очередь, многие волостные старшины нарушали законодательство. Выдачу казенного пайка они зачастую осуществляли с вычетом сельских, волостных и церковных налогов или задолженностей по их уплате, поскольку раскладка податей и повинностей также относилась к ведению волостного правления. Солдатки, имевшие на иждивении детей и стариков, были крайне возмущены, поскольку рассчитывали потратить деньги на покупку продовольствия.

Волостные попечительства не смогли организовать помощь солдатским семьям при проведении полевых работ. В первые месяцы войны на сельских сходах крестьяне распределяли между всеми домохозяевами села десятины, которые нужно было обработать для семей призванных. Так, в сентябре 1914 г. в Барнаульском уезде насчитывалось 1 334 семьи, из них помощь в уборке урожая была оказана 855 [23]. Однако в дальнейшем волостные попечительства бездействовали, а односельчане, как правило, сами не выступали с подобными инициативами.

Ослабленные мобилизациями солдатские семьи не могли самостоятельно обработать и сохранить размеры пашни. В 1915 г. посевные площади в Алтайском крае сократились на 20%. Горожане с тревогой обсуждали необходимость организации помощи семьям запасных в запашке земли. В сентябре 1915 г. в Барнауле был создан Алтайский комитет по оказанию агрономической помощи семьям призванных в войска. Правление комитета располагалось в доме председателя комитета начальника Алтайского округа В.П. Михайлова. В составе комитета действовали три секции: по обследованию имущественного положения семей призванных в войска, изысканию благотворительных средств, приобретению семян и сельскохозяйственных орудий [24].

К началу 1916 г. Алтайскому комитету по оказанию агрономической помощи удалось собрать 12 000 руб. пожертвований. Около 100 комиссий, в состав которых входили добровольцы из числа образованных сельчан, производили обследование имущественного положения солдатских семей в волостях Барнаульского уезда. Просьбы о помощи поступали из самых отдаленных и глухих деревень, где комиссий не было. Но из-за нехватки средств поддержку (6 пудов семян на двор – необходимый минимум для засева одной десятины рядовой сеялкой) получили только жители сел близ Барнаула [25].

Уездная комиссия по оказанию помощи семьям призванных на войну совместно с членами совета Алтайского сельскохозяйственного общества приняла решение откомандировать в помощь солдаткам монтеров. В Барнауле были открыты недельные монтерские курсы по изучению устройства и работы сельскохозяй-

ственных машин, на которые записались ученики торговой школы, реального училища, высшего начального училища, мужской гимназии. Весной 1916 г. 104 монтера с сельскохозяйственной техникой работали на солдатских полях в окрестностях Барнаула. Многие из них трудились бесплатно, некоторые получали по 10 руб. в месяц на питание, тем, у кого не было денег на сапоги и одежду, выдали по 30–35 руб. Монтеры писали с мест, что фактически помощь получали не самые нуждавшиеся в ней семьи. Беднейшие из них не имели лошадей, или те были настолько истощенными, что не могли тягать сеялку. Солдатки предпочитали отказаться от такой помощи и вовсе прекратить обработку полей.

В 1916 г. крестьянам Томской губернии удалось засеять лишь 50% площадей, обрабатывавшихся в предыдущем году. Сказывались и неблагоприятные погодные условия: весна наступила поздно, а летом началась засуха. Был собран низкий урожай зерновых, цены на хлеб резко выросли [26].

Таким образом, правительство рассматривало органы местного самоуправления в качестве низшей структуры бюрократического аппарата. В годы Первой мировой войны на них была возложена задача организации системы социального попечения о семьях солдат на местах. Так при городских муниципалитетах и волостных правлениях возникли попечительства о семьях призванных.

Бюджет Барнаульского попечительства складывался из ежегодных субсидий городской думы и тех благотворительных средств, которые оно могло привлечь самостоятельно. Натуральный характер ведения хозяйства обуславливал дефицит денежных средств в сибирской деревне и практически полное отсутствие финан-

сирования деятельности уездных волостных попечительств. Ресурсы и возможности попечительств не позволяли гарантировать поддержку всем нуждавшимся солдатским семьям и в достаточном объеме, при этом регулярные мобилизации непрерывно увеличивали их численность.

Штат сотрудников формировался из числа добровольцев, что обусловило их непрофессиональный подход к работе (неумение взаимодействовать с целевой аудиторией, неспособность решать многие проблемы, нежелание нести ответственность за результаты своих действий), текучесть кадров, низкий уровень активности и вовлеченности. При этом солдатские семьи воспринимали сотрудников попечительства в качестве государственных чиновников, поэтому именно на них возлагали ответственность за недоработки и пробелы в законодательстве, недостаточность размеров казенного пособия, особенности процедуры обследования имущественного положения и семейного состава.

В целом эти обстоятельства оказывали большое влияние на процесс общественной дезинтеграции. С одной стороны, падали мотивация к благотворительной деятельности и гражданская активность состоятельных и образованных групп, с другой – среди членов солдатских семей росло чувство социальной несправедливости, формировалось недоверие к филантропическим организациям, местным и центральным властям. По мере ухудшения экономической ситуации в стране и регионе, снижения притока благотворительных пожертвований, сокращения объемов и видов общественной поддержки, их недовольство росло. Люди испытывали чувство разочарования и озлобленности из-за того, что тяготы войны были распределены крайне неравномерно, а государство не гарантировало помощи беднейшим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2001. С. 429–493.
2. Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2003. 152 с.
3. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 2. С. 147–162.
4. Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. 278 с.
5. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул : АлтГПА, 2010. 293 с.
6. Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск : Типография Губернского управления, 1915. 212 с.
7. Шиловский М.В. Боевые потери военнослужащих, призванных из Барнаульского уезда Томской губернии, в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 4 (5). С. 72–76.
8. Шумиловский Л. С большой головы // Жизнь Алтая. 1915. № 71. С. 2.
9. Организация помощи семьям запасных // Жизнь Алтая. 1914. № 196. С. 4.
10. В городском попечительстве // Жизнь Алтая. 1915. № 201. С. 4.
11. Мастерская и бюро труда при городском попечительстве // Жизнь Алтая. 1915. № 14. С. 4.
12. В городском попечительстве // Жизнь Алтая. 1915. № 275. С. 3.
13. В городском попечительстве // Жизнь Алтая. 1915. № 196. С. 4.
14. Крива А. Беглые заметки. О городском попечительстве // Жизнь Алтая. 1915. № 164. С. 3.
15. К-ий М. В попечительстве о семьях запасных // Жизнь Алтая. 1916. № 235. С. 3.
16. В городском попечительстве // Жизнь Алтая. 1915. № 240. С. 4.
17. Государственный архив Алтайского края. Ф. 51. Оп. 1. Д. 18.
18. От Барнаульского городского головы усерднейшая просьба // Жизнь Алтая. 1916. № 240. С. 4.
19. Банкротство г. Барнаула // Жизнь Алтая. 1917. № 23. С. 3.
20. К вопросу об организации помощи семьям запасных в селах (заседание уездного комитета) // Жизнь Алтая. 1914. № 177. С. 3.
21. О семьях призванных // Алтайский крестьянин. 1916. № 14. С. 25–26.
22. Помощь солдаткам // Алтайский крестьянин. 1916. № 25–26. С. 31.
23. 3-в Н. Общественная помощь семьям запасных по Барнаульскому уезду // Алтайский крестьянин. 1914. № 37. С. 19.
24. В комитете по оказанию агрономической помощи семьям призванных в войска // Жизнь Алтая. 1915. № 211. С. 3–4.

25. Посевная помощь // Алтайский крестьянин. 1916. № 18. С. 7–8.
 26. По Сибири // Алтайский крестьянин. 1916. № 27. С. 26.

Dolidovich Olesya M. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dolidovich@mail.ru

GUARDIANSHIP ORGANIZATIONS ABOUT FAMILIES OF MOBILIZED SOLDERS IN 1914–1917 (ON MATERIALS OF THE BARNAUL COUNTY OF TOMSK PROVINCE).

Keywords: Barnaul; the First World War; guardianship organizations about families of mobilized soldiers; Tomsk Province.

The article examines the activities of the urban and rural guardianship organizations over families of mobilized in the Barnaul county of Tomsk province during the First World War. With the help of the analysis of periodicals, documents of the State archive of the Altai region the author identified the sources of revenues, staff members, type and direction of assistance. The author shown that the creation of the urban guardianship organization in Barnaul was made possible by the social initiative of the educated strata of society (officials, teachers, doctors, and merchants). They carried out a survey and recorded the information about the financial state and the composition of the soldiers' families, received applications and complaints, advised and provided targeted assistance. Cash funds of organization were formed by the City Council fundings and private donations. Guardianship organization payed the official benefit to the members of soldiers' families, as well as an additional benefit (the same amount) of its own money. Common-law wife and illegitimate children did not receive an allowance from the state, but received a double subsidy from the guardianship organization. Decision-making processes of welfare, expenditure, reporting were as open as possible. The economic situation in Barnaul became seriously complicated in 1916: food prices rose, inflation, speculation and a lack of industrial goods began. A charitable organization could not collect a lot of donations, as incomes fell. City authorities declared bankruptcy in January 1917, and therefore the funding of welfare has decreased dramatically. The organization of an effective system of assistance to the soldiers' families in rural areas failed. The activity of rural guardianship organizations was actually reduced only to the issuance of state benefits. Low levels of literacy, general and legal culture, public interest and welfare of the peasants hindered the consolidation of the rural population. The author notes that throughout the county families of soldiers had a low level of trust in the guardianship organizations staff as perceived those state servants, and were poorly informed about their activities. As a result, there was a high level of strife between the trustees and recipients, urgent staff problem, poor performance in attracting charitable funds. During the entire period of war guardianship organizations experienced financial difficulties, that led to their instability and rapid transition into crisis.

REFERENCES

1. Bulgakova, L.A. (2001) Privilegirovannye bednyaki: pomoshch' soldatskim sem'yam v gody Pervoy mirovoy voyny [Privileged poor men: Assistance to soldier families during WWI]. In: Fursenko, A. et al. *Na puti k revolyutsionnym potryaseniyam. Iz istorii Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [On the way to the revolutionary upheavals. From the history of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg; Chisinau: Nestor-Historia. pp. 429–493.
2. Pavlova, I.P. (2003) *Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Social welfare in Russia during WWI]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University.
3. Pushkareva, N.L. & Shcherbinin, P.P. (2005) Organizatsiya prizreniya semey nizhnikh chinov v gody Pervoy mirovoy voyny [Organizing charity for the lower rank families during WWI]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 3(2). pp. 147–162.
4. Eremin, I.A. (2005) *Tomskaya guberniya kak tylovoy rayon Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.)* [Tomsk Province as a Russian rear during WWI (1914–1918)]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
5. Eremin, I.A. (2010) *Zapadnaya Sibir' v period Pervoy mirovoy voyny (iyul' 1914 – mart 1918 gg.)* [West Siberia during WWI (July 1914 – March 1918)]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy.
6. Tomsk Province Statistical Committee. (1915) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1915 god* [The memorial book of Tomsk Province in 1915]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya.
7. Shilovskiy, M.V. (2015) Boevye poteri voennosluzhashchikh, prizvannykh iz Barnaul'skogo uyezda Tomskoy gubernii, v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 gg. [Combat losses of servicemen called up from Barnaul Uezd of Tomsk Province in the First World War of 1914–1918]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 4(5). pp. 72–76.
8. Shumilovskiy, L. (1915) S bol'noy golovy [Laying the blame]. *Zhizn' Altaya*. 71. pp. 2.
9. *Zhizn' Altaya*. (1914a) Organizatsiya pomoshchi sem'yam zapasnykh [Assistance to the families of the reserve]. 196. pp. 4.
10. *Zhizn' Altaya*. (1915a) V gorodskom popechitel'stve [In the City Patronage]. 201. pp. 4.
11. *Zhizn' Altaya*. (1915b) Masterskaya i byuro truda pri gorodskom popechitel'stve [The Workshop and Labour Bureau under the City Patronage]. 14. pp. 4.
12. *Zhizn' Altaya*. (1915c) V gorodskom popechitel'stve [In the City Patronage]. 275. pp. 3.
13. *Zhizn' Altaya*. (1915d) V gorodskom popechitel'stve [In the City Patronage]. 196. pp. 4.
14. Kripta, A. (1915) Beglye zametki. O gorodskom popechitel'stve [Brief notes. About the City Patronage]. *Zhizn' Altaya*. 164. pp. 3.
15. K–iy, M. (1916) V popechitel'stve o sem'yakh zapasnykh [Te patrohange of the families of the reserve]. *Zhizn' Altaya*. 235. pp. 3.
16. *Zhizn' Altaya*. (1916a) V gorodskom popechitel'stve [In the City Patronage]. 240. pp. 4.
17. *The State Archives of the Altai Territory*. Fund 51. List 1. File 18.
18. *Zhizn' Altaya*. (1916b) Ot Barnaul'skogo gorodskogo golovy uverneyshaya pros'ba [A diligently requested from the Barnaul Mayor]. 240. pp. 4.
19. *Zhizn' Altaya*. (1917) Bankrotstvo g. Barnaula [Bankruptcy of Barnaul]. 23. pp. 3.
20. *Zhizn' Altaya*. (1914b) K voprosu ob organizatsii pomoshchi sem'yam zapasnykh v selakh (zasedanie uezdnoy komiteta) [On the organisation of assistance to families of the reserve soldiers in villages (the meeting of the Uezd Committee)]. 177. pp. 3.
21. *Altayskiy krest'yanin*. (1916a) O sem'yakh prizvannykh [About the families of the wartime conscripts]. 14. pp. 25–26.
22. *Altayskiy krest'yanin*. (1916b) Pomoshch' soldatkam [Assistance to soldiers's wives]. 25–26. pp. 31.
23. Z–v, N. (1914) Obshchestvennaya pomoshch' sem'yam zapasnykh po Barnaul'skomu uezdu [Social assistance to the families of the reserve in Barnaul Uezd]. *Altayskiy krest'yanin*. 37. pp. 19.
24. *Zhizn' Altaya*. (1915e) V komitete po okazaniyu agronomicheskoy pomoshchi sem'yam prizvannykh v voyska [In the Committee for the provision of agronomic assistance to the families of the wartime conscripts]. 211. pp. 3–4.
25. *Altayskiy krest'yanin*. (1916c) Posevnaya pomoshch' [Sowing assistance]. 18. pp. 7–8.
26. *Altayskiy krest'yanin*. (1916d) Po Sibiri [In Siberia]. 27. pp. 26.

И.А. Концевой

**ОПЫТ ДВУХПАРТИЙНОСТИ: БОЛЬШЕВИКИ И ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ
В ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК II–IV СОЗЫВОВ**

Рассматриваются проблемы политической деятельности большевиков и левых эсеров в рамках Президиума ВЦИК II–IV созывов в ноябре 1917 – июле 1918 г. На основании документальных источников реконструируется политическая деятельность большевиков и левых эсеров в Президиуме ВЦИК, который являлся важным государственным органом в двухпартийной системе советской власти. Главное внимание уделяется процессу формирования Президиума ВЦИК и принятию им политических решений в период существования двухпартийности. Исследуется изменение партийного состава Президиума ВЦИК II–IV созывов и его влияние на работу данного государственного органа. На основании архивных документов анализируется процесс принятия решений в Президиуме ВЦИК. Автор приходит к заключению о существовании периодов успешного взаимодействия большевиков и левых эсеров в Президиуме ВЦИК и периодов, когда их взаимодействие переживало кризисы.

Ключевые слова: большевики; левые эсеры; В.И. Ленин; М.А. Спиридонова; двухпартийность; революция; советы.

Взаимодействие партий большевиков и левых социалистов-революционеров (интернационалистов) после установления советской власти в Петрограде в октябре 1917 г. является знаменательной страницей в ранней советской истории. Этот процесс сопровождал развитие и становление политической системы России в 1917–1918 гг. Важным органом государственной власти в тот период являлся Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), в состав которого входили представители нескольких политических сил.

Проблемы, связанные с участием большевиков и левых эсеров в деятельности ВЦИК Советов и его учреждений, рассматривались исследователями начиная с 1920-х гг. Историография периода 1930-х – середины 1950-х гг. носила политизированный характер, вследствие чего в работах А.В. Шестакова [1], В. Владимировой [2], А. Королевой [3], В.Е. Парфенова [4] политика партии левых эсеров и ее руководства критически не анализировалась, а рассматривалась как враждебная советской государственности. Отдельное внимание созданию и функционированию Президиума ВЦИК не уделялось.

В историографический период, начавшийся в 1960-е гг., исследователи детально анализировали взаимодействие большевиков с левыми эсерами во ВЦИК. Были опубликованы работы К.В. Гусева [5], Г.Н. Городецкого [6], Т.А. Сивохиной [7], А.И. Разгона [8], в которых изучалась деятельность представителей двух партий на заседаниях «советского парламента». В публикациях В.М. Клеандровой [9] и К.Г. Федорова [10], посвященных Президиуму ВЦИК II–IV созывов, рассматривались только общие организационные аспекты работы этого органа. Вопрос о взаимодействии большевиков и левых эсеров в Президиуме ими не затрагивался.

В постсоветский период интерес к истории политических партий заметно усилился, что в первую очередь было связано с пересмотром оценок их деятельности, дававшихся в советской историографии. С.В. Леонов [11], Е.Г. Гимпельсон [12] П.П. Волохин

[13], В.И. Грубов [14], А. Рабинович [15] рассматривали политическую историю партий большевиков и левых эсеров в рамках ВЦИК на основе архивных документов и материалов периодической печати. Подробно были изучены политические позиции лидеров большевиков и левых эсеров в советских государственных учреждениях и их взаимодействие во время заседаний ВЦИК в октябре 1917 – июле 1918 г. Тем не менее работа Президиума ВЦИК II–IV созывов в литературе освещается недостаточно. Современные авторы практически не упоминают о взаимодействии большевиков и левых эсеров в данном органе. Между тем Президиум ВЦИК в период становления Советского государства был влиятельным органом власти, на заседаниях которого, как и на сессиях ВЦИК, принимались важные политические решения.

В данной статье заполняется этот историографический пробел на основе привлечения новых документов и материалов. В первую очередь, это протоколы заседаний Президиума ВЦИК, по которым можно проследить за работой представителей двух партий в Президиуме. Также значительный интерес представляют опубликованные стенограммы заседаний ВЦИК и источники личного происхождения. В рамках статьи будут рассмотрены вопросы о представительстве левых эсеров в Президиуме ВЦИК и характере их взаимодействия с большевиками при принятии государственных решений. Изучение этих аспектов данной проблематики позволяет поставить вопрос о потенциале двухпартийности и ее роли в становлении политической системы Советской России.

Формирование советской двухпартийности началось вскоре после свержения Временного правительства в Петрограде и избрания ВЦИК II созыва. В первой половине декабря 1917 г. были урегулированы основные противоречия между большевиками и левыми эсерами и создано двухпартийное правительство. Этот период характеризовался многочисленными столкновениями между большевистскими и левоэсеровскими представителями в ходе заседаний ВЦИК.

Как известно, значительная часть эсеров и меньшевиков покинула II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в знак протеста против взятия власти большевиками, поэтому в составе ВЦИК II созыва преобладали большевики и левые эсеры [8. С. 30]. В первые дни работы ВЦИК нового созыва формированию центральных учреждений этого органа препятствовали напряженные споры между большевиками и левыми эсерами по вопросу о создании единого социалистического правительства [16. С. 9]. Впоследствии, когда идея о создании такого органа власти стала призрачной, две партии сделали первый шаг к образованию двухпартийной основы ВЦИК II созыва. Так, 6 ноября 1917 г. были сформированы отделы нового ВЦИК, в которые вошли представители большевиков и левых эсеров. Например, главой муниципального отдела был избран В.А. Карелин, а у руля агитационного отдела поставлена левая эсерка И.К. Каховская [Там же. С. 34]. При руководителях отделов, левых эсерах, заместителями были поставлены большевики, а в отделах, которые возглавляли члены РСДРП (б), ими стали левые эсеры В.А. Левин (экономический отдел), В.Д. Спиро (финансовый отдел), Г.Д. Закс (юридический отдел) и др. [Там же].

В тот же день на заседании ВЦИК II созыва был поднят вопрос об образовании Президиума ВЦИК II созыва, что оказало значительное влияние на сближение большевиков и левых эсеров и способствовало включению последних в административную работу центральных учреждений «советского парламента». Согласно принятому на заседании ВЦИК 2 ноября 1917 г. проекту организации ЦИК Советов, Президиум имел четко обозначенные функции. Он объявлялся как представительным, так и исполнительным органом, в обязанности которого входила подготовка материалов к заседаниям ВЦИК, исполнение постановлений ВЦИК, наблюдение за работой отделов ВЦИК, а также принятие государственных решений в случае, когда созыв заседания ВЦИК был невозможен [Там же. С. 10].

6 ноября большевики на заседании ВЦИК предложили левым эсерам войти в состав Президиума. Тогда левые эсеры отказались стать членами Президиума наравне с большевиками, объявив о том, что на следующий день они должны огласить свое решение о вхождении в Президиум [Там же. С. 35]. От большевистской фракции в Президиум были избраны Л.Б. Каменев, П.И. Стучка, Ю.М. Стеклов, В. Володарский, Я.М. Свердлов и Ф.Э. Дзержинский в качестве членов Президиума, В.А. Аванесов и Ф.В. Олич – в качестве кандидатов в члены Президиума [Там же. С. 35]. Левые эсеры так и не дали окончательного ответа о своем вхождении в Президиум на последующих заседаниях ВЦИК. Стоит предположить, что их колебания были в первую очередь связаны с началом переговоров между левозэсеровским и большевистским руководством о сотрудничестве в советских органах власти и управления.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы подтверждают тот факт, что левые эсеры в ноябре 1917 г. принимали участие в заседаниях Президиума. Так, недатированный список членов фракций большевиков и левых эсеров, приложенный к первому протоколу заседания Президиума от 12 ноября 1917 г., содержит фамилии М.А. Спиридоновой, М.Н. Натансона, Б.Ф. Малкина, Б.Д. Камкова, А.М. Устинова, Г.Б. Смолянского, А.А. Измайлович, И.Ю. Баккала и Я.М. Фишмана [17. Оп. 32. Д. 1. Л. 2 об]. По поводу времени возникновения данного списка существует точка зрения А.И. Разгона, который датировал его декабрем 1917 г. [8. С. 53]. Однако левые эсеры стали участниками работы Президиума до составления этого списка.

Согласно протоколам заседаний Президиума левые эсеры присоединились к его работе 19 ноября 1917 г. [17. Оп. 32. Д. 3. Л. 4]. В период с 19 ноября по начало декабря 1917 г. из упомянутых в списке левозэсеровских деятелей в работе Президиума участвовали только В.А. Карелин, П.П. Прошьян, А.М. Устинов и В.Б. Спиро (подсчитано по: [Там же. Д. 3–7]). Данный факт демонстрирует, что состав фракции левых эсеров не был точно определен, так как ВЦИК не принял официального решения о том, какие левозэсеровские представители должны работать в Президиуме. Это было связано в первую очередь с процессом формирования единого ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который осуществлялся в ноябре 1917 г. Вопрос о создании такого органа стал главным поводом для переговоров между лидерами большевиков и левых эсеров.

Переговоры сопровождались борьбой большевиков и левых эсеров, поддерживавших переход всей власти в руки советов, и их противников из партии социалистов-революционеров. 11 ноября 1917 г. на Чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов большевики и левые эсеры выступили единым фронтом против эсеров. Тем не менее между делегатами левых эсеров и большевиков продолжались споры о представительстве рабочих и крестьян в новом ВЦИК, которые в своих воспоминаниях зафиксировал Д. Рид [18. С. 238]. На заседании съезда был образован Исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов, в который из 108 представителей было избрано 98 делегатов, представлявших фракции большевиков и левых эсеров [19]. Фактически произошло складывание двухпартийности в рамках центрального органа Советов крестьянских депутатов.

В ходе переговоров между лидерами фракций большевиков и левых эсеров во ВЦИК в ночь с 14 на 15 ноября 1917 г. им удалось согласовать детали объединения ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Советов крестьянских депутатов. Левый эсер Б.Ф. Малкин в своих воспоминаниях сообщал, что ради создания единого ВЦИК левым эсерам пришлось пойти на значительные уступки, согласившись на

включение во ВЦИК представителей от флота и профсоюзов [20. С. 439].

По итогам переговоров о конструкции единого ВЦИК Советов была выработана следующая формула соглашения. К 108 членам ВЦИК II созыва должны были присоединиться столько же представителей Исполкома Советов крестьянских депутатов, 100 представителей от армии и флота, 35 – от рабочих профсоюзов, 10 – от Викжеля и 5 представителей от профсоюза работников почты и телеграфа [21]. Это соглашение являлось компромиссом для левых эсеров, рассчитывавших заполучить большинство в «советском парламенте», поскольку им пришлось пожертвовать своей идеей о формировании единого ВЦИК на равной основе из представителей советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [22. С. 248–249]. Фактически создание ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стало базисом советской двухпартийности.

Этому событию также способствовало изменение отношения левых эсеров к сотрудничеству с большевиками. В течение ноября – начала декабря 1917 г. в их взаимоотношениях постоянно возникали кризисы, связанные с политикой большевистского СНК. Так, левые эсеры выступили против издания декретов правительства без санкции ВЦИК, вследствие чего был принят «Наказ о взаимоотношениях СНК и ВЦИК», согласно которому СНК становился полностью ответственным перед ВЦИК и все законодательные акты общеполитического значения должны были представляться на рассмотрение ВЦИК [23. С. 102]. Также левые эсеры подвергли критике декрет о роспуске Петроградской городской думы за то, что он не был рассмотрен на заседании ВЦИК [16. С. 83]. Кроме того, от лица фракции левых эсеров В.А. Карелин выступил против запрета партии кадетов и объявления ее членов «врагами народа», подчеркнув, что большевики «совершают ошибку», арестовывая кадетов [24]. Тем не менее эти разногласия не помешали сближению большевиков и левых эсеров. 24 ноября 1917 г. в состав правительства вошел первый представитель левых эсеров А.Л. Колегаев, ставший наркомом земледелия, и начались переговоры о формировании двухпартийного СНК [16. С. 78]. Левые эсеры выбрали путь союза с большевиками ради вхождения в состав советского правительства.

После пополнения ВЦИК новыми делегатами в его составе стало 182 большевика, 111 левых эсеров и 33 беспартийных и членов других социалистических фракций [8. С. 37]. Данный партийный расклад отражал степень влияния большевиков и левых эсеров в советах и иллюстрировал преимущественно двухпартийный характер ВЦИК II созыва.

В связи с изменением состава ВЦИК стал актуальным вопрос о перевыборах его Президиума. 12 декабря 1917 г. на заседании ВЦИК выступил Я.М. Свердлов, который мотивировал необходимость переизбрания Президиума «рядом изменений, совершенно изменив-

ших состав ЦИК» [16. С. 140]. Он признал необходимым сформировать новый Президиум ВЦИК II созыва из расчета: 1 член Президиума на 15 членов ВЦИК [Там же]. Большевики, исходя из численности своих делегатов, выдвинули в Президиум 12 человек: Свердлова, Аванесова, Фомина, Зиновьева, Стеклова, Щукина, Олина, Петерсона, Бруно, Литвина, Медведева, Бадаева в качестве членов Президиума и В. Володарского, Преображенского, Чудновского, Гжельчак и Плаксина – в качестве кандидатов [Там же].

Левые эсеры также приняли участие в формировании Президиума. От их фракции было принято решение ввести в Президиум ВЦИК Натансона, Спиридонову, Камкова, Устинова, С.Д. Мстиславского и М.А. Левина, а члена фракции ЛСР Смольянского – направить в секретариат Президиума [Там же]. От левоэсеровской фракции в Президиум были делегированы представители только как члены Президиума, и нигде не было упомянуто о включении в его состав кандидатов в члены Президиума от фракции левых эсеров. Установленная квота для избрания членов Президиума позволила меньшевикам-интернационалистам избрать своего представителя Б.И. Моисеева в состав этого органа. Таким образом, завершился процесс окончательного формирования Президиума ВЦИК II созыва, в котором преобладали большевики и левые эсеры.

Создание левоэсеровской группы в Президиуме ВЦИК II созыва полностью совпадает с моментом завершения переговоров об образовании двухпартийного правительства, в которое, кроме Колегаева, вошли еще шестеро левых эсеров [Там же. С. 142]. Представители партий большевиков и левых эсеров заняли главенствующее положение во ВЦИК и его отделах, Совете народных комиссаров и народных комиссариатах.

Президиум ВЦИК в ноябре – декабре 1917 г. занимался рассмотрением вопросов, связанных с назначением представителей в учреждения ВЦИК и иные административные органы. В частности, на заседании Президиума 21 ноября было принято решение о делегировании в мандатную комиссию ВЦИК трех человек от фракций большевиков и левых эсеров [17. Оп. 32. Д. 4. Л. 2]. 11 декабря 1917 г., согласно решению Президиума ВЦИК, в отдел военно-технического управления и некоторые другие отделы также были делегированы члены данных двух фракций [Там же. Д. 7. Л. 6].

Рассматривались на заседаниях Президиума и важные вопросы внутренней политики. Так, в Президиуме обсуждался подготовленный большевиками декрет о суде № 1. После продолжительных споров между большевиками и левыми эсерами было решено отложить рассмотрение этого декрета до заседания ВЦИК 24 ноября 1917 г. «ввиду недостижения соглашения в президиуме» [Там же. Д. 5. Л. 1]. Несогласие левых эсеров с большевиками по вопросу о принятии декрета о суде № 1 иллюстрирует механизм взаимодействия представителей двух партий в Президиуме. Большевики были вынуждены пойти на уступку левым эсерам и

перенести обсуждение декрета на заседание сессии ВЦИК. Однако стоит подчеркнуть, что, несмотря на обсуждение в Президиуме ВЦИК законопроектов по ключевым аспектам внутренней политики, окончательное решение об издании декретов принималось в ходе заседаний пленумов ВЦИК.

С момента возникновения союза большевиков и левых эсеров стартовал новый этап в их взаимодействии, который характеризовался исчезновением противоречий между партиями на заседаниях ВЦИК II созыва и началом их тесного сотрудничества. Левые социалисты-революционеры вместе с большевиками стали проводить единую политическую линию, направленную на осуществление социалистических преобразований. Совместными усилиями двух партий был принят ключевой декрет о национализации банков [23. С. 230]. Лидеры левых эсеров всецело поддержали политику СНК. Так, М.А. Спиридонова в своей эмоциональной речи на заседании «советского парламента» провозгласила, что «этому Совету Народных Комиссаров мы, с.-р. интернационалисты, оказываем полное доверие, всемерную поддержку и всецело идем за ним» [16. С. 125].

Партии большевиков и левых эсеров совместными усилиями устранили с политической сцены России Учредительное собрание. 5 января 1918 г. состоялось первое и единственное заседание Учредительного собрания, на выборах в которое одержали победу эсеры [25. С. 115]. Большевистская и левозэсеровская фракции после неудачных попыток добиться признания власти советов от Учредительного собрания покинули его заседание [Там же. С. 90, 109]. 6 января 1918 г. большевики и левые эсеры во ВЦИК утвердили декрет СНК о роспуске Учредительного собрания [8. С. 288].

Решающее значение для окончательного утверждения советской власти сыграл созыв III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и его последующее объединение с III Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов [26. С. 228]. На объединенном съезде Советов подавляющее большинство составили члены большевистской партии (53%), левые эсеры (21%) и беспартийные (15%), что позволяет говорить о преобладании двух политических партий в местных органах власти [27. С. 62–63].

На съезде Советов был избран ВЦИК III созыва, ставший олицетворением двухпартийной системы советской власти. В его состав избрано 160 большевиков, 126 левых эсеров, что составляло 94% от общего числа членов ВЦИК [28. С. 69]. Представители других социалистических партий имели незначительные по численности фракции. Тесное сотрудничество большевиков и левых эсеров во ВЦИК определило характер их взаимодействия. По словам Л.Д. Троцкого, левые эсеры в то время переживали «медовые недели своего крайнего радикализма» [29. С. 207]. Это способствовало их союзу с большевиками, поэтому период существования ВЦИК III созыва, с 22 января по начало марта 1918 г., был отмечен отсутствием крупных столкновений меж-

ду двумя партиями во ВЦИК по вопросам внутренней политики и их укреплением на вершине власти.

Конструирование Президиума ВЦИК III созыва демонстрировало завершение оформления двухпартийности во ВЦИК. 22 января 1918 г. на сессии «советского парламента» рассматривался вопрос о создании Президиума ВЦИК нового созыва. Важным событием стало изменение квоты для выборов членов Президиума. Согласно постановлению ВЦИК, за которое высказались большевики и левые эсеры, в Президиум ВЦИК III созыва избирались представители по формуле: 1 член Президиума от 25 делегатов ВЦИК, что полностью исключало попадание в новый Президиум представителей других партий, кроме большевиков и левых эсеров [17. Оп. 18. Д. 2. Л. 65]. Таким образом, произошло окончательное закрепление двухпартийности в рамках Президиума и утверждение большевиков и левых эсеров как главенствующих политических сил в «советском парламенте».

На заседании ВЦИК 22 января 1918 г. большевики предложили включить в состав Президиума в качестве его членов Г.Е. Зиновьева, В.А. Аванесова, А.И. Окулова, В. Володарского, К.А. Петерсона, М.А. Муранова и К.И. Ландера, а А.В. Баранова – в качестве кандидата [Там же]. От фракции левых эсеров поступило предложение избрать в его состав в качестве членов Президиума наиболее видных деятелей левозэсеровской партии: Спиридонову, Натансона, Устинова, Камкова и Смолянского, а также Б.Ф. Малкина, Д.И. Попова и А.А. Измайлович – в качестве кандидатов [Там же].

Содержащийся в фондах ГАРФ список фракций Президиума ВЦИК III созыва проливает свет на его состав и позволяет уточнить, кто именно из большевистских и левозэсеровских представителей вошел в этот орган. Согласно данному списку от левых эсеров членами Президиума стали вышеуказанные деятели, а кандидатами – Малкин и Измайлович [Там же. Д. 10. Л. 1]. От большевистской фракции членами Президиума были утверждены Свердлов (председатель Президиума), Аванесов, Муранов, Окулов, Зиновьев и Петерсон, а Володарский и Баранов стали кандидатами в члены Президиума [Там же].

Однако указание делегата в данном списке не означало его присутствия на заседаниях Президиума. В январе – середине февраля 1918 г. от большевистской фракции в работе Президиума принимали участие только Свердлов, Аванесов, Окулов и Володарский, а от левых эсеров – Спиридонова, Малкин, Смолянский и Устинов (подсчитано по: [Там же. Оп. 33. Д. 1–3]). Интересным выглядит присутствие 18 февраля на заседании Президиума большевика М.Ю. Козловского, не значившегося в составе членов и кандидатов в члены Президиума. По всей видимости, он мог заменить большевиков Муранова или Баранова, которые не фигурировали в числе присутствовавших на заседании [17. Д. 3. Л. 1].

Важным явлением в советской политической жизни во второй половине февраля 1918 г. стало создание расширенного Президиума ВЦИК для более оперативного государственного управления в период осложнения положения на фронте, связанного с наступлением германской армии на Петроград. Вопрос о формировании такого органа власти рассматривался на заседании ВЦИК 21 февраля 1918 г. Подавляющим большинством голосов большевиков и левых эсеров было принято решение об образовании расширенного Президиума [Там же. Оп. 18. Д. 7. Л. 38–39]. В тот же день состоялось его первое заседание, на котором обсуждались вопросы координации работы между СНК и Петроградским советом, а также принято решение о создании Комитета революционной обороны Петрограда. В него делегировали большевика Петерсона и левых эсеров Фишмана и Левина [Там же. Оп. 33. Д. 4. Л. 1–2]. Расширенный Президиум ВЦИК в период своей работы рассматривал важные вопросы, связанные с организацией обороны Петрограда и деятельностью центральных органов советской власти. Так, 3 марта членами Президиума ВЦИК было принято решение о созыве Чрезвычайного съезда Советов в связи с подписанием Брестского мирного договора [Там же. Д. 7. Л. 1].

Создание расширенного Президиума способствовало привлечению к его работе новых членов из ПЛСР(и). В заседаниях этого государственного органа в феврале 1918 г. приняли участие левые эсеры М.А. Левин, И.К. Каховская, Я.М. Фишман и С.Д. Мстиславский, которые не значились среди членов или кандидатов в члены Президиума ВЦИК III созыва (подсчитано по: [Там же. Д. 4–7]). Левые эсеры, как и большевики, увеличили представительство в Президиуме. 21 февраля на заседании расширенного Президиума присутствовали 9 большевиков и 7 левых эсеров, 22 февраля – 8 большевиков и 6 левых эсеров, 27 февраля – 7 большевиков и 8 левых эсеров, а 3 марта заседание посетили 14 большевиков и 9 левых эсеров (подсчитано по: [Там же. Д. 4–7]). Таким образом, влияние левых эсеров в Президиуме ВЦИК на недолгий период времени стало максимальным.

Политическая расстановка сил изменилась после того, как IV Всероссийским съездом Советов был ратифицирован Брест-Литовский мирный договор [30. С. 64]. Это вызвало первый серьезный кризис советской двухпартийности. В знак протеста против решения съезда члены ПЛСР(и) вышли из состава правительства, но остались в центральных учреждениях ВЦИК [31. С. 182]. На IV Всероссийском съезде Советов был сформирован ВЦИК IV созыва, состав которого несколько отличался от предыдущих созывов. Главным отличием стало значительное уменьшение численности левозеро-эсерской фракции до 48 человек, что составляло лишь 23% от общего числа делегатов, тогда как большевистская фракция включала в себя 141 делегата (68%) [28. С. 97]. Причиной таких изменений стало снижение представительства левых эсеров на съезде

Советов ввиду их позиции по отношению к Брестскому миру.

В связи с изменением состава ВЦИК произошли перемены и в Президиуме. Членами Президиума ВЦИК IV созыва стали только двое левых эсеров – Спиридонова и Натансон, еще четверо – кандидатами в члены Президиума [32. С. 1]. От фракции большевиков в Президиум было избрано шесть членов, среди которых были Я.М. Свердлов, Г.Е. Зиновьев, М.Н. Покровский и другие видные деятели РКП(б), а также трое кандидатов в члены Президиума [Там же].

Вероятно, ввиду преклонного возраста М.А. Натансон не принял участия в заседаниях Президиума и был заменен на Л.Б. Голубовского, который, согласно документам ГАРФ, участвовал в 17 заседаниях Президиума, тогда как Спиридонова посетила 18 (подсчитано по: [17. Оп. 34. Д. 36]). Такое частое посещение Голубовским сессий Президиума и полное отсутствие в протоколах заседаний фамилии Натансона говорят в пользу данного предположения.

Кризис во взаимоотношениях большевиков и левых эсеров начался в мае 1918 г. после принятия на заседании ВЦИК декрета, вводившего продовольственную диктатуру в Советской России [32. С. 259]. Левые эсеры подвергли проект декрета критике. В.А. Карелин отметил, что введение продовольственной диктатуры может привести к «поножовщине» в деревне и к ситуации, когда «пролетариат и крестьянство окажутся брошенными друг на друга» [Там же. С. 262]. Несмотря на заявление левых эсеров, большинством голосов большевиков проект был принят в представленном виде без изменений [Там же. С. 261].

Проект декрета о введении продовольственной диктатуры впоследствии обсуждался 11 мая 1918 г. на заседании Президиума ВЦИК. Вероятно, тогда левые эсеры также его раскритиковали. Представлявшие фракцию левых эсеров Л.Б. Голубовский и Д.А. Черепанов проголосовали против его принятия, но проект был утвержден большинством голосов [17. Оп. 34. Д. 36. Л. 114]. На основании этого решения был издан декрет СНК и ВЦИК от 13 мая 1918 г., который вводил основные положения продовольственной диктатуры, предоставив наркому по продовольствию чрезвычайные полномочия [32. С. 265–266].

Еще большее возмущение левых эсеров вызвало издание декрета о создании комитетов бедноты в деревне. 10 июня 1918 г. на заседании Президиума ВЦИК рассматривалось заявление фракции левых эсеров о переносе заседания пленума ВЦИК ввиду того, что левые эсеры не успевали ознакомиться с текстом проекта декрета. В Президиуме было принято решение не переносить заседание, но снять с повестки дня все вопросы, кроме сообщения о созыве Всероссийского съезда Советов [17. Оп. 34. Д. 36. Л. 217]. На следующий день обсуждение проекта декрета о создании комбедов во ВЦИК все же состоялось. Тогда же Я.М. Свердлов сообщил о просьбе левых эсеров, а также о согласии на нее

наркома продовольствия А.Д. Цюрупы непосредственно лидеру партии большевиков [33. С. 94]. На это сообщение Свердлова В.И. Ленин дал лаконичный ответ: «Решайте с Цюрупой сами. Я левым эсерам теперь не доверяю» [Там же].

11 июня вопрос об издании декрета о введении комбедов рассматривался на заседании ВЦИК, в ходе которого левые эсеры подвергли критике проект, представленный большевиками. В.А. Карелин от лица левозерской фракции заявил, что левые эсеры рассматривают создание комбедов как «определенную тенденцию вставшего на путь бюрократического централизма правительства идти войной на упразднение Советов крестьянских депутатов» [32. С. 403]. Левые эсеры продемонстрировали, что их позиция по разрешению продовольственного вопроса расходится с большевистской, тем не менее, большинством голосов проект декрета был утвержден, причем левозерская фракция целиком отказалась участвовать в голосовании [Там же. С. 412].

Кризис во взаимоотношениях большевиков и левых эсеров продолжал углубляться. На заседании ВЦИК 14 июня 1918 г., где рассматривался вопрос об исключении из советов партий эсеров и меньшевиков как политических сил, поддерживающих «контрреволюционные выступления», В.А. Карелин от фракции левых эсеров заявил, что «нет достаточных оснований, устанавливающих участие партий в контрреволюционных попытках», и выступил против предложения большевиков [Там же. С. 428]. Большинство голосов делегатов эсеры и меньшевики были исключены из всех советов и лишены права присутствовать на заседаниях ВЦИК [Там же. С. 439]. Голосование показало, что левые эсеры отказались поддержать радикальные меры большевиков по борьбе с противниками советской власти.

Краеугольным камнем во взаимоотношениях двух партий стал вопрос о смертной казни. Лидеры партии

левых эсеров являлись ее противниками и выступали категорически против возвращения смертной казни в России [34. С. 59]. На заседании Президиума ВЦИК обсуждалось заявление об отмене смертного приговора капитану 1-го ранга А.М. Щастному, обвиненному в «контрреволюционных действиях». Это заявление было отклонено большинством голосов большевиков, несмотря на возражения левых эсеров. В знак протеста против утверждения приговора левые эсеры объявили о выходе из состава Революционного трибунала при ВЦИК [17. Оп. 34. Д. 36. Л. 224].

Взаимодействие двух партий в Президиуме ВЦИК IV созыва стало показателем кризиса в двухпартийной системе советской власти. Представители левозерской фракции, не одобрявшие политику большевиков, пытались спорить с ними на заседаниях Президиума, однако эти возражения не приводили к ощутимым результатам. Споры в Президиуме носили принципиальный характер, о чем косвенно свидетельствуют воспоминания К.Т. Свердловой, согласно которым Я.М. Свердлов жаловался на политику левых эсеров в центральных органах власти, отмечая, что «во ВЦИК с ними стало невозможно работать» [35. С. 356].

В целом совместная деятельность двух партий в рамках Президиума ВЦИК II–IV созывов характеризовалась сотрудничеством между этими партиями и конфликтами, имевшими преимущественно идеологический характер. Президиум ВЦИК был важным органом двухпартийной системы, отличительной чертой которой стало взаимодействие большевиков и левых эсеров в центральных органах власти. Период двухпартийности в Президиуме ВЦИК завершился 6 июля 1918 г., когда произошло вооруженное выступление левых социалистов-революционеров. Это событие послужило началом устранения партии левых эсеров с политической арены Советской России.

ЛИТЕРАТУРА

- Шестаков А.В. Блок с левыми эсерами: (страницы из истории Октябрьской революции) // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 21–47.
- Владимирова В. Левые эсеры в 1917–1918 гг. // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 101–140.
- Королева А. Левые эсеры и хлебная монополия // Борьба классов. 1935. № 10. С. 54–63.
- Парфенов В.Е. Разгром «левых» эсеров. М.: Московский рабочий, 1940. 80 с.
- Гусев К.В. Крах партии левых эсеров М.: Соцэкгиз, 1963. 259 с.
- Городецкий Г.Н. Рождение Советского государства. М.: Наука, 1965. 523 с.
- Сивохина Т.А. Крах мелкобуржуазной оппозиции. М.: Политиздат, 1973. 232 с.
- Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М.: Наука, 1977. 335 с.
- Клеандрова В.М. Организация и формы деятельности ВЦИК 1917–1924 гг. М.: Юрид. лит., 1968. 127 с.
- Федоров К.Г. ВЦИК в первые годы Советской власти, 1917–1920 гг. М.: Госюриздат, 1957. 170 с.
- Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология в 1917–1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997. 356 с.
- Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. М.: Наука, 1995. 232 с.
- Волохин П.П. Политическая деятельность левых эсеров во ВЦИК Советов: июнь 1917 – июль 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999. 296 с.
- Грубов В.И. «Пасынки Октября»: умеренная социалистическая оппозиция большевизму в центральных органах власти Советской России (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.). М.: Рос. ун-т кооперации, 2007. 151 с.
- Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: АИРО-XXI, 2007. 624 с.
- Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. 192 с.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235.
- Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Госполитиздат, 1957. 252 с.
- Известия Чрезвычайного Всероссийского крестьянского съезда. Петроград. 1917. 22 ноября.
- Малкин Б.Ф. На крестьянском съезде // Об Ильиче. Воспоминания питерцев / сост. Е.А. Султанова, Т.П. Бондаревская. Л.: Лениздат, 1970. С. 438–441.
- Известия ЦИК. 1917. 16 ноября.

22. Лавров В.М. Создание объединенного ВЦИК (ноябрь 1917 г.) // Исторический опыт великого Октября. М. : Наука, 1986. С. 242–250.
23. Декреты советской власти. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. 625 с.
24. Голос трудового крестьянства. Пг., 1917. 10 дек.
25. Всероссийское Учредительное собрание / под ред. М.Н. Покровского и Я.Л. Яковлевой. М. ; Л. : Госиздат, 1930. 219 с.
26. Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. М. : Археографический центр, 1996. 254 с.
27. Смирнов Н.Н. Третий Всероссийский съезд Советов. Л. : Наука, 1988. 126 с.
28. Сивохина Т.А. Непролетарские партии в послеоктябрьский период России. Сотрудничество и борьба. М. : Изд-во МГУ, 1995. 158 с.
29. Троцкий Л.Д. О Ленине // К истории русской революции. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 204–246.
30. Стенографический отчет 4-го чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М. : Госиздат, 1920. 160 с.
31. Партия левых социалистов-революционеров. М. : РОССПЭН, 2010. Т. 2, ч. 1. 774 с.
32. Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва. (Стенографический отчет). М. : Госиздат, 1920. 442 с.
33. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во полит- лит-ры, 1974. Т. 50. 623 с.
34. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: стенографический отчет. М. : Изд-во ВЦИК, 1918. 254 с.
35. Свердлова К.Т. Яков Михайлович Свердлов. М. : Молодая гвардия, 1985. 399 с.

Kontsevoy Ilya A. Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: ilkontsevoy@gmail.com

EXPERIENCE OF THE TWO-PARTY SYSTEM: THE BOLSHEVIKS AND THE LEFT SOCIALIST-REVOLUTIONARIES IN THE CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEE PRESIDIUM OF II – IV CONVOCATIONS.

Keywords: the Bolsheviks; the Left SRs; V.I. Lenin; M.A. Spiridonova; two-party system; revolution; soviets.

This article is devoted to the study of the interaction between the Bolsheviks and the Left SRs in the framework of the Central Executive Committee Presidium of II-IV convocations, which influenced the formation of the Soviet governmental institutions in 1917–1918. The aim of this study is to determine the characteristics of the interaction between the Bolsheviks and the Left SRs in the CEC Presidium, as well as the degree of participation of the two parties in the formation of the Soviet state-political system. The main objective of my research is a comprehensive review of the participation of these two parties in the organization and functioning of the CEC Presidium and the study of the principles of their joint activities in this state body on the basis of archival documents and sources of personal origin. In the Soviet period researchers have paid considerable attention to this issue, however, they investigated the process of the formation of the Soviet political system only through a prism of the struggle between the Bolsheviks and the Left SRs. In modern studies of this problem the political activities of the Left Socialist-Revolutionaries in the CEC Presidium has not become the subject of a separate study. In this connection, investigation of participation of these two parties in the Soviet government is the most actual issue. The joint work of the Bolsheviks and the Left SRs in the CEC Presidium was a characteristic feature of the Soviet state in the post-revolutionary period that proves the existence of the two-party system. When interacting with each other, they were forced to make compromises. The CEC Presidium of III - IV convocations, which included only two parties, became the public authority, which made state decisions. The adoption of these decisions was accompanied by discussions between the representatives of the Bolsheviks and the Left SRs on various issues. The two-party system emerged at the end of 1917 – beginning of 1918 that allowed the Bolsheviks to neutralize political opponents of the Council of People's Commissars. The conflict between the Bolsheviks and the Left SRs on the question of the Brest peace treaty was the cause of the first crisis in the two-party system. The change in the party composition of the CEC in the spring of 1918 led to the Bolshevik's number and its influence increase in the CEC Presidium. Due to the beginning of the food dictatorship policy the confrontation between these two political forces became constant. This led to the collapse of the Soviet two-party system in the CEC Presidium. On the basis of archival documents we can conclude that their cooperation in the first post-revolutionary months was the most successful. Subsequently, this interaction acquired a character of crisis that was accompanied by the increase of conflicts among the leaders of the Bolsheviks and the Left SRs. Despite of contradictions between the parties, the two-party system in the CEC of II - IV convocations was very important for the Soviet political system development.

REFERENCES

1. Shestakov, A.V. (1927) Blok s levymi eserami: (stranitsy iz istorii Oktyabr'skoy revolyutsii) [The alliance with the left Socialists-Revolutionaries (pages from the history of the October Revolution)]. *Istoriik-marksist*. 6. pp. 21–47.
2. Vladimirova, V. (1927) Levye esery v 1917–1918 gg. [The Left Socialists-Revolutionaries in 1917–1918]. *Proletarskaya revolyutsiya*. 4. pp. 101–140.
3. Koroleva, A. (1935) Levye esery i khlebnaya monopoliya [The Left Socialists-Revolutionaries and the grain monopoly]. *Bor'ba klassov*. 10. pp. 54–63.
4. Parfenov, V.E. (1940) *Razгром "levykh" eserov* [The defeat of the Left Socialists-Revolutionaries]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
5. Gusev, K.V. (1963) *Krakh partii levykh eserov* [The collapse of the Left Socialists-Revolutionaries]. Moscow: Sotsekgiz.
6. Gorodetskiy, G.N. (1965) *Rozhdenie sovetskogo gosudarstva* [The birth of the Soviet state]. Moscow: Nauka.
7. Sivokhina, T.A. (1973) *Krakh melkoburzhaznoy oppozitsii* [The collapse of the small bourgeois opposition]. Moscow: Politizdat.
8. Razgon, A.I. (1977) *VTsIK Sovetov v pervye mesyatsy diktatury proletariata* [The Central Executive Committee in the first months of the proletariat dictatorship]. Moscow: Nauka.
9. Kleandrova, V.M. (1968) *Organizatsiya i formy deyatel'nosti VTsIK 1917–1924 gg.* [Organisation and activities of the Central Executive Committee in 1917–1924]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Fedorov, K.G. (1957) *VTsIK v pervye gody Sovetskoy vlasti, 1917–1920 gg.* [The Central Executive Committee in the early years of Soviet power, 1917–1920]. Moscow: Gosyurizdat.
11. Leonov, S.V. (1997) *Rozhdenie sovetskoy imperii: gosudarstvo i ideologiya v 1917–1922 gg.* [The birth of the Soviet empire: The state and ideology, 1917–1922]. Moscow: Dialog-MGU.
12. Gimpelson, E.G. (1995) *Formirovaniye sovetskoy politicheskoy sistemy* [Formation of the Soviet political system]. Moscow: Nauka.
13. Volokhin, P.P. (1999) *Politicheskaya deyatel'nost' levykh eserov vo VTsIK Sovetov: iyun' 1917 – iyul' 1918 gg.* [Political activities of the Left Socialists-Revolutionaries in the Central Executive Committee: June 1917 – July 1918]. History Can. Diss. Ekaterinburg.
14. Grubov, V.I. (2007) *"Pasyunki Oktyabrya": umerennaya sotsialisticheskaya oppozitsiya bol'shevizmu v tsentral'nykh organakh vlasti Sovetskoy Rossii (oktyabr' 1917 g. – iyul' 1918 g.)* ["Stepsons of October": Moderate socialist opposition to Bolshevism in the central organs of the Soviet Russian authorities (October 1917 – July 1918)]. Moscow: Russian University of Cooperation.
15. Rabinovich, A. (2007) *Bol'sheviki u vlasti. Pervyy god sovetskoy epokhi v Petrograde* [Bolsheviks in power. The first year of the Soviet era in Petrograd]. Moscow: AIRO-XXI.

16. Central Executive Committee. (1918) *Protokoly zasedaniy VTsIK II sozyva* [Minutes of the Central Executive Committee of the Second Convention]. Moscow: VTsIK.
17. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF). Fund R-1235.
18. Reed, J. (1957) *Desyat' dney, kotorye potryasli mir* [Ten Days That Shook the World]. Moscow: Gospolitizdat.
19. *Izvestiya Chrezvychaynogo Vserossiyskogo krest'yanskogo s"ezda*. 22nd November.
20. Malkin, B.F. (1970) Na krest'yanskom s"ezde [At the Peasant Congress]. In: Sultanova, E.A. & Bondarevskaya, T.P. (eds) *Ob Il'iche. Vospominaniya pitertsev* [Ilyich. Memories of Petrograd residents]. Leningrad: Lenizdat. pp. 438–441.
21. *Izvestiya TsIK*. (1917) 16th November.
22. Lavrov, V.M. (1986) Sozdanie ob"edinennogo VTsIK (noyabr' 1917 g.) [Creating a unified Central Executive Committee (November 1917)]. In: Tikhvinskiy, S.L., Samsonov, A.M. & Spirin, L.M. (eds) *Istoricheskiy opyt velikogo Oktyabrya* [Historical experience of the Great October Revolution]. Moscow: Nauka. pp. 242–250.
23. Soviet Union. (1957) *Dekrety sovetskoy vlasti* [The decrees of the Soviet power]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
24. *Golos trudovogo krest'yanstva*. (1917) 10th December.
25. Pokrovskiy, M.N. & Yakovleva, Ya.L. (eds) *Vserossiyskoe Uchreditel'noe sobranie* [The All-Russian Constitutive Assembly]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
26. Lavrov, V.M. (1996) "Krest'yanskiy parlament" Rossii [The "Peasants Parliament" in Russia]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr.
27. Smirnov, N.N. (1988) *Tretiy Vserossiyskiy s"ezd Sovetov* [The Third All-Russian Congress of Soviets]. Leningrad: Nauka.
28. Sivokhina, T.A. (1995) *Neproletarskie partii v posleoktyabr'skiy period Rossii. Sotrudnichestvo i bor'ba* [Non-proletarian parties in Russia after the October period. Co-operation and the fight]. Moscow: Moscow State University.
29. Trotskiy, L.D. (1990) *K istorii russkoy revolyutsii* [On the History of the Russian Revolution]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 204–246.
30. The Soviet of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossacks' Deputies. (1920) *Stenograficheskiy otchet 4-go chrezvychaynogo s"ezda Sovetov rabochikh, soldatskikh, krest'yanskikh i kazach'ikh deputatov* [The verbatim record of the 4th Extraordinary Congress of Soviet of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossacks' Deputies]. Moscow: Gosizdat.
31. Leontiev, Ya.V. (2010) *Partiya levyykh sotsialistov-revolutsionerov* [Left Socialist Revolutionaries]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
32. The Central Executive Committee. (1920) *Protokoly zasedaniy VTsIK IV sozyva. (Stenograficheskiy otchet)* [Minutes of the Central Executive Committee of the 4th Convention (Transcript)]. Moscow: Gosizdat.
33. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 50. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
34. The Soviet of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossacks' Deputies. (1918) *Pyatyy Vserossiyskiy s"ezd Sovetov rabochikh, soldatskikh, krest'yanskikh i kazach'ikh deputatov: stenograficheskiy otchet* [The Fifth All-Russian Congress of Soviet of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossacks' Deputies: Verbatim record]. Moscow: VTsIK.
35. Sverdlova, K.T. (1985) *Yakov Mikhaylovich Sverdlov* [Yakov Sverdlov]. Moscow: Molodaya gvardiya.

УДК 94(470) + 329(470)КП + 329.8 + 323.2
DOI 10.17223/19988613/45/5

М.А. Симонов

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЕКТОВ ИЗМЕНЕНИЙ УСТАВА ВКП(б) 1947 И 1952 гг.

Проводится сравнительный анализ двух проектов изменений Устава ВКП(б), которые разрабатывались в послевоенный период. Они были созданы под руководством разных людей и несли в себе кардинально различные взгляды на принципы внутрипартийной жизни и управление государством. Статья помогает пролить свет на идейные установки фигурантов «Ленинградского дела», так как подготовкой варианта Устава 1947 г. занимались А.А. Жданов и А.А. Кузнецов, а также помогает лучше понять ситуацию в стране, сложившуюся в последние годы жизни И.В. Сталина.

Ключевые слова: И.В. Сталин; А.А. Жданов; А.А. Кузнецов; Устав ВКП(б); послевоенный СССР.

Организация и регламентация деятельности членов и кандидатов в члены Коммунистической партии Советского Союза являлись актуальной задачей для её высшего руководства на протяжении всей советской истории и особенно в переломные моменты, например в первые послевоенные годы. Тогда количество членов и кандидатов ВКП(б) резко возросло: если на 1 января 1941 г. в ВКП(б) насчитывалось членов и кандидатов партии 3 872 465 человек, то на 1 марта 1946 г. уже 5 631 015 человек [1. Ф. 17. Оп. 121. Д. 450. Л. 126]. Таким образом, всего за пять лет численность коммунистов выросла почти в 1,5 раза. В дальнейшем рост партийных рядов продолжился и регулирование деятельности такой массы людей становилось всё более острой проблемой. К тому же после войны вновь стал актуален вопрос о роли партии в системе управления и о принципах внутрипартийной жизни, которыми в годы войны сильно пренебрегали. Все эти и многие другие вопросы общественно-политической жизни нашли отражение в важнейших документах той эпохи – проектах Устава, разработанных в 1947 и 1952 гг. В них отразились различные представления о роли партийного аппарата в советском обществе и принципы управления страной после окончания войны.

Как известно, первый из них так и остался проектом, практически не упоминался в отечественной историографии, и лишь относительно недавно он попал в полное зрение историков – ему посвящены работы А.В. Пыжикова [2. С. 3–10] и К.А. Болдовского [3. С. 46–55]. Между подготовкой двух проектов изменений Устава партии прошло всего пять лет, и разрабатывались они в сходной обстановке, поэтому важно проанализировать отличительные черты этих проектов и их влияние на внутреннюю политику СССР.

Окончание Великой Отечественной войны и складывание принципиально новых внутри- и внешнеполитических условий для Советского государства вызвало необходимость определения дальнейших ориентиров развития страны. Социально-экономические задачи были обозначены в четвертом пятилетнем плане, утвержденном Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г., при этом существовала потребность внести

коррективы и в деятельность партии, предыдущий съезд которой состоялся еще до войны. Поэтому 15 июля 1947 г. на заседании Политбюро была создана комиссия по разработке новой (третьей по счёту) программы партии под председательством секретаря ЦК по идеологии А.А. Жданова, в нее входили П.Н. Поспелов (главный редактор газеты «Правда»), М.Т. Иовчук (секретарь ЦК КП Белоруссии по пропаганде и агитации), Д.Т. Шепилов (редактор отдела пропаганды газеты «Правда»), Г.Ф. Александров (начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)), П.Н. Федосеев (1-й заместитель начальника Управления пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б)), Н.А. Вознесенский (председатель Госплана СССР), К.В. Островитянов (директор Института экономики Академии наук СССР), О.В. Куусинен (председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, член ЦК ВКП(б))¹ [1. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 13]. О результатах своей работы комиссия должна была сделать доклад 29 июля 1947 г., т.е. всего через две недели после создания.

Как видно из документов комиссии, её работа не ограничилась только разработкой программы, 21 июля на имя Сталина была направлена служебная записка за подписью А.А. Жданова, А.А. Кузнецова и М.А. Сулова с предложением о воссоздании комиссии «по подготовке текста нового Устава ВКП(б)» [Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 1], которая была образована на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. в составе: «Сталин (председатель), Андреев, Багиров, Бенедиктов, Берия, Вознесенский, Ворошилов, Вышинский, Донской, Жданов, Каганович Л.М., Калинин, Коротченко, Лозовский, Маленков, Мануильский, Мехлис, Микоян, Митин, Молотов, Поспелов, Скворцов, Хрущев, Шверник, Щербаков, Юсупов, Ярославский» [4. С. 687]. Эта комиссия приняла новый Устав ВКП(б), но работа над усовершенствованием текста Устава и Программы велась и во время Великой Отечественной войны. Сохранилась брошюра «Программа и Устав ВКП(б)» с незначительными и уточняющими поправками И.В. Сталина, датируемая 1942 г. [1. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 3–41]. После окончания войны в составе ко-

миссии произошли значительные изменения. Председателем комиссии вместо И.В. Сталина стал А.А. Жданов, потому что после войны «многие вопросы оперативного руководства передавались различным инстанциям, в работе которых сам Сталин не принимал участия. Это позволяло ему сконцентрироваться на более узком круге политических вопросов...» [5. С. 11]. К тому же А.А. Жданов, как секретарь ЦК ВКП(б), курировал вопросы идеологии и пользовался личным доверием И.В. Сталина. Членами же комиссии стал тридцать один человек вместо двадцати семи, и только шестеро присутствовали в обоих составах – они составляли чуть меньше одной пятой нового состава комиссии.

В конечном итоге членами комиссии стали: А.А. Кузнецов, Н.С. Патоличев, Г.М. Попов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, Н.А. Булганин, Н.С. Хрущев, И.В. Шикин, Н.А. Михайлов, П.С. Попков, К.Н. Чарквиани, М.Д. Багиров, Селезнев, М.Ф. Шкирятов, А.Ю. Снечук, Н.Г. Каротамм, Ж.Ш. Шаяхметов, Попова [1. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 3]. Также, кроме основной комиссии, была создана подкомиссия во главе с секретарем ЦК и начальником Управления кадров ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецовым; состав подкомиссии: А.А. Жданов, М.А. Суслов, Г.М. Попов, В.В. Кузнецов, М.И. Родионов, Н.М. Пегов, А.А. Андреев, М.А. Шамберг, Л.А. Слепов, В.Г. Григорьян, Н.А. Михайлов, Н.Н. Шаталин и Виноградов [Там же. Л. 2].

По моему мнению, двухуровневая структура была создана с целью распределения обязанностей: под руководством Кузнецова разрабатывался проект Устава, а под руководством Жданова происходили обсуждение и редактирование положений проекта Устава. Как видно из списка членов комиссии, значительную её часть составляли региональные секретари, которые не могли долгое время находиться в Москве, например, К.Н. Чарквиани – первый секретарь грузинской компартии или П.С. Попков – первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). Поэтому, вероятнее всего, основная работа легла на сотрудников аппарата ЦК ВКП(б), т.е. А.А. Кузнецова, Н.М. Пегова, М.А. Суслова, М.А. Шамберга и т.д.

При этом, по всей видимости, А.А. Жданов как руководитель комиссии получал устные указания от И.В. Сталина на совещаниях, а фиксация их выполнения на бумаге происходила позже – «задним числом». На это указывают тот факт, что проект изменений Устава ВКП(б) был направлен на имя А.А. Жданова Н.М. Пеговым как «предварительные предложения об изменениях в Уставе ВКП(б)» еще 5 июля, т.е. за 10 дней до решения о создании комиссии по разработке программы партии, а также дата на бланке с повесткой заседания пленума ЦК ВКП(б), на котором рассматривался вопрос «О программе и уставной комиссии» – 21 февраля 1947 г. [Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 45]. Поэтому можно смело утверждать, что проект Устава ВКП(б) от 1947 г. отображает точку зрения

И.В. Сталина на партийное строительство в первые послевоенные годы.

Точно так же, т.е. не напрямую, а обрисовывая ключевые тезисы, наставляя официального руководителя группы, И.В. Сталин действовал при подготовке макета учебника по политической экономии, на это в своих воспоминаниях указывал Д.Т. Шепилов² [6. С. 144–159]. Это же следует из журнала посещений кремлевского кабинета И.В. Сталина, в котором фамилия «Кузнецов» за лето 1947 г. отмечена семь раз [1. Ф. 558. Оп. 11. Д. 417. Л. 18 об., 20, 21 об., 22; 24 об., 25 об., 28 об.]. Из-за специфики учета посетителей в приемной нет возможности сказать, был ли среди присутствующих секретарь ЦК А.А. Кузнецов или, к примеру, бывший главнокомандующий ВМФ, начальником Управления военно-морских учебных заведений Н.Г. Кузнецов. Однако 15 июля 1947 г. в день, когда на заседании Политбюро было принято решение о создании комиссии по разработке новой программы, в кабинете Сталина с 19.30 до 22.10 прошло заседание [Там же. Д. 417. Л. 28 об.] с участием Жданова, Кузнецова и Суслова. Вполне вероятно, что результатом этого заседания могла стать записка от 21 июля и приложенный к ней текст варианта Устава.

После ряда обсуждений и работы в комиссии готовый проект предложений об изменении Устава ВКП(б) лег на стол А.А. Жданова. В тексте отсутствуют какие-либо подчеркивания, пометы и указания за исключением даты и подписи Н.М. Пегова, выполненные синим карандашом на последней странице документа, – по всей видимости, он исполнял роль секретаря комиссии. Отсутствие исправлений объясняется тем, что в архивных фондах отложился только чистовой вариант проекта изменений Устава. Все предполагаемые изменения в тексте были разбиты на пять блоков: 1) дальнейшее укрепление единства и сплоченности партии; 2) предложения по вопросам членства в партии; 3) внутрипартийная демократия; 4) структура и функции руководящих партийных органов; 5) поправки редакционного характера. Они охватывали большинство направлений деятельности партии, установленные Уставом ВКП(б) в редакции 1934 г. с частичными изменениями 1939 г., за исключением работы парторганизаций в армии, на транспорте и работы партийных групп во внепартийных организациях.

Непосредственно в тексте проекта предложений об изменении в Уставе ВКП(б) от 5 июля 1947 г. отмечались состояние советского общества и внутрипартийная ситуация, сложившаяся еще до войны. Например, говорилось, что «опасность раскола партии и возрождения фракционности давно миновала» [Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 4]. Таким образом, констатировалось, что угроза возникновения антипартийных группировок исчезла.

Члены комиссии предлагали осуществить ряд мер, направленных на улучшение руководства партией в новых условиях. Первыми в этом ряду стояли меры по

отмене указаний о чрезвычайных положениях, которые были прописаны в Уставе еще с *революционных времен*. Предлагалось «исключить, как устаревшие, положения о Всесоюзных чрезвычайных съездах и об условиях образования Организационного комитета, пользующегося правами Центрального Комитета ВКП(б) <...> опустить из Устава указания об условиях созыва чрезвычайных съездов и конференций местных партийных организаций» [6. Л. 5]. Таким образом, был взят курс на исключение экстраординарных процедур при сохранении ординарных, что, в свою очередь, увеличивало управляемость ВКП(б).

В тексте предложений по изменению Устава интересен пункт о мере взыскания за нарушение партийной дисциплины – «предлагается опустить те же положения, которые исходят из возможности возрождения фракций и группировок и опасности раскола партии» [Там же]. Это положение также свидетельствует о том, что в данный период развития страны высшее руководство СССР и ВКП(б) не видело угрозы подрыва единства партии. Так, в знаменитой резолюции «Об единстве партии» от 16 марта 1921 г. давались признаки фракционности «...особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и **создать свою групповую дисциплину** (выделено мной. – М.С.)» [7. С. 585]. Таких положений в проекте изменений Устава 1947 г. не наблюдалось.

Предложения комиссии также касались *возраста вступления молодых людей в ряды партии*. В отношении членов ВЛКСМ предлагалось ввести ограничение – 23 года. Если кто-то из членов молодежной организации раньше этого возраста становился членом ВКП(б), то он оставался также и в рядах ВЛКСМ и входил в так называемое «партийное ядро в нем и принимал активное участие в работе ВЛКСМ» [1. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 7]. Объективно это предложение было направлено на усиление контроля партии за молодежной средой, которой традиционно уделялось большое внимание. К тому же после достижения 23-летнего возраста такие члены партии уже имели определенный партстаж и выработанную дисциплину.

Интересное предложение, которое вполне могло повлечь серьезные последствия, было внесено в разделе «О выборах руководящих партийных органов». В самом документе оно охарактеризовано как «спорное» и дано как результат обсуждения. «Непосредственно путем прямых выборов избираются члены ЦК ВКП(б), ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов партии. Партийные конференции и съезды не проводятся» [Там же. Л. 9]. Здесь же предлагалось запретить кооптацию в состав партийных комитетов.

По сути, эти предложения означали, что в партии должны будут проводиться прямые выборы на любые руководящие должности среди всех членов ВКП(б). Претенденты будут обсуждаться среди всех партийцев страны на множествах партийных собраний. Ин-

ститут кооптации, который существовал в это время, был выгоден для региональных элит. Он позволял проводить нужных людей в местные партийные и советские органы, так как количество претендентов всегда было ограничено определенным кругом лиц. Поэтому союзный центр проводил различные мероприятия, направленные на борьбу с кооптацией, начиная еще с 1920-х гг., а после войны этой темы не раз касался секретарь ЦК по кадрам А.А. Кузнецов на встречах с секретарями союзных республик [Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 640. Л. 96–123].

Большое количество предложений касалось разнообразных мер, направленных на *усиление влияния партийных комитетов всех уровней*. Так, предлагалось, что «конференция не только заслушивает отчеты комитета и ревизионной комиссии, но также обсуждает и вопросы партийной, советской, хозяйственной и профсоюзной работы в округе, городе, районе <...> активы должны созываться не только для обсуждения важнейших решений партии и правительства, но и для обсуждения важнейших вопросов местной работы» [Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 10]. По сути, это положение вторило преамбуле Устава 1939 г. «Партия является руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных, обеспечивает успешное построение коммунистического общества» [4. С. 677], а также ст. 126 Конституции СССР, провозглашавшей, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» [8. С. 4].

Однако помимо этого проект изменений Устава наделял местные партийные комитеты еще одним полномочием, не прописанным в предыдущих редакциях Устава, – *контролем за положением дел в регионах и местных хозяйственных органах*. «Права и обязанности местных парторганов <...> осуществлять правильный подбор и расстановку кадров, их большевистское воспитание и выдвижение <...> [местный партийный комитет]. Систематически информирует ЦК ВКП(б) о положении дел в области, крае, республике <...> [ему] предлагается предоставить право контроля партийным организациям учреждений и ведомств» [1. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 13–16]. Таким образом предполагалось уменьшить влияние хозяйственных руководителей и усилить партийные структуры на местах [9. С. 53–70]³.

Вместе с этим в проекте предлагалось *увеличить партийный стаж* для претендентов на должности: первого секретаря окружкома, горкома, райкома – до 5 лет вместо 3; для должности первого секретаря обкома, крайкома, ЦК компартии союзной республики до 10 лет вместо 5. Такая мера объективно отсекала от занятия этих должностей недавно вступивших в пар-

тию фронтовиков, которые составляли численное большинство партии, так как за годы войны кандидатами и членами было принято в два раза больше людей, чем за соответствующий период до войны [1. Ф. 17. Оп. 121. Д. 450. Л. 89]. И наоборот, гарантировала занятие их преимущественно кадрами, начавшими свою карьеру еще в довоенный период. Учитывая, что людей, переживших предвоенные чистки, войну и обладавших нужными компетенциями для подобной работы ко второй половине 1940-х гг., оставалось относительно немного, можно говорить о том, что в проекте изменений Устава был заложен механизм стабилизации и профессионализации кадрового состава ВКП(б). Однако это содействовало и увеличению времени пребывания функционеров на одном посту без перевода на другую работу или их понижению в должности.

Особо в проекте изменений Устава выделяется политика, проводимая партией в отношении партийных организаций на предприятиях и учреждениях, насчитывающих свыше трехсот членов и кандидатов партии. Применительно к ним имела существенная преференция – «создавать партийные комитеты с предоставлением цеховым парторганизациям этих предприятий прав первичной партийной организации» [Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 16].

Как правило, эта норма касалась крупных производственных предприятий – заводов и фабрик. В этом случае крупное предприятие получало определенную автономию и рассматривалось органами власти, на территории которых находилось предприятие, как самостоятельная административно-хозяйственная единица. Это было прямо прописано в действовавшей на тот момент второй программе ВКП(б): «...избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)» [10. С. 396].

По такому же принципу были созданы партийные организации ряда крупных и важных для власти учреждений – сотрудников лагерей в системе ГУЛага и научно-исследовательских институтов при военных наркоматах или НКВД⁴. Из-за своей значимости степень партийного контроля за предприятиями и учреждениями была высока. Поэтому порог образования первичной партийной организации был снижен с 500 до 300 человек, т.е. на предприятии увеличивалось количество первичных организаций – усиливался контроль за рядовыми коммунистами. А повышение порога для наличия освобожденного партийного секретаря с 150 до 200 членов [1. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 16–17] удешевляло содержание партийного аппарата.

Проект Устава, разрабатываемый комиссией А.А. Жданова, скорее всего, предполагалось обсудить на XIX всесоюзной конференции ВКП(б), которая должна была пройти в 1948 г. либо на XIX съезде партии, планировавшемся раньше 1952 г.⁵ Однако в августе 1948 г. умер председатель комиссии А.А. Жданов, а председатель подкомиссии А.А. Кузнецов в 1949 г.

стал фигурантом так называемого «Ленинградского дела». Поэтому основные члены уже не принимали участия в её работе. Однако работа над текстом нового Устава продолжалась и после 1948–1949 гг. под непосредственным руководством генерального секретаря. В фонде И.В. Сталина сохранился вариант Устава ВКП(б), изданный в 1950 г. с его принципиальными пометами. В частности, он сделал указание черным карандашом «программа есть, а тактика где? интернационализм?» [Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 125. Л. 20]. Эти указания он оставил уже новому составу комиссии по разработке проекта Устава: Н.С. Хрущев (председатель), Г.П. Громов, Н.М. Пегов, М.Ф. Шкирятов, М.А. Суслов и Г.М. Маленков. Комиссия сократилась с тридцати одного до шести человек, пятеро из которых уже были в предыдущих составах комиссии [Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 148, 163]. Можно предположить, что Н.С. Хрущев после смерти А.А. Жданова и ареста А.А. Кузнецова получил от И.В. Сталина ряд вопросов, которые курировали А.А. Жданов и А.А. Кузнецов. В новом составе комиссии были сконцентрированы опытные аппаратчики, с которыми Сталин контактировал чаще всего. Это подтверждает и журнал посещений Сталина [11. С. 655–657, 727].

Сложно определить, сколько времени заняла разработка проекта изменений Устава комиссией под председательством Н.С. Хрущева. Можно определить лишь минимальную верхнюю границу разработки документа – не ранее 1950 г., когда Сталин сделал пометы на указанном выше варианте, и нижнюю границу – 14 октября 1952 г., день закрытия XIX съезда ВКП(б), на котором был принят новый Устав партии. Все это время – 2 года, над проектом велась работа, так как сохранился проект ЦК ВКП(б) Устава КПСС [1. Ф. 558. Оп. 11. Д. 125. Л. 35–48] со стилистическим исправлением И.В. Сталина на первой странице текста и вычеркнутым абзацем на последней странице – пометы произведены синим карандашом. Проект ЦК ВКП(б) Устава КПСС в фонде И.В. Сталина должен рассматриваться как финальный перед публикацией, так как он текстуально совпадает с опубликованным в материалах съезда.

Разработанный комиссией Н.С. Хрущева текст предложений изменения Устава был подан на утверждение И.В. Сталину 24 июня 1952 г. Выдержки из него впервые были опубликованы в газете «Правда» как ознакомительный материал к XIX съезду [12. С. 1]. По сути, именно эти предложения являлись основой для новой редакции Устава ВКП(б), принятой съездом.

Характерной чертой второго проекта является вводная объяснительная часть, которая отражает изменения во внутренней политике СССР и отношении Сталина к партии. В ней говорилось, что в новом Уставе «должен быть отражен опыт <...> накопленный партией за годы, прошедшие после XVIII съезда, **особенно по преодолению недостатков и болезненных явлений в жизни и работе партийных организаций** (вы-

делено мной. – М.С.)» [1. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 149]. По сути, эта формулировка оправдывала возможное продолжение практики политических репрессий среди работников партаппарата. Ничего подобного не было в проекте изменений Устава, разработанном в 1947 г.

В проекте Устава ВКП(б) 1952 г. осуждалась практика преференций партийных руководителей с большим партстажем. В нем подчеркивалось, что «зло, которое имеет место в нашей партии, состоит в том, что часть коммунистов неправильно полагает, будто у нас в партии имеется две дисциплины – одна для рядовых членов, другая – для руководителей. Партия не может мириться с таким барским, антипартийным представлением о дисциплине. Это зло надо также решительно выкорчевывать, так как оно подрывает партийную и государственную дисциплину и наносит тем самым серьезный ущерб государству <...> один закон для всех коммунистов, независимо от занимаемых ими постов и заслуг» [Там же]. В указанных строках отчетливо читается недоверие Сталина к «зарвавшимся и зазнавшимся» руководящим партийным кадрам, особенно на местах. В сталинской системе это могло быть расценено как сигнал к подготовке новых чисток руководящих органов.

Проект изменений Устава ВКП(б), подготовленный комиссией Н.С. Хрущева, избилует эмоционально окрашенными словами – «злом», «большим злом», «ротозейством» и т.д. Также вводится понятие «антипартийные люди», которые «препятствуют устранению недостатков и болезненных явлений». В тексте есть отсылки к применению жестких мер в будущем по отношению к партийным руководителям: «партия обязана провести беспощадную борьбу с такими сановниками» [Там же. Л. 151].

При этом для рядовых членов партии была введена еще одна, дополнительная мера партийного взыскания: «партийная организация может переводить члена партии в кандидаты на срок до одного года» [Там же. Л. 155]. Вероятно, она была обусловлена тем, что в ВКП(б) сохранялось большое количество членов, имевших небольшой образовательный уровень и низкую партийную дисциплину. Таким образом можно было либо заставить людей работать над собой, либо окончательно вывести их из партии. Тем же целям служили постановления, направленные на введение всевозможных проверок и экзаменов для членов партии, которые издавались начиная с 1946 г. В качестве примера можно привести постановление «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)» от 8 июля 1946 г. [Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377, 405, 483].

Прием в партию новых членов предусматривал усиление требований к качеству работы парторганизации с кандидатами. Указывалось, что «серьезным недостатком в работе партийных организаций является то, что они плохо занимаются политическим воспитанием

кандидатов в члены партии и проверкой их личных качеств» [Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 155]. Вместе с тем продление кандидатского стажа ограничивалось, если «кандидат партии не смог достаточно проявить себя <...> первичная партийная организация может продлить ему кандидатский стаж на срок не более одного года» [Там же. Л. 156]. Прежняя практика продления кандидатского стажа ограничений не имела.

По итогам XIX съезда Политбюро было преобразовано в Президиум Центрального Комитета партии. Вместо Политбюро с 11 членами образовывался Президиум, в который вошли 25 человек. В проекте комиссии Хрущева предлагалось ликвидировать Организационное бюро и сосредоточить всю текущую работу в Секретариате Центрального Комитета. Формально это было связано с оптимизацией работы аппарата ЦК [5]⁶. Хотя вполне вероятно, что одна из задач расширения высшего органа партии – снижение роли ближнего окружения И.В. Сталина (В.М. Молотов, А.И. Микоян, Г.М. Маленков и т.д.) за счёт новых выдвиженцев. Стоит отметить, что Президиум Центрального Комитета существовал 14 лет (с 16 октября 1952 г. по 8 апреля 1966 г.) и на его отмену политическая элита решилась только во времена Л.И. Брежнева.

Наиболее известным последствием XIX съезда является переименование партии ВКП(б) в КПСС. Это предложение было выдвинуто в проекте Устава комиссии Хрущева. Оно находилось в русле тенденции переименований, начавшейся во время войны и продолженной в послевоенные годы. Объясняя причины изменения названия партии, указывалось, что «в настоящее время нет надобности сохранять двойное наименование партии – коммунистическая и большевистская, поскольку слова “коммунист” и “большевик” выражают одно содержание» [1. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 162]. На наш взгляд, переименование партии вряд ли являлось чисто формальным преобразованием, так как в новом названии четче звучало название государства «партия Советского Союза» вместо более абстрактной «всесоюзной» партии. Это обстоятельство могло играть свою роль при возможном проведении административных реформ внутри страны или изменении баланса между центром и регионами, а также при присоединении новых республик к СССР. К тому же этот пункт еще раз подтверждал давно устоявшуюся ситуацию в политической сфере СССР – однопартийность и отсутствие даже фиктивной оппозиции.

В проекте изменений Устава комиссии Хрущев предлагал *повысить роль комиссии партийного контроля* (КПК) при Центральном Комитете. После войны в регионах был упразднен институт уполномоченных КПК – Проект предлагал восстановить этот институт. В обязанности уполномоченных должны были входить «привлечение к ответственности коммунистов, виновных в нарушении программы, Устава партии, партийной морали, а также рассмотрение апелляций на решения ЦК компартий союзных республик, краевых и об-

ластных комитетов партии об исключениях из партии и партийных взысканиях» [1. Л. 158]. Из приведенного фрагмента видно, что уполномоченных КПК предлагалось наделить полномочиями оспаривать и отменять решения региональных партийных органов по персональным делам коммунистов на местах. КПК могла делать это и раньше, но только по письменному обращению, теперь же она должна была больше походить на партийную прокуратуру. Уполномоченные по своему усмотрению могли вмешиваться в дела низовых партийных организаций. Во многом усиление роли КПК в решении дел на местах объясняется увеличением численности членов партии и, как следствие, увеличением персональных дел коммунистов. Поэтому для ослабления нагрузки на центральные органы на места были отправлены уполномоченные с широкими полномочиями для увеличения оперативности в рассмотрении персональных дел.

Местные партийные организации, т.е. обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик, «необходимо обязать <...> представлять Центральному Комитету партии отчеты о своей деятельности в сроки, устанавливаемые Центральным Комитетом» [Там же. Л. 160]. Предлагалось «в ЦК компартии союзных республик, крайкомах и обкомах партии создать секретариаты. Для того, чтобы не допускать подмены секретариатами бюро <...> следует сократить число секретарей до трех (по сравнению с бюро. – С.М.) и обязать секретариаты о принятых ими решениях докладывать соответственно бюро обкома, крайкома, ЦК компартии союзной республики» [Там же. Л. 159]. Таким образом, предполагалось усилить контроль вышестоящих организаций за нижестоящими и, возможно, бороться с усилением патрон-клиентских связей.

В целом рассмотренные в статье проекты изменений основного партийного документа отражают различные подходы в отношении центральной власти к массам рядовых членов партии и региональным партийным комитетам. Предложенный комиссией А.А. Жданова проект являлся детально более разработанным и содержал в себе больше структурных изменений. Он был ориентирован на усиление роли пар-

тийных органов в противовес государственным. Благодаря заложенным в нем механизмам часть функций по управлению страной могла быть передана от госорганов партийному аппарату. Однако этот проект не был принят в 1947 г., так как, вероятнее всего, заложенные в нем подходы к партийному и государственному строительству разошлись с мнением И.В. Сталина. Поэтому принятие нового Устава состоялось только в 1952 г. на XIX съезде партии. Для его разработки был обновлен состав комиссии по разработке Устава партии под руководством Н.С. Хрущева. Разработанный этой комиссией проект изменений в Устав 1939 г. после утверждения И.В. Сталиным и стал новым Уставом КПСС [13. С. 1122–1138]. В нем была несколько изменена структура Устава, принятого в 1939 г. Исчезло введение с указанием на то, что ВКП(б) является «секцией Коммунистического Интернационала» [4. С. 677], название первого раздела было расширено, вместо «О членах партии и их обязанностях» стало «Партия. Члены партии, их обязанности и права» – именно в этот раздел попало большинство поправок комиссии Хрущева, а также был сокращен двенадцатый раздел «Меры взыскания за нарушения партийной дисциплины». Этот Устав ставил партийные органы на местах в более подчиненное положение, чем было прописано в редакции действовавшего прежде Устава. В нем не раз подчеркивались недоверие к руководящим партийным работникам и перспектива широкой борьбы с их неправильным поведением и отношением к работе.

Работа над Уставом партии не прекратилась в 1952 г. Сразу же после принятия Устава на XIX съезде была принята резолюция «О переработке программы Коммунистической Партии Советского Союза», в которой призывалось «руководствоваться основными положениями произведения товарища Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” <...> [и предоставить] Проект переработанной программы партии на рассмотрение следующего съезда Компартии Советского Союза» [13. С. 1122–1138]. Однако в результате смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. и последовавших за ней кардинальных изменений этот план не был реализован.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Занимаемые должности указаны на июль 1947 г. [1. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 13].

² Также отметим, что над разработкой макета учебника трудились те же люди, что и над проектом программы ВКП(б): Л.А. Леонтьев, М.Б. Митин, П.Ф. Юдин.

³ Там же частный пример злоупотреблений хозяйственных руководителей на местах.

⁴ Например, научно-исследовательский институт № 6 Наркомата боеприпасов СССР в г. Москва.

⁵ Вопрос о созыве XIX съезда ВКП(б) должен был рассматриваться на упоминавшемся выше заседании пленума ЦК ВКП(б) 21 февраля 1947 г., но был вычеркнут из повестки. А документы по поводу проведения XIX всесоюзной конференции ВКП(б) датируются мартом–маем 1948 г. [1. Ф. 17. Оп. 121. Д. 633].

⁶ Подробнее об этом и подготовке новой волны массового террора см.: [1. Ф. 17. Оп. 121. Д. 633].

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив социально-политической истории.
2. Пыжилов А.В. Основные задачи ВКП(б) по строительству коммунистического общества. Из проекта Программы партии 1947 г. // Исторический архив: Научно-публикаторский журнал. 2002. № 6.

3. Болдовский К.А. Планы реформирования ВКП (б) в проекте устава партии 1947 г. // Советский мегаполис: Ленинград в процессе модернизации : сб. ст. СПб. : Северная звезда, 2014.
4. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1939.
5. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.
6. Шепилов Д.М. Непримкнувший. М., 2001.
7. Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Советская Сибирь (Новосибирск). 1936. № 283 (5143) (7 дек.).
9. Фёдоров А.Н. «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. // Отечественная история. 2016. № 1.
10. Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков) // Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций коммунистической партии Советского Союза. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1939.
11. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008.
12. Изменения в Уставе ВКП(б). Тезисы доклада тов. Хрущева Н.С. на XIX съезде ВКП(б) // Правда. 1952. № 239 (26 авг.).
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. II. 1925–1953.

Simonov Maxim A. The Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia). E-mail: Simonov.Maksim@urfu.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DRAFT AMENDMENTS OF THE CHARTER OF THE VKP(B), 1947 AND 1952.

Keywords: J.V. Stalin; A.A. Zhdanov; A.A. Kuznetsov; Charter VKP(b); Post war soviet union.

The aim of the research is to compare the draft of the changes of the Charter of VKP (b) which were developed in 1947 and 1952, and then accepted at the 19th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. This is particularly important because the projects contained different views on the Party and state construction in the USSR. Moreover the draft of changes of the Charter of VKP (b) (All-Union Communist Party of Bolsheviks) of 1947 practically not studied by scientists yet. The article is based on unpublished materials from Russian State Archive of Social and Political History, primary on the Foundation of G. M. Malenkov, where two versions of the project were disposed. It also based on the Minutes of the meetings of the Politburo of the CC (Central Committee) of VKP (b), the technical Secretariat the Organizational Buro of the CC VKP (b), the Foundation of Stalin, etc. From published sources were involved: the Constitution of the USSR, materials of Congresses of the Communist Party, newspaper articles and history of the Kremlin office of I. V. Stalin. The article contains a description of the changes that have occurred in the Party during the World War II, the historiography of the research of the problem, the history of the documents, detailed analysis of the provisions of the draft amendments of the Charter and conclusion. The commission which was engaged in the development of the Charter of VKP (b) at different times is analyzed in details. There is also shown the role of Stalin as the chief organizer of the work on the draft amendments of the Charter of VKP (b), whose instructions had to be strictly complied with. In the conclusion the characteristic of the analyzed documents is given. First of all, it reflected Stalin's opinion on the party-building after the World War II. The project of 1947 suggested strengthening the role of party organs in opposition to the state ones, but it was not adopted, probably because of the fact that Stalin had reconsidered his point of view on the issue of distribution of powers. Only in 1952, after the development of the new draft amendments a new Charter of VKP (b) was adopted. According to it party organs were placed in a more subordinate position than before.

REFERENCES

1. *The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI).*
2. Pyzhikov, A.V. (2002) Osnovnye zadachi VKP(b) po stroitel'stvu kommunisticheskogo obshchestva. Iz proekta Programmy partii 1947 g. [The main objectives of the The All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the construction of a communist society. From the 1947 Party Program]. *Istoricheskiy arkhiv – Historical Archive*. 6.
3. Boldovskiy, K.A. (2014) Plany reformirovaniya VKP (b) v proekte ustava partii 1947 g. [Plans for the The All-Union Communist Party (Bolsheviks) reforming in the draft statute of the party in 1947]. In: Kovalchuk, V.M. et al. *Sovetskiy megapolis: Leningrad v protsesse modernizatsii* [A Soviet metropolis: Leningrad in the process of modernisation]. St. Petersburg: Severnaya zvezda.
4. The All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1939) *XVIII s"ezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b): Stenograficheskiy otchet* [The 18th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Transcript]. Moscow: Gospolitizdat.
5. Khlevnyuk, O.V. & Gorlitskiy, Y. (2011) *Kholodnyy mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury* [Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle 1945-1953]. Translated from English by A. Peshkov. Moscow: ROSSPEN.
6. Shepilov, D.M. (2011) *Neprimknushiy* [That who did not join]. Moscow: Vagrius.
7. The Russian Communist Party of the Bolsheviks. (1933) *Protokoly X s"ezda RKP(b)* [Minutes of the 10th RCP (b) Congress]. Moscow: Gospolitizdat.
8. Sovetskaya Sibir'. (1936) *Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics]. 7th December.
9. Fedorov, A.N. (2016) "Chelyabinskoe delo": zamena partiynogo rukovodstva Chelyabinskoy oblasti v 1949–1950 gg. [The "Chelyabinsk case": The replacement of the party leadership of Chelyabinsk Region in 1949–1950]. *Otechestvennaya istoriya*. 1.
10. The Russian Communist Party of the Bolsheviks. (1939) *Programma Rossiyskoy Kommunisticheskoy Partii (bol'shevikov)* [The program of the Russian Communist Party (Bolsheviks)]. In: Institute of Marxism-Leninism. *Protokoly i stenograficheskie otchety s"ezdov i konferentsiy kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. Vos'moy s"ezd RKP(b). Mart 1919 goda. Protokoly* [Protocols and verbatim records of congresses and conferences of the Communist Party of the Soviet Union. The Eighth Congress of the RCP (b). March 1919. Protocols]. Moscow: Institute of Marxism-Leninism.
11. Chernobaev, A.A. (ed.) (2008) *Na prieme u Stalina. Tetradi (zhurnaly) zapisey lits, prinyatykh I.V. Staliny (1924–1953 gg.)* [At Stalin's reception. Notes (journals) of records by the people received by I.V. Stalin (1924–1953)]. Moscow: Noviy khronograph.
12. *Pravda*. (1952) *Izmeneniya v Ustave VKP(b). Tezisy doklada tov. Khrushcheva N.S. na XIX s"ezde VKP(b)* [Changes in the Charter of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Abstracts of Comrade N.S. Khrushchev's report at the 19th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. 26th August.
13. The CPSU. (1953) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee Plenums]. Part 2. Moscow: Gospolitizdat.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (365)
DOI 10.17223/19988613/45/6

Д.М. Камари

ЭМИГРАЦИЯ ФОКЕЙЦЕВ НА ЗАПАД

Рассматривается вопрос о «второй эмиграции» фокейцев в Западное Средиземноморье (Корсика, Франция и Испания) после захвата персидским полководцем Гарпагом их родного города в 546 г. до н.э. Особое внимание уделяется демографическому и этническому вопросам переселения, так как до сих пор наши знания о численности фокейцев на Западе остаются очень поверхностными. Опираясь на сведения Геродота и современные методики подсчета населения полиса, можно получить данные о приблизительном количестве людей, переселившихся в Алалию и Массалию, а также выяснить, какие народы вместе с фокейцами эмигрировали в Западное Средиземноморье и сколько людей после морского сражения при Алалии перебралось в Италию. Очень часто эти данные оставались незамеченными по причине недостаточно углубленного изучения источников либо из-за недоверия к сведениям, информаторам или источникам Геродота.

Ключевые слова: фокейцы; Массалия; Алалия; Западное Средиземноморье; карийцы.

В 600 г. до н.э. жители маленького малоазийского городка Фокея (рядом с современным турецким городом Фоча) во главе с Протисом и Симосом отправились в Западное Средиземноморье и основали там Массалию (Марсель). Об основании этой колонии сообщают нам Аристотель и Трог-Юстин. По сведениям последнего, причиной первого переселения фокейцев на землю лигуров и галлов была нехватка земли:

“*Namque Phocaeenses exiguitate ac macie terrae coacti studiosius mare quam terras exercuere: piscando mercandoque, plerumque etiam latrocinio maris, quod illis temporibus gloriae habebatur, uitam tolerabant. Itaque in ultimam Oceani oram procedere ausi in sinum Gallicum ostio Rhodani amnis deuenere, cuius loci amoenitate capti, reuersi domum referentes quae uiderant, plures sollicitauere*”.

«[В свое время] из-за нехватки земли и ее неплодородия фокейцы были вынуждены искать себе средств для существования больше на море, чем на суше, и проводили жизнь в занятиях рыболовством, торговлей, а также очень нередко и пиратством, занятием, которое в те времена считалось приносящим славу. Поэтому-то фокейцы и осмелились доплыть до крайних берегов Океана и достигли Галльского залива у устья реки Родана. Прельщенные красотой этого места, они, возвращаясь домой, рассказали о том, что видели, и многих склонили [к переселению]». (Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского.)

Хотя следует отметить, что, по данным Аристотеля, фокейцы прибыли туда по торговым делам (Athen. 576a,b). Более того, фокейцы уже ранее поддерживали отношения с этрусками. До основания Массалии они заключили договор с царем Тарквинием (Ius. XLIII, 3, 4). Все это говорит о том, что переселение фокейцев оказалось не спонтанным, а заранее хорошо запланированным мероприятием. Основались же они там благодаря гостеприимству местного царя лигуров

Нанна и его дочери Петты, которая из многих приглашенных выбрала Протиса своим избранником, после чего царь Нанн предоставил грекам участок земли (Ius. XLIII, 3, 5). В результате этих событий грекам удалось создать крупную ионийскую общину в Западном Средиземноморье.

Однако в середине VI в. до н.э. ситуация в Малой Азии меняется. Появилась новая сила в лице персов, которым удалось захватить Мидию и ряд других близлежащих стран и областей. Тогда персы решили пойти войной на лидийцев, давнего врага мидийцев. За короткий срок они одолели лидийцев, и вскоре Лидия оказалась в руках захватчиков. В 546 г. до н.э. персы задумали захватить и ионийские города, которые поддерживали лидийцев. Гарпаг во главе персидских войск захватил Фокею после того, как местные жители, взяв свои вещи, покинули город и отплыли по направлению на Хиос. О событиях тех времен рассказывает нам Геродот. По его сведениям, практически все жители оставили родной город, что уже указывает на грандиозный масштаб этого события. Геродот, Фукидид, Павсаний и другие сообщают о том, что фокейцы направились на Запад. Причиной тому было нежелание хиосцев продавать им Энусские острова. Они боялись, что из-за фокейцев их родной остров может лишиться торговых преимуществ. Передвижения такого масштаба из одной точки Средиземного моря до другой случались крайне редко. Как это могло повлиять на Средиземноморье и в частности на фокейские колонии в Западном Средиземноморье?

Большой интерес к теме подсчета населения, где за основу берутся данные античных авторов, появляется только в начале второй половины XX в. после выхода статьи К. Робака об экономическом развитии Ионии. Однако не все исследователи были готовы взяться за эту непростую тему прежде всего по причине скудности и неточности предоставляемой источниками ин-

формации. Тем не менее вслед за работой Робака последовали и другие. Мы упомянем лишь тех исследователей, которые занимались непосредственно фокейцами. Уже к концу 50-х гг. XX в. вышло исследование Кука, в котором затрагивался вопрос о численности жителей Фокеи в битве при Ладе в 494 г. до н.э. Через несколько лет после этого вышла работа В. Иоханновского, где приводятся расчеты количества населения Алалии в период фокейского владения городом [1. Р. 225–246]. Далее тему переселения фокейцев на Запад затрагивали такие известные европейские археологи, как Ж. Жеассэ, Ж.-П. Морель, М. Грас, А. Домингес Монедеро.

Интерес к этой теме не случаен. Показатели демографического роста или спада населения, а также динамика этого процесса могли бы дать неоценимую информацию о размерах и темпах эмиграции. Начнем с того, что Фокея была небольшим полисом (около 50 га). При таких размерах город никак не мог разместить в своих пределах большое количество людей. Жители города преимущественно занимались мореплаванием и пиратством. И даже переселившись на Запад, они предпочли заниматься мореплаванием вместо земледелия, хотя владели областью, обсаженной оливковыми деревьями и виноградниками (Strabo. IV, I, 5). По сравнению с другими городами приблизительно того же размера Фокея занимала средние позиции. Возьмем в качестве примера Смирну. Дж. Кук, который вел раскопки в Малой Азии, считал, что в Смирне находилось около или немного более 1 000 домов [2. Р. 22] при общей площади около 30 га. Часть этих зданий были нежилыми, поэтому внутри города жили около 5–8 тыс. чел. Смирна не была торговым городом. Ничего не известно и о колониях этого города. Иначе обстоят дела, когда речь заходит о Самосе. Имея общую площадь в 103 га, город мог разместить, по самым скромным подсчетам, более 40 тыс. чел. Иными словами, Фокея более чем в два раза уступала Самосу. Источником притока людей в Фокею могла быть работорговля, но и здесь, как отмечает Страбон, поимка рабов производилась легко, а рынок был настолько большой, что можно было в один день продать и принять несколько десятков тысяч рабов (Strabo. XIV, V, 2). Однако ни античные источники, ни данные археологических раскопок не указывают количество людей, эмигрировавших в Западное Средиземноморье. Тем не менее прежде всего второе переселение отличалось от первого своими масштабами. Так, по данным Геродота, почти половина граждан города Фокеи отправилась на остров Кирн. Сколько их могло быть? Для того чтобы выяснить, сколько людей эмигрировало из Фокеи во время похода Гарпага, необходимо прежде всего подсчитать количество населения в городе и его окрестностях. За основу возьмем методику подсчета населения, разработанную Х.М. Хансенном. По его данным, в греческом полисе на каждый гектар приходилось от 150 до 250 жителей, т.е. предположительно в каждом доме жили в

среднем от 5 до 8 чел. Фокея была торговым городом, а значит, более густонаселенным, поэтому мы возьмем за основу максимальное число человек на гектар. Следовательно, необходимо просто умножить количество общей площади города в гектарах на 250. При этом общую площадь города нужно разделить на два, поскольку жилая территория составляла 1/2, и к этому суммировать число жителей окрестности [3. Р. 61]. В итоге получается следующее:

Фокея = 25 (50 га. : 2) × 250 = 6,250 (жители города) + 12,500 (жители окрестностей = 2х жители города) = 18,750.

Результат подсчета показывает не точное, а приблизительное количество людей города. По всей видимости, вместимость города и окрестностей была значительно больше. Теперь попробуем подсчитать число граждан, отправившихся на остров Кирн. Геродот нам предоставляет уникальную информацию о численности фокейских и этрусско-карфагенских кораблей в битве при Алалии в 540 г. до н.э. Произошло же это по вине фокейцев, которые нападали на этрусские и карфагенские торговые корабли. И та и другая стороны имели по 60 кораблей. Численность фокейцев перед сражением могла составить (если исходить из того, что в каждой пентеконтере могли разместиться около 50–55 чел.) от 3 000 до 3 300 чел. Однако в данном конкретном случае имеет значение каждая деталь.

Так, испанский археолог А. Домингес Монедеро, изучив количество оказавшихся фокейцев в Алалии, считает, что основываться на данных Геродота – очень ненадежный способ получения достоверной информации [4. Р. 376]. По его подсчетам (по методу К. Робака) [5. Р. 9–16], если у фокейцев было 60 кораблей (трирем), то общее число отправившихся людей на битву при Алалии равнялось бы 12 000 чел. (т.е. 1/4 часть населения). Это означает, по его мнению, что в Алалию эмигрировали порядка 48 000 чел., что является маловероятным. Также А. Домингес Монедеро исключает вариант передвижения фокейцев на пентеконтерах. Однако в тексте Геродота очень четко говорится о том, что фокейцы отплыли из родного города на пентеконтерах. Поэтому, вероятнее всего, именно на 50 весельных судах греки отправились в Элею. Несмотря на это, испанский археолог убежден, что около 5–7 тыс. чел. после битвы при Алалии отправилось основывать Элею [4. Р. 375]. Он основывается на данных, полученных В. Иоханновским [1. Р. 225–246]. В связи с этим вновь обратимся к Геродоту, который сообщает о том, что «во время приготовлений к отплытию на Кирн больше половины граждан охватила мучительная тоска по родному городу и насиженным местам» (Hdt. I, 165). Тогда они нарушили клятву и отплыли назад в Фокею, а все остальные, «кто остался верен клятве, покинули Энуссы и отплыли [на Кирн]» [Там же]. Число жителей Фокеи, согласно нашим вычислениям, равнялось 18 750 чел. Допустим, что большая часть граждан, которая решила вернуться в родной город, составляла

60% от общей численности населения Фокеи, то остальная часть в численном эквиваленте равнялась бы 8 000 чел. Из этого числа только ¼ часть (или немного больше) населения была боеспособной (т.е. около 2 000 чел.), что говорит о том, что в битве при Алалии принимали участие не только греки острова Кирна, но и другие народы. Антиоху было известно, что часть фокейцев после взятия Гарпагом их родного города эмигрировала не только на остров Кирн, но и в Массалию. По сведениям Антиоха, дошедшим до нас благодаря Страбону, во главе с Креонтиадам отплыли сначала на Кирн и в Массалию, «но, потерпев там неудачу, основали Элею» (Strabo. VI, I, 1). О том, что Элея имела отношение к Массалии, было известно и Псевдо-Скимну (Pseud.-Scymn. 248). Любопытно, что Юстин сообщает о том, что фокейцы не раз сталкивались с карфагенянами, а в войне с ними из-за захвата рыбачьих судов «они (фокейцы) даровали им мир» (Iust. XLIII, 5, 2). Здесь речь идет о важном событии. Геродоту было известно совсем немного об этом противостоянии, которое он тоже называет войной, но он изложил в своем рассказе лишь самое крупное событие [6. Р. 161–181; 7. Р. 241–286]. Видимо, уже к I в. до н.э. события тех времен дошли до Трога сильно искаженными самими массалиотами, поэтому он предельно кратко о них рассказывает.

Что касается роли Алалии, то это был небольшой городок, который за 20 лет существования не причинял вреда карфагенской и этрусской торговле. Судя по сообщению Геродота, именно после прибытия фокейцев, бежавших от персов, начались грабежи жителей и разорения окрестностей (Hdt. I, 166). Однако, по подсчетам М. Граса, в 565 г. до н.э. около 4 650 чел. отправились на остров Кирн, чтобы основать город [8. Р. 394–425]. По мнению А. Домингеса Монедеро, это утверждение кажется слишком смелым [9. Р. 239–250]. Алалия фокейского периода не сохранилась до наших дней [10], поэтому какие-либо попытки подсчитать количество населения, проживавшего там, не имея серьезных археологических доказательств этого, – слишком рискованная затея.

При всем этом важно не забывать, что поход персов в Малую Азию и падение Сард прежде всего сказались на Малоазийском регионе. Долго многочисленные племена, находившиеся на территории Лидийского царства и хоры греческих полисов, подчинялись лидийскому царю, которому служили. Лидийцев же они считали родственным народом, так как Лид и Мис были братьями Кара (Hdt. I, 171). В Миласах было святилище, которое принадлежало карийцам, лидийцам и мисийцам, где они поклонялись Зевсу. Но за короткий период войны Лидии с персами весь регион оказался без власти и контроля. То, что было создано Крезом и его отцом, оказалось в руках чужестранцев. Карийцы считали близкими к себе и ионийцев. Они жили на одной территории. По данным античного автора, существовало и смешанное греко-карийское население на

территории Ионии и Карики. В целом отношения между карийцами и ионийцами можно отнести к родственно-партнерским. Как утверждает Геродот, именно ионийцы и карийцы «случайно» доплыли до Египта и Псамметих взял их к себе в качестве наемников (Hdt. II, 152). Самым важным во всем этом является то, что карийцы неоднократно упоминаются и в Западном Средиземноморье. Примечательно и то, что именно в VI в. появляются первые данные о путешествиях карийцев до Западного Средиземноморья. В описании морского путешествия крупнейшего в истории Карфагена флотоводца Ганнона содержится интересная история о колониях, основанных пунийцами: «Уйдя от залива на расстоянии однодневного морского пути, мы основали города на берегу моря, называемые Карийская стена, Гитт, Акра, Мелитта и Арамбис» [11. С. 87]. Это путешествие датируется около VII–VI вв. до н.э. В тексте перипла упоминаются названия колоний, которые имеют непосредственное отношение к карийцам и грекам, как, например, Кариков те τεῖχος. Данные эти восходят к Эфору, который тщательно изучал историю присутствия греков на Западе. Однако относительно поселения «Карийская стена» существует устойчивая точка зрения о семитском происхождении этой колонии [12. Р. 42–43; 13. Р. 394–398]. Еще К. Мюллер предложил идентифицировать название поселения с финикийским словом Kîr chares – «стена солнца» [14. Р. 3–4]. Такого же мнения придерживался и советский историк И.Ш. Шифман [11. С. 87–88; 15. Р. 141–150]. Однако в пользу гипотезы о присутствии карийцев в путешествии Ганнона следует привести фрагмент Павсания I, 23:

«ἔφη δὲ Εὐφῆμος Κάρ ἀνὴρ πλέων ἐς Ἰταλίαν ἀμαρτεῖν ὑπὸ ἀνέμων τοῦ πλοῦ καὶ ἐς τὴν ἑξω θάλασσαν, ἐς ἣν οὐκέτι πλέουσιν, ἐξενεχθῆναι. νήσους δὲ εἶναι μὲν ἔλεγεν ἐρήμους πολλὰς ἐν δὲ αἰαῖς οἰκεῖν ἄνδρας ἀγρίους· ταύταις δὲ οὐκ ἐφέλειν νήσοις προσίσχειν τοὺς ναύτας οἷα πρότερόν τε προσσχόντας καὶ τῶν ἐνοικοῦντων οὐκ ἀπειρώς ἔχοντας, βιασθῆναι δ' οὖν καὶ τότε. ταύτας καλεῖσθαι μὲν ὑπὸ τῶν ναυτῶν Σατυρίδας, εἶναι δὲ τοὺς ἐνοικοῦντας (καὶ) καπυροὺς καὶ ἵππων οὐ πολὺ μείους ἔχειν ἐπιτοῖς ἰσχύϊς οὐράς».

«И вот Евфем, родом кариец, рассказал мне, что, плывя как-то в Италию, они из-за ветров сбились с пути и были занесены во внешнее море, по которому они никогда не плавали; он говорил, что там много пустынных островов и на них живут дикие люди; матросы вообще не хотели приставать к этим островам, так как они и раньше причаливали и хорошо знали этих жителей, но их заставили приставить и на этот раз. Эти острова называются моряками Сатиридами, и их жители – рыжие и имеют на бедрах хвосты никак не меньше, чем у лошадей» (пер. С.П. Кондратьева).

Этот рассказ напоминает тот, который содержался в перипле Ганнона. По описанию «рыжие существа с хвостами» напоминают тех самых существ, вероятно горилл, на которых натолкнулись карфагеняне. Также

из рассказа следует, что карийцы прекрасно знали дорогу до Сицилии и Внешнего моря, а следовательно, до Марокко и Пиренейского полуострова. Кроме того, Скилак Кариандский, который жил в VI в. до н.э., знал о существовании карфагенской колонии Керна, находившейся от Геракловых столпов в 12 днях плавания. У него были сведения и о Пиренейском полуострове, в частности о Массалии и Эмпорионе, а также об острове Кирн [Scylacis Caryand. 2-4]. Нам известно, благодаря Сосилу [16. S. 29–46] и Геродоту, что немного позже, после подавления ионийского восстания, один из военачальников карийцев Гераклит Миласский (Hdt. V, 121), по всей видимости, бежал в Массалию. Там он во главе флота одолел карфагенян у Артемисия (совр. Мурсия) в 493 г. до н.э. [17. p. 197]. Следовательно, карийцы хорошо ориентировались в Западном Средиземноморье еще с VI в. до н.э. и знали, где находятся наиболее важные фокейские колонии и как добраться до них.

Также из всего этого следует и другое положение. Начиная с первой эмиграции фокейцев, после которой была основана Массалия в 600 г. до н.э., и до захвата Гарпагом в 546 г. до н.э. Фокеи прошло больше полувека. За это время очень быстрыми темпами произошел рост Массалии [18. P. 83–108], в немалой степени за счет активизации экспансионистской политики, которая привела к основанию ряда колоний на юге Франции, Пиренейском полуострове и Корсике. Активизация экспансионистской политики напрямую связана с демографическим ростом. Но в данном слу-

чае это происходило не столько по причине высокой рождаемости в Массалии из-за роста браков между греками и местными жителями, сколько, по всей видимости, из-за непрерывного потока переселенцев из Малой Азии – ионийцев и, наверное, карийцев. Моментом кульминации этого процесса стали взятие Гарпагом родного города фокейцев и их эмиграция в Западное Средиземноморье. Развитию тенденции по переселению способствовали и речи известных правителей-мудрецов VI в. до н.э., в частности Бианта из Приены (Hdt. I, 170), хотя сама идея перебраться на Запад появилась еще у Мантикла в VII в. до н.э. (Paus. 4, 23, 5). Такой немаловажный факт, как перенесение эмпоритами в середине VI в. до н.э. колонии на материковую часть, указывает на то, что эти перемены затронули и Пиренейский полуостров.

Таким образом, второе переселение фокейцев оказалось по своим масштабам очень крупным, а после битвы при Алалии очень сильно пошатнуло позиции греков на Западе. Картина движения фокейцев в числах достаточно сложная, однако подсчеты показывают, что порядка 10 тыс. фокейцев после прихода персов в Малую Азию переселились в Западное Средиземноморье. Из этого числа от 2 до 4 тыс. чел. поселились в Массалии и, скорее всего, совсем небольшая часть – в другие более мелкие фокейские колонии во Франции и Испании. Остальные 8 тыс. чел. поселились в Алалии, но после морского сражения около 5–6 тыс. чел. (вероятно, в своем большинстве дети и старики) отправились в Италию основывать Элею.

ЛИТЕРАТУРА

1. Johannowsky W. Considerazioni sullo sviluppo urbano e la cultura material di Velia // *I Focei dall'Anatolia all'Oceano*. 1982. P. 225–246.
2. Cook J.M. Old Smyrna, 1948–1951 // *The Annual of the British School at Athens*. 1958/1959. V. 53/54. P. 1–34.
3. Hansen M.H. The Shotgun Method. The Demography of the Ancient Greek City-State Culture. Columbia : University of Missouri Press, 2006. 140 p.
4. Dominguez Monedero A. Focea y sus colonias: A propósito de un reciente coloquio // *Gerión*. 1985. Vol. 3. P. 357–377.
5. Roebuck C. The Economic Development of Ionia // *Classical Philology*. 1953. Vol. 48. No. 1. P. 9–16.
6. Gras M. Marseille, la bataille d'Alalia et Delphes // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1987. Vol. 13. P. 161–181.
7. Jehasse J. La victoire à la Cadmée d'Hérodote (I, 166) et Corse dans courants d'expansion grecque // *Revue des Études Anciennes*. 1962. Vol. 64, № 3–4. P. 241–286.
8. Gras M. Traffics Tyrrhéniens Archaiques. Rome, Ecole Française de Rome, 1985. 774 p.
9. Dominguez Monedero A. El enfrentamiento etrusco-foceo en Alalia y su repercusión en el comercio con la Península Ibérica // *La presencia de material etrusco en el ámbito de la colonización arcaica en la Península Ibérica* / eds. J. Remesal Rodríguez, O. Musso. Barcelona, Universitat de Barcelona, 1991. P. 239–250.
10. Jehasse J., Jehasse L. La nécropole préromaine d'Aleria (1960–1968). Paris, 1973. 632 p.
11. Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы. М. ; Л. : Наука, 1963. 106 с.
12. Marcy G. Notes linguistiques autour du Periple d'Hannon // *Hesperis*. 1935. Vol. 20. P. 21–72.
13. Ruiz Cabrero L.A., Mederos Martín A., López Pardo F. Sistemas defensivos en la toponimia fencia de la costa Atlántica Ibérica y Norteafricana // *Las ciudades fenicio-púnicas en el Mediterráneo Occidental* / eds. J.L. López Castro. Almería, Editorial Universidad de Almería, 2003.
14. Müller C. Geographi Graeci minores. Vol. I. Paris, 1855. 1112 p.
15. Harden D.B. Phoenicians on the West Coast of Africa // *Antiquity*. 1948. V. 87. P. 141–150.
16. Bilabel F. Die kleineren Historikerfragmente auf Papyrus. Bonn, Markus & Weber, 1922. 63 p.
17. Bosch Gimpera P. El poblamiento antiguo y la formación de los pueblos de España. México, UNAM, 1995. 427 p.
18. Tréziny H. Topography and Town-Planning in Ancient Marseilles // *From the Pillars of Hercules to the Footsteps of the Argonauts* // eds. A. Hermary, Gocha R. Tseskhladze. Leuven-Paris-Walpole, Peeters, 2012. P. 83–108.

Kamari Daniel M. Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: kama-ri_daniel@mail.ru

THE EMIGRATION OF PHOCAEANS TO THE WEST.

Keywords: Phocians; Massalia; Alalia; Western Mediterranean; Carians.

The article discusses the problem of the “second exile” of Phocaeans to the Western Mediterranean (Corsica, France and Spain), after the capture by Persian commander Harpagos their hometown in 546 BC. Special attention is paid to demographic and ethnic aspects because they give a complete picture of the problem, which was often considered superficial due to the lack of archaeological evidences and poor studied ancient written sources. Great interest in the subject of population count showed Cook in the 1950s. In his study he

tried to calculate the number of the citizens of Phocaea in the times of the battle of Lade in 494 BC. A few years later came the work of W. Johannowsky, where he estimated the number of population of Alalia in the period of Phocaean possession of the city. Later the demographic aspect of the emigration of Phocaeans to the Western Mediterranean was raised by such well-known European archeologists as J.-P. Morel, M. Gras, A. Dominguez Monedero and others. The author of the article believes that, based on the data of Herodotus and modern methods of calculation of the quantity of population, one can get information on the approximate number of people who moved to Alalia and Massalia, and also find out what the nations with the Phocaeans emigrated to the Western Mediterranean, and how many people moved to Italy, after the naval Battle of Alalia. Herodotus gave us unique information about the number of Phocaeans and united Etruscan-Carthaginian ships at the Battle of Alalia – “each with 60 ships”. In that case the number of Phocaeans before the battle could be (if we assume that each galley could accommodate about 50-55 people) from 3,000 to 3,300 people and the total number of Greeks living in Alalia would be equal to 12,000 people. But this last estimation does not correspond to the reality, because in the Battle of Alalia also took part the massaliotes. Phocaea was not a big polis. There were about 19.000-20.000 inhabitants in the city (intramural space) and in the surrounding area (extramural space). According to Herodotus, after the emigration “more than half of the citizens were seized with yearning and regret for their city and for their native land, and they proved false to their oath and sailed back to Phocaea”. We assume that most of the people who decided to return to their native city were 60% of the total population of Phocaea, the rest 40% would be equal to 8.000 or slightly more in numerical terms. Of this number only $\frac{1}{4}$ of the population was combat-ready, i.e. about 2.000 people. In conclusion, we can say that the information of Herodotus, in particular the fragment I 164-166, can assist in obtaining information about the number of Phocaeans, who immigrated to Western Mediterranean. Thanks to him we can determine the number of Phocaeans who participated in the Battle of Alalia, as well as how many people immigrated to Italy, after the so-called Cadmean victory in 540 BC.

REFERENCES

1. Johannowsky, W. (1982) Considerazioni sullo sviluppo urbano e la cultura material di Velia [Considerations on urban development and the material culture of Velia]. In: *I Focei dall'Anatolia all'Oceano* [The Focei Anatolia Ocean]. Napoli: G. Macchiaroli. pp. 225–246.
2. Cook, J.M. (1958/1959) Old Smyrna, 1948–1951. *The Annual of the British School at Athens*. 53/54. pp. 1–34.
3. Hansen, M.H. (2006) *The Shotgun Method. The Demography of the Ancient Greek City-State Culture*. Columbia: University of Missouri Press.
4. Dominguez Monedero, A. (1985) Focea y sus colonias: A propósito de un reciente coloquio [Focea and its colonies: On the subject of a recent colloquium]. *Gerión*. 3. pp. 357–377.
5. Roebuck, C. (1953) The Economic Development of Ionia. *Classical Philology*. 48(1). pp. 9–16. DOI: 10.1086/363572
6. Gras, M. (1987) Marseille, la bataille d'Alalia et Delphes [Marseille, the battle of Alalia and Delphes]. *Dialogues d'histoire ancienne*. 13. pp. 161–181. DOI: 10.3406/dha.1987.1755
7. Jehasse, J. (1962) La victoire à la Cadméeenne d'Hérodote (I, 166) et Corse dans courants d'expansion grecque. *Revue des Études Anciennes*. 64(3-4). pp. 241–286. (In French). DOI: 10.3406/rea.1962.3676
8. Gras, M. (1985) *Traffics Tyrrhéniens Archaiques*. Rome: Ecole Française de Rome.
9. Dominguez Monedero, A. (1991) El enfrentamiento etrusco-foceo en Alalia y su repercusión en el comercio con la Península Ibérica [The Etruscan-Focean confrontation in Alalia and its repercussion in trade with the Iberian Peninsula]. In: Remesal Rodríguez, J. & Musso, O. (eds) *La presencia de material etrusco en el ámbito de la colonización arcaica en la Península Ibérica* [The presence of Etruscan material in the area of archaic colonisation in the Iberian Peninsula]. Barcelona: Universitat de Barcelona. pp. 239–250.
10. Jehasse, J. & Jehasse, L. (1973) *La nécropole préromaine d'Aleria (1960–1968)* [The pre-Roman necropolis of Aleria (1960–1968)]. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.
11. Shifman, I.Sh. (1963) *Vozniknovenie Karfagenskoy derzhavy* [The emergence of Carthage]. Moscow; Leningrad: Nauka.
12. Marcy, G. (1935) Notes linguistiques autour du Periple d'Hannon [Linguistic notes about the Periple d'Hannon]. *Hesperis*. 20. pp. 21–72.
13. Ruiz Cabrero, L.A., Mederos Martín, A. & López Pardo, F. (2003) Sistemas defensivos en la toponimia fencia de la costa Atlántica Ibérica y Norteafriana [Defensive systems in the toponymy of the Atlantic coast of Iberia and North Africa]. In: López Castro, J.L. (ed.) *Las ciudades fenicio-púnicas en el Mediterráneo Occidental* [Phoenician-Punic cities in the Western Mediterranean]. Almería: Editorial Universidad de Almería.
14. Müller, C. (1855) *Geographi Graeci minores*. Vol. I. Paris.
15. Harden, D.B. (1948) Phoenicians on the West Coast of Africa. *Antiquity*. 87. pp. 141–150. DOI: 10.1017/S0003598X00019670
16. Bilabel, F. (1922) *Die kleineren Historikerfragmente auf Papyrus* [The smaller historian fragments on papyrus]. Bonn: Markus & Weber.
17. Bosch Gimpera, P. (1995) *El poblamiento antiguo y la formación de los pueblos de España* [The ancient settlement and the formation of the peoples of Spain]. México: UNAM.
18. Tréziny, H. (2012) Topography and Town-Planning in Ancient Marseilles. In: Hermay, A. & Tseskhladze, G.R. (eds) *From the Pillars of Hercules to the Footsteps of the Argonauts*. Leuven-Paris-Walpole: Peeters. pp. 83–108.

К.В. Филенко

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОНОПОЛИЗАЦИИ
КИНОКОНЦЕРНА УФА (1933–1945 гг.)**

Исследуются политические и социально-экономические основания немецкой кинопромышленности 1933–1945 гг. Автор предположил, что на примере киноиндустрии III Рейха через социально-экономические индикаторы можно проследить общегосударственные тенденции политического, социокультурного и экономического пространств. Особое внимание автор уделит «историографической дыре» в отечественной историографии в вопросе изучения киноконцерна УФА и стремился показать современное понимание тенденциозности гитлеровского кинематографа. При этом последовательно были выделены этапы развития кинематографа в период нацистского господства, особенности социально-экономического развития киноиндустрии и определена роль кино на службе гитлеровского режима.

Ключевые слова: киноконцерн УФА; киноиндустрия III Рейха; монополизация; Й. Геббельс; кинорынок.

В преддверии 100-летия со дня основания «одной из крупнейших кинокомпаний Германии в 1917–1945 гг.» [1. С. 220] Universum-Film-Aktiengesellschaft (далее – УФА. – *К.Ф.*) особенно притягательной становится производимая им кинопродукция. Это объясняется тем, что одним из ключевых показателей эффективности и производительности кинокорпорации являются выпускаемые киноленты. Так, наивысший расцвет киноконцерн УФА достиг в период с 1933 по 1945 г., когда кинопромышленность полностью контролировалась государством на разных уровнях кинопроизводства: от распределения приоритетных тем кинопродукции до распрямления допустимых «очагов» кинокритики.

Киноконцерну УФА в период нацистского господства была отведена функция политического воздействия на массовое сознание, где кинематограф выступал в качестве «идеологического оружия» нацистской клики. Метафорически УФА можно представить следующим образом: «УФА был больше, чем концерн. Это была магическая империя образов немцев. Ее фильмы, звезды, рекламные стратегии, кинотеатры и премьеры многое совершили с немецкими мечтами и кошмарами первой половины века...» [2. С. 9].

Генезис феномена «нацизм» следует подвергать не только исследованию историко-политологических пластов, но также и фокусировать внимание в значительной степени на культурологические аспекты. На примере киноиндустрии III Рейха это можно проследить через социально-экономические индикаторы, которые «на семи ветрах» сигнализировали об экономических, социальных и политических колебаниях, а порой и потрясениях, внутри нацистского государства. Учитывая, что кинематограф III Рейха стал мощным средством массовой коммуникации и соответствующей аккумуляции нацистских догм, вполне закономерным является рассмотрение феномена «нацизм» в рамках «истории национал-социалистических медиа» [3. С. 575].

В исторической литературе достаточно подробное исследование, посвященное деятельности киноконцерна УФА – с момента его основания до фактической

остановки кинопроизводства, – представлено лишь немецким исследователем Клаусом Краймайером в работе под названием «История УФА. История одного киноконцерна» [2]. Автор анализирует политические, идеологические, социально-экономические, культурологические аспекты деятельности киноконцерна в период с 1917 по 1945 г. При этом автор приходит к выводу о том, что отражение политических процессов немецкого государства (Веймарская республика, Третий Рейх) оказывало влияние на тенденции развития немецкого кинопроизводства. Помимо работы К. Краймайера, следует указать и исследования других зарубежных и отечественных авторов, где фрагментарно затрагиваются вопросы политического и общекультурного действия крупнейшей немецкой кинокомпаний УФА: S. Tegel [4], D. Welch [5], R.V. Winkel, D. Welch [6], Е. Теплиц [7], Ж. Садуль [8], З. Кракауэр [9], А.В. Васильченко [10], Е.Г. Кормилицына [11]. Обратим внимание на то, что в отечественной историографии прослеживаются серьезные «пробелы» в разностороннем изучении немецкого кинематографа, особенно в период нацистского господства 1933–1945 гг.

Подобная «блеклость» отечественной историографии относительно изучения нацистского кинопроизводства принуждает нас переосмыслить процесс политизации киноиндустрии III Рейха. Отсюда цель данной статьи – рассмотреть политику нацистских функционеров в области монополизации киноконцерна УФА в период с 1933 по 1945 г. При этом весомым подспорьем является изложение современного понимания тенденциозности гитлеровского киноконвейера.

Для более полного раскрытия вышеуказанной цели следует поэтапно решить ряд задач:

- 1) дать краткую характеристику социально-политических условий основания кинокорпорации УФА;
- 2) указать нормативно-правовую базу, разработанную Министерством пропаганды и народного просвещения для монополизации киноиндустрии III Рейха;
- 3) рассмотреть политико-экономические механизмы функционирования нацистской киноиндустрии;

4) выделить социально-экономические показатели киноконцерна УФА.

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы, изданные в нацистской Германии, и воспоминания киноактрис (О. Чехова, Л. Баарова).

Немецкая киноиндустрия с начала XX в. развивалась шаблонно, как и в ряде других стран: от примитивного ярмарочного кино до влияния «облагороженного» французского стиля «Фильм д'ар» и итальянского стремления «перенести» литературу и театр на киноэкран. На первых порах немецкий кинозритель в основном наблюдал за американскими кинокартинами, причем второсортного качества. Политические и военные условия отрезали немецкий кинорынок от иностранного. Отечественные производители старались делать упор на освещение военных событий. В целях придания массового характера киноиндустрии создавались кинофирмы мелкобуржуазного свойства, которые выпускали «исключительно коммерческие поделки, далекие от искусства» [12. С. 114].

Приведем общие сведения: до начала Первой мировой войны в Германии действовали 25 немецких и 47 иностранных кинофирм. Однако война 1914–1918 гг. ускорила процесс развития немецкого кинопроизводства. Так, в 1918 г. число немецких кинокомпаний выросло до 130, а иностранные сократились до 10 [Там же]. Уже исходя из этого, видно, что государство было ориентировано на национализацию кинопромышленности, успешное начало которой положило создание киноконцерна УФА.

Акционерное общество «Universum-Film-Aktiengesellschaft» было создано по инициативе начальника генерального штаба Людендорфа в конце декабря 1917 г. с первоначальным капиталом в 25 млн марок. Крупнейшую финансовую поддержку в создании киноконцерна оказали несколько банков: государственный немецкий банк (главный акционер немецкой киноиндустрии), дрезденский банк, а также представители угольной и стальной промышленности, пароходной компании «Гамбург-Америка» и др. Согласно правительственным директивам, «официальная миссия концерна УФА заключалась в том, чтобы <...> заниматься не только откровенной пропагандой с экрана, но и создавать фильмы, которые характеризовали бы, в целом, германскую культуру и служили целям национального воспитания» [9. С. 16]. Подчеркнем, что кайзеровская Германия, находясь «на краю» военного поражения в Первой мировой войне, не успела воспользоваться арсеналом киноиндустрии, однако направила на тропу психологической войны последующих государственных властителей. Людендорф в своем письме военному министру выделял потенциал психологического влияния кинопродукции: «Война доказала огромную силу фильмов как средства, объясняющего и влияющего на зрителя. Нужно отдавать себе отчет в том, что и в дальнейшем кино не утратит своего значе-

ния как орудия политического и военного формирования общественного мнения» [12. С. 115].

Важным политическим шагом в огосударствлении кинопромышленности является создание нормативно-правовой базы. Рассмотрим более подробно ее содержательную часть. Ключевыми законодательными документами, регулирующими деятельность киноиндустрии III Рейха, являются: «Закон о кино» 12.05.1920 г. с поправками 1934–1943 гг. («Lichtspielgesetz» [13]), «Указ о создании Имперского министерства народного просвещения и пропаганды 13.03.1933 г. («Erlaß über die Errichtung des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda» [14]), «Закон о создании временной кинопалаты» 14 июля 1933 г. («Gesetz über Errichtung einer vorläufigen Filmkammer» [15]), «Закон о создании Имперской палаты культуры 22.09.1933 г.» («Reichskulturkammergesetz» [16]), «Положение о задачах Имперского министерства народного просвещения и пропаганды 30.06.1933 г. («Verordnung über die Aufgaben des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda» [17]).

Вышеуказанные нормативно-правовые документы в своей структуре фиксировали учреждение государственных органов, контролирующих кинокультуру (Министерство пропаганды и народного просвещения, Имперская палата культуры, кинопалата). Исключением является «Закон о кино», который раскрывает «закулисы» надзора, указанных государственных ведомств, а также «канцелярию» выстраиваемой киноимперии. Исходя из этого, более детально рассмотрим отдельные разделы «Закона о кино».

Первенство в области создания законодательной платформы киноиндустрии принадлежит властителям Веймарской республики, которые разработали «Закон о кино» 12 мая 1920 г. Основные разделы были посвящены предназначению фильмов в интересах нации, структуре органов, отвечающих за проверку качества кинопродукции. Заметим, «Закон о кино» 1920 г. фактически действовал вплоть до конца 1945 г. Пришедшие в 1933 г. к власти нацисты «Закон о кино» 1920 г. взяли в качестве каркаса для собственной кинополитики. И на протяжении 1934–1943 гг. вносили определенные поправки. Так, законодательно было указано: «Кинематография регулируется Законом о кино 12.05.1920 г. Этот закон предусматривает, что любой фильм, прибывающий в Германию для публичной демонстрации, должен тестироваться на свою безвредность» [13]. Причем если в Веймарской республике действовали два совета по оценке качества кинопродукции – в Мюнхене и Берлине, то нацистские власти оставили «пальму первенства» за Берлином. Согласно поправке «Закона о кино» 20.02.1934 г. совет формировала Имперская палата культуры, которая и расширила полномочия «надзирателей». Добавим, что «Закон о кино» с изменениями в феврале 1934 г. строился на государственной цензуре <...> и теперь разрешалось контролировать производство от рукописей до завершения монтажа» [2. S. 268].

Еще более сильного бесправия нацистские власти достигли внесением второй поправки к «Закону о кино» в июне 1935 г.: «Главный цензор, обходя свой собственный аппарат цензуры и контроля, мог открыть решительное своеволие, какие фильмы и в каких вариантах смотреть народу, а в каких нет» [Ibid. S. 269]. Однако последней инстанцией в вынесении «безапелляционного приговора» той или иной кинопродукции являлся министр пропаганды Й. Геббельс. Рейхсминистр пропаганды и народного просвещения Й. Геббельс, согласно «Закону о кино» (с поправками от 01.03.1934 г.), мог сделать запрос в Совет кино в Берлине на проведение дополнительной экспертизы, и кинолента до окончательного вердикта не допускалась к демонстрации массовому зрителю [13].

Таким образом, на всех этапах производства кинофильмов действовал государственный аппарат цензуры, регулируемый Министерством пропаганды и народного просвещения и подотчетными ему ведомствами: Имперской палатой культуры («Reichskulturkammer») и кинопалатой («Filmkammer»). Однако руководство и сотрудники УФА встретили двуликое национал-социалистическое правительство. С одной стороны, находились кинодеятели, которые приняли «мертвую позу», предпочитая «стоять на месте долгие 12 лет» [2. S. 255]. С другой стороны, у преобладающей части кинематографистов были серьезные опасения относительно не только свободы искусства от политики, но и в целом возможности существования и развития киноиндустрии под «железом» нацистов. Министр пропаганды Й. Геббельс, стремясь успокоить кинематографическое сообщество, уверял, что он «последний человек, который хочет убить кино, напротив, только ему киноискусство полюбилось» [Ibid. S. 259], при этом объясняя необходимость проведения мер в рамках политики «гляйхшальтунг».

Представляется важным отметить, что, опираясь на опыт отечественных и зарубежных предшественников, Й. Геббельс выстраивал свою политику в области кино. В своей деятельности министр пропаганды направлял все ресурсы на установление монополии в кинопроизводстве. Так, к 1930 гг. сложилось три киноконцерна – Tobis, Terra и UFA, которые осуществляли контроль над процессом создания кино во всей Германии. Однако в 1937 г. ситуация в сфере монополизации кинопромышленности кардинально изменилась, поскольку все акции киностудии УФА были скуплены нацистами. На момент реорганизации УФА обладала «капиталом в двадцать пять миллионов марок при государственном участии» [15], что обусловило окончательное получение НСДАП монопольного права в сфере киноиндустрии. Благодаря этому нацистское руководство смогло подчинить своему контролю технико-экономическую базу кинопроизводства. Для этого был создан филиал UFA-Film Deutscherfilmvertrieb, «который имел абсолютную монополию на прокат фильмов по всей территории Большого райха» [8. С. 24]. В задачи Deutscher-

filmtheater входили «контролирование больших помещений <...>, постройка ряда новых кинозалов» [Там же]. В качестве основного финансового источника выступал «Фильмбанк», «которому было предоставлено право финансировать кинопромышленность» [Там же]. Первоначально министр Геббельс предоставил «Фильмбанку» выдавать кредиты по финансированию кинопродукции до 70% (позже 50%). Для закрытия кредитов необходимо было возместить в банк все доходы от сдачи в аренду кредитуемого фильма. На состояние 1934 г. была предоставлена кредитная сумма в размере более 7,5 млн рейхсмарок в общей сложности для 121 немецкого игрового фильма [18].

Заметим, что финансирование кинопроизводства в последующие годы только увеличивалось. Например, в 1935 г. кредитная сумма составила 15,7 млн рейхсмарок [2. S. 261]. При этом отметим, что кинополитика нацистов, в общих своих чертах, была схожа с целевым курсом руководства УФА 1917 г. Так, в июне 1933 г. Имперский совет кино решил снизить налог на развлечение с 10,5 до 8% [Ibid.]. Отслеживая эти меры, «концерны должны были консолидировать убежденность, что национал-социалисты делают все, чтобы киноиндустрия выбралась из своей критической ситуации» [Ibid.]. Надо сказать, что в условиях мирового экономического кризиса 1930-х гг. киноконцерн УФА отставив себя как «экономически здоровое предприятие» [Ibid.]. Добавим: помимо урегулирования экономического баланса киноиндустрии, нацисты решали политические вопросы в духе национал-социализма. Согласно распоряжению кинопалаты руководству киноконцерна УФА предписывалось обеспечить «ариизацию» национал-социалистического киноконвейера. При этом решение о «еврейской принадлежности» оставалось за советом дирекции УФА, который должен был определить, «каких сотрудников и персонал немедленно уволить в своем отделе и кто должен быть исключен из службы УФА на пути медленной деградации» [Ibid. S. 248]. При этом заключительное слово оставлял за собой генеральный директор УФА Людвиг Клитч, поскольку «ему было известно о каждом случае» [Ibid. S. 247].

Несомненно, что в рамках ариизации кинопромышленности весомый творческий потенциал по политическим мотивам подвергся истреблению. Отражением этого явилась «кадровая истощенность» киноконцерна УФА. Производственный отдел УФА в докладе в середине 1934 г. жаловался на волну увольнений и острую нехватку квалифицированных сотрудников, приводя следующие сведения: «Молодых авторов и режиссеров в короткий промежуток времени не обучить, чтобы написать жизнеспособный сценарий, на это, вероятно, потребуются годы. Талантливых режиссеров также не было. Для немецкой ежегодной продукции до 120 фильмов было только девять одаренных режиссеров: Вилли Форст, Карл Хартль, Густав Учицки, Райнхольд Шюнцель, Луис Тренкер, Герхард Лампрехт,

Карл Фройлих, Артур Робисон и Эрих Вашнек. Каждый из этих режиссеров может в год добросовестно снимать два фильма» [2. С. 263]. Тем самым производственный отдел УФА подчеркивал низкий уровень производимой кинопродукции в III Рейхе. При выпуске до 120 фильмов в год из них только 20–25 кинолент имели высокое качество.

Подобная политика «гляйхшальтунг» в области кино, в результате которой происходил переход к монополизации частных кинокомпаний, позволяла министру пропаганды Й. Геббельсу рассчитывать на то, чтобы «подмять под себя европейский рынок кинохроники и таким образом влиять на общественное мнение за рубежом» [19]. В этой связи в июле 1941 г. в Берлине была основана Международная кинопалата, которая отвечала за объединение всех европейских кинофирм. Так, киноконцерн УФА имел своих представителей во многих странах мира, среди них: Италия, Франция, Португалия, Япония, Аргентина, Венгрия, Швеция, Испания.

Прежде чем обобщить данные по теме монополизации нацистами киноконцерна УФА, необходимо выделить этапы идеологического подчинения кинопроизводства III Рейха. Вполне обоснованно можно выделить пять этапов.

1-й этап (1933–1934 гг.) – «переходный период», когда нацисты в «наследство» от Веймарской республики получили три основных киноконцерна (Tobis, Terra и UFA), занимающихся развитием кино в Германии. При этом часть капитала находилась в «руках» частных кинокомпаний. Цель нацистской элиты заключалась в подготовке почвы для планомерного огосударствления кинообласти в рамках политики «gleichschaltung». Были созданы государственные органы, регулирующие деятельность киноиндустрии: Министерство народного просвещения и пропаганды, Имперская палата культуры, кинопалата.

2-й этап (1935–1937 гг.) – процесс перехода частных кинопредприятий в руки государства. В этот период киноконцерн УФА завершил плановое «поглощение» конкурирующих кинопредприятий. Прежде всего, киноконцерн Tobis. Таким образом, у руководства УФА было сосредоточено 72,5% акций [7. С. 157].

3-й этап (1938–1942 гг.) – частная кинопромышленность в Германии прекратила свое существование. При этом кинокорпорация УФА расширяла свой «внутригерманский» кинорынок за счет «политических приобретений» нацистской Германией (1938 г. – аншлюс Австрии и соответствующий «аншлюс» кинопредприятия «Вена»; 1938 г. – «Мюнхенский договор», по результатам которого часть Чехословакии вошла в состав III Рейха с двумя кинофирмами: «Вин-фильм» и «Праг-фильм»). В целях урегулирования деятельности киностудий нацистской Германии было создано Главное управление по контролю кинодеятельности.

4-й этап (1942–1943 гг.) – высшая точка развития кинематографии III рейха. Это проявилось в том, что

кинотеатры и кинозалы были набиты битком кинозрителями. «Внутреннее кинопроизводство» было расширено до гигантских размеров. «В 1943 г. УФА является одним из крупнейших предприятий, находящихся на службе нации. Она и сердце и костяк немецкого кино. В ее распоряжении <...> 8 000 служащих<...> и 7 000 кинозалов во всей Европе. <...> Сеть принадлежащих ей кинозалов непрерывно растет. Еженедельно студии УФА выпускают кинохронику на 29 языках» [8. С. 7]. К тому же на период апогея немецкой киноиндустрии приходилось два юбилейных события: 10-я годовщина гитлеровского кино и 25-летие со дня основания треста УФА. Подобные юбилейные даты нацисты решили использовать для активной пропаганды немецкого кинематографа среди массового зрителя. Весьма символично, что торжественная церемония прошла в главном кинотеатре Германии «УФА – Паласт ам Цоо», где министр Геббельс подводил промежуточные итоги: «...мне хочется первому поблагодарить УФА за то, что она сумела завоевать себе всемирную славу, <...> я надеюсь, что вторая четверть века будет для УФА столь же успешной, как и первая» [Там же. С. 13]. Заметим, что соотношение развлекательной и политической кинопродукции было следующим: 80 и 20% соответственно [20. С. 157].

5-й этап (1944–1945 гг.) – спад развития и остановка кинопроизводства УФА. Агония немецкой киноиндустрии была вызвана прежде всего участвовавшими авиаударами союзников на кинопавильоны и иные стратегически важные объекты. Фактически кинопроизводство в этот период дислоцировалось на чешскую киностудию «Праг-фильм». Так, 21 апреля 1945 г. «твердыня немецкой кинематографии перестала существовать» [Там же].

Несмотря на недолгое существование, киноимперия УФА подарила мировому киноискусству плеяду талантливых режиссеров, киноактеров, сценаристов, операторов. В большинстве случаев киностудия УФА стала для многих из них стартовой площадкой для всемирного признания. Первые впечатления, которые вызывал киноконвейер УФА, были сродни «крысиным бегам». Об этом в своих мемуарах вспоминала чешская и немецкая киноактриса Лидя Баарова: «<...> направил нас туда, где люди все спешат и проходят путь звезды в нужный зал. Тогда все произошло очень быстро. Мне в руки дали текст <...> Меня стали узнавать, возможно, этот шаг, который мог продвинуть меня далеко в карьере» [21. С. 43].

В заключение отметим, что установленная нацистами монополизация киноконцерна УФА по своей сути имела не только политические основания, но и, что немаловажно, социально-экономические. Так, рассматривая тенденции немецкой киноиндустрии 1933–1945 гг., можно выделить социально-экономические показатели кинопромышленности, свидетельствующие о «сделке» крупных промышленных капиталистов, нацистского режима и кинематографистов. Укажем их:

– во-первых, финансирование киноотрасли осуществляли следующие банковские учреждения: Государственный немецкий банк, Дрезденский банк, Коммерческий банк и Приват-банк. При этом руководство УФА формально находилось в руках крупных промышленников (А. Гугенберг), а фактическое управление и политические команды выдавало нацистское руководство (Й. Геббельс);

– во-вторых, в целях придания массового характера кинематографу III Рейха нацистские власти снизили развлекательный налог с 10,5 до 8% [2. С. 261];

– в-третьих, по мере популяризации киноиндустрии увеличивалась ежегодная кредитная сумма на кинопроизводство (в 1934 г. было выделено 7,5 млн рейхсмарок, в 1935 г. – 15,7 млн рейхсмарок [Ibid.]);

– в-четвертых, кассовые сборы кинолент III рейха составляло «экономическое обогащение» общегерманского кинофонда и, в целом, могло сигнализиро-

вать о популярности избранных направлений кинопропаганды.

Таким образом, политизация немецкого кинематографа 1933–1945 гг. была обусловлена социально-экономической конъюнктурой общемирового кинорынка. Так, стремление нацистских властей было направлено на создание европейского кино «под флагом киноконцерна УФА» как противовес голливудской кинопродукции, при этом используя политические и идеологические механизмы: военная экспансия, «культурный колониализм», политические преследования кинематографистов. Исходя из этого, основной вывод сводится к тому, что «роль искусства (в данном случае речь идет о киноискусстве. – К.Ф.) была всегда служебной» [22. С. 3] и относительно немецкой киноиндустрии 1930–1940-х гг. имела разрушительную силу, поскольку оказалась на службе нацистского режима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликов Г.И., Мартиневский В.И., Ладисов А.И. Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Г.И. Куликова. М.: Высшая школа, 2001. 294 с.
2. Kreimeier K. Die Ufa-Story. Geschichte eines Filmkonzerns. München: Carl Hanser Verlag, 1992. 519 s.
3. Städter B. (2011). Die Geschichte des Nationalsozialismus als Geschichte ihrer Medien: Der Spielfilm «Die große Liebe» im Geschichtsunterricht. GWU 62, H. 575–581 s.
4. Tegel S. Nazis and the Cinema. L.: Hambledon Continuum, 2007. 339 p.
5. Welch D. The Third Reich. Politics and Propaganda. L.: Routledge, 2002. 261 p.
6. Winkel R.V., Welch D. Cinema and the Swastika. The International Expansion of Third Reich Cinema. L.: Palgrave Macmillan, 2007. 339 p.
7. Теплиц Е. История киноискусства. М.: Прогресс, 1974. Т. 4. 320 с.
8. Садуль Ж. Всеобщая история кино. М.: Искусство, 1963. Т. 6. 520 с.
9. Кракауэр З. От Калигари до Гитлера: Психологическая история немецкого кино. М.: Искусство, 1977. 320 с.
10. Васильченко А.В. Проектор доктора Геббельса. Кинематограф Третьего Рейха. М.: Вече, 2010. 320 с.
11. Кормилицына Е.Г. Йозеф Геббельс. Особенности нацистского пиара. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 288 с.
12. Теплиц Е. История киноискусства. М.: Прогресс, 1968. Т. 1. 329 с.
13. Quellen zur Filmgeschichte 1933–1945: Filmzensur / Lichtspielgesetz mit Änderungen 1934–1943. URL: <http://www.kinematographie.de/LSG1934.HTM>.
14. Der historischen Dokumenten- und Quellensammlung zur deutschen Geschichte ab 1800 / Erlaß über die Errichtung des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda. URL: <http://www.documentarchiv.de>
15. Reichsgesetzblatt. Teil I / Gesetz über Errichtung einer vorläufigen Filmkammer. Vom 14. Juli 1933. S. 483.
16. Reichsgesetzblatt. Teil I / Reichskulturkammergesetz. Vom 22. September 1933. S. 661.
17. Der historischen Dokumenten- und Quellensammlung zur deutschen Geschichte ab 1800 / Verordnung über die Aufgaben des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda. URL: <http://www.documentarchiv.de>.
18. Герштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. URL: http://www.eusi.ru/lib/herzstein_vojna/3.php
19. Чехова О.К. Мои часы идут иначе. М.: Прогресс, 2000. URL: <http://lib.res.ec/b/10768/read>
20. Теплиц Е. История киноискусства. М.: Прогресс, 1974. Т. 6. 320 с.
21. Baarova L. Die süße Bitterkeit meines Lebens. Koblenz: Kettermann & Schmidt, 2001. 300 s.
22. Тард Г. Сущность искусства. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 120 с.

Filenko Kristina V. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: k.w.filenko@inbox.ru

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE MONOPOLIZATION OF UFA CINEMA CONCERN (1933–1945).

Keywords: Cinema concern UFA; the film industry III Reich; monopolization; J. Goebbels; the Film Market.

The monopolization of UFA Cinema Concern by the Nazi authorities responded to new trends of “propaganda era”. Using social and economic leverage the Nazis managed filmmaking to subdue the political goals. The study of the social and-economic component of the German film industry of 1930–1940s allows us to follow the trend of nation-wide political, socio-economic and cultural state of the Third Reich. Exploring the problem the author drew attention to the fact that in Russian and foreign historiography there are no detailed studies on the UFA Cinema concern, except for the German historian K. Kraymayera. In other scientific works a fragmented issues of political and general cultural activities of the German UFA Cinema Concern are shown: Tegel S., Welch D., Winkel R.V., Welch D., Teplitz, E., Sadoul J., Krakauer Z., Vasilchenko A.V., Kormilitsyna E.G. This study is based on the normative and legal documents published in Nazi Germany and the memories of movie actresses (O. Chehova, L. Baarova). The aim of the study is to review the policy of Nazi functionaries in the monopolization of UFA Cinema Concern in the period from 1933 to 1945. To achieve the goal the author had resolved a number of problems: 1. Give a brief description of the social and -political conditions of the foundation of UFA Cinema Concern; 2. Note the legal framework developed by the Ministry of Propaganda and Public Education to monopolize the film industry of the Third Reich; 3. Consider the political and economic mechanisms of functioning of the Nazi film industry. 4. Mark the social and economic indicators of UFA Cinema Concern. Analysis of legal and regulatory documents allowed the author not only to identify the functions of state authorities controlling the film industry, but also to consider in more detail the basic law of the film industry, as amended, 1934–1943. Particular attention is paid to control, censorship and “personnel exhaustion” of UFA Cinema Concern as a result of mass Aryanization of film industry. Marking the stages of monopolization of UFA Cinema Concern, the author sought to show a

gradual and consistent nationalization of the film industry. The author also notes the widely recognized importance of UFA Cinema Concern in 1930–1940 which gave the cinema world the talented directors, actors, scriptwriters and cameramen. Generally, the German film industry of the Third Reich had become a shining example of cooperation of major manufacturers, the Nazi regime and filmmakers. This had resulted in rather low quality of the film production. Every year there were produced about 120 films, of which only 20–25 should be ranked as a valuable cinematographic.

REFERENCES

1. Kulikov, G.I., Martinevskiy, V.I. & Ladisov, A.I. (2001) *Nemetsko-russkiy illyustrirovanny lingvostranovedcheskiy slovar'* [German-Russian Illustrated Dictionary of the Country Studies]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Kreimeier, K. (1992) *Die Ufa-Story. Geschichte eines Filmkonzerns* [The Ufa Story. History of a film company]. München: Carl Hanser Verlag.
3. Städter, B. (2011) Die Geschichte des Nationalsozialismus als Geschichte ihrer Medien: Der Spielfilm "Die große Liebe" im Geschichtsunterricht [The History of National Socialism as a history of its media: The feature film "The Great Love" on History lessons]. *GWU*. 62. pp. 575–581 s.
4. Tegel, S. (2007) *Nazis and the Cinema*. London: Hambledon Continuum.
5. Welch, D. (2002) *The Third Reich. Politics and Propaganda*. London: Routledge.
6. Winkel, R.V. & Welch, D. (2007) *Cinema and the Swastika. The International Expansion of Third Reich Cinema*. London: Palgrave Macmillan.
7. Toeplitz, J. (1974) *Istoriya kinoiskusstva* [History of Cinema Art]. Vol. 4. Translated from Polish. Moscow: Progress.
8. Sadoul, J. (1963) *Vseobshchaya istoriya kino* [General history of cinema]. Translated from French by T.V. Ivanov. Vol. 6. Moscow: Iskusstvo.
9. Krakauer, Z. (1977) *Ot Kaligari do Gitlera: Psikhologicheskaya istoriya nemetskogo kino* [From Caligari to Hitler: The psychological history of German cinema]. Translated from English. Moscow: Iskusstvo.
10. Vasilchenko, A.V. (2010) *Prozhektor doktora Gebbel'sa. Kinematograf Tret'ego Reykha* [Dr. Goebbels's Spotlight. Cinema of the Third Reich]. Moscow: Veche.
11. Kormilitsyna, E.G. (2011) *Yozef Gebbel's. Osobennosti natsistskogo piara* [Joseph Goebbels. The Nazi PR]. Moscow: OLMA Media Grupp.
12. Toeplitz, J. (1968) *Istoriya kinoiskusstva* [History of Cinema Art]. Translated from Polish. Vol. 1. Moscow: Progress.
13. *Quellen zur Filmgeschichte 1933–1945: Filmzensur / Lichtspielgesetz mit Änderungen 1934–1943*. [Online] Available from: <http://www.kinematographie.de/LSG1934.HTM>. (In German).
14. *Der historischen Dokumenten- und Quellensammlung zur deutschen Geschichte ab 1800 / Erlaß über die Errichtung des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda*. [The historical collection of documents and sources on German history from 1800 / on the establishment of the Ministry of the Reich for Enlightenment and propaganda]. [Online] Available from: <http://www.documentarchiv.de>.
15. *Reichsgesetzblatt. Teil I*. (1933) Gesetz über Errichtung einer vorläufigen Filmkammer. Vom 14 Juli 1933 [Act establishing a provisional film chamber. July 14, 1933]. pp. 483.
16. *Reichsgesetzblatt. Teil I*. (1933) Reichskulturkammergesetz. September 22, 1933. pp. 661.
17. *Der historischen Dokumenten- und Quellensammlung zur deutschen Geschichte ab 1800 / Verordnung über die Aufgaben des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda*. [The historical collection of documents and sources on German history from 1800 / Ordinance on the tasks of the Ministry of the Reich for Enlightenment and propaganda]. [Online] Available from: <http://www.documentarchiv.de>.
18. Gertshteyn, R.E. (n.d.) *Voyna, kotoruyu vyigral Gitler* [The war that Hitler won]. [Online] Available from: http://www.eusi.ru/lib/herzstein_vojna/3.php.
19. Chekhova, O.K. (2000) *Moi chasy idut inache* [My clock is different]. Moscow: Progress. [Online] Available from: <http://lib.res.ec/b/10768/read>.
20. Toeplitz, J. (1974) *Istoriya kinoiskusstva* [History of Cinema Art]. Translated from Polish. Vol. 6. Moscow: Progress.
21. Baarova, L. (2001) *Die süße Bitterkeit meines Lebens* [The sweet bitterness of my life]. Koblenz: Kettermann & Schmidt.
22. Tarde, G. (2007) *Sushchnost' iskusstva* [The essence of art]. Translated from French by L. Obolensky. Moscow: Librokom.

УДК 323.1(510)''1957/1978''
DOI 10.17223/19988613/45/8

В.С. Новичков

СУЩНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КНР В ПЕРИОД ДЕСТРУКЦИИ (1957–1978 гг.)

Исследуется радикальное изменение курса национальной политики в КНР в 1957–1978 гг. После бурного национально-государственного строительства в 1949–1957 гг. широкомасштабные политические и экономические кризисные явления 1957–1978 гг. вызвали кардинальные деструктивные изменения в области национальной политики. Период 1957–1978 гг. часто рассматривается исследователями-синологами как Период деструкции национальной политики в КНР. Иррациональная политика властей, заключавшаяся в отходе от принципов Периода становления основ национальной политики (1949–1957 гг.), серьезно подорвала национально-государственное строительство. В период 1957–1978 гг. власти фактически руководствовались новыми радикальными представлениями о сущности национального вопроса. В итоге была практически разрушена создававшаяся с 1949 г. система национальной политики. Также был нанесен серьезный урон и без того исторически сложным отношениям власти, этнических китайцев с одной стороны и национальных меньшинств – с другой. Хаос в области национальной политики продолжался до 1978 г., когда руководство страны вновь вернулось к принципам Периода становления. Они и легли в основу современной национальной политики в КНР.

Ключевые слова: Период деструкции; Культурная революция; национальная политика; неханьские народы.

После образования КНР в 1949 г. решение национального вопроса рассматривалось руководством страны как одна из основных стратегических задач на ближайшие годы. Это было обусловлено необходимостью сохранения стабильности в межнациональных отношениях прежде всего на часто неспокойных национальных территориях, ведь в то время от сохранения территориальной целостности зависело выживание государства. В первую очередь, в фокусе внимания находилась ситуация на обширных национальных окраинах КНР. Кроме того, национальные территории, например Синьцзян, Тибет или Внутренняя Монголия, уже тогда стали приобретать если не статус перспективной ресурсной и промышленной базы, то уж точно стратегически важных пограничных регионов, составляющих значительную долю территории страны. Такая постановка вопроса заставила китайское руководство в то время по-новому подойти к национальному вопросу.

Так называемый Период становления (1949–1957 гг.) ознаменовался процессами начала формирования системы комплексной политики государства по отношению к национальным меньшинствам страны. Основой национальной политики стала так называемая районная национальная автономия, законодательным оформлением которой стал принятый в 1952 г. документ «Основные принципы осуществления районной национальной автономии в КНР». Претворение в жизнь заложенных в ней принципов предусматривало осуществление под единым руководством государства районной автономии в местах компактного проживания национальных меньшинств. Процессы автономизации предполагали создание на национальных территориях особых автономных субъектов различного уровня, от автономного села до автономного района, наделенных полномочиями «стандартных» субъектов, а также образование местных органов само-

управления из национальных кадров и т.д. [1. С. 23]. За национальными меньшинствами конституционно был закреплен статус отдельных «наций» вне зависимости от их численности или уровня социально-экономического развития [2].

К несомненным достижениям Периода становления с полным правом относится создание первой настоящей законодательной системы из закрепленных в Конституции 1954 г. положений и множества законов и подзаконных актов, т.е. юридическое оформление системы национальной политики, автономии и административно-территориального деления национальных территорий. Одновременно в Период становления руководством страны решались задачи прикладного характера. Среди прочих основной являлась задача создания необходимой инфраструктуры и производственных мощностей на национальных территориях, развития там местной промышленности и сельского хозяйства.

Во-первых, это позволило бы индустриализировать их и осуществить экономическую интеграцию с остальным Китаем, тем более экономическая ценность национальных территорий, а именно громадная ресурсная база, как уже было сказано, приобретала все большее значение для экономики страны.

Во-вторых, экономическое развитие национальных территорий являлось залогом улучшения социально-экономического положения национальных меньшинств на местах. Также неханьским народам законодательно декларировалась защита языков, традиционной культуры и религии с целью сохранения их самобытности и развития и т.д. [Там же].

Конечно, все это могло в перспективе положительно сказаться на решении национального вопроса в стране и улучшении межнациональных отношений. Таким образом, несмотря на имевшиеся проблемы, стало возможным постепенно и относительно безбо-

лезненно решать этот стратегически важный для Китая вопрос.

Однако в последующие 20 лет, с 1957 по 1978 г., долгосрочные масштабные изменения, обусловленные политическими, экономическими и социальными потрясениями, остановили развитие национальной политики в КНР. Фактически были разрушены уже сложившиеся ее элементы, а значит, повисло в воздухе мирное решение национального вопроса. Исследователями-синалогами этот период обычно выделяется как «Период деструкции национальной политики в КНР», охватывающий в том числе период «Большого скачка» (1956–1958 гг.) и «Культурную революцию» (1966–1976 гг.). Применительно к сфере национальной политики в КНР отличительной чертой этого периода является то, что ультралевые группировки в КПК, придя к власти при поддержке руководства страны, фактически осуществляли совершенно противоположную иррациональную политику. Их политика была неожиданно направлена на ликвидацию автономии и государственных гарантий защиты и развития национальной самобытности неханьских народов страны, которые широко декларировались в предыдущие годы [3. С. 179].

Для национальной политики этот период проходил в духе ряда «теорий», ставших своеобразной идеологической платформой для осуществления метаморфоз того времени. Все эти «теории» объединяет их цель – скорейшая ассимиляция неханьских народов КНР, полное подчинение национальных районов центральной власти и, таким образом, скорое, но радикальное решение национального вопроса. Абсурдность, а самое главное, методичное следование подобным теориям на практике к концу 1970-х гг. существенно осложнило межнациональные отношения в Китае, лишь прибавило межнациональных противоречий и добавило тем самым еще больше предпосылок для конфликтов на этнической основе в будущем. Апофеозом всего этого стало принятие в 1975 г. новой Конституции КНР. Из нее уже были исключены многие положения, касающиеся статуса неханьских национальностей, их прав и свобод, равно как и статьи о недопустимости дискриминации в отношении неханьских народов в КНР, и т.д. [4]. Кроме того, была распущена Комиссия ВСНП по делам национальностей – орган, созданный в свое время специально для государственного надзора за надлежащим осуществлением национальной политики, принципов районной национальной автономии и т.д.

Во-первых, это «Теория слияния национальностей». Считалось, что под влиянием массовых социалистических изменений в жизни народов КНР в стране сложились благоприятные условия для постепенного стирания национальных различий. И на этой почве возможно построение нового классово однородного общества. Причем официально это не рассматривалось как ассимиляция или «китаизация», а лишь как еще один шаг к коммунизму для всех народов КНР «на взаимно равноправной основе» [5. С. 88]. И, конечно, таким образом

решался и пресловутый национальный вопрос. Хотя на практике все было наоборот. Создание подобного суперэтнуса предполагало подведение всех народов страны под единые политические; социально-экономические; культурные стандарты. Это означало фактическое упразднение любых особенностей, способных идентифицировать тот или иной народ. Словом, этническое самосознание народов КНР должно уступить свое место новым ценностям «единой нации». Тем не менее реальность показала, что это не ликвидирует национальный вопрос, а лишь его осложняет, так как неханьские народы были решительно против таких установок, что навлекло на них гонения в годы Культурной революции и лишь стимулировало исторически сложившиеся противоречия с ханьцами.

Во-вторых, это «Теория классовой борьбы в национальном вопросе». Согласно данной теории, национальный вопрос, в сущности, имеет место лишь в обществе с классовыми различиями, проявляясь в дискриминации по национальному признаку и прочих противоречиях, обусловленных национальными различиями [Там же. С. 164]. Естественно, на этом фоне присутствует и непрекращающаяся классовая борьба. Кроме того, имущие и другие непролетарские классы неханьских народов, да и самих этнических китайцев тоже, рассматривались, с точки зрения данной теории, как еще один источник межнациональных противоречий. Поэтому в годы Культурной революции имущие классы, интеллигенция не только китайцев, но и в особенности активно готовившиеся властями национальные кадры неханьских народов, были подвергнуты репрессиям. Надо сказать, что уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг. национальный вопрос стал терять свое первоначальное значение, став в новых меняющихся условиях анахронизмом. А с близким приближением китайского общества к коммунизму, которое широко декларировалось в то время, положительное решение национального вопроса вообще потеряло актуальность как необходимое условие выживания такого многонационального государства, как Китай. В это время национальный вопрос обрел как раз больше классовых черт, согласно данной теории, и потерял свой стратегический статус, равно как и внимание руководства страны, имевшиеся в предыдущие годы, вплоть до того, что период Культурной революции в КНР официально полностью отрицалось существование отдельных наций [6. С. 52].

В-третьих, это «Теория “четырёх старых”». В рамках этой теории так называемые «старые идеи, старая культура, старые обычаи и привычки» объявлялись препятствующими «пролетарскому» развитию и межнациональному миру пережитками «непролетарского» прошлого. Естественно, указанные элементы традиционного уклада жизни и мировоззрения неханьских народов, и часто самих китайцев, подлежали искоренению. В целом это касалось всей страны, но наиболее тяжело пострадали национальные районы – этническая

специфика неханьских народов оказалась на грани уничтожения, главным образом их культура, языки и письменность. Более того, традиционные формы социально-экономических и политических отношений в национальных районах, как и элементы национальной идентичности (культура и язык), являлись мощной идеологической преградой для процессов ассимиляции и китаизации. Для пришедших к власти радикалов они отождествлялись с сепаратистскими, антикитайскими и империалистическими элементами. Поэтому их уничтожение или подчинение, китаизация виделись ими как необходимое условие для достижения полного контроля над неханьскими народами. Например, в ходе претворения в жизнь данной теории кадровые работники, ханьцы по национальности, местами запрещали неханьскому населению пользоваться местными языками и письменностью [5. С. 167].

Последние вообще должны были, по мысли «теоретиков» нового подхода к национальным меньшинствам, постепенно перейти на китайскую грамматическую, лексическую и смысловую основы, тем самым утратив свою неповторимость, и фактически со временем исчезнуть. То же самое касалось и других элементов национальных культур, которые в перспективе должны были быть заменены на элементы китайской культуры. Это также противоречило проводившейся ранее в 1949–1957 гг. политике охраны государством и свободного развития культуры, языка неханьских народов. Несомненно, такая явная борьба против элементов национальной идентичности лишь добавляла причин для роста межэтнических противоречий и недовольства неханьских народов и отнюдь не решала национальный вопрос.

Хотя религия неханьских народов, как и религия в Китае вообще, и не входила в число «Четырех старых», с ней, как с одной из основных угроз «пролетарскому сознанию», в Период деструкции велась бескомпромиссная борьба. Однако, несмотря на масштабные антирелигиозные кампании, уничтожение культовых учреждений и религиозной литературы, официально не было издано ни одного заявления властей, подтверждающего или ликвидирующего конституционную сохранность свободы религии, хотя власть и поощряла подобные действия [7. С. 10]. Антирелигиозные кампании проводились исключительно руками ультралевых радикалов – хунвейбинов и цзаофаней, и это объяснялось впоследствии как самоуправство последних и «перегибы на местах». В годы Культурной революции прекратила работу выстроенная в предыдущие годы система взаимодействия власти и верующих, религии вообще, был ликвидирован Комитет по делам религии. Особого накала антирелигиозная борьба достигала как раз в национальных районах. Например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) главным объектом атак хунвейбинов и цзаофаней стал ислам – основная религия большинства населяющих данную территорию неханьцев. Также борьба шла против местных

обычаев и нравов, местного культурного достояния, в силу местной культурно-религиозной специфики тесно связанных с религией, что вполне соотносилось с упомянутыми выше теориями. Соответственно, было закрыто большинство мечетей и медресе, Китайский институт исламского богословия, а духовенство подвергнуто репрессиям. Вообще, согласно статистике, к концу периода Культурной революции в городе Кашгар (СУАР) лишь 2 из 90 мечетей могли продолжать функционирование, а в целом в Кашгарском округе – лишь 600 из 5 000 [Там же. С. 132]. В Нинся-Хуэйском автономном районе (НХАР), где среди местного населения (в основном хуэй) также преобладает ислам, борьба с религией рассматривалась еще и как главное средство решения национального вопроса на местном уровне. Ведь по мысли идеологов и практиков Культурной революции, ислам являлся единственной чертой хуэй, говорящих на китайском языке и в значительной мере китаизировавшихся, отличавшей данный народ от самих ханьцев [Там же. С. 133].

Таким образом, ликвидация ислама на отдельно взятой территории – НХАР, была, по сути, еще одной конкретной политической задачей, стоящей перед ханьской администрацией региона и руководством страны, а не просто местным проявлением борьбы с религией на государственном уровне в целом. Вмешательство в такую сакральную для мусульманского населения этих регионов сферу, как религия, лишь существенно осложнило межнациональные отношения – подобные действия закономерно рассматривались неханьскими мусульманскими народами и СУАР и НХАР как олицетворение агрессии «неверных». Недовольство мусульман выливалось в вооруженные столкновения с ханьцами, имевшие место в СУАР и НХАР в период Культурной революции. В Тибетском автономном районе (ТАР) и Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ), где преобладающей религией является буддизм, также были развернуты активные действия по искоренению религии. В Тибете из более чем 6 000 имевшихся монастырей и других культовых сооружений к 1979 г. оставалось не более 5, а духовенство и верующие подвергались гонениям [8. С. 41]. Во Внутренней Монголии антирелигиозная борьба проходила аналогично, причем масштабы борьбы против религии оказались таковыми, что из 700 буддийских монастырей, имевшихся в регионе в 1964 г., к концу Культурной революции осталось только 27, в которых, тем не менее, было запрещено отправление религиозных обрядов [9. С. 412]. Как и в случае СУАР и НХАР, наступление на религию и тесно связанные с ней уклад жизни и мировоззрение подвигали неханьское население Тибета и Внутренней Монголии на сопротивление китайским властям, нередко выливавшееся в кровопролитные столкновения. Вообще, Период деструкции национальной политики в КНР, особенно годы Культурной революции, обернулся для населения национальных территорий серьезными человеческими жерт-

вами в результате репрессий по политическим, классовым и иным мотивам, антикитайских восстаний, голода и т.д. Например, в период 1967–1969 гг. только во Внутренней Монголии число жертв составило более 16 тыс. чел., раненых – около 87 тыс. чел., а всего пострадавших – около 342 тыс. чел. [10. С. 143]. При этом значительное количество людей пострадали конкретно по делу о принадлежности к так называемой Народно-революционной Партии Внутренней Монголии, которая выступала за самоопределение региона и интересы монголов и поэтому давно преследовалась властями, хотя в 1960-х гг. уже не действовала. Из этих пострадавших большинство являлись этническими монголами. Достаточно крупным также стало восстание в Тибете в 1959–1962 гг., имевшее своей целью борьбу за восстановление независимости Тибета, противостояние уничтожению китайцами традиционной религии тибетцев. В итоге, по разным данным, погибли от 87 до 93 тыс. чел., 25 тыс. были арестованы, а значительное число тибетцев вынуждены были бежать за границу [11. С. 246]. В Гуанси-Чжуанском автономном районе (ГЧАР) в 1967–1968 гг. дошло до прямых столкновений формирований, вышедших из-под контроля властей хунвейбинов и цзаофаней с армией. Например, город Учжоу ГЧАР даже обстреливали из артиллерии и бомбили напалмом. На фоне противостояния радикалов с армией в ГЧАР также имели место волнения среди неханьского населения региона, подавлявшиеся одновременно и радикалами, и армией, в ходе чего, по разным данным, около 100 тыс. чел. погибли и пострадали [12. С. 499].

В этот период усиленно проводится еще большее административное перекраивание национальных районов. В частности, создавались новые национальные субъекты различного уровня. Например, в 1957–1958 гг. в ряде провинций (Сычуань; Цилинь; Юннань; Гуандун; и т.д.) были сформированы автономные уезды и округа в местах компактного проживания неханьских народов. Создаются и более крупные национальные административно-территориальные единицы – Нинся-Хуэйский (1958) и Тибетский (1965) автономные районы. Процессы дробления и перекраивания национальных территорий вместе с интенсивной миграцией туда ханьцев, кроме решения административных или экономических задач, преследовали и другие цели. Например, предотвращать межэтническую напряженность; заселять данные территории этническими китайцами и исключить образование достаточно мощных неханьских анклавов, чтобы еще больше рассеять и без того разбросанное неханьское население, что могло бы способствовать постепенной их ассимиляции [13. С. 38].

В 1969 г. большая часть территории Внутренней Монголии была поделена между соседними китайскими провинциями и НХАР таким образом, что численность монголов в ней упала до 600 тыс. чел., а общая численность населения – с 13 до 9 млн чел. [9. С. 418].

Лишь в 1979 г. территория Внутренней Монголии была восстановлена в своих прежних границах. Понятно, что неханьское население значительно уменьшилось по отношению к возросшей доле ханьцев. Приток этнических китайцев, именно в период Культурной революции ставших основным населением в регионе, в свою очередь, продолжился. Этнические китайцы стали там доминирующей в социальном и этническом планах нацией, не говоря уже об их полной монополии в то время на административный и управленческий аппарат. Органы самоуправления в АРВМ были заменены революционными комитетами, где ведущие позиции опять же занимали этнические китайцы. А местная элита и национальные кадры, игравшие достаточно значительную роль в управлении АРВМ, к 1970-м гг. постепенно утратили свое политическое влияние. Фактически, в период Культурной революции в АРВМ создалась удобная обстановка для смещения местной элиты во главе с Уланьфу, влиятельным монгольским лидером, занимавшим пост руководителя региона в 1947–1967 гг. и проводившим весьма самостоятельную политику в интересах монгольского населения, что не устраивало Пекин. В результате после ухода Уланьфу с поста главы АРВМ практически весь местный административный аппарат оказался в руках ханьцев. Вообще такая ситуация стала типичной для всех национальных административно-территориальных единиц КНР в то время. Из Конституции 1975 г. также исчезли и положения, относящиеся к принципам функционирования органов самоуправления [4]. Фактическое упразднение автономии – полное подчинение национальных регионов центральной власти, стало еще одной характерной чертой того времени. До этого и так бывшая лишь в официальных документах достаточно «широкой», а, в сущности, номинальной, автономия на этот раз была окончательно взята под контроль центральными властями. Районы национальной автономии теперь напрямую подчинялись центральному правительству, теряя всякую автономию.

Социально-экономическое направление национальной политики, бывшее одним из приоритетных в Период становления, с началом Периода деструкции и до конца 1970-х гг. оставалось на периферии и поэтому также существенно пострадало. Причины во многом были в сложной общей политической и социально-экономической ситуации в стране. Ошибки «Большого скачка» (1956–1958 гг.) и II пятилетки (1958–1962 гг.), вроде навязывания увеличивавшихся и невыполнимых планов производства, приверженности абсурдным методам хозяйствования в промышленном и сельскохозяйственном секторах и т.д., сильно ударили не только по экономике государства, фактически провалив грандиозные планы руководства по наращиванию темпов промышленного и сельскохозяйственного производства.

Дело в том, что от экспериментов правящих радикалов от КПК больше всего пострадала деревня. В рассматриваемый период неханьские народы КНР суще-

ствовали преимущественно в традиционных аграрных рамках. Насильно вводимые меры, такие как коммунизация; уничтожение традиционных форм хозяйствования и торговли неханьских народов и внедрение взамен них оказавшихся впоследствии ошибочными методов, переброска трудовых ресурсов деревни из сельского хозяйства в другие отрасли и т.д. самым негативным образом отразились на национальных районах, живших натуральным хозяйством [13. С. 29].

Провал проводившихся экономических программ, который привел к катастрофическим последствиям для всей страны, в первую очередь к масштабному голоду, нанес значительный урон неханьским народам. И без того сравнительно низкий уровень жизни неханьских народов в национальных районах существенно упал [14. С. 35].

Таким образом, в Период деструкции национальные районы продолжали даже в этих непростых социально-экономических условиях отставать от остального Китая. Вообще, до конца 1970-х гг. о принципах социально-экономического развития неханьских народов, как об одном из основных составляющих национальной политики времен Периода становления, фактически забыли. Ведь тогда бывшая важность национального вопроса не имела никакого значения. Это связано с тем, что в новых условиях он обрел классовые черты, и ни о каком социально-экономическом отставании неханьских народов, как об одной из основных проблем национальной политики, нигде не говорилось. Ведь классовое деление общества в то время официально отсутствовало, как и национальный вопрос. Подобное заблуждение навредило социально-экономическому положению национальных районов настолько же сильно, насколько и межнациональным отношениям.

В целом период 1957–1978 гг. оправдывает свое устоявшееся название Периода деструкции. Произошла грандиозная ломка еще не до конца сложившейся системы национальной политики вместе с радикальным наступлением на неханьские народы, их традиционную культуру, язык, религии и т.д., чего в Период становления национальной политики старались по возможности избежать. Пришедшие к власти во время Культурной революции ультралевые политики сделали попытку решить национальный вопрос быстрыми, но радикальными, а потому неправильными методами, совершенно не принимая во внимание специфику национального вопроса в Китае вообще и руководствуясь лишь классовым взглядом на данную проблему.

Однако после 1978 г., а именно после знакового в этом отношении 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва, ситуация стала кардинально меняться. Комплекс будущих необходимых изменений во всех сферах жизни страны, которые были намечены на этом съезде, включил в себя и очередное изменение позиции ру-

ководства страны по национальному вопросу. Теперь национальный вопрос, так же как в 1949–1957 гг., был поставлен в один ряд с вопросами выживания государства, была выявлена прямая связь между ростом межнациональной напряженности и катастрофическими ошибками времен «Большого скачка» и Культурной революции [15. С. 22].

Самое главное заключалось в том, что пришедшие на смену радикалам в 1978 г. более прагматичные политики-реформаторы, дабы взять под контроль сложившуюся ситуацию и исправить фатальные ошибки предшественников, вновь обратились к принципам национальной политики времен Периода становления. Необходимо было как можно скорее избавиться от негативного наследия национальной политики 1957–1978 гг., нивелировать ущерб, нанесенный межнациональным отношениям, снизить накал антиханьских настроений, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения обстановки в национальных районах.

Таким образом, был взят курс на отказ от ошибочных подходов к национальному вопросу Периода деструкции, причем со временем даже стали критиковаться отдельные аспекты политики по отношению к национальным меньшинствам страны того времени, как, например, классовый взгляд на проблему, борьба с «Четырьмя старыми» и т.д. Неханьские народы Китая вновь стали считаться «отдельными нациями», что было законодательно закреплено в соответствующей статье новой Конституции 1982 г. (ст. 4), как и то, что государство дает им определенные права и привилегии, обеспечивает их защиту и развитие и т.д. [16].

С конца 1970-х гг. районная национальная автономия снова стала играть роль ядра, вокруг которого обращается и сейчас национальная политика в КНР. Районная национальная автономия рассматривалась теперь как «основная политика КПК в решении национального вопроса» и «важный компонент политической системы государства» [15. С. 26].

Практически, можно говорить о том, что были возрождены государственные установки в национальной политике и законодательстве Периода становления. С 1978 по 1982 г. этот поворот состоял как раз в отходе от понимания национального вопроса времен Культурной революции, в основе которого лежат классовый принцип и иные оказавшиеся ошибочными идеи. Так или иначе с начала 1980-х гг. началось формирование современной национальной политики в КНР. Именно в это время вновь запускается практическое функционирование широкого спектра мер по поддержанию межнациональных отношений, однако во главу угла теперь встало социально-экономическое развитие национальных территорий как основное условие для победы над этническим национализмом и сепаратизмом, а также для нивелирования жесточайшей региональной дифференциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева Т.В. Зигзаги национальной политики Китая // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 3. С. 18–25.
2. Чжунхуа жэньмин гунхэго сизньфа, 1954 (Конституция Китайской Народной Республики 1954 г.). URL: <http://e-chaupak.net/database/chicon/1954/1954bilingual.htm>, свободный (дата обращения: 10.03.2016).
3. Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы : Дайк-Пресс, 2003. 80 с.
4. Чжунхуа жэньмин гунхэго сизньфа, 1975 (Конституция Китайской Народной Республики 1975 г.). URL: <http://www.e-chaupak.net/database/chicon/1975/1975e.htm>, свободный (дата обращения: 10.03.2016).
5. Москалёв А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М. : Москва, 2004. 215 с.
6. Чжан Тяньлю. Миньцзу жэнькоусюэ (Демография национальностей). Бэйцзин, Чжунго жэнькоу чубаньше, 1998. 360 с.
7. Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. М., 2002. 297 с.
8. Буйаров Д.В. Национальная политика Китая в конце 1950-х – конце 1970-х гг. Краснодар : Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. Т. 8, № 1, ч. 1. С. 39–43.
9. Sneath D. The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia // *Modern Asian Studies*. 1994. Vol. 28, № 2. P. 409–430.
10. Мажинский С.В. Центральное правительство Китая и Автономный район Внутренняя Монголия в 1966–1969 гг.: от диалога к политической борьбе // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 401. С. 139–144.
11. Куртун С.Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб. : Издание А. Терентьева, 2010. 54 с.
12. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартосек К., Марголин Дж.-Л. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / пер. с франц. М. : Три века истории, 2001. 864 с.
13. Lipman J. White Hats, Oil Cakes, and Common Blood // *Governing China's Multiethnic Frontiers* / ed. by M. Rossaby. Seattle (USA) : University of Washington Press, 2004. P. 19–52.
14. Лун Юаньвэй. Шаошу миньцзу цзинци яньцзу дэ хуэйгу юй чжаньван (Исследования в области экономики национальных меньшинств: ретроспективный взгляд и перспективы) // *Миньцзу яньцзу*. 1998. № 9. С. 33–42.
15. Ван Тэцжи. Синь чжунго миньцзу чжэньцэ фачжань дэ лиши гуйцзи хэ шидай тэдан (Исторические пути и временные особенности развития национальной политики Нового Китая) // *Миньцзу яньцзу*. 1999. № 5. С. 19–27.
16. Конституция КНР 1982 г. с изменениями 1988, 1993, 1999, 2004 гг. Законодательство Китая. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution, свободный (дата обращения: 28.02.2016).

Novichkov Basyll S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ritter_lohengrin@mail.ru

THE NATURE OF ETHNIC POLICY IN THE PRC DURING THE PERIOD OF DESTRUCTION (1957–1978).

Keywords: the Period of destruction; the Cultural Revolution; ethnic policy; the non-Han people.

This article observes the essence of ethnic policy in the PRC in 1957–1978. As this period is considered to be an integral part of evolution process in ethnic policy, it is important for understanding certain peculiarities of ethnic policy in the PRC. The period of 1957–1978 is often defined by sinologists as the Period of destruction. It is the time of fundamental changes in the ethnic policy line, which caused a wide range of destructive processes. The new line of ethnic policy was in rejecting the basic principles, which had been determining the governmental course of policy towards ethnic minorities in China since 1949 – these principles include autonomy and socio-economic development of the ethnic territories and the non- the Han people there. It was the long-termed political, socio-economic and ideological crisis in China, including such notorious stages of Chinese history as the Great Leap Forward (1956–1958) and the Cultural Revolution (1966–1976) that became its background. The system of relations with the ethnic periphery, which had been developing in China since 1949, was greatly damaged by irrational policy of the authorities and the radicals from the CCP. In fact, autonomy of ethnic territories was cancelled, so that they were fully submitted to the central authorities. The past importance of both ethnic question and ethnic policy for the country was pulled down by the wrong “proletarian” ideas of what ethnic relations and ethnic policy in China should be. In this situation social stratification, class struggle, religion and traditional way of life of the non-Han people were proclaimed to be the main reasons of both ethnic contradictions and ethnic question. According to certain theories, which established the “proletarian” view on ethnic policy at that time, these elements of their life were persecuted by the authorities. For the non-Han people it definitely meant both slow assimilation and total extinction of their ethnic identity. Thus, an author concludes, this kind of policy couldn't make ethnic relations milder indeed. On the contrary, at that time as absurd social and economic experiments failed, this circumstance just stimulated historically tense relations between the non-Han people and the Chinese people, so that there accumulated anti-Han tensions and there appeared more reasons for periodical escalations of the situation in the Chinese borderlands in future. Thus, after the crisis period of 1957–1978 stopped, in order to prevent a further deterioration of the situation, which might cause obviously considerable consequences for China, the new generation of Chinese politicians returned to the basic principles of ethnic policy, laid down during the Period of establishment (1949–1957).

REFERENCES

1. Lazareva, T.V. (2010) Zigzagi natsional'noy politiki Kitaya [The zigzags of the Chinese national policy]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 3. pp. 18–25.
2. China. (n.d.) *Chzhunkhua zhen'min gunkhego sien'fa, 1954* [Constitution of the People's Republic of China 1954]. [Online] Available from: <http://e-chaupak.net/database/chicon/1954/1954bilingual.htm>. (Accessed: 10th March 2016).
3. Syroezhkin, K.L. (2003) *Mify i real'nost' etnicheskogo separatzizma v Kitae i bezopasnost' Tsentral'noy Azii* [Myths and reality of ethnic separatism in China and security in Central Asia]. Almaty: Dayk-Press.
4. China. (n.d.) *Chzhunkhua zhen'min gunkhego sien'fa, 1975* [Constitution of the People's Republic of China 1975]. [Online] Available from: <http://www.e-chaupak.net/database/chicon/1975/1975e.htm>. (Accessed: 10th March 2016).
5. Moskalev, A.A. (2004) *Teoreticheskaya baza natsional'noy politiki KNR (1949–1999)* [The theoretical basis of China National Policy (1949–1999)]. Moscow: Moskva.
6. Zhang Tianlu. (1998) *Min'tszu zhen'kousyue* [Demographics of nationalities]. Beytszin: Chzhungo zhen'kou chuban'she, 1998. 360 s.
7. Kuznetsov, V.S. (2002) *Islam v obshchestvenno-politicheskoy zhizni KNR* [Islam in China's social and political life]. Moscow: The Institute of Far Eastern Studies (IFES).
8. Buyarov, D.V. (2016) China national policy in the late 1950's to the late 1970's. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social Educational Ideas*. 8(1). pp. 39–43. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1-39-43
9. Sneath, D. (1994) The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia. *Modern Asian Studies*. 28(2). pp. 409–430. DOI: 10.1017/S0026749X00012464

10. Mazhinskiy, S.V. (2015) Chinese government and the Inner Mongolia Autonomous Region during 1966-1969: from dialogue to political struggle. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 401. pp. 139–144. DOI: 10.17223/15617793/401/21
11. Kuzmin, S.L. (2010) *Skrytyy Tibet. Istoriya nezavisimosti i okkupatsii* [Hidden Tibet. The history of independence and occupation]. St. Petersburg: A.Terentiev.
12. Courtois, S., Werth, N., Panne, F.-L., Pachkovsky, A., Bartosek, K. & Margolin, J.-L. (2001) *Chernaya kniga kommunizma. Prestupleniya, terror, repressii* [The Black Book of Communism. Crimes, terror, repression]. Translated from French. Moscow: Tri veka istorii.
13. Lipman, J. (2004) White Hats, Oil Cakes, and Common Blood. In: Rossaby, M. (ed.) *Governing China's Multiethnic Frontiers*. Seattle: University of Washington Press. pp. 19–52.
14. Lun Yuanvey. (1998) Shaoshu min'tszu tszintszi yan'tszu de khueygu yuy chzhan'van [Research in Economics of National Minorities: a retrospective and prospects]. *Min'tszu yan'tszyu*. 9. pp. 33–42.
15. Van Techzhi. (1999) Sin' chzhungo min'tszu chzhentse fachzhan' de lishi guytshi khe shiday tedian [Historical paths and timing features of development of New China national policy]. *Min'tszu yan'tszyu*. 5. pp. 19–27.
16. China. (n.d.) *Konstitutsiya KNR 1982 g. s izmeneniyami 1988, 1993, 1999, 2004 gg. Zakonodatel'stvo Kitaya* [Chinese Constitution in 1982 as amended in 1988, 1993, 1999, 2004. Legislation of China]. [Online] Available from: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution. (Accessed: 28th February 2016).

УДК 323(73)
DOI 10.17223/19988613/45/9

Т.Б. Румянцева

«ИНВЕСТИЦИИ В БУДУЩЕЕ»: ПОДГОТОВКА КАДРОВ В СФЕРЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ, ИНЖЕНЕРНЫХ НАУК И МАТЕМАТИКИ КАК ПРИОРИТЕТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ Б. КЛИНТОНА (1993–1995 гг.)

Анализируется опыт подготовки кадров в сфере фундаментальных, инженерных наук и математики Соединенных Штатов Америки, успехи которых в данной области определяют актуальность предпринятого исследования. Реализация мер, предложенных в рамках технологической инициативы президента Б. Клинтона в 1993 г., таких как широкомасштабное внедрение информационных технологий в систему образования, массовое распространение знаний в области фундаментальных, инженерных наук и математики, создание национальной информационной инфраструктуры, оказала влияние как на развитие американского государства, так и на усиление роли инженерных кадров в обществе. Спецификой системы подготовки инженеров в США стало обучение профессиональных инженеров навыкам эффективной работы в командах по выявлению и решению сложных проблем в работе правительства, промышленности, академической среде и обществе в целом. В результате реализации технологической инициативы администрации Б. Клинтона наряду с предоставлением традиционных знаний в области инженерного дела возникла система подготовки инженеров с широким кругозором, более развитыми навыками коммуникации, стремлением к сотрудничеству и продолжительному обучению.

Ключевые слова: США; Б. Клинтон; технологическая инициатива; инновационная политика.

В начале XX в., когда программы подготовки инженерных кадров были уже внедрены во многих университетах США, руководители образовательных и промышленных предприятий стали периодически оценивать направления развития инженерного образования. Обстановка в США в разные периоды предъявляла определенные, а иногда даже критические, требования к системе подготовки инженерных кадров. В ситуации, сложившейся в США в начале 1990-х гг., определяющими факторами стали следующие: окончание «холодной войны», сокращение бюджетных расходов на оборону, возрастающая мировая конкуренция, быстрое внедрение информационных технологий, увеличение в структуре американского населения доли меньшинств и иммигрантов, не имеющих даже минимального представления об инженерных науках, рост доли женщин в структуре рабочей силы, у которых также отсутствовали знания в области инженерных наук [1]. Вместе с тем, как отмечал на тот момент еще кандидат в президенты США Б. Клинтон, инвестиции в «будущее» – в образование, профессиональное обучение, исследования и технологии – находились на «неприемлемо низком уровне» [2. С. 601].

В ноябре 1992 г. Б. Клинтон победил на президентских выборах в США. Через несколько недель после инаугурации, 22 февраля 1993 г. в городе Сан-Хосе (штат Калифорния) Б. Клинтон и вице-президент А. Гор озвучили инициативу «Технологии для экономического роста Америки. Новое направление для строительства сильной экономики», задуманную для достижения трех основных целей: 1) долгосрочный экономический рост, способствующий созданию новых рабочих мест и защите окружающей среды; 2) обеспечение более эффективной и ответственной работы правительства; 3) обеспечение мирового лидерства в области фундаментальных наук, математике и инженерном деле [3].

Одним из основных аргументов в пользу реализации новой американской технологической инициативы, которая предусматривала широкомасштабное внедрение информационных технологий, являлось развитие образования и подготовки кадров. Б. Клинтон считал, что технологическая политика играет ключевую роль в процессе развития и повышения доступности образования для всех американцев.

Во-первых, выделение приоритетов в технологической политике и, соответственно, в законодательной сфере отражало потребность в создании высокопроизводительных рабочих мест, т.е. таких, которые предлагают всем работникам квалифицированные, хорошо оплачиваемые должности с возможностью карьерного роста. При этом план реализации технологической инициативы предполагал, что экономический рост работает на благо всей рабочей силы США, а не только отдельных элитных групп высокообразованных людей, имеющих свободный доступ к переподготовке и повышению квалификации.

Во-вторых, отмечалась важность обеспечения доступа американцев к получению образования и переподготовке, а также принятия мер для того, чтобы сфера образования превратилась в высокопроизводительное рабочее место. Инициативы Б. Клинтона в образовании и подготовке кадров включали четыре основные позиции: реформа начальной и средней школы; внедрение образовательных программ «предпочтения» и иных программ, направленных на облегчение перехода из школы на рабочее место для людей, которые не намерены продолжать обучение в колледжах; обеспечение доступности повышения квалификации для всех работников, нуждающихся в совершенствовании знаний и навыков для того, чтобы идти в ногу с быстроменяющимися экономическими условиями; специальные программы помощи лицам, потерявшим работу,

реализуемые либо за счет сокращения бюджетов на военные расходы, либо за счет увеличения международной торговли.

Технологическая инициатива президента Клинтона предусматривала, с одной стороны, широкомасштабное внедрение информационных технологий во все элементы системы образования, с другой – массовое распространение знаний в области фундаментальных наук, математики и инженерного дела. В этой связи был выделен ряд приоритетов. Прежде всего, это предоставление государственных инвестиций на поддержку технологий, которые могут повысить качество обучения и преподавания в школах, на промышленных предприятиях и даже дома. Планировалось, что новые информационные технологии откроют большие возможности учителям в школах и создадут новые возможности в области трудоустройства, будут способствовать превращению школ самих по себе в высокопроизводительные рабочие места. Следующим по важности считалось предоставление государственных инвестиций на реализацию программ распространения знаний и навыков в области фундаментальной науки, математики, инженерного дела на уровне начальной и средней школы, колледжей, аспирантуры, а также в специальных образовательных центрах промышленных предприятий. Особое внимание уделялось повышению участия в данных программах меньшинств и женщин. И, наконец, речь шла об использовании возможностей военных отраслей в сфере образования и подготовки кадров и ускорении процесса передачи опыта военных учреждений гражданским.

Министерство обороны США и Национальное агентство по авиационной и исследованию космического пространства (НАСА) вкладывали огромные средства на разработку учебного оборудования и программного обеспечения. Центр обучения военно-морских сил США и Управление реализации программы армии США по моделированию, обучению и техническим средствам в 1990-х гг. расходовали около 1 млрд долл. в год на системы обучения. Только в штате Флорида в тот период существовало более 150 компаний, занятых моделированием и обучением. По мнению Б. Клинтона, военные учреждения накопили ценный опыт в деле использования новых технологий, который мог быть успешно использован в практическом процессе обучения [3].

Для достижения приоритетов, обозначенных в рамках направления по реформированию системы образования и подготовки кадров, правительство предполагало принять следующие конкретные меры:

А) Расширение доступа к сети Интернет и Национальной сети [связи] для научно-исследовательских и образовательных организаций (сеть NREN) с целью соединения университетских кампусов, колледжей и школ системы K-12 (*полное среднее образование*) к высокоскоростным системам связи, предоставляющим широкий спектр информационных ресурсов. Преду-

сматривалось предоставление поддержки на приобретение оборудования, которое позволит локальным сетям этих учебных заведений получить доступ к системам связи, а также на разработку высокопроизводительного программного обеспечения, соответствующего уровню нового оборудования.

Б) Создание межотраслевой рабочей группы из представителей соответствующих федеральных агентств для установления стандартов на программное обеспечение, системы связи для нужд образования и подготовки кадров. Также в задачи группы входила координация разработки критических элементов программного обеспечения; разработка комплектов программного обеспечения и учебных планов, сбор информационных ресурсов в стандартном формате и распространение их в школы и учебные центры по всей стране посредством как обычных, так и передовых систем связи. На данную рабочую группу возлагалась также обязанность оказывать необходимую помощь межотраслевой рабочей группе по вопросам работников, лишившихся рабочих мест.

В) Развитие программ по образованию и людским ресурсам федерального совета по науке, инженерии и технологиям. Эти программы были нацелены на улучшение преподавания научных дисциплин, математики и инженерного дела на всех уровнях образования. Основной упор в школах системы K-12 делался на подготовку учителей и разработку учебных программ. В рамках программ высшего образования был запланирован пересмотр учебных программ с акцентом на разработку системы поощрения студентов. На всех этапах подготовки студентов наибольший объем финансовых средств планировалось направлять через программы предоставления стипендий и грантов.

Г) Поощрение проектов по созданию консорциумов с промышленностью или региональных союзов, основной целью которых будет создание новых обучающих систем (аппаратные и программные продукты) и работа с образовательными организациями по всей стране по внедрению и поддержанию передовых систем.

Д) Развитие образования в сфере организации производства. Б. Клинтон обратил внимание на то, что традиционное техническое образование с акцентом на разработку и анализ изделий не учитывает важность вопросов управления производственной деятельностью, в связи с чем возникла необходимость в программах преддипломного и высшего образования в сфере организации производства.

В своем выступлении в Сан-Хосе президент и вице-президент США отмечали, что технологическая мощь зависит от развития фундаментальных, инженерных наук и математики. Федеральное правительство США активно поддерживало фундаментальные исследования после Второй мировой войны, и вложения в эту сферу принесли огромные дивиденды: американские исследовательские университеты стали лучшими, национальные лаборатории привлекали ученых и инженеров

со всего мира, американские исследователи превосходили своих иностранных коллег по уровню научного цитирования, нобелевским премиям и иным показателям научных достижений.

Б. Клинтон гарантировал сохранение серьезной поддержки фундаментальных наук и предоставление стабильного финансирования для длительных проектов, обещая, что деятельность передовых исследовательских команд, на создание которых потребуются годы, не будет нарушена колебаниями объемов финансирования. Вместе с тем он отметил, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. вместо отмены менее важных проектов федеральные агентства просто сократили объемы финансирования, что привело к задержке реализации сотен программ. Новая технологическая инициатива предусматривала улучшение управления в сфере фундаментальных наук и выделение четких приоритетов финансирования [3].

К 1995 г. появились первые положительные результаты технологической инициативы демократической администрации. Согласно оценке комитета по изучению проблем высокопроизводительных вычислений и систем связи Национального исследовательского совета инициатива по развитию высокопроизводительных вычислений и систем связи в США оказалась успешной [4]. Через два года после объявления технологической инициативы Б. Клинтона просматривалась дисциплинарная направленность затрат федерального правительства на финансирование фундаментальных исследований в соответствии с национальными целями США. Почти половина объема затрат (6,9 млрд долл. из 14,2) приходилась на финансирование наук о жизни (биология, медицина и сельскохозяйственные), 20% – на физические науки, 31% (4,3 млрд долл.) – инженерные, особенно математику и компьютерные науки [5].

Претерпели изменения и отдельные федеральные программы. В частности, Национальный научный фонд, который традиционно поддерживал научные исследования и аспирантское образование, получил право поддерживать получение магистерского образования в области фундаментальных, инженерных наук и математики. Данная программа предоставляла также возможность получения знаний в области инженерного дела женщинам, представителям национальных меньшинств, людям с ограниченными возможностями, студентам из разных небольших колледжей, в том числе колледжей не инженерного профиля, а также студентам высших учебных заведений и учителям. Национальный Совет по науке и технологиям при президенте США разработал пятилетний стратегический план распространения знаний в области фундаментальных, инженерных наук и математики, согласно которому были скоординированы усилия всех федеральных ведомств [1].

В технологической инициативе Б. Клинтона отмечалась зависимость долгосрочного научного и технологического процветания США от объемов финанси-

рования грантовых исследовательских программ университетов. В связи с этим подчеркивалось продолжение финансирования университетских научно-исследовательских проектов по линии национального научного фонда и иных агентств. Кроме того, отмечалась важность деятельности национальных лабораторий в таких областях, как физика высоких энергий, медико-биологические науки, ядерная физика, материаловедение и аэронавтика. Технологическая инициатива предусматривала сохранение за национальными лабораториями ведущей роли в развитии фундаментальных исследований, а также стимулирование большего числа совместных исследовательских проектов между лабораториями, промышленностью и университетами.

Помимо реформирования системы образования и подготовки кадров за счет широкого внедрения информационных технологий и распространения знаний в области фундаментальных, инженерных наук и математики, в технологической инициативе Б. Клинтона большое внимание уделялось также развитию информационной инфраструктуры. В частности, речь шла о создании информационных магистралей – высокоскоростных информационных связей на базе надежных, недорогих и простых в использовании информационных технологий, которые представляли огромную ценность для школ, больниц и иных общественных учреждений. Считалось, что ускоренное внедрение эффективных, высокоскоростных систем связи может иметь такой же эффект на экономику и социальное развитие США, как государственные инвестиции в строительство железных дорог в XIX в., и что современные системы связи представляют собой критический инструмент, вокруг которого может развиваться новый бизнес [3].

В целях развития национальной информационной инфраструктуры было объявлено об исполнении Программы высокопроизводительных вычислений и систем связи. Следует отметить, что инициатива по развитию высокопроизводительных вычислений и систем связи (НРСЦИ) являлась фокусной точкой федерального правительства США с 1989 г. Данная инициатива приняла статус официального документа в 1991 г. после принятия Закона о высокопроизводительных вычислениях при поддержке комитета по науке и технологиям. Инициатива по развитию высокопроизводительных вычислений и систем связи включала в себя реализацию пяти программ: а) по развитию передового программного обеспечения и алгоритмов; б) по развитию фундаментальных исследований и человеческих ресурсов; в) по развитию высокопроизводительных компьютерных систем; г) по созданию национальной сети научных исследований и образования (NREN); д) с 1994 г. по развитию технологий и программных продуктов информационной инфраструктуры (ИТА) [Там же].

Для достижения целей, заявленных в рамках развития национальной информационной инфраструктуры, предусматривалось создание специальной рабочей группы. Бы-

ло отмечено, что к началу 1990-х гг. политика правительства США в области телекоммуникаций и информационных технологий отстала от технологий в этой сфере, в результате чего правительственное регулирование сдерживало конкуренцию и тормозило внедрение новых технологий. Однако без стабильной законодательной базы частный сектор не хотел инвестировать в создание высокоскоростной национальной телекоммуникационной среды, которая чрезвычайно необходима в условиях XXI в. Решение о создании межведомственной рабочей группы в рамках Национального экономического совета было вызвано необходимостью решения этой и ряда других проблем, а также взаимодействия с Конгрессом и частным сектором в поисках консенсуса по вопросам изменения государственной политики и создания национальной информационной инфраструктуры.

Реализация мер, предложенных в рамках технологической инициативы президента Б. Клинтона в 1993 г., и в первую очередь таких мер, как широкомасштабное внедрение информационных технологий в систему образования, массовое распространение знаний в области фундаментальных, инженерных наук и математики, создание национальной информационной инфраструктуры, оказали влияние как на развитие американского государства, так и на усиление роли инженерных кадров в обществе. В 1995 г. Совет по инженерному образованию представил свое видение системы подготовки инженеров в США, согласно которому профессиональные инженеры должны быть способны эффективно работать в командах по выявлению и решению сложных проблем в работе правительства, промышленности, академической среде и обществе в целом. Был сделан акцент на том, что наряду с предоставлением традиционных знаний в области инженерного дела система подготовки инженеров должна готовить специалистов с широким кругозором, более развитыми навыками коммуникации, стремлением к сотрудничеству и продолжительному обучению.

Предоставление только знаний по инженерному делу не соответствовало требованиям времени, поскольку возникала потребность в специалистах, владеющих глубокими знаниями по математике и способных разбираться в различных вопросах социального плана. Учитывая изменение требований на рынке труда, системе инженерного образования планировалось ориентировать на предоставление знаний, которые помогут специалисту не только стать инженером, но и выстроить карьеру в других сферах, таких как медицина, юриспруденция, управление и др., т.е. там, где они с успехом смогут применить технологическое видение и мышление. Ключевым для системы подготовки инженерных кадров должно было стать взаимодействие с промышленными предприятиями, причем как с крупными, так и с малыми. Практический опыт на предприятиях стал составной частью учебной программы подготовки инженеров [1].

Таким образом, за относительно короткий промежуток времени – два года – администрации Б. Клинтона удалось заложить основы тех самых «инвестиций в будущее», о которых говорил Б. Клинтон будучи кандидатом в президенты. В результате реализации технологической инициативы администрации президента США 1993 г. наряду с предоставлением традиционных знаний в области инженерного дела в Соединенных Штатах возникла система подготовки инженеров с широким кругозором, более развитыми навыками коммуникации, стремлением к сотрудничеству и продолжительному обучению. Спецификой системы подготовки инженеров в США стало обучение профессиональных инженеров навыкам эффективной работы в командах по выявлению и решению сложных проблем в работе правительства, промышленности, академической среде и обществе в целом. Данные меры позволили Соединенным Штатам закрепить свое мировое лидерство в области технологий и инноваций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Engineering Education: Designing an Adaptive System. Washington : Board on Engineering Education, National Research Council, 1995. 96 p. URL: <http://www.nap.edu/catalog/4907.html>, free (access data: 28.02.2016).
2. Клинтон Б. Моя жизнь / пер. с англ. М., 2005. 1088 с.
3. Technology for America's Economic Growth, A New Direction to Build Economic Strength. Washington : The White House office of the press secretary, 1993. 41 p. URL: <http://ntl.bts.gov/lib/jpodocs/briefing/7423.pdf>, free (access data: 15.01.2016).
4. Социально-экономическая эффективность: опыт США. Роль государства. М. : Наука, 1999. 272 с.
5. Evolving the High Performance Computing and Communications Initiative to Support the Nation's Information Infrastructure. Committee to Study High Performance Computing and Communications: Status of a Major Initiative. Washington : National Research Council, 1995. 136 p. URL: <http://www.nap.edu/catalog/4948.html>, free (access data: 29.02.2016).

Rumyantseva Tatiana B. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: rtb98@mail.ru

“INVESTMENT IN THE FUTURE”: TRAINING IN BASIC SCIENCE, MATHEMATICS AND ENGINEERING AS A PRIORITY OF TECHNOLOGY POLICY OF CLINTON'S ADMINISTRATION, 1993–1995.

Keywords: the United States; Bill Clinton; technology initiative; innovation policy.

This article analyzes the experience of the United States in training in the basic science, engineering and mathematics. The aim of the article is to identify the role of President Clinton's initiative «Technology for America's Economic Growth. A New Direction to Build Economic Strength» of 1993 in improving the quality of American engineers training. On February 22, 1993 in San Jose (California), US President Bill Clinton and Vice President Albert Gore announced the initiative «Technology for America's Economic Growth. A New Direction to Build Economic Strength», aimed at achieving three main goals: 1) the long-term economic growth, contributing to the creation of new jobs and environmental protection; 2) ensuring a more efficient and responsible work of the government; 3) providing global leadership in the field of basic science, mathematics and engineering. Clinton's technology initiative noted the dependence of

long-term scientific and technological prosperity of the United States on financing of university research grant programs. In this regard, the President stressed continued funding of university research projects through the National Science Foundation and other agencies. In addition, he noted the importance of work of national laboratories in such areas as high-energy physics, life sciences, nuclear physics, materials science and aeronautics. Technology initiative called for the preservation of national laboratories' leading role in the development of basic research, as well as for the promotion of a greater number of joint research projects between laboratories, industry and universities. In 1995, the Council for Engineering Education presented its vision of a system of engineers training in the United States, according to which professional engineers must be able to work effectively in teams to identify and solve complex problems in government, industry, academia, and society as a whole. The Council emphasized that, along with the provision of traditional knowledge in the field of engineering, the system of engineers training should prepare specialists with a broad outlook, more advanced communication skills, willingness for cooperation and life-long education. Providing only the knowledge of engineering did not meet the requirements of the time, because the need for specialists possessing deep knowledge in mathematics and ability to understand the various social issues arose. Already in 1995, two years after the announcement of Clinton's technology initiative, the federal government funding for basic research in accordance with the US national objectives had disciplinary orientation. Nearly half of funding volume (6.9 billion of 14.2 billion US dollars) was the share of life sciences (biology, medicine and agriculture), 20% - of the physical sciences, 31% (4.3 billion US dollars) - of engineering, especially mathematics and computer science. The study found that implementation of the measures proposed under President Clinton's technology initiative of 1993, such as the large-scale introduction of information technologies in the education system, mass dissemination of knowledge in the basic science, engineering and mathematics, creation of a national information infrastructure, provided impact on the development of the United States as well as strengthened the role of engineers in the community. The author concludes that the specific nature of the system of engineers training in the United States is to prepare professional engineers who are able to work effectively in teams, to identify and solve complex problems in government, industry, academia, and society as a whole. Clinton administration's technology initiative contributed to development of a system for training of engineers with a broad outlook, which provided traditional knowledge in engineering along with advanced communication skills, willingness for cooperation and life-long learning.

REFERENCES

1. National Research Council. (1995) *Engineering Education: Designing an Adaptive System*. Washington: Board on Engineering Education, National Research Council. [Online] Available from: <http://www.nap.edu/catalog/4907.html>. (Accessed: 28th February 2016).
2. Clinton, B. (2005) *Moya zhizn'* [My life]. Translated from English by M. Nikolskiy, A. Ionov, M. Shalunova, T. Sarantseva, A. Lisovskiy. Moscow: Al'pina Publisher.
3. Clinton, W. & Gore, A. (1993) *Technology for America's Economic Growth, A New Direction to Build Economic Strength*. Washington: The White House Office of the Press Secretary. [Online] Available from: <http://ntl.bts.gov/lib/jpodocs/briefing/7423.pdf>. (Accessed: 15th January 2016).
4. Martsinkevich, V.I. (ed.) (1999) *Sotsial'no-ekonomicheskaya effektivnost': opyt SShA. Rol' gosudarstva* [Socio-economic benefits: The US experience. The role of the state]. Moscow: Nauka.
5. National Research Council et al. (1995) *Evolving the High Performance Computing and Communications Initiative to Support the Nation's Information Infrastructure. Committee to Study High Performance Computing and Communications: Status of a Major Initiative*. Washington: National Research Council. [Online] Available from: <http://www.nap.edu/catalog/4948.html>. (Accessed: 29th February 2016).

УДК 339.9+327.81
DOI 10.17223/19988613/45/10

М.В. Бочарникова

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ЮЖНОЙ КОРЕИ ПО АМЕРИКАНСКИМ СТАНДАРТАМ В 1990-е гг. И ВЛИЯНИЕ НА НЕЁ АЗИАТСКОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА 1997–1998 гг.

Рассматривается процесс либерализации экономики Республики Корея (РК) в 1990-е гг. Особое внимание уделяется роли азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., повлиявшего на дальнейшее развитие экономической сферы в Южной Корее. Ставится задача об определении эффективности американо-южнокорейского партнёрства на данном этапе развития двусторонних отношений. В качестве источников предлагаются документы из онлайн-библиотек американских президентов, исследования корейских и американских корееведов, экономические данные Конференции ООН по торговле и развитию. В статье делается вывод об общей результативности мер МВФ, их влиянии на корейскую экономику и значении альянса США – РК в указанный период.

Ключевые слова: экономика; торговля; инвестиции; либерализация; Республика Корея; США.

В 1992 г. к власти в Южной Корее пришел лидер умеренной оппозиции неоллиберального толка Ким Ён Сам, который стал первым гражданским президентом за последние 32 года.

В начале 1990-х гг. правительство Джорджа Буша-старшего призывало страны АТЭС к сотрудничеству по либерализации торговли и успешному завершению Уругвайского раунда, что, по мнению американского президента, способствовало бы решению сельскохозяйственных вопросов. В отношении Южной Кореи США были осведомлены о шагах, предпринимаемых южнокорейским правительством. Двусторонняя торговля была в пользу американцев, однако, по словам Ро Дэ У, Республика Корея «высоко ценит американские усилия по стабилизации роста мировой экономики. Мы будем вносить свой вклад, и <...> мы поддерживаем систему свободной торговли. С точки зрения либерализации и интернационализации нашей экономики Южная Корея приложит усилия по ускорению этих процессов» [1].

Администрация Джорджа Буша заявляла, что не будет мириться с разделом мира на торговые блоки, и заявляла, что НАФТА в скором времени будет готова открыть рынки для корейских бизнесменов в более процветающей Центральной и Южной Америке. Американо-южнокорейское партнерство и корейские инвестиции в ряд компаний США создавали больше рабочих мест, что правительство Соединённых Штатов по определению одобряло и поощряло. Главной целью американцев была торговля, а значит, и успешное завершение очередного раунда Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), которое делало рынки открытыми, справедливыми и свободными торговыми площадками [2].

Республика Корея являлась одним из самых важных и торговых партнеров США, а двусторонняя торговля стран в 1992 г. достигла 31 млрд долл. [3]. Соединённые Штаты были крупнейшим экспортным рынком Южной Кореи, а РК, в свою очередь, – седьмым (позднее шестым) по величине экспортным рынком США

[Ibid.]. Американцы оставались, однако, обеспокоены тем, что до сих пор существуют барьеры для американского экспорта и инвестиций в Корею. Фирмы США сталкивались с чрезмерным регулированием, отсутствием защиты прав интеллектуальной собственности, ограничениями на инвестиции и финансы и произволом со стороны государственной бюрократии. Эти факторы ограничивали их права получать «справедливую» прибыль и вносить свой вклад в развитие экономики Южной Кореи и материальное благополучие корейского народа. Эти барьеры было необходимо уменьшить, чтобы выгоды от увеличения объёмов торговли могли ощущаться народами обеих стран. Президент Клинтон надеялся, что энергичная кампания президента Ким Ён Сама по либерализации экономики будет способствовать процветанию как Южной Кореи, так и США. В дополнение США создали новый диалог по вопросам экономического сотрудничества в целях дальнейшего улучшения бизнес-климата и открыли новые возможности для двусторонней торговли и инвестиций [Ibid.].

Южнокорейский президент, в свою очередь, не раз подчёркивал в своих выступлениях, что «интернационализация корейской экономики была основной целью новой экономической политики южнокорейского правительства наряду с либерализацией и дерегулированием. Новая экономическая политика будет способствовать расширению масштаба партнёрства Южной Кореи и США» [4].

Это были не просто слова. Администрация президента начала либерализацию экономики через дерегулирование и уменьшение государственного вмешательства. Было решено не расследовать широко распространенные коррупционные дела, связанные с практикой кредитования финансовых учреждений. Традиционно существовала тесная связь между политиками, государственными чиновниками и бизнесменами. Политики и государственные чиновники оказывали давление на банки с целью получения кредитов для экспортно-ориентированных компаний, особенно для че-

более, а чеболи взамен делали незаконные взносы в пользу избирательных кампаний политиков.

Для того чтобы прекратить эти политико-деловые связи и сделать финансовые операции прозрачными, администрация Ким Ён Сама приняла политику «реального имени финансовой операции». До её принятия правительство Южной Кореи косвенным образом признало финансовые операции с фиктивными именами для увеличения сбережений и денежного обращения. Тем не менее счета с фиктивными именами обычно использовались для ухода от налогов на прирост капитала, а также в схемах отмывания денег.

Другой политикой, принятой администрацией президента Ким Ён Сама и связанной с «системой реального имени финансовых операций», была политика «реального имени владения собственностью». Осуществление данной политики началось с раскрытия финансовой информации высокопоставленных государственных должностных лиц. Этот первоначальный шаг был значимым, так как использование фиктивных имён для владения недвижимостью было обычным явлением. Эти псевдонимы или заимствованные имена обычно использовались для ухода от налогов на прирост капитала с целью продажи или наследования объектов недвижимости.

Кроме того, чтобы вступить в Организацию Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), администрация Ким Ён Сама запустила экономическую политику, включавшую либерализацию валютного курса, прямых иностранных инвестиций и страхования. Такой политический курс привёл к увеличению притока иностранного капитала, сопровождавшегося ростом коммерческих банков или квази-финансовых компаний, которые могли справиться с иностранным капиталом. Тем не менее этим новым финансовым институтам не хватало опыта работы с иностранными капиталовложениями.

Администрация Ким Ён Сама также внесла законопроект о реформе трудового законодательства, чтобы изменить отношения между работниками и администрацией. Законопроект включал в себя три важных изменения: 1) легализация увольнений со стороны руководства; 2) гибкий график работы; 3) реформа рабочей силы с целью повышения эффективности структуры труда. Законопроект столкнулся с сильной оппозицией и не прошёл дальше Национального Собрания [5].

Таким образом, Ким Ён Сам предпринял ряд поощрительных шагов к устранению барьеров для иностранных инвестиций, открытию финансовых рынков и укреплению интеллектуальных имущественных прав. Экономическое сотрудничество США и РК стало очень важным для обеих стран, поскольку и Южная Корея, и США стремились достичь нового соглашения ГАТТ [4].

Экономические и торговые отношения между РК и США вступили в зрелую фазу с точки зрения размера их двусторонней торговли, сальдо торгового баланса, а также двусторонних инвестиций. Президенты вновь

подтвердили, что обе страны будут в дальнейшем расширять взаимовыгодное двустороннее сотрудничество в соответствии с новыми международными экономическими условиями Всемирной торговой организации [6].

Однако существует также и мнение, что процесс либерализации южнокорейской экономики проходил под давлением Вашингтона и МВФ. В то время как Республика Корея продолжала занимать стратегическое военное положение, правительство Соединенных Штатов, имевшее в РК 37 000 солдат, решило, что пришло время, чтобы «поумерить экономический аппетит Южной Кореи» [7]. Вашингтон оказывал давление, используя различные меры, такие, как, например, тарифная защита против корейской продукции. США требовали, чтобы Южная Корея следовала рекомендациям Всемирного банка и МВФ, и частично им это удавалось, как это видно из протокола, опубликованного после дебатов между директорами МВФ по результатам миссии МВФ, направленной в Корею в ноябре 1996 г. «Начиная с 1994 г. власти постепенно убрали препятствия для импорта и снизили таможенные пошлины в соответствии с соглашением в рамках Уругвайского раунда. Импортные лицензии теперь предоставляются автоматически, за исключением небольшого числа продуктов, представляющих угрозу здоровью или безопасности». <...> «Администраторы МВФ также рады отметить недавнюю либерализацию движения капитала в РК. Хотя некоторые администраторы выступают за постепенный процесс в этом вопросе, другие считают, что быстрая, полная либерализация в этой области предоставит Южной Корее многочисленные преимущества на современном этапе её экономического развития» [Ibid.].

Важно отметить, что либерализация южнокорейской экономики была одной из составных частей программы глобализации Ким Ён Сама, которую он стал проводить с явной целью превратить Южную Корею в обеспеченную страну. Было изложено пять основных элементов «новой дипломатии» администрации Ким Ён Сама. Ими стали глобализация, диверсификация, многоаспектность, региональное сотрудничество и футуристическая ориентация. Очевидной целью новой политики была диверсификация количества сфер дипломатических и торговых отношений через глобализацию, чтобы оторваться от доминирования двусторонних отношений США – РК [8].

В начале декабря 1994 г. правительство объявило о перестановке в кабинете министров и значительной административной реорганизации. Существовавший совет экономического планирования был объединён в новое большое Министерство финансов и экономики, в то время как Министерство торговли, промышленности и энергетики было заменено Министерством торговли и промышленности. Кроме того, была создана новая схема планирования политики с акцентом на вопросах глобализации. За этим последовало образование комитета глобализации, который возглавил премьер-

министр. Комитет состоял из ряда подкомитетов, занимающихся такими вопросами, как планирование политики, административные реформы, реформы образования, науки и техники. Членами этих подкомитетов были специалисты из правительственных министерств, научно-исследовательских институтов, университетов, бизнеса и гражданских общественных организаций.

Таким образом, правительство Южной Кореи стало готовиться к «неограниченной мировой экономике». Глобализация означала «рационализацию всех аспектов жизни» и «радикальные преобразования общества» [9]. Для достижения этих целей было необходимо повысить экономическую эффективность путём поощрения автономности, конкуренции и либерализации.

Корейский термин «seguehwa» подчеркивал, что имеется в виду глобализация с корейскими характеристиками, а не полномасштабная экономическая либерализация и открытие внутреннего рынка, что многие иностранные бизнесмены и комментаторы видели в прямом значении термина «глобализация». Правительство делало акцент на том, что «seguehwa» – это гораздо более всеобъемлющая политика, охватывающая политические, экономические, культурные и социальные аспекты.

Целью реформ было успешное вступление страны в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) до конца 1996 г. Членство в ОЭСР, как и планировалось, было достигнуто, и президент пообещал, что страна будет наращивать свои усилия «в целях дальнейшего содействия существенным изменениям и реформам в каждой сфере национальной деятельности, расширяя в то же время масштабы глобализации» [10].

Тем не менее политика «seguehwa» вскоре потеряла свою существенную значимость, поскольку полемика в отношении данной политики была серьёзной, количество отчётов о неустойчивости данной стратегии росло, а президента к 1995 г. всё чаще стали называть «хромой уткой» [8]. Упущенная возможность проведения планируемых реформ, вероятно, означала, что правительство было плохо подготовлено к резкому изменению международной экономической ситуации осенью 1997 г. Серия корпоративных банкротств, начиная с автомобильного завода «Kia», показала глубокие структурные проблемы в экономике Южной Кореи. Кризис усугубился тем, что в то время как политика «seguehwa» означала либерализацию финансовой системы и была рассчитана на значительное увеличение «горячих» денег, поступающих в страну, реформы институциональной структуры, особенно прекращение тесной связи между правительством и бизнесом, не были завершены. Популярность Ким Ён Сама и его политика «seguehwa» в принципе сошли на нет после того, как сына президента арестовали за коррупцию. За время правления Ким Ён Сама внешний долг Республики Корея вырос с 43,9 млрд долл. в 1994 г. до 160,7 млрд долл. в 1996 г. и 158 млрд долл. в 1997 г., в то время как валютные резервы за этот же период снижались с 20,2 млрд долл. в 1994 г. до 12,4 млрд долл. в 1997 г. [Ibid.] Увеличение прямых иностранных инвестиций указывало на то, что финансирование за счёт иностранных кредитов стало возможным благодаря финансовой либерализации, которая была одним из элементов политики «seguehwa» [Ibid.] (рис. 1).

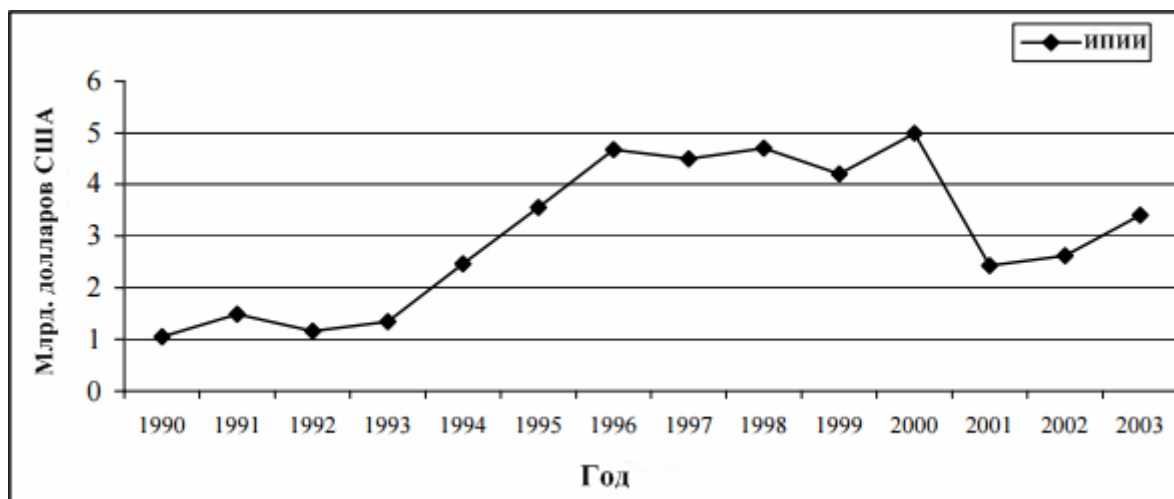

Рис. 1. Исходящие прямые иностранные инвестиции (ИПИИ), 1990–2003 гг.

Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. невозможно охарактеризовать вкратце из-за его комплексности и многогранности. В период с 1990 по 1996 г. реальный рост зарплат южнокорейских рабочих увеличился на 67% [11]. Неолиберальная повестка дня встретила сопротивление со стороны рабочих в Корее. 26 декабря 1996 г. была объявлена первая всеобщая забастовка с 1948 г. Рабочие вышли в знак протеста против реформы

трудового кодекса, который бы сделал проще процедуру увольнения работников. Спустя 24 дня забастовки рабочие добились своего: реформа трудового кодекса была отложена. Корейская конфедерация профсоюзов стала сильнее от этого. Тем не менее крупные успехи, завоеванные рабочим классом, столкнулись с новым вызовом в 1997 г., с азиатским финансовым кризисом, а работодатели быстро взяли реванш [7].

Кризис 1997 г. был вызван спекулятивной волной нападений на валюты Юго-Восточной Азии и впоследствии на корейскую валюту. Эта волна способствовала мерам по либерализации движения капитала. После того, как страны Юго-Восточной Азии (Таиланд был затронут первым в июле 1997 г.) оказались под сильным влиянием кризиса, в ноябре 1997 г. он распространился и на Южную Корею.

Уже в июне 1997 г. иностранный долг корейских банков достиг 24% от уровня ВВП [12. Р. 363]; что сделало долг ещё более рискованным, так это размер краткосрочной задолженности, который составлял примерно 350% от валютных резервов банков [Ibid.]. Более того, среднее соотношение задолженности к собственному капиталу тридцати самых крупных бизнес-конгломератов и чеболей было почти 400% [Ibid.]. Принимая во внимание, что это же значение в США составляло лишь 70%, у корейских чеболей были серьёзные проблемы [Ibid.].

К такому внезапному росту иностранного долга привели финансовая либерализация и жесткая денежно-кредитная политика, которая удерживала внутренние процентные ставки выше уровня мировых, поощряла коммерческие и торговые банки в значительной степени полагаться на более дешёвый иностранный кредит, воспринимаемый дешевле из-за привязки к обменному курсу. А поскольку не было никакой системы принудительного надзора за международной практикой кредитования, краткосрочные заимствования увеличивались.

Высокие ставки краткосрочных заимствований и иностранный долг наряду с низким уровнем политической активности и экономического контроля не позволяли администрации Ким Ён Сама осуществить надлежащую корректировку до того, как возникли финансовые проблемы, которые в конечном итоге привели к серьёзной проблеме иностранной валюты. Обменные курсы резко возросли во второй половине года, и администрация президента была вынуждена обратиться за помощью в МВФ, чтобы спастись от дефолта [5].

В период с ноября 1997 г. по 8 января 1998 г. корейская вона обесценилась на 96% по отношению к американскому доллару. В это время к власти в Южной Корее приходит Ким Дэ Чжун, правительство которого приняло условия, навязанные МВФ, в то время как Малайзия отказалась сделать это [7].

МВФ настоятельно рекомендовал правительству Ким Дэ Чжуна реструктуризировать чеболи и в недостаточной степени функционирующие финансовые институты [13]. Поэтому правительство Ким Дэ Чжуна приватизировало большинство банков, находящихся в государственной собственности. Кроме того, государство привлекало иностранный капитал, чтобы спасти конкурирующие компании.

МВФ рекомендовал высокие процентные ставки и увеличение налогов наряду с сокращением государственных расходов. Следуя рекомендательному курсу

МВФ, правительство Ким Дэ Чжуна существенно повысило процентные ставки, в результате чего малым и средним предприятиям стало трудно распределять кредит, что послужило причиной банкротства некоторых компаний и росту безработицы. Вслед за этим незамедлительно последовала критика политики МВФ [14]. Ким Дэ Чжун говорил в одном из своих выступлений: «Мы только входим в тёмный тоннель МВФ». И в то время как страна праздновала 50-ю годовщину со дня образования, состояние экономики страны оставляло желать лучшего. А с ухудшением ситуации в 1999 г. стало очевидно, что проблемы в банковском и корпоративном секторах экономики намного сложнее, чем это представляло правительство [15].

В отношении реформ финансового сектора МВФ подчёркивал, что политика реформ должна основываться на экономической логике, а не на политических соображениях. К тому же МВФ настоятельно рекомендовал правительству РК либерализовать в дальнейшем рынки [12. Р. 365–366].

Чтобы оправдать ожидания МВФ, администрация Ким Дэ Чжуна предприняла попытку улучшить институционализацию финансовых операций. Для этого были созданы два финансовых контролирующих органа: Комиссия финансового надзора и Финансовая контрольная служба. Эти институты отслеживали соотношение банковских международных расчетов и строгое соблюдение банками международных стандартов. Кроме того, правительство Ким Дэ Чжуна отменило верхний предел совокупных прямых иностранных инвестиций в корейские акции, чтобы привлечь больше прямых иностранных инвестиций [16].

В отношении корпоративной реформы правительство Ким Дэ Чжуна приняло подход «крупных сделок». Благодаря такому подходу чеболи поглощали слабые предприятия, сливаясь таким образом в сильные компании. В случае если это было невозможно, создавалась новая компания посредством объединения слабых структур чеболя. Например, компания Kia Motors была выкуплена Hyundai Motors, а Samsung Motors была продана компании Renault [5]. В целях повышения финансовой прозрачности учётной практики чеболей правительство издало Закон о внешнем аудите акционерных обществ, согласно которому конгломераты должны были ежегодно предоставлять финансовые отчёты [Ibid.].

Более того, правительство требовало, чтобы два раза в год чеболи проходили проверки авторитетными международными бухгалтерскими фирмами. Наконец, чтобы сделать рынок труда более гибким, администрация Ким Дэ Чжуна в тесном сотрудничестве с МВФ легализовала сокращение штатов для необходимой реорганизации производства. Тем не менее, закон привёл к увеличению и без того высокого уровня безработицы и вызвал ещё больше споров между работниками и администрацией. В этой связи правительство запустило Трёхстороннюю комиссию труда,

бизнеса и власти в 1999 г., чтобы решить данную проблему [5].

Таким образом, 1990-е гг. ознаменовали совершенно новый этап в становлении корейской экономики, которая пошла по пути либерализации и снятия торговых барьеров. В своей программе Ким Ён Сам обещал превратить Корею в «Новую страну», однако ему удалось только частично претворить в жизнь свою программу и начать реформы, которые не были доведены до конца. Политика «*seguchwa*» правительства Ким Ён Сама имела некоторый успех в привлечении прямых иностранных инвестиций (ПИИ), но в целом исходящие прямые иностранные инвестиции оставались больше, чем входящие [8].

В годы азиатского финансового кризиса Южная Корея столкнулась с колоссальным экономическим спадом в ноябре 1997 г. и была вынуждена обратиться за помощью в МВФ. К марту 1998 г. 14 из 30 корейских коммерческих банков приостановили свои операции [17]. Пакет помощи для РК от МВФ составил, в конечном счёте, 57 млрд долл. [Ibid.]. В свою очередь, Южная Корея согласилась провести финансовые реформы по требованию Фонда. Азиатский экономический кризис оказал существенное влияние на Республику Корея, а поиск и принятие финансовой поддержки и ограничений со стороны МВФ сначала правительством президента Ким Ён Сама и впоследствии правительством Дэ Чжуна создали в стране затруднительную ситуацию [Ibid.].

В РК были проведены серьёзные мероприятия по реструктуризации: многие финансовые учреждения были закрыты, последовало массовое сокращение штатов. Центральный банк стал независимым от правительства, процентные ставки взлетели, что способствовало рецессии местной промышленности. Крупные инвестиционные проекты были заброшены, некоторые чеболи ликвидированы, а некоторые компании проданы транснациональным корпорациям в промышленно развитых странах. Были приняты изменения в трудовом законодательстве, позволяющие работодателям проводить массовые увольнения. Неолиберальная политика имела радикальные последствия для Южной Кореи. Страна вошла в стадию глубокой рецессии: ВВП упал на 7% в 1998 г. [7].

Все кредиты, предоставленные МВФ, Всемирным банком и частными банками несли в себе премию за риск. Поэтому эти институты получали огромные доходы от платежей. Десятки миллиардов долларов, полученные Южной Кореей в долг, были немедленно направлены на погашение банками кредитов [Ibid.]. Все участники «схемы спасения» восстановили потраченные средства за счёт доходов от экспорта и резкого сокращения государственных расходов. Увеличение среза налоговых поступлений было использовано для погашения внешнего долга. Государственный долг РК особенно вырос после того, как государство взяло на себя долги частных компаний. Состав-

ляя 12% ВВП до кризиса, госдолг почти удвоился до 22,2% к концу 1999 г. [Ibid.].

Увеличение государственного долга послужило поводом для дополнительных резких сокращений социальных расходов и дальнейшего развития схемы приватизации и открытости для иностранного капитала. Приведение этих мер в действие также способствовало ограничению возможностей корейских рабочих и ослаблению профсоюзов, которые укрепились за предыдущие годы. В результате кризиса реальная заработная плата корейского работника снизилась на 4,9% в 1998 г. [Ibid.]. Усиленные меры по открытию торговли оказали катастрофическое влияние на мелких фермеров Южной Кореи, которые активизировали движения сопротивления по всей стране и регулярно направляли делегации за рубеж для участия в саммитах ВТО [Ibid.].

В общем, азиатский финансовый кризис, с одной стороны, негативно повлиял на Южную Корею, так как правительство РК было вынуждено прибегнуть к помощи МВФ, что в конечном итоге привело на время к потере экономической самостоятельности. Но, с другой стороны, строгие меры МВФ помогли Южной Корее остаться «на плаву» и стабилизировать финансовый сектор.

1990-е гг. также показали, насколько прочным является альянс РК – США. В годы мирового финансового кризиса 1997–1998 гг. Южная Корея проводила тесные консультации и подробные дискуссии с США о мерах по преодолению экономического кризиса. Сотрудничество Ким Дэ Чжуна и Билла Клинтона имело огромное значение для обоих президентов. США поддерживали Ким Дэ Чжуна в его усилиях по реформированию корейской экономики, либерализации торговли и инвестиций, укреплению банковской системы, а также реализации программы МВФ. Вашингтон подтвердил своё обязательство обеспечить двустороннее финансирование, если это будет необходимо при соответствующих условиях. Президенты неоднократно обсуждали ряд конкретных шагов для стимулирования роста в обеих странах, способы более полноценного открытия рынков и интеграции в дальнейшем Республики Корея в мировую экономику, включая новые дискуссии по двустороннему инвестиционному договору [18].

В 1998 г. при содействии США в отношении Южной Кореи после трехлетнего перерыва были возобновлены гарантии инвестиционных программ Корпорации частных внешних инвестиций. РК и США решили совместно работать в направлении более тесного партнерства для решения региональных и глобальных проблем, в том числе и с целью преодолеть азиатский экономический кризис. В рамках этих усилий президенты двух стран договорились искать меры для одновременного развития демократии и рыночной экономики в Азии. В связи с этим было принято решение создать форум демократии, чтобы собрать вместе молодых лидеров азиатского региона во главе с Национальным фондом демократии

США и Корейским исследовательским институтом Седжонг. В своих выступлениях Ким Дэ Чжун подчёркивал, что координация через Форум Азиатско-тихоокеанского Экономического Сотрудничества и другие многосторонние учреждения является необходимым условием процветания региона [19].

Так, за одно поколение Южная Корея, будучи одной из беднейших стран мира, превратилась в высокотехноло-

гичную экономику. К началу 2000-х гг. в экономических отношениях Республики Корея и Соединенных Штатов были задействованы огромные финансовые средства. США являлись крупнейшим экспортным рынком Южной Кореи, которая занимала шестое место по величине своего экспорта в США. Развитие свободной торговли и сотрудничества с США за эти годы продвинуло Южную Корею к лидерству и экономической значимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. President Roh. George Bush presidential library and museum. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/n.d.--Tae-Woo.pdf>, free [accessed: February 2016].
2. Remarks at a Breakfast With Korean and American Business Groups in Seoul, 1992. United States Government Publishing Office. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-1992-book1/pdf/PPP-1992-book1-doc-pg32.pdf>, free [accessed: February 2016].
3. Your Meeting with Billy Graham. Clinton digital library. URL: <http://clinton.presidentiallibraries.us/files/original/a27850f6b12224cea7663d7f9923598e.pdf>, free [accessed: February 2016].
4. The President's News Conference With President Kim Yong-sam of South Korea, 1993. United States Government Publishing Office. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-1993-book2/pdf/PPP-1993-book2-doc-pg2056.pdf>, free [accessed: February 2016].
5. Uk Heo. The political economy of South Korea: economic growth, democratization, and financial crisis. URL: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1192&context=mscas>, free [accessed: February 2016].
6. The President's News Conference With President Kim Yong-sam of South Korea, 1995. United States Government Publishing Office. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-1995-book2/pdf/PPP-1995-book2-doc-pg1155.pdf>, free [accessed: February 2016].
7. Eric Toussaint. South Korea : the miracle unmasked. URL: <http://cadtm.org/South-Korea-the-miracle-unmasked>, free [accessed: February 2016].
8. Carl J. Saxer. Globalization as a policy: The South Korean experience. URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1358491439.pdf, free [accessed: February 2016].
9. Explanatory Notes on President Kim Young Sam' Blueprint for the Segyehwa Policy // The Segyehwa Policy of Korea under President Kim Young Sam. Seoul : Korean Overseas Information Service, 1995. P. 7–16.
10. Kim Young-Sam. "Remarks at a Reception to Celebrate the Republic of Korea's Membership in the OECD" in Office of the President, Korea's Quest for Reform and Globalization: Selected Speeches of President Kim Young Sam // Seoul. 1997. Vol. II. P. 296.
11. UNCTAD, 2000c, p 65-66 quoted by Eric Toussaint. 2005. Your Money or Your Life. Haymarket Books, Chicago, Chapter 17. P. 357. URL: <http://www.haymarketbooks.org>.
12. Henry Lurance. Financial system reform and the currency crisis in East Asia // Asian Survey. 1999. March–April. Vol. 39, No. 2. P. 363, 365–366.
13. Tong Whan Park. South Korea in 1997: Clearing the last hurdle to political-economic maturation. // Asian Survey. 1997. January. Vol. 38, No. 1. P. 2–4.
14. Panicos O. Demetriades, Bassam A. Fattouh. The South Korean financial crises: Competing explanations and policy lessons for financial liberalization // International Affairs. 1999. October. Vol. 75, No. 4. P. 791.
15. Don Oberdorfer, Robert Carlin. The two Koreas: a contemporary history. N.Y., 2014. P. 317.
16. Jae S. Mah. Regulatory Lessons from the South Korean Currency Crisis: Comment on Zalewski // Journal of Economic Issues. 2002. September. Vol. 36, No. 3. P. 797.
17. Records relating to communications between President William Fefferson Clinton, Kim Young-sam, President of the Republic of Korea, and Ryutaro Hashimoto, Prime Minister of Japan, concerning the Asian Economic Crisis. Clinton Presidential library. URL: <https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=http://clinton.presidentiallibraries.us/files/original/6eb36e029634a1b5fc68df4b7fd2cb3a.pdf>, free [accessed: February 2016].
18. The President's News Conference With President Kim of South Korea, 1998. United States Government Publishing Office. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-1998-book1/pdf/PPP-1998-book1-doc-pg916.pdf>, free [accessed: February 2016].
19. The President's News Conference With President Kim Dae-jung of South Korea in Seoul. The American Presidency project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=55308>, free [accessed: January 2016].

Bocharnikova Marta V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: bmartav@mail.ru

LIBERALIZATION OF THE ECONOMY OF SOUTH KOREA ACCORDING TO AMERICAN STANDARDS IN THE 1990S. THE ROLE OF THE ASIAN FINANCIAL CRISIS OF 1997–1998.

Keywords: economy; trade; investments; liberalization; Republic of Korea; the USA.

The paper aims to examine the process of liberalization of the economy of the Republic of Korea (ROK), highlight the key reasons for it and consider the impact of the global financial crisis on the economy of South Korea. The need for such discourse is rooted deeply in the history of the development of the relations between the ROK and the USA. The period of 1990s once again challenged the alliance ROK-U.S. and marked a completely new stage in the development of the Korean economy, which has taken the path of liberalization and removal of trade barriers. In the problem field of the article it is discussed that in the midst of the global financial crisis of 1997–1998 South Korea's attempts to defend its currency meant that the available reserves of the Bank of Korea were less than \$8 billion, what led to widespread fears of default. Therefore, South Korea conducted close consultations with the U.S. regarding the measures to overcome the economic crisis. The government of the ROK was forced to seek financial assistance from the IMF, which ultimately led to a loss of economic self-sufficiency for a certain period of time. Later it turned out many of the required economic measures of the IMF, in fact, were very similar to those developed, but not implemented measures in accordance with the Korean «seggyehwa» policy. Despite the severity of the conditions of the IMF, South Korea was able to stay "afloat" and stabilize its financial sector. This article employs the following sources of information: declassified documents, official statements, orders, memoranda, conference transcripts of the online libraries of the USA presidents, scientific books of the Russian historians and the Korean ones. Among periodicals some information was taken from the magazines "New York Times", "Korea Journal", "Korean Journal of International Studies". The paper concludes that development of free trade and cooperation in the alliance ROK-U.S. in the 1990s advanced South Korea to leadership and economic importance. With the help of the USA by the beginning of the 2000s in the economic relations between the ROK and the

USA huge amounts of funds were involved. The U.S. was the largest export market for South Korea, and the ROK in its turn was ranked sixth largest market of its exports to the United States.

REFERENCES

1. George Bush Library. (n.d.) *President Roh. George Bush presidential library and museum*. [Online] Available from: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/n.d.--Tae-Woo.pdf>. (Accessed: February 2016).
2. United States Government Publishing Office. (1992) *Remarks at a Breakfast With Korean and American Business Groups in Seoul*. [Online] Available from: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-1992-book1/pdf/PPP-1992-book1-doc-pg32.pdf>. (Accessed: February 2016).
3. Clinton Digital Library. (n.d.) *Your Meeting with Billy Graham*. [Online] Available from: <http://clinton.presidentiallibraries.us/files/original/a27850f6b12224cea7663d7f9923598e.pdf>. (Accessed: February 2016).
4. United States Government Publishing Office. (1993) *The President's News Conference With President Kim Yong-Sam of South Korea*. [Online] Available from: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-1993-book2/pdf/PPP-1993-book2-doc-pg2056.pdf>. (Accessed: February 2016).
5. Heo, U., Jeon, H., Kim, H. & Kim, O. (2008) The political economy of South Korea: economic growth, democratization, and financial crisis. *Maryland Serials in Contemporary Asian Studies*. 2. [Online] Available from: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1192&context=mscas>. (Accessed: February 2016).
6. United States Government Publishing Office. (1995) *The President's News Conference With President Kim Yong-sam of South Korea*. [Online] Available from: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-1995-book2/pdf/PPP-1995-book2-doc-pg1155.pdf>. (Accessed: February 2016).
7. Toussaint, E. (2014) *South Korea: the miracle unmasked*. [Online] Available from: <http://cadtm.org/South-Korea-the-miracle-unmasked>. (Accessed: February 2016).
8. Saxer, C.J. (n.d.) *Globalization as a policy: The South Korean experience*. [Online] Available from: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1358491439.pdf. (Accessed: February 2016).
9. Anon. (1995) Explanatory Notes on President Kim Young Sam' Blueprint for the Segyehwa Policy. In: Kim, Y.-S. (ed.) *The Segyehwa Policy of Korea under President Kim Young Sam*. Seoul: Korean Overseas Information Service. pp. 7–16.
10. Kim, Y.-S. (1997) Remarks at a Reception to Celebrate the Republic of Korea's Membership in the OECD. In: Kim, Y.-S. *Korea's Quest for Reform and Globalization: Selected Speeches of President Kim Young Sam*. Vol. II. Seoul: Presidential Secretariat, the Republic of Korea. pp. 296.
11. *UN Conference on Trade and Development (UNCTAD)*. (2005) Chicago: Haymarket Books. Pp. 65–66.
12. Laurance, H. (1999) Financial system reform and the currency crisis in East Asia. *Asian Survey*. 39(2). pp. 348–373. DOI: 10.2307/2645459
13. Tong Whan Park. (1997) South Korea in 1997: Clearing the last hurdle to political-economic maturation. *Asian Survey*. 38(1). pp. 1–10. DOI: 10.2307/2645463
14. Demetriades, P.O. & Fattouh, B.A. (1999) The South Korean financial crises: Competing explanations and policy lessons for financial liberalisation. *International Affairs*. 75(4). pp. 779–792. DOI: 10.1111/1468-2346.00108
15. Oberdorfer, D. & Carlin, R. (2014) *The two Koreas: a contemporary history*. 3rd ed. New York: Basic Books.
16. Mah, J.S. (2002) Regulatory Lessons from the South Korean Currency Crisis: Comment on Zalewski. *Journal of Economic Issues*. 36(3). pp. 797. DOI: 10.1080/00213624.2002.11506513
17. Clinton Presidential Library. (n.d.) *Records relating to communications between President William Jefferson Clinton, Kim Young-sam, President of the Republic of Korea, and Ryutaro Hashimoto, Prime Minister of Japan, concerning the Asian Economic Crisis*. [Online] Available from: <https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=http://clinton.presidentiallibraries.us/files/original/6eb36e029634a1b5fc68df4b7fd2cb3a.pdf>. (Accessed: February 2016).
18. United States Government Publishing Office. (1998) *The President's News Conference With President Kim of South Korea*. [Online] Available from: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-1998-book1/pdf/PPP-1998-book1-doc-pg916.pdf>. (Accessed: February 2016).
19. Clinton, W.J. (1998) *The President's News Conference With President Kim Dae-jung of South Korea in Seoul*. [Online] Available from: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=55308>. (Accessed: January 2016).

УДК 327.7(061.1ЕС)
DOI 10.17223/19988613/45/11

Е.Ф. Троицкий

ЛИССАБОНСКИЙ ДОГОВОР И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

*Статья подготовлена в рамках гранта имени Жана Монне № 561105-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-CHAIR
«Европейский регионализм и политика сплочения ЕС».*

Анализируются изменения, внесенные Лиссабонским договором в политику сплочения ЕС и систему взаимодействия регионов с институтами ЕС. Рассматриваются понятие «территориальное сплочение» и опыт реализации политики в этой сфере, новая трактовка принципа субсидиарности, повышение статуса Комитета регионов и запуск «системы раннего предупреждения», позволяющей парламентам стран ЕС участвовать в европейском законодательном процессе. Анализируются условия, ограничивающие действенность внесенных Договором новаций, подчеркивается их ориентированность на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: Лиссабонский договор; территориальное сплочение; субсидиарность; система раннего предупреждения.

С каждой новой реформой Европейского Союза, воплощаемой в заключении нового основополагающего договора, в ЕС вспыхивает дискуссия о соотношении наднационального (представленного, прежде всего, Еврокомиссией и Европарламентом) и субнационального (представленного регионами и местными органами власти) уровней европейского строительства. Усилиями сообщества специалистов по экономическим, социальным, правовым, культурно-историческим, теоретико-методологическим аспектам европейской интеграции вокруг проблематики регионального измерения функционирования ЕС сформировалось обширное и постоянно прирастающее поле научной литературы. Среди основных исследовательских позиций – концепция «Европы регионов», которая, предположительно, вызревает в недрах «Европы государств» [1, 2]; различные версии теории «многоуровневого управления», утверждающей, что регионы, как и другие негосударственные акторы, играют в процессе принятия решений в ЕС все более заметную и самостоятельную роль [3, 4]; концепция «региональной слепоты» ЕС, которую невозможно «исцелить» принимаемыми паллиативными мерами [5]. Свой вклад в эту дискуссию внесли и отечественные европейцы, склонные делать акцент на усилении роли регионов в европейском интеграционном процессе [6. С. 251–266; 7. С. 251–266]. Актуальность соответствующей проблематики усиливается как в связи с ростом автономистских (северные регионы Италии) и сепаратистских (Каталония, Шотландия) устремлений со стороны целого ряда регионов ЕС, так и в свете волны евроскептических настроений, нахлынувшей на ЕС в 2015–2016 гг.

Лиссабонский договор, вступивший в силу 1 декабря 2009 г., внес в право ЕС ряд новых положений, призванных усилить региональное измерение деятельности Евросоюза. В настоящей статье анализируются как эти новации, так и сложившаяся за шесть лет действия Договора практика их применения. Вклад статьи в обсуждение рассматриваемой проблематики видится в ком-

плексном характере анализа изменений, внесенных Лиссабонским договором в функционирование связки «ЕС – регионы», и в попытке соотнесения «буквы» договора с политическими реалиями.

Прежде всего в Лиссабонском договоре нашел отражение новый подход к политике сплочения ЕС. Было расширено само понятие «сплочения»: если в Договоре, учреждающем Европейское сообщество, речь шла об «экономическом и социальном сплочении» [8. Р. 103–105], то в Лиссабонском договоре говорится об «экономическом, социальном и территориальном сплочении» [9. Р. 127–128]. Таким образом, территориальное измерение сплочения стало, наряду с экономическим и социальным компонентом, признаваться одной из основных политических целей ЕС. Были более точно определены категории регионов, нуждающихся в поддержке: ст. 174 Договора о функционировании ЕС установила, что «среди соответствующих регионов особое внимание уделяется сельским районам, местностям, где происходят индустриальные преобразования, и регионам, которые страдают от серьезных и постоянных препятствий своему развитию, обусловленных природными или демографическими факторами, таким как регионы крайнего севера с очень низкой плотностью населения, островные, трансграничные и горные регионы» [Ibid. Р. 127]. В Договоре, учреждающем Европейское сообщество, напрямую упоминались лишь «регионы или острова, находящиеся в наименее благоприятных условиях, включая сельские районы» [8. Р. 103].

Однако формулировка «территориальное сплочение» нуждается в конкретизации, которой не содержится в Договоре. В Пятом отчете Еврокомиссии об экономическом, социальном и территориальном сплочении, опубликованном в июне 2008 г., подчеркивается, что «территориальное сплочение усиливает важность доступа к услугам, устойчивого развития, функциональной географии и территориального анализа» [10. Р. 24]. Речь идет о доступе к службам общего эко-

номического значения (образованию, здравоохранению, торговому, финансовым услугам), территориальных аспектах природоохранной политики, использовании при проведении экономической политики подходов, более гибких и функциональных с географической точки зрения (например, выделении макрорегионов, крупных городских регионов, объединении, при необходимости, сельских районов и небольших городов), углубленном исследовании воздействия, оказываемого различными направлениями деятельности ЕС на конкретные территории.

В декабре 2008 г. Еврокомиссия опубликовала «Зеленую книгу о территориальном сплочении», в которой говорилось, что главный смысл нового понятия – конвертация территориального разнообразия ЕС в экономический актив, сохранение «особого, европейского образа жизни, при котором ценится устойчивое развитие, защита природных ресурсов и культурные традиции», «поощрение сотрудничества, взаимодействия и связей между малыми и крупными городами и окружающими их сельскими районами» [11. Р. 4]. В «Зеленой книге» подчеркивалось, что «европейские граждане не должны находиться в ущемленном положении в плане возможностей трудоустройства, жилищных условий, доступа к общественным службам» только из-за того, что живут в том или ином регионе [Ibid.].

В мае 2011 г. на неформальной встрече министров стран ЕС, ответственных за пространственное планирование и территориальное развитие, был принят документ, получивший название «Территориальная повестка дня Европейского Союза 2020», в котором территориальное сплочение определялось как «система принципов гармоничного, сбалансированного, эффективного, устойчивого территориального развития» [12. Р. 3]. Подчеркивалось, что «территориальное сплочение предоставляет равные возможности гражданам и предприятиям, где бы они ни находились, для максимального использования своего территориального потенциала» и «содействует конвергенции между экономикой благополучных территорий и экономикой территорий, отстающих в развитии» [Ibid.]. Был выделен ряд приоритетов политики в сфере территориального сплочения: содействие полицентричному развитию территории ЕС; интегрированное развитие городов, сельских районов и районов с особыми географическими условиями; интеграция трансграничных регионов в единые функциональные пространства; обеспечение «глобальной конкурентоспособности регионов, опирающейся на сильную местную экономику»; улучшение территориальной доступности через развитие транспорта, энергосетей, широкополосного интернета; обеспечение связи между «экологическими, ландшафтными и культурными ценностями регионов» [Ibid. Р. 6–8]. Нетрудно заметить, что сформулированные цели носят весьма расплывчатый и во многом декларативный характер и не подкреплены конкретными пока-

зателями, позволяющими оценить, насколько успешно идет их реализация.

В июле 2015 г. по заказу правительства председательствовавшего в ЕС Люксембурга компанией «Спейшл Форсайт», занимающейся исследованиями в сфере европейского территориального развития, был проведен анализ деятельности ЕС в сфере территориального сплочения. Оценки экспертов не только не позволяют констатировать прогресс, но и свидетельствуют о частичной утрате достижений прошлых лет. Так, рост населения концентрируется в регионах Западной Европы, в то время как Восточная Германия, страны Балтии, Болгария, Румыния, Восточная Венгрия теряют население. Экономический кризис, начавшийся в 2008 г., привел к возрастанию разрыва в ВВП на душу населения между самыми богатыми и самыми бедными регионами, который в 2000–2008 гг. сокращался. Усугубился разрыв в уровнях занятости: в 2013 г. соответствующие диспропорции были выше, чем в 2000 г., причем особенно пострадали Греция, Испания, Португалия, Южная Италия [13. Р. 9–16].

Эксперты отметили, что, по-видимому под влиянием поразивших Евросоюз кризисов, «пространственное планирование и долгосрочные стратегии» утрачивают «политическую популярность во многих странах-членах и на европейском уровне» [Ibid. Р. 44]. Подчеркивалось, что политикам и функционерам, в особенности на национальном, региональном и локальном уровнях, недостает знаний о территориальном сплочении, а множественность и расплывчатость определений этого понятия создает трудности в коммуникации и становится препятствием для его трансляции в плоскость реальной политики. Показательно, что представленный в 2015 г. новым составом Европейской Комиссии амбициозный план стимулирования экономического развития («план Юнкера») не содержит даже упоминаний о «территориальном сплочении».

Важной новацией Лиссабонского договора в сфере политики сплочения стало расширение полномочий Европейского Парламента: если ранее Парламент лишь давал согласие на принятие регламентов Структурных Фондов и Фонда сплочения, являющихся основными инструментами финансовой поддержки регионов и беднейших стран Евросоюза, то со вступлением в силу Договора на принятие этих актов была распространена обычная законодательная процедура [9. Р. 128]. Соответственно, в Совете при утверждении регламентов Фондов действует принцип квалифицированного большинства, тогда как до 2007 г. эти решения требовали единогласия. Расширение полномочий Парламента (и, следовательно, повышение роли его Комитета по региональному развитию) усилило возможности регионов оказывать неформальное влияние на формирование политики сплочения, поскольку немалое число евродепутатов имеет тесные связи на региональном уровне.

Лиссабонский договор ввел ряд положений, открывающих для регионов дополнительные возможности участия в принятии решений на уровне ЕС и защиты своих интересов. Принцип субсидиарности был впервые распространен на региональный и местный уровни власти: статья 5 Договора о Европейском Союзе установила, что «согласно принципу субсидиарности, в сферах, которые не относятся к его исключительной компетенции, Союз действует лишь тогда и в такой степени, в какой цели предполагаемого действия не могут достаточным образом быть достигнуты государствами-членами на центральном, региональном или местном уровне, но, ввиду масштабов или последствий предполагаемого действия, могут быть лучше достигнуты на уровне Союза» [9. Р. 18]. Договор зафиксировал принцип региональной и местной автономии: статья 4.2 провозглашает, что Союз «уважает национальные идентичности государств-членов, воплощенные в их основополагающих политических и конституционных структурах, в том числе в области регионального и местного самоуправления» [Ibid.].

Лиссабонский договор усилил роль национальных парламентов в законодательном процессе ЕС. Они получили право следить за соблюдением принципа субсидиарности через введенную Договором «систему раннего предупреждения» [Ibid. Р. 207–208]. Согласно этой системе, парламенты стран ЕС должны получать законопроекты одновременно с Европейским Парламентом и Советом ЕС, причем непосредственно от институтов ЕС, а не, как прежде, от правительств своих стран. Затем в течение восьми недель парламенты могут направить председателям Еврокомиссии, Европарламента и Совета мотивированные заключения о соответствии законопроекта принципу субсидиарности. Каждый национальный парламент имеет два голоса; в случае двухпалатного парламента, каждой палате предоставляется один голос. Если не менее трети голосов национальных парламентов подано против законопроекта как нарушающего принцип субсидиарности, он подлежит пересмотру (этот порог снижается до четверти, если речь идет о сферах судебного сотрудничества по уголовным делам и полицейского сотрудничества). Процедура пересмотра, впрочем, не означает, что инициатор законопроекта обязан внести в него изменения; возможен и вариант, при котором законопроект все равно выносится на рассмотрение Европарламента и Совета.

В странах, где верхние палаты парламентов представляют субъекты федерации или административно-территориальные единицы, «система раннего предупреждения» открывает регионам прямую возможность влиять на законодательный процесс в ЕС. В настоящее время верхние палаты парламентов Австрии, Бельгии, Германии и, после реформы 2015 г., Италии представляют непосредственно региональные интересы. Кроме того, Протокол о применении принципов пропорциональности и субсидиарности, являющийся приложением

к Лиссабонскому договору, предусматривает, что национальные парламенты могут консультироваться с «региональными парламентами с законодательными полномочиями» [Ibid. Р. 207; 14].

За время действия Лиссабонского договора «система раннего предупреждения» сработала дважды. В первом случае (предложение Еврокомиссии, затрагивающее право на забастовки) 19 из 54 голосов, представленных национальным парламентам, было подано за признание законопроекта нарушающим принцип субсидиарности; проект был отозван Еврокомиссией. Во втором случае (предложение Еврокомиссии об учреждении Европейского офиса общественного прокурора) был собран необходимый минимум протестных голосов – 18, но Еврокомиссия не сняла проект и добилась его одобрения Европарламентом; процедура утверждения в Совете продолжается [15. Р. 3].

Наконец, Лиссабонский договор расширил полномочия Комитета регионов ЕС. Комитет впервые получил право обращаться в Суд ЕС – как для защиты собственных институциональных прерогатив, так и для оспаривания законодательных актов, которые, по его мнению, нарушают принцип субсидиарности [9. Р. 162]. Срок полномочий Комитета регионов продлен с четырех до пяти лет, а его председателя – с двух до двух с половиной. Таким образом, деятельность Комитета синхронизируется с деятельностью Комиссии и Парламента, что также должно способствовать повышению его роли.

Однако эффективность использования Комитетом регионов права обращаться в Суд и возможности оперировать угрозой судебного иска в переговорах с другими структурами ЕС ограничиваются разнородностью его состава: как известно, в Комитет входят представители и региональных властей (причем регионов как «сильных», имеющих конституционный статус, так и «слабых», являющихся чисто административными конструкциями), и органов местного самоуправления. Кроме того, реальное значение этой новации будет определяться тем, как Суд ЕС будет интерпретировать принцип субсидиарности. За первые шесть лет действия Лиссабонского договора Комитет ни разу не воспользовался этим правом.

Действенность «системы раннего предупреждения» как инструмента вовлечения регионов в законодательный процесс ограничивается тем обстоятельством, что палаты парламентов, представляющие регионы, оказываются в ЕС в абсолютном меньшинстве, а большинство принадлежит парламентам унитарных государств. К тому же национальные парламенты не вправе оспаривать предполагаемые нарушения принципа пропорциональности, устанавливающего, что «содержание и форма действий Союза не должны превышать рамки того, что необходимо для достижения целей Договоров» [Ibid. Р. 18], – парламентские прерогативы касаются только сферы субсидиарности. Решающее слово, как показывает проект создания

Европейского офиса общественного прокурора, остается за институтами ЕС.

Безусловно, новации, внесенные Лиссабонским договором в сферу участия регионов в политике ЕС, оказываются довольно скромными при их сопоставлении с теми проектами, которые при подготовке Договора выдвигались Комитетом регионов и «сильными» регионами. Так, Комитет регионов настаивал на праве вето на законопроекты в сферах, в которых обязательно его участие в процедуре консультации, и возможности обращаться в Суд ЕС для проверки правомочности актов ЕС (т.е. такого же права доступа к Суду, как Еврокомиссия, Европарламент, Совет и страны-члены) [16]. Группа «Реглег», объединяющая регионы, наделенные собственной законодательной властью, требовала закрепления за «конституционными» регионами особого статуса в Договорах ЕС и в рамках Комитета регионов [17. Р. 290]. Немецкие земли, опасаясь за свои прерогативы, выдвигали проигнорированное Лиссабонским

договором требование ограничить применение в ЕС процедуры, позволяющей Совету министров единогласно принимать решения о переходе к принятию решений в отдельных сферах квалифицированным большинством голосов [Ibid. Р. 289].

Однако вряд ли можно считать рассмотренные нововведения малозначительными. В долгосрочном плане они могут способствовать усилению регионального измерения политического пространства Евросоюза – повышению роли Комитета регионов, интенсификации взаимодействия между национальными парламентами и институтами ЕС, формированию новых механизмов диалога между наднациональными институтами, странами-членами и региональными властями. В то же время концепцию «территориального сплочения» можно признать новацией либо малоудачной, либо, по крайней мере, требующей конкретизации и обкатки на практике в условиях бескризисного, «спокойного» социально-экономического и политического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Keating M. A Quarter Century of the Europe of the Regions // *Regional and Federal Studies*. 2008. № 5. P. 629–635.
2. Ruge U. Die Erfindung des “Europa der Regionen”. Kritische Ideengeschichte eines konservativen Konzepts. Frankfurt/Main, 2003.
3. Cohesion Policy and European Integration: Building Multi-Level Governance / ed. by L. Hooghe. Oxford, 1996.
4. Multilevel Governance in Theory and Practice / ed. by I. Bache, M. Flinders. Oxford, 2004.
5. Panara C., De Becker A. The Role of the Regions in the European Union: The “Regional Blindness” of Both the EU and the Member States // *The Role of the Regions in EU Governance*. Berlin, Heidelberg, 2011. P. 297–346.
6. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. М., 2006.
7. Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб., 2007.
8. Consolidated Version of the Treaty Establishing the European Community. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12002E/TXT&from=EN>.
9. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:083:FULL:EN:PDF>.
10. European Commission. Investing in Europe’s Future. Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/cohesion5/pdf/5scr_part1_en.pdf.
11. European Commission. Green Paper on Territorial Cohesion, the Way Ahead. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/panorama/pdf/mag28/mag28_en.pdf.
12. Territorial Agenda of the European Union 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions. URL: [http://www.mmr.cz/getmedia/fb9825b3-9d22-490d-bcd0-43528e505ea3/Uzemni-agenda-2020-28-\(EN-verze\)](http://www.mmr.cz/getmedia/fb9825b3-9d22-490d-bcd0-43528e505ea3/Uzemni-agenda-2020-28-(EN-verze)).
13. Boehme K., Holstein F., Toptsidou M. Report on the Assessment of Territorial Cohesion and the Territorial Agenda 2020 of the European Union. URL: http://regionalpolitik.komany.hu/download/c/47/31000/1_Spatial_Foresight_Report_on_the_Assessment_of_Territorial_Cohesion_and_the_TA2020_lr.pdf.
14. Arribas G.V., Hoegenauer A.-L. Legislative Regions after Lisbon: A New Role for Regional Assemblies? // *The Palgrave Handbook of National Parliaments and the European Union*. N.Y., 2015. P. 133–148.
15. European Parliament. The Principle of Subsidiarity. URL: http://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/en/FTU_1.2.2.pdf.
16. Committee of the Regions. In Preparation for the Copenhagen European Council. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_2003.073.01.0043.01.ENG&toc=OJ:C:2003:073:TOC.
17. Bourne A. Europe, Constitutional Debates and the Spanish State of Autonomies // *Perspectives on European Politics and Society*. 2009. № 3. P. 283–300.

Troitskiy Evgeny F. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: eft@rambler.ru

THE LISBON TREATY AND THE REGIONAL DIMENSION OF THE EUROPEAN UNION.

Keywords: Lisbon Treaty; territorial cohesion; subsidiarity; early warning system.

The Lisbon Treaty which entered into force on December 1, 2009 introduced into the EU law a number of novelties aimed at strengthening the regional dimension of EU’s functioning. This paper aims at both giving a comprehensive analysis of changes introduced by the Lisbon Treaty in the functioning of the link between the EU and its regions and matching the “letter” of the Treaty with post-Lisbon political realities. Its primary sources are the text of the Treaty, reports of the European Parliament, European Commission and the Committee of the Regions on the problems of economic, social and territorial cohesion and multi-level governance, and independent expert evaluations. First and foremost, the Lisbon Treaty has reflected a new approach to the EU’s cohesion policy. The very notion of cohesion was expanded: the earlier concept of “economic and social cohesion” was replaced with the “economic, social and territorial cohesion”. The categories of regions in need of support were defined more precisely. But the formula of “territorial cohesion” requires decoding which the Treaty does not provide. The objectives set under the umbrella concept of “territorial cohesion” turned out to be largely declarative and devoid of concrete indicators allowing for the appraisal of progress. The Lisbon Treaty has introduced a number of provisions opening new opportunities for regions’ taking part in EU decision-making and defending their interests. The principle of subsidiarity was extended to cover the regional and local levels. The principle of regional and local autonomy was enshrined in the Treaty. The Treaty has strengthened the role of national parliaments in the EU legislative process. They received the right to monitor the application of the principle of subsidiarity through a new “early warning system”. In the countries where upper chambers of parliaments

represent federation members or territorial units the “early warning system” opens for the regions a direct opportunity to influence the EU legislative process. The Lisbon Treaty expanded the competences of the Committee of the Regions that for the first time received the right to appeal to the Court of Justice. The author concludes that the novelties introduced by the Lisbon Treaty into the sphere of regional involvement in EU policies are modest if compared with the projects that the Committee of the Regions and “strong” regions had put forward when the Treaty was under preparation. However, these novelties can hardly be dismissed as insignificant. In the long term they are likely to bring about the consolidation of the regional dimension of EU’s political space through a stronger role of the Committee of the Regions, intensified interactions between national parliaments and EU institutions and the development of new mechanisms of dialogue between supranational institutions, member states and regional authorities.

REFERENCES

1. Keating, M. (2008) A Quarter Century of the Europe of the Regions. *Regional and Federal Studies*. 5. pp. 629–635. DOI: 10.1080/13597560802351630
2. Ruge, U. (2003) *Die Erfindung des “Europa der Regionen”*. *Kritische Ideengeschichte eines konservativen Konzepts* [The invention of “Europe of the Region”. Critical ideas of a conservative concept]. Frankfurt/Main: Campus Verlag.
3. Hooghe, L. (ed.) (1996) *Cohesion Policy and European Integration: Building Multi-Level Governance*. Oxford: Clarendon Press.
4. Bache, I. & Flinders, M. (eds) (2004) *Multilevel Governance in Theory and Practice*. Oxford: Oxford Scholarship Online. DOI: 10.1093/0199259259.001.0001/.
5. Panara, C. & De Becker, A. (2011) The Role of the Regions in the European Union: The “Regional Blindness” of Both the EU and the Member States. In: Panara, C. & De Becker, A. (eds) *The Role of the Regions in EU Governance*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag. pp. 297–346.
6. Busygina, I.M. (2006) *Politicheskaya regionalistika* [Political regionalism]. Moscow: ROSSPEN.
7. Yarovoy, G.O. (2007) *Regionalizm i transgranichnoe sotrudnichestvo v Evrope* [Regionalism and cross-border cooperation in Europe]. St. Petersburg: Norma.
8. European Union. (2002) *Consolidated Version of the Treaty Establishing the European Community*. [Online] Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12002E/TXT&from=EN>.
9. European Union. (2002) *Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union*. [Online] Available from: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:083:FULL:EN:PDF>.
10. Breska, von E. (ed.) *Investing in Europe's Future. Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/cohesion5/pdf/5cr_part1_en.pdf.
11. European Commission. (2008) *Green Paper on Territorial Cohesion, the Way Ahead*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/panorama/pdf/mag28/mag28_en.pdf.
12. European Union. (n.d.) *Territorial Agenda of the European Union 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions*. [Online] Available from: [http://www.mmr.cz/getmedia/fb9825b3-9d22-490d-bcd0-43528e505ea3/Uzemni-agenda-2020-28-\(EN-verze\)](http://www.mmr.cz/getmedia/fb9825b3-9d22-490d-bcd0-43528e505ea3/Uzemni-agenda-2020-28-(EN-verze)).
13. Boehme, K., Holstein, F. & Tóptsidou, M. (2015) *Report on the Assessment of Territorial Cohesion and the Territorial Agenda 2020 of the European Union*. [Online] Available from: http://regionalispolitika.kormany.hu/download/c/47/31000/1_Spatial_Foresight_Report_on_the_Assessment_of_Territorial_Cohesion_and_the_TA2020_lr.pdf.
14. Arribas, G.V. & Hoegenauer, A.-L. (2015) Legislative Regions after Lisbon: A New Role for Regional Assemblies? In: Neuhold, C., Rozenberg, O., Smith, J. & Heffler, C. (eds) *The Palgrave Handbook of National Parliaments and the European Union*. New York: Palgrave Macmillan UK. pp. 133–148.
15. European Parliament. *The Principle of Subsidiarity*. [Online] Available from: http://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/en/FTU_1.2.2.pdf.
16. Committee of the Regions. *In Preparation for the Copenhagen European Council*. [Online] Available from: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_2003.073.01.0043.01.ENG&toc=OJ:C:2003:073:TOC.
17. Bourne, A. (2009) Europe, Constitutional Debates and the Spanish State of Autonomies. *Perspectives on European Politics and Society*. 3. pp. 283–300. DOI: 10.1080/15705850802223424

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 903/904 (574.3) 638
DOI 10.17223/19988613/45/12

А.З. Бейсенов

ЖИЛИЩЕ САКСКОЙ ЭПОХИ

Приводятся материалы изучения особенностей жилищ сакской эпохи Центрального Казахстана. Источником послужили данные одной группы поселений, находящихся в восточной части Казахского мелкосопочника, открытых и изученных автором. По археологическим и радиоуглеродным данным эти памятники датированы в рамках VII–V вв. до н.э. Автор приходит к выводу о том, что одним из типов жилищ (тип 1), бытовавших у сакского населения, были наземные строения подпрямоугольной формы, имеющие внутри продольную каменную или каменно-деревянную стену-перегородку. Дом имел мощные каменные стены шириной 1–1,5 м, сложенные двухрядной кладкой с забутовкой внутреннего пространства землей и мелкими камнями. На основании имеющихся материалов, а также этнографических данных автор предложил варианты реконструкции сакского дома с плоским перекрытием, а также с крышей шатрового типа. Наиболее вероятным является плоский тип кровли. Отмечается, что бытовали и другие формы и типы жилищ (круглой формы, многосоставной планировки).

Ключевые слова: сакская эпоха; Центральный Казахстан; поселение; радиоуглеродный анализ; жилище; перекрытие жилищ.

Сакская археология остается «курганной». В результате многолетних исследований из курганов получено обилие высокоинформативных материалов, заслуженно имеющих статус первостепенного источника. Поселенческая тема стала разрабатываться много позже. На западе степной Евразии важным условием для плодотворной разработки поселенческой тематики раннего железного века выступило наличие такой категории памятников, как городища. Для изучения особенностей жилищ, зольников, планиграфии жилых пространств и прочих многих аспектов важную роль продолжают играть материалы таких крупных и великолепных памятников, как Каменское, Бельское, Немировское, Трахтемировское, Мотронинское городища, поселение Жаботин и др. На востоке дело обстоит иначе. Именно для восточных регионов особенно высока актуальность исследования поселенческой тематики.

Материалы поселений сакской эпохи в Казахстане стали рассматриваться в печати главным образом с начала XXI в. Особенности возведения жилищ, их параметры, типология еще не стали предметом широких обсуждений. Эта ситуация характерна и для археологии Центрального Казахстана.

В представленном исследовании рассматриваются особенности четырех жилищ, изученных на поселениях Едирей-1, Едирей-3, Керегетас-2, Тагыбайбулак. Материалы этих памятников, а также особенности как этих, так и других объектов данной категории, раскопанных, обследованных, осмотренных автором и касающихся топографии, планиграфии, параметров поселений, непосредственно вскрытых жилищ, были показаны во многих публикациях. Были высказаны в краткой форме те или иные предположения о характере их распространения, об экологической обусловленности, о возможной связи такого типа поселения с особенностями

устройства общества, экономики и др. М.К. Кадырбаев, обратив внимание на такую особенность, как небольшая величина тасмолинских могильников, высказал мнение об изменениях в обществе населения раннего железного века Центрального Казахстана, акцентируя вопрос выделения малых семей. Это суждение не только подтверждается новыми материалами по могильникам, но и вполне верифицируется по данным поселений, имеющих как небольшие площади, так и жилищные строения небольшой площади [1–8].

Группа поселений близ горы Едирей впервые была открыта автором в 2001–2002 гг. Затем проводились раскопки на поселениях Едирей-1, Едирей-2, Едирей-3 и Керегетас-2. В настоящее время автором выделено 26 поселений в данной местности [8]. Из этого количества объектов, вошедших в карту поселений едирейской группы, один отнесен к позднедонгальскому периоду – поселение Едирей-2. Все остальные поселения характеризуются очень близкими чертами, что основывается на внешних особенностях памятников и материалах их раскопок, в том числе на данных керамического комплекса. На поселениях Едирей-1, Едирей-3 (раскоп 1) и Керегетас-2 (раскоп 1) были полностью вскрыты по одному жилищу сакского времени.

Помимо этого, на поселениях Едирей-3 (раскоп 2) и Керегетас-2 (раскоп 2) к настоящему времени частично или большей частью вскрыты еще по одному жилищу. На обоих этих участках необходимо продолжение работ, что планируется в ближайшее время. На поселении Едирей-3 раскопом 2 площадью 404 кв. м вскрыта основная часть одного строения, состоящего, по видимому, из двух помещений жилого характера и имеющего боковые пристройки [Там же. Рис. 2]. Но значительные периферийные участки здесь до сих пор не исследованы, поэтому относительно полная ситуа-

ция еще не выяснена. Примерно такая же картина и на поселении Керегетас-2, где раскопом 2 площадью 1 142 кв. м было вскрыто большое строение (фото общего вида см.: [7. Рис. 1, 1, 2; 9. Рис. 1, 5]) с мощным каменным основанием, имеющее характер сложного жилищно-хозяйственного комплекса. Дополнительного исследования на этом памятнике требует особенно тот участок, где располагались входы. Сейчас становится в какой-то степени ясно, что входы в жилища сакского времени Центрального Казахстана, по-видимому, оформлялись в виде довольно сложных строений, в частности в виде узких и вытянутых коридоров, прямых или угловых Г-образных в плане. Это целая система входных строений, своего рода входная группа. Поэтому доисследование входного участка жилища 2 на этом поселении имеет дополнительную важность. С раскопа 2 поселения Керегетас-2 происходит бронзовая подпружная пряжка раннесакского типа [9. Рис. 2, 11].

Таким образом, некоторые суждения о формах и типах сакских жилищ востока Центрального Казахстана в данном случае основываются на материалах вскрытых жилищ на поселении Едирей-1, а также в раскопе 1 поселения Едирей-3 и в раскопе 1 поселения Керегетас-2. В отношении типологии к этим трем жилищам оказались близки особенности раскопанного автором жилища 2 на поселении Тагыбайбулак [4], которое находится несколько севернее района горы Едирей. Все эти поселения на основании керамики и бронзовой детали конского снаряжения были датированы автором периодом VII–V вв. до н.э. Результаты радиоуглеродных анализов, полученные в лабораториях России, Украины и Великобритании по костным образцам из поселений, подтвердили такую датировку. Автор рассматривает данные поселения вкупе с памятниками тасмолинской культуры [7].

В полевом сезоне 2016 г. были проведены осмотр и обследования (с дополнительной расчисткой некоторых участков) – на ряде ранее раскопанных жилищ, в том числе на поселениях Едирей-1, Едирей-3, раскоп 1 (жилище 1), и Керегетас-2, раскоп 1 (жилище 1), затем также было осмотрено жилище на поселении Тагыбайбулак. На основании сделанных уточнений были составлены размеры внутреннего пространства жилищ, выполнены схематические планы их каменных оснований (рис. 1). Все четыре жилища являются наземными без каких-либо более или менее значительных углублений в грунт, имеют мощное каменное основание шириной 1–1,5 м. Стены в свое время были сложены двухрядной кладкой с внутренней забутовкой. В ходе раскопок остатки стен фиксируются в виде широких развалов. Четыре жилища объединяются на основании такого показателя, как форма строения в плане. Это каменные дома подпрямоугольной формы с закругленными углами.

На материалах четырех жилищ (Едирей-1, Едирей-3 (жилище 1), Тагыбайбулак, жилище 2, Керегетас-2, жилище 1) автор выделяет тип 1 (рис. 2). По особенностям памятников сделаны следующие предположения.

Это жилище подпрямоугольной формы, которое состоит из двух основных (жилых, жилищно-бытовых) помещений. Помещения расположены параллельно друг другу и разделены каменной или же каменно-деревянной стеной-перегородкой – во втором случае деревянная перегородка имеет внизу каменное подкрепление. В перегородке имеется вход из одного помещения в другое (рис. 1, 1–3; рис. 2, 1–3). Вместе с тем в жилище 1 поселения Керегетас-2 жилое помещение и «коридор», расположенные в северной части здания, отделены от секторов в южной части глухой капитальной стеной (рис. 1, 4; рис. 2, 4).

Ширина стен более точно подкрепляется данными раскопок, тогда как их высота остается гипотетической. Вероятно, наиболее приемлема их высота около 2 м, судя по имеющимся археологическим материалам разных регионов, а также данных этнографии. Особенности перекрытия дома требуют уточнения в будущих исследованиях, поскольку эта одна из самых трудных задач при реконструкции всех типов жилищ древности. На современном этапе работ автор предполагает наличие плоского перекрытия (рис. 2, 1, 3, 4). Наряду с этим полностью не исключается возможность наличия и кровли шатрового типа. На поселении Едирей-1 каменные развалы – имеется в виду сохранившийся объем – не позволяют предположить полную высоту каменных стен. На некоторые размышления о более низких стенах, быть может, высотой около 1 м, выложенных полностью из камня, наводят и особенности ряда не раскопанных объектов. Поэтому одним гипотетическим вариантом кровли остается тип, когда продольная коньковая балка, имеющая длину меньше длины жилища, создает два основных подтрапецевидных ската, которые с торцовых сторон дополняются двумя треугольными скатами в виде вальм (рис. 2, 2).

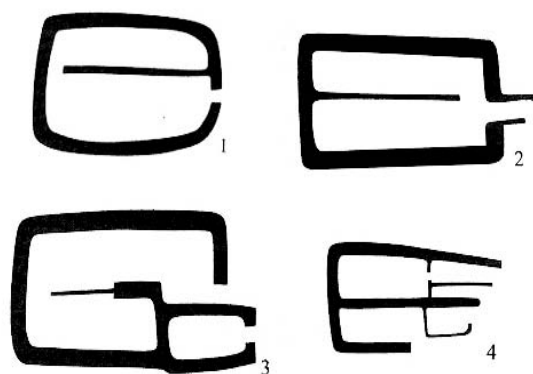

Рис. 1 – схематические планы оснований жилищ:
1 – Едирей-3, жилище 1; 2 – Едирей-1; 3 – Тагыбайбулак, жилище 2;
4 – Керегетас-2, жилище 1

Особенности перекрытий сакских домов должны быть уточнены на основании новых археологических материалов. Любые предположения относительно возможной высоты каменных стен, что, в свою очередь,

может влиять на решение вопроса о типе кровли, строится по сохранившимся развалам поселений. Как неоднократно указывалось, на сохранность поселений влия-

ют близость казахских зимовок конца XIX – начала XX в., для строительства которых использовался камень из древних построек.

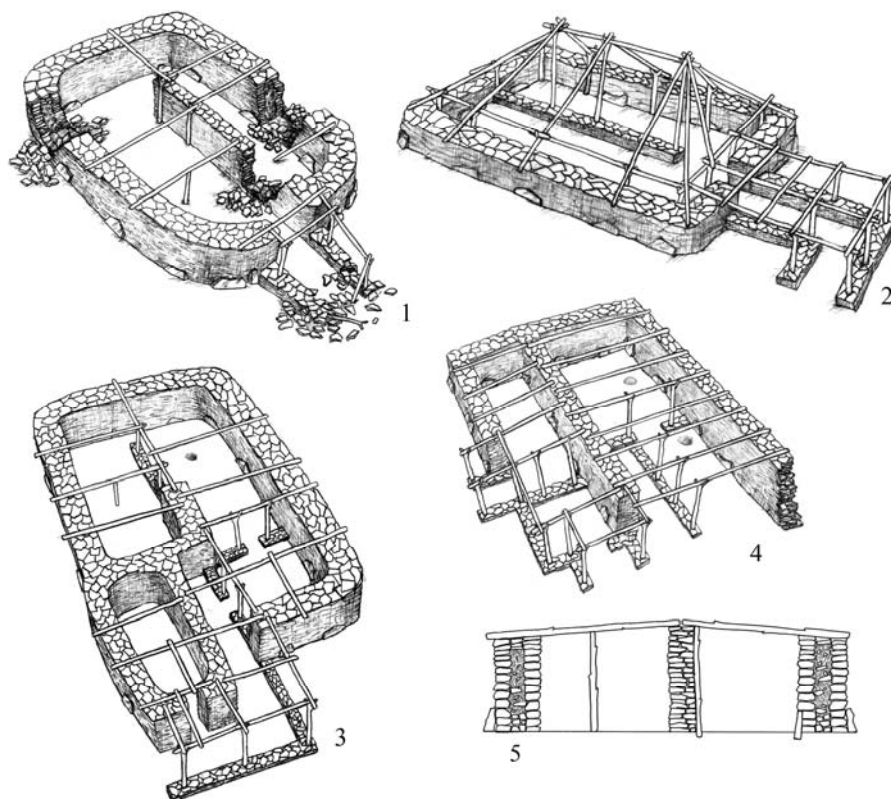

Рис. 2. Реконструкция жилищ сакского времени.
По материалам поселений Едирей-3, жилище 1 (1), Едирей-1 (2), Тагыбайбулак (3), Керегетас-2, жилище 1 (4).
Условный разрез сакского дома (5)

Ранее по хорошо изученным поселениям эпохи бронзы этого региона А.М. Оразбаев опубликовал свои варианты научной реконструкции жилищ этого периода. Реконструкции А.М. Оразбаева по поселениям Бугулы-2 и Суыкбулак в Центральном Казахстане [10. С. 228, рис. 113, 114. С. 255, рис. 126], Шагалады [11. С. 114, рис. 9] в Северном Казахстане, а также А.Х. Маргулана [12. Табл. 4] и других исследователей были приняты в археологии Казахстана и до сих пор не теряют своего научного значения. Исследователи на материалах памятников Казахстана и прилегающих территорий писали о двух основных типах жилищ эпохи бронзы. Первый тип представляет собой наземный дом с каркасно-деревянными стенами. Второй тип – это полужемлянка, нижняя часть которой углублена в землю. Основной тип перекрытия дома имеет вид пирамидальной ступенчатой крыши, построенной из бревен. Это были довольно высокие (высота в центре помещения – до 3,5–4 м), относительно просторные дома прямоугольных, округлых форм. Согласно данным, также бытовал плоский тип перекрытия, имелись срубные постройки [10–16].

В настоящее время поселения сакского времени открыты в регионах Центрального [1–9], Северного Казахстана [17], Прииртышья [18], Жетысу (Семиречье)

[19–23], на Алтае [24], Южном Урале [25]. Важной является фиксация А.А. Горячевым некоторых типов жилищ на поселениях позднесакского времени (IV–III вв. до н.э.) Жетысу. В ущелье Бутақты, на юго-восточной окраине города Алматы, им выявлены наземные каркасные юртообразные жилища, а также полужемлянки [23. С. 91–93].

М.К. Хабдулина по материалам Северного Казахстана предполагает наземный характер жилищ раннесакского времени, тогда как для поселений второй половины I тыс. до н.э. отмечен и полужемляночный тип жилищ [26. С. 31]. По материалам П.И. Шульги [24. С. 24–29] для Горного Алтая условно выделяются поселения скотоводческой зоны и «земледельческие» поселения с комплексным хозяйством. Со ссылкой на работы С.И. Руденко и других специалистов П.И. Шульга допускает, что древние скотоводы Алтая в зимнее время проживали в срубных домах, особенности которых могут быть сопоставимы с данными погребальных камер хорошо изученных курганных захоронений. Прямоугольные рубленые дома могли иметь размеры около 4,5 x 6,5 м, а высоту – чуть более 2 м. В теплое время года люди жили в легких юртообразных постройках, сложенных из жердей и покрывавшихся кошмой, корой деревьев. Относительно большие полужемлянки характерны для увлажненных районов Алтая, где население вело

комплексное хозяйство. Для тагарских и таштыкских поселений были характерны наземные срубные дома, а также постройки из камня и глины, зафиксированы и следы летних стойбищ без культурного слоя, с незначительным количеством находок [27; 28. С. 96; 29; 30].

Для построек сакского времени восточных районов Центрального Казахстана оказались характерными мощные каменные стены (см.: [7]). В этом плане интересны данные поселения усуньского времени Жетысу. В 1960-х гг. К.А. Акишевым было исследовано многослойное поселение Акта-2 [31] в Восточном Жетысу (Кегенский район Алматинской области). Жилище слоя III, частично разрушенное строениями казахской зи-

мовки, имело мощные каменные стены. В частности, Кемаль Акишевич отметил, что «каждая из стен состояла из двух параллельно идущих каменных кладок, отстоящих друг от друга на расстоянии 1–1,5 м. Промежутки между кладками заполнялись щебнем попеременно с камнями, таким образом составляя монолитную стену толщиной 1,5–2 м. Предполагаемые размеры помещения: по внешнему обмеру – 12–13 x 17–18 м, по внутреннему – 10–11 x 15–16 м» [30. С. 33]. Ниже этого горизонта, датированного IV–VI вв. н.э., выявлено еще одно поселение слоя IV, жилище которого по мощности стен не уступает первому. Слой IV датирован I–III вв. н.э.

Рис. 3. Фото. Двухрядная кладка в основании жилищ: 1 – Тагыбайбулак, жилище 2; 2 – Керегетас-2, жилище 2

Двухрядная кладка – характерная черта в строительстве каменных стен жилищ восточной части Центрального Казахстана. Стена была не сплошная, ее внутренняя часть – забутовка – состояла из земли с небольшими обломками плит (см.: [7. Рис. 1]). По материалам раскопок замечены два вида двухрядной кладки. В первом случае крупные камни клались горизонтально, во втором – ряды образованы вертикальными плитами (рис. 3). Комбинированные стенки в сочетании камня с землей и дерева с землей были характерны в раннем железном веке и в других регионах. Стены полуземлянок Тельгуновского городища, относящегося к городищной культуре раннего железного века Поволжья, были построены «из двойного плетня с засыпкой землей промежутка между ними, а затем были промазаны глиной» [32. С. 30].

Для регионов Казахстана, в особенности для рассматриваемого региона, двухрядная каменная кладка с внутренней забутовкой – это древняя традиция в строительных приемах населения центральной Евразии, четко зафиксированная еще в многочисленных памятниках андроновской эпохи [10. С. 300]. На известном могильнике Бегазы в Центральном Казахстане в ходе

подготовки мавзолеев бегазы-дандыбаевской культуры № 1 и 2 к реставрации автором убедительно был зафиксирован факт двухрядной кладки стен этих сооружений. Двухрядная кладка, а также Г-образные входы зафиксированы на жилищах донгальского времени переходного этапа.

Судя по данным раскопок, в ряде случаев убедительно сохранились вдоль стен жилищ крупные плиты облицовки как снаружи, так и внутри строений (рис. 4). Это также прием, который был характерен для строительства жилищ, погребальных построек эпохи бронзы Центрального Казахстана [10. С. 300].

В жилищах сакского времени восточной части Центрального Казахстана не фиксируются многочисленные ямки от столбов, столь характерные для поселений бронзового века. Некоторый обзор имеющихся данных по регионам Евразии позволяет считать, что уменьшение количества столбовых ям или их отсутствие является особенностью жилищ населения эпохи раннего железа. Очевидно, это связано с уменьшением площади жилищ в раннем железном веке, а за этим фактом, надо полагать, кроются важные изменения в самом устройстве общества.

Рис. 4. Фото. Плиточная облицовка стен жилища 2 поселения Тагыбайбулак:
1 – вид основания юго-западной стены; 2 – вид на остатки жилищ с юго-восточной стороны

Зафиксированные многими исследователями данные о формах и типах жилищ скифского времени Северного Причерноморья, степных и лесостепных регионов имеют важное значение и актуальность для разработок по материалам востока Евразии. В литературе имеются многочисленные, выявленные непосредственно в ходе археологических раскопок данные о размерах, формах каркасно-глинобитных, иначе турлучных, построек, а также землянок, рассмотрение всех особенностей которых выходит за рамки настоящего сообщения.

Одним из интересных моментов является явное уменьшение количества или полное отсутствие столбовых ям в жилищах на многих памятниках раннего железного века указанных регионов, причем во многих десятках раскопанных жилищ. Они не фиксировались (отсутствовали) в наземных и земляночных жилищах Трахтемировского городища, Пастырского городища, а также многих селищ киево-черкасского региона [33; 34. С. 16–17, 167–177]. По данным М.Н. Дараган, в жилищах Жаботинского поселения также не были прослежены столбовые ямки. Разумеется, ямки от столбов могут быть не зафиксированы вследствие незначительной их глубины, а также из-за особенностей почвы [35. С. 449]. Вместе с тем следует учитывать устойчивый характер фактов для многих памятников.

Есть четко прослеженные факты, когда столбы в конструкции жилищ ставились без углубления в землю. Примером могут служить материалы выдающегося украинского ученого, замечательного исследователя Бельского городища Б.А. Шрамко [36]. Помимо всего широкого комплекса многочисленных и фактических данных по разным аспектам Бельского городища, бесценными являются его сведения, касающиеся особенностей жилищ. По данным, лично зафиксированным Б.А. Шрамко, на городище бытовали наземные каркасные жилища, землянки, а также и бревенчатые срубные постройки. В северной части Восточного укрепления вскрыта деревянная наземная постройка размером 7,5х5,1 м с 9 столбовыми ямками, расположенными по контуру дома [Там же. С. 92]. Одна небольшая землянка для индивидуальной семьи, раскопанная здесь же, имела размеры 2,85х2,80 м, была углублена на 1,7 м.

Как отмечает исследователь, столбовых ям нет, «очевидно, конусообразное или двускатное перекрытие опиралось прямо на поверхность почвы у краев землянки» [Там же. С. 93].

Еще одна прямоугольная землянка размерами 6,6х3,8 м, глубиной 2,6–2,7 м имела два столба, поддерживавших двускатную крышу [Там же. С. 94]. Довольно большая прямоугольная землянка VI в. до н.э. на Западном укреплении имела размеры 8,1х7,76 м, была углублена в землю более чем на 1 м. В этом помещении наряду с глиняным очагом, хозяймой и глиняными возвышениями-лежанками были зафиксированы 12 столбовых ям с остатками дерева [Там же. С. 241].

По материалам Б.А. Шрамко видно, что для изученной им части Бельского городища одним из характерных особенностей жилищ являются приемы в установке столбов. В статье «Некоторые вопросы развития строительства в лесостепной Скифии», опубликованной в 2000 г., ученый делает некоторое обобщение по типам жилищ. Основу наземных каркасных жилищ, которых встречено больше, чем землянок, «образует несколько вертикальных опорных столбов, пространство между которыми заполнялось плетеной из прутьев стенкой, обмазанной глиной. <...> Нижние концы опорных бревен обычно не вкапывались, а опирались прямо на землю. Реже опорные столбы опирались на горизонтально лежащие бревна» [Там же. С. 544]. Важное уточнение этих положений видим в статье «Бельское городище», изданной в 2008 г. [Там же. С. 582–592]. Автор отмечает, что в каркасных постройках «наблюдается та же особенность, которая была отмечена и в установке вертикальных столбов землянки. Вертикальные столбы основы каркасной постройки не вкапывались в ямки, а их заостренные нижние концы вбивались в землю на небольшую глубину (5–10 см). Концы более тонких жердей плетневой стенки вообще лишь упирались в землю. <...> У некоторых сложных построек столбы основы каркаса не вбивались в землю, а вставлялись в углубления горизонтальных плах нижней обводки постройки» [Там же. С. 584–585]. Приводится конкретный пример. Прямоугольное жилище V в. до н.э., исследованное в 1994 г. в раскопе

№ 33 на Восточном укреплении, имело размеры 2,25х3,3 м. Как отмечено автором, «вертикальные столбы основы каркасных стен не вбивались в землю, а вставлялись нижними концами в углубления, которые имелись в горизонтальных плахах обводки, лежащей прямо на земле» [36. С. 585]. Перед нами интересный прием в строительной технике древних народов Восточной Европы, который, как выясняется, применялся и в этнографическое время, причем в значительном отдалении, на востоке.

Царский чиновник В. Шнэ в конце XIX в., описывая зимнее жилище казахов Акмолинской области в виде дерновой постройки с деревянным плоским или незначительно приподнятым в середине двускатным перекрытием, отмечает следующий момент: «Балка поддерживается двумя или тремя столбами внутри землянки; столбы устанавливаются не непосредственно в землю, а в гнезда балки, лежащей на земляной полу жилья параллельно верхней» [37. С. 2].

По казахским постройкам старого образца, бытовавшим, по крайней мере, на востоке Центрального Казахстана вплоть до 1960–1970-х гг., известно, что широко применялся тип вертикальных столбов, установленных прямо на землю без значительного углубления или же на плоском камне, помещенном в довольно широкой, но, как правило, в весьма неглубокой яме с уплощенным дном. Такие неглубокие углубления, независимо от того, клали под столб камень или нет, могут иметь неправильные очертания, в том числе вытянутые пропорции, тарелкообразное сечение. Археолог на практике подобные ямы мог бы зафиксировать в качестве непонятных локальных занижений неясных очертаний. Приведенный В. Шнэ прием установки столбов, зафиксированный еще в Бельском городище, является характерной особенностью в этнографии казахов, живших в условиях равнинной и лесостепной северной части Казахстана. В небольшой работе В. Шнэ имеется немало данных о казахском зимнем жилище, в том числе и о планировке усадьбы. К сожалению, таких относительно подробных этнографических материалов (в плане конкретики) по восточной части Казахского мелкосопочника не имеется. В изучении рассматриваемой группы поселений много пользы принесли бы подобные документированные (опубликованные) материалы каменных, саманных зимовок казахов этого региона. Для построек казахов характерны небольшие по площади жилые и хозяйственные пространства, в плоском перекрытии которых основная тяжесть распределялась на боковые позиции. Довольно узкие, вытянутые пропорции характерны для внутренних пространств (частей) всех четырех жилищ сакского времени, рассматриваемых в данном сообщении. Это, очевидно, неслучайно. Узкие помещения создают, соответственно, небольшой пролет для перекрытия. По данным П.И. Шульги, «редкая встречаемость столбовых ям на поселениях Горного Алтая указывает на существование рубленых жилищ, что под-

тверждается и конструкцией погребальных камер» [24. С. 29]. По поводу отсутствия столбовых ям в двух срубных жилищах раннеананьинского Малахайского поселения в Поволжье А.Х. Халиков предположил, что здесь «потолок поддерживался положенными поперек на верхние бревна балками» [38. С. 8].

Для изученных раскопками сакских каменных жилищ востока Центрального Казахстана стационарные очаги не характерны. Интенсивные золистые пятна указывают на места открытых очагов, которые локализируются чаще у стен. Присутствие золистых вкраплений на полу жилищ отмечено много раз. Отсутствие зафиксированных зольников за пределами жилищных строений может быть связано с недостаточным уровнем раскопок, всегда закладывавшихся на какой-либо части поселения, с охватом того или иного отдельно фиксируемого строения. Вместе с тем раскопочные материалы свидетельствуют, что зола применялась в укреплении и утеплении наружных стен строения. Для жилищ рассматриваемого типа, топографически привязанных к склонам каменистых возвышенностей, причем часто придвинутых тыльной, западной, стороной к гребню гряды, входом ориентированных вниз на долину, особой проблемой, по-видимому, являлись дождевые и талые воды. В ходе раскопок ряда поселений довольно интенсивные золистые подсыпки фиксировались вдоль наружных стен жилищ, прежде всего именно со стороны возвышенности [39]. Очажная конструкция с применением камня, в виде двух параллельных плит, установленных на ребро, зафиксирована в единственном случае – на поселении Сарыбуйрат (по материалам этого памятника, не входящего в рассматриваемую группу поселений, готовится другое сообщение). Что касается рассматриваемых четырех жилищ, в одном только из них, на Керегетас-2, жилище 1, зафиксирована яма, которая может быть квалифицирована как очаг. Здесь в северо-западном, жилом, помещении на дне ямы-очага вытянутой формы размерами 0,77х0,4 м, глубиной 0,22 м фиксировалась зола [1. С. 192, рис. 120, 121]. Нельзя, с одной стороны, не учитывать, что зола могла стекать на дно хозяйственной ямы. Как показал некоторый обзор материалов по поселениям раннего железного века Евразии, ситуация с очагом для жилищ этой эпохи далеко не однозначна. Здесь и кострища, и ямы с каменной выкладкой и без оной, эти же выкладки, но без ямы, а также очаги с каменным, глиняным и глинобитным подом, разные печи и т.д. По регионам, близким к Центральному Казахстану, вызывают закономерный интерес зафиксированные на поселении Партизанская Катуска в Горном Алтае остатки глиняной печи [24. С. 29].

Для сакских жилищ востока Центрального Казахстана неоднозначен и вопрос хозяйственных ям. На жилище 1 поселения Керегетас-2, помимо указанной ямы с присутствием золы на дне, зафиксирована округлая хозяйственная яма диаметром 0,97 и глубиной 1,05 м в северо-восточном, «коридорном» помещении

[1. С. 192, рис. 120, 121]. В северо-западном помещении жилища 2 поселения Тагыбайбулак в центре находилась хозяйственная яма размерами 1х0,8 м, глубиной 0,5 м [4. С. 37, рис. 1]. В исследованных жилищах поселений Едирей-1 и Едирей-3 хозяйственные ямы отсутствуют, как и в ряде других поселений. Скотоводы-кочевники различные запасы, утварь могли держать и в деревянных ящиках, наподобие казахских абдира, сандык, кебеже.

Таким образом, рассмотрены некоторые особенности каменных жилищ сакского времени востока Центрального Казахстана. Четыре строения из поселений Едирей-1, Едирей-3, Тагыбайбулак и Керегетас-2 объединяются в тип подпрямоугольных жилищ. Предполагается наличие каменных стен. Для постановки вопроса о каменно-деревянных стенах, верхнюю часть которых составляют каркас из стоек, установленных внутри двухрядной кладки нижней части, необходимы данные. Для планировки жилых, жилищно-бытовых секторов в виде помещений вытянутых и узких пропорций применялась внутренняя продольная перегородка, разделяющая общее пространство внутри здания на две части. В трех случаях, в жилищах поселений Едирей-1, Едирей-3 и Тагыбайбулак, перегородка-стена имела проем-дверь для сообщения. В жилище 1 поселения Керегетас-2, по-видимому, имелось одно жилое помещение, северо-западное, которое вместе с северо-восточным, коридорным, помещением имело глухую капитальную стену с остальными двумя секторами, расположенными в южной половине дома (рис. 1, 4; рис. 2, 4).

В данном районе Центрального Казахстана население сакской эпохи, сообразно местным экологическим условиям, по-видимому, предпочитало приземистые толстостенные дома, в общих особенностях которых нельзя не увидеть желание экономить тепло, чего нельзя было достичь в более просторных жилищах при наличии относительно высоких шатровых крыш-перекрытий, характерных для эпохи бронзы. Для низких домов с упрощенным плоским перекрытием важную роль играла небольшая длина пролетов, закрывавшихся поперечными деревянными балками в виде бревен, жердей. Можно также предположить, что тот или иной минимум необходимого простора для жилищных и жилищно-бытовых секторов достигался за счет указанной вытянутости данного помещения.

Ценный пример можно привести из материалов западно-сибирской археологии. На основании материалов раскопанных Н.П. Матвеевой саргатских жилищ специалистами были проведены архитектурные расчеты относительно устойчивости кровли при наличии той или иной длины пролетов, исследование основывалось на таких физических характеристиках деревянного материала, как прочность, гибкость, способность выдерживать ту или иную нагрузку [40]. Эти исследования с применением методов естественных наук были проведены на материалах двух жилищ – поселения Ингалинка-1 и поселения Рафаиловский остров. Брались в рас-

чет диаметр, длина деревянной стойки, таковые же данные балки, покрывающей пролет, в составе кровли были учтены, с использованием данных этнографии, накат из жердей, незначительный слой бересты, а также слой травы толщиной в 10 см и слой земли толщиной в 15 см. Для жилища с четырехскатным перекрытием поселения Ингалинка-1, где длина пролетов составляла 3,5–4 м, длина балки была определена в 3,6 м. Расчеты показали, что при указанной длине пролетов кровля могла быть достаточно тяжелой и действительно содержать утепляющий слой земли. Для жилища с двускатным перекрытием поселения Рафаиловский остров, где были большие пролеты длиной 6 м, технические расчеты опровергли такую возможность. Для этого жилища могла использоваться только облегченная кровля из легковесных материалов – без земляного утеплителя. Исходя из длины пролетов, ранее Н.П. Матвеева предполагала для данного жилища облегченную кровлю, что и доказали проведенные расчеты. Подобные примеры исследований, проведенных по методам естественных дисциплин, и в дальнейшем могут напрямую способствовать решению важных задач при изучении перекрытия древних жилищ, трудность которых подчеркивали многие специалисты.

Если опираться на расчеты западно-сибирских специалистов, в рассмотренных четырех жилищах небольшие пролеты, средняя длина которых могла быть в пределах от 2–2,5 до 3–3,5 м, обеспечивали достаточно тяжелую толстую кровлю с земляным слоем. Широкие стены здания держали основную нагрузку от кровли, при этом концы двух балок, с двух сторон перекрывающих достаточно узкие пролеты, покоились на продольной каменной или каменно-деревянной стене-перегородке. Возможно, в некоторых случаях для распределения нагрузки ближе к этой стене устанавливались дополнительные стойки без вкапывания в землю или же с незначительным углублением (рис. 2, 1), которыми поддерживалась также и сама стена-перегородка.

Для примерного вычисления количества людей, проживавших в домах сакской эпохи, необходимы еще уточнения. Должен быть разработан принцип определения того пространства, по отношению к которому можно проводить расчеты. Для жилища VI в. до н.э., раскопанного в Западном укреплении Бельского городища и имеющего размеры 8,1х7,76 м (62,8 кв. м), Б.А. Шрамко, исходя при этом из площади глиняных лежанок (15,5 кв. м), предполагал количество жильцов 8–10 человек [36. С. 241]. При эксперименте, проведенном в Западной Сибири на Коловском городище саргатской культуры, на жилище 7, состоящем из трех помещений, у очага разместились одновременно 11 человек [41. С. 101]. Для саргатского городища Лихачевское исследователи, рассмотрев мнения и расчеты ряда специалистов по другим памятникам, предложили такое соотношение числа обитателей на площадь жилища – 1: 4–5 кв. м [42. С. 61]. Если брать всю площадь

общего внутреннего пространства жилища, то можно для сакских домов привести такие параллели. На примерной внутренней площади около 45–50 кв. м жилища 1 поселения Едирей-3 могли жить около 10 человек. Если брать во внимание то предположение, что южная, более просторная часть дома предназначалась для занятия домашним хозяйством, быта, а местом отдыха служила северная, более узкая часть со значительно меньшей площадью, то это количество обитателей, вероятно, следует уменьшить.

Можно сказать, что сакские каменные дома, рассмотренные на основании данных одной группы поселений востока Центрального Казахстана, продолжают нести в новых, изменившихся условиях, основные черты древней центрально-евразийской традиции домостроительства (Е.Е. Кузьмина).

Двухрядная каменная кладка как основной прием в возведении стен зародилась среди бесконечных каменных холмов Казахского мелкосопочника в андроновскую эпоху, она применялась и в постройках бегазы-дандыбаевской культуры, а затем и донгальского этапа. По данным В.Г. Ломана, для донгальских жилищ была характерна не только «двухпанцирная кладка» каменных стен, но и Г-образные входы [43. С. 57]. Стены раскопанного М.К. Кадырбаевым [44. С. 225–233] жилища (жилище 1, см.: [4]) донгальского времени поселения Тагыбайбулак «образованы из двух рядов вертикально врытых в землю массивных плит гранита общей высотой 0,8–1,2 м, над поверхностью земли – 40–60 см. Полное пространство между внешним и внутренним рядами заполнено мелкими обломками камня и хорошо забутовано. Судя по всему, перекрытие покоилось на мощных боковых стенах и внутренних опорных столбах, установленных по длинной оси помещения» [44. С. 226–227]. Как видно, исследователь предполагает наличие

плоского перекрытия. Таким образом, следует допустить факт того, что сакские дома с каменными стенами и плоским перекрытием, по всей видимости, имели своих предшественников еще в донгальское время.

Основные черты центрально-евразийской традиции домостроительства последними в данном регионе применяли казахи, вплоть до той поры, когда в быту крестьян широко распространились заводской кирпич и цемент. Двухрядная кладка стен фиксируется в многочисленных развалах казахских зимовок. В сырцовых, каменно-сырцовых мазарах казахов сохраняются и прямые, и Г-образные коридоры (рис. 5).

Ввиду ограниченного объема настоящего сообщения ряд вопросов остается недостаточно освещенным. Небольшие по площади, со скудным культурным слоем, неказистые на вид остатки поселений скотоводов, представленные часто сплошными горами камней, требуют специального исследования, а раскопки их – применения особой методики с тщательной разборкой каменных завалов. Судя по остаткам, это, скорее, были строения, в общем-то далекие от архитектурных идеалов, с асимметричными углами, искривленными стенами, небрежностью кладки и т.д. Претендующие на статус зимних стойбищ небольших общин скотоводов-кочевников, эти памятники несут в себе немало важный потенциал для исследования многих сторон жизни населения сакского времени востока Центрального Казахстана. Необходимо изучить еще многие вопросы, касающиеся этих поселений. Отдельного рассмотрения требуют жилища круглой формы, многосоставные строения, жилищно-хозяйственные комплексы усадебной планировки. Все предположения и суждения, приведенные в сообщении, отражают современный этап исследований.

Рис. 5. Казахские мазары с прямым (1) и Г-образным (2) коридорами-входами. Кладбище Алашахан, Центральный Казахстан. Фото Т. Аршабекова (1), Т. Тулеуова (2)

Как указывалось автором неоднократно в публикациях [5–7], в топографии и других многочисленных особенностях поселений сакской эпохи Казахстана не следует ожидать некоего «стандарта». Эти памятники должны

рассматриваться, во-первых, сугубо по регионам и, во-вторых, с учетом хронологии. Важно сделать и следующую оговорку. Памятники, по материалам которых были рассмотрены некоторые типы жилищ, вряд ли являются

единственным типом поселений и для Центрального Казахстана. Возможно, со временем будут открыты производственные, ремесленные центры. Не открыты, поэтому остаются неизвестными, места летних стоянок, ведь

именно с ними и могут быть связаны указанные центры, столь нужные для успешного решения многих вопросов археологии сакского времени не только Центрального Казахстана, но и многих других регионов Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2009. 264 с.
2. Бейсенов А.З. Поселения раннего железного века Центрального Казахстана: к проблеме генезиса // Материалы и исследования по культурно-генетическим процессам на территории древнего и средневекового Казахстана. Алматы, 2012. С. 27–43.
3. Бейсенов А.З. Поселения раннесакского времени Центрального Казахстана // Записки Института истории материальной культуры. 2014. № 9. С. 92–102.
4. Бейсенов А.З. Поселение Тагыбайбулак в Центральном Казахстане // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–1 (84). С. 35–41.
5. Бейсенов А.З. Экологический фактор в устройстве поселений сакского времени в Центральном Казахстане // Вестник Восточного экономико-гуманитарного университета. 2014. № 6 (74). С. 170–178.
6. Beisenov A. Studies of the Saka settlements in the east part of Central Kazakhstan // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований : сб. ст., посвящ. 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул, 2015. С. 289–293.
7. Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии : сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы, 2015. С. 11–38.
8. Бейсенов А.З. Раннесакские поселения близ горы Едирей в Центральном Казахстане // Известия Самарского научного центра. 2016. Т. 18, № 3. С. 146–152.
9. Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова О.А. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. Алматы, 2015. 188 с.
10. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 433 с.
11. Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 67–83.
12. Маргулан А.Х., Басенов Т.К., Мендикулов М.М. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959. 172 с.
13. Малютин Т.С. Поселения и жилища федоровской культуры Урало-Казахстанских степей // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1996. С. 69–85.
14. Лысенко Ю.А. Домостроительство андроновских племен Урало-Иртышского междуречья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003. 32 с.
15. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. 363 с.
16. Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Алматы, 2000. 198 с.
17. Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003. Т. 1. Древние эпохи. С. 189–214.
18. Мерц В.К. Система адаптации древних скотоводов в горностепной зоне Северной Евразии и методы поиска их поселений // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 69–73.
19. Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы, 2008. 173 с. (на каз., рус., англ. яз).
20. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу // Известия Министерства образования и науки Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. Алматы, 2001. № 1. С. 53–66.
21. Горячев А.А. Результаты исследования археологического комплекса Бутақты-1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2008 г. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2010. № 1. С. 13–24.
22. Горячев А.А. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургень-2 // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 325–341.
23. Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселение раннего железного века в ущелье Бутаковка (юго-восточная окраина г. Алматы) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015. С. 90–99.
24. Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск, 2015. 336 с.
25. Савельев Н.С. Раннесакские поселения Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015. С. 246–254.
26. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
27. Мартынов А.И. Новые материалы о тагарско-таштыкских поселениях и жилищах // Советская археология. 1973. № 3. С. 163–173.
28. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. М., 1979. 208 с.
29. Абсалимов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. 1977. Вып. 9. С. 34–42.
30. Кызласов И.Л. Праторские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. Москва ; Самара, 2005. 96 с., ил.
31. Акишев К.А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. 1969. Вып. 1. С. 29–47.
32. Мартынов В.Н. Волго-Камье в эпоху раннего железа. Арзамас, 2009. 71 с.
33. Ковпаненко Г.Т. Раскопки Трахтемировского городища // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. Киев, 1967. С. 103–106.
34. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного правобережья (киевско-черкасский регион). Киев, 1989. 336 с.
35. Дараган М.Н. Начало раннего железного века в днепровской правобережной лесостепи. Киев, 2011. 848 с.
36. Білське городище в наукових працях Б.А. Шрамка. Котельва ; Харьков, 2016. 606 с.
37. Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1894. Кн. 17, вып. 1. С. 1–19.
38. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М. : Наука, 1977. 262 с.
39. Ахияров И.К., Бейсенов А.З. Поселение сакской эпохи Туйетас в Центральном Казахстане // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы, 2016. С. 237–244.
40. Берлина С.В., Филисюк В.Г. К проблеме реконструкции кровли древних полуподземных жилищ (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 5. С. 67–73.
41. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск : Наука, 2008. 235 с.
42. Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3. С. 55–65.
43. Ломан В.Г. Новое поселение эпохи поздней бронзы в горах Кент // Тезисы докладов научной конференции молодых ученых университета. Караганда, 21–22 ноября 1984 г. Караганда, 1984. С. 56–58.
44. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1979. 360 с.

Beisenov Arman Z. Institute of Archaeology after A.H. Margulan of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. (Almaata, Republic of Kazakhstan). E-mail: azbeisenov@mail.ru

SAKA DWELLINGS.

Keywords: Saka era; Central Kazakhstan; settlement; radiocarbon analysis; dwelling; overlap.

The article presents the results of the study of the Saka dwellings in Central Kazakhstan. The topicality of this theme is that the settlements of that time are still not studied well in the archeology of Kazakhstan. In contrast to the burial constructions that have been studied for a long time and gave many highly informative materials, the theme of the settlements was developed much later. Materials of the Saka settlements started being widely discussed in the press since the beginning of the XXI century. Due to this fact, such issues as the features of the construction of Saka dwellings, their parameters and typology are not still the subjects of extensive discussions. This situation is typical for the archeology of the Central Kazakhstan. Earlier A.M. Orazbaev published his variants of scientific reconstruction based on well-studied settlements of the region during the Bronze Age. His reconstruction of the settlements Buguly-2 and Suykbulak were adopted in Kazakhstan archeology. In the present article, the author on the base of the study of some settlements of the early Iron Age in Central Kazakhstan made a version of the scientific reconstruction of one type of dwelling. The main source for this study is the data of one group of settlements located in the eastern Kazakh hills. The group of settlements near the Mount Edirey was discovered by the author in 2001-2002. Then excavations in the settlements Edirey-1, Edirey-2, Edirey 3 and Keregetas-2 were made. Currently, the author identified 26 settlements in that area. On settlements Edirey-1, Edirey-3 and Keregetas (phase 1) one dwelling of the Saka time was researched. In relation to the typology, they were especially close to the dwelling №2 in Tagybaybulak, which is located to the north of this area. All these settlements on the basis of pottery and bronze items of horse equipment have been dated by the author in the framework of VII-V centuries BC. The results of radiocarbon analysis, obtained in the laboratories of Russia, Ukraine and the United Kingdom on bone samples from settlements confirmed this dating. On materials of four settlement dwellings (Edirey-1, 3-Edirey, Keregetas-2, Tagybaybulak), the author identifies the type of dwelling 1. It is of a subrectangular form, had an inner patrician wall and consists of two rooms (Fig. 1, 2). These rooms were located in parallel to each other. The rooms were separated by a stone or wooden partition, which had the stone reinforcement at the bottom. Inside there was an entrance from one room to another (3 settlements). The house of this type had powerful stone walls with the width of about 1–1.5 m and the height of up to 2 m. The width of the walls was supported by the excavation data, while the data on their height remains hypothetical. On top of the stone base there was the wooden part of the house. Features of the house slabs need to be clarified in future studies. At the present stage of the work the author suggests the presence of a flat roof. Possibly, there were dwellings which had not high hip overlap.

REFERENCES

1. Beisenov, A.Z. & Loman, V.G. (2009) *Drevnie poseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient settlements in Central Kazakhstan]. Almaty: Institute of Archaeology.
2. Beisenov, A.Z. (2012) Poseleniya rannego zheleznoogo veka Tsentral'nogo Kazakhstana: k probleme genezisa [Settlements of the Early Iron Age in Central Kazakhstan: The genesis of the problem]. In: *Materialy i issledovaniya po kul'turogeneticheskim protsessam na territorii drevnego i srednevekovogo Kazakhstana* [Materials and Research on culturogenetic processes on the territory of the ancient and medieval Kazakhstan]. Almaty: [s.n.]. pp. 27–43.
3. Beisenov, A.Z. (2014) Poseleniya rannesakskogo vremeni Tsentral'nogo Kazakhstana [Settlements of rannesakskogo time Central Kazakhstan] [Settlements of the early Saka in Central Kazakhstan]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury*. 9. pp. 92–102.
4. Beisenov, A.Z. (2014) Tagybaybulak Settlement in Central Kazakhstan. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Altai State University Journal*. 4-1(84). pp. 35–41. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.1-04
5. Beisenov, A.Z. (2014) Ekologicheskiy faktor v ustroystve poseleniy sakskogo vremeni v Tsentral'nom Kazakhstane [The ecological factor in the organization of the Saka settlement in Central Kazakhstan]. *Vestnik Vostochnogo ekonomiko-gumanitarnogo universiteta*. 6(74). pp. 170–178.
6. Beisenov, A. (2015) Studies of the Saka settlements in the east part of Central Kazakhstan. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Archaeology of Western Siberia and Altai: The experience of interdisciplinary studies]. Barnaul: Altai State University. pp. 289–293.
7. Beisenov, A.Z. (2015) Poseleniya i mogil'niki sakskoy epokhi Tsentral'nogo Kazakhstana [Saka settlements and burial grounds]. In: Beisenov, A.Z. (ed.) *Sakskaya kul'tura Saryarka v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoy Evrazii* [The Saka culture of Saryarka in the context of ethnic, social and cultural processes in Steppe Eurasia]. Almaty: [s.n.]. pp. 11–38.
8. Beisenov, A.Z. (2016) Early Saka settlements near the mountain Yedirey in Central Kazakhstan. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra – Proceedings of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences*. 18(3). pp. 146–152. (In Russian).
9. Beisenov, A.Z., Ismagulova, A.O., Kitov, E.P. & Kitova, O.A. (2015) *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tys. do n.e.* [The population of Central Kazakhstan in the I BC]. Almaty: [s.n.].
10. Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K. & Orazbaev, A.M. (1966) *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
11. Orazbaev, A.M. (1970) Poselenie Chaglinka (Shagaly). Nekotorye formy i tipy zhilishch [Chaglinka (Shagaly). Some forms and types of dwellings]. In: Kadyrbaev, M.K. (ed.) *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana* [Tracing ancient cultures in Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. pp. 67–83.
12. Margulan, A.Kh., Basenov, T.K. & Mendikulov, M.M. (1959) *Arkhitectura Kazakhstana* [The Kazakhstan architecture]. Alma-Ata: Kazakhskoe gosizdatel'stvo.
13. Malyutina, T.S. (1996) Poseleniya i zhilishcha fedorovskoy kul'tury Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Settlements and dwellings of the Fedorov culture in the Ural-Kazakhstan steppes]. In: Zdanovich, G.B. (ed.) *Arkheologiya Volgo-Ural'skikh stepey* [Archaeology of Volga-Ural steppes]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. pp. 69–85.
14. Lysenko, Yu.A. (2003) *Domostroitel'stvo andronovskikh plemen Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [House Building of the Andronovo tribes in the Ural-Irtysh interfluvium]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
15. Kuzmina, E.E. (1994) *Otkuda prishli indoirani?* [Whence came the Indo-Aryans?]. Moscow: Vostochnaya literatura.
16. Evdokimov, V.V. (2000) *Istoricheskaya sreda epokhi bronzy stepey Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana* [The historic environment of the Bronze Age steppe of the Central and Northern Kazakhstan]. Almaty: Nauka.
17. Khabdulina, M.K. (2003) Poseleniya rannesakskogo vremeni na r. Selety [The Early Saka settlements on the Selety]. In: *Stepnaya tsivilizatsiya Vostochnoy Evrazii* [The Steppe civilization of Eastern Eurasia]. Vol. 1. Astana. pp. 189–214.
18. Merts, V.K. (2015) Sistema adaptatsii drevnikh skotovodov v gornostepnoy zone Severnoy Evrazii i metody poiska ikh poseleniy [Adaptation system of ancient herdsmen in the mountain steppe area of Northern Eurasia and methods for their settlement search]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Archaeology of Western Siberia and Altai: The experience of interdisciplinary studies]. Barnaul: Altai State University. pp. 69–73.

19. Baypakov, K.M. (2008) *Poseleniya sakov i usuney na territorii Zhetysu i Almaty* [The Saka and Usun settlements in Zhetysu and Almaty]. Almaty: [s.n.].
20. Baypakov, K.M. & Maryashev, A.N. (2001) Novye dannye po izucheniyu poseleniy epokhi rannego zheleznogo veka v Zhetysu [New data on the study of the early Iron Age settlements in Zhetysu]. *Izvestiya Ministerstva obrazovaniya i nauki – Natsional'noy Akademii Nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk.* 1. pp. 53–66.
21. Goryachev, A.A. (2010) Rezul'taty issledovaniya arkhеologicheskogo kompleksa Butakty-1 na yugo-vostochnoy okraine goroda Almaty v 2008 g. [Results of the study of the archaeological complex Butakty-1 in Southeastern outskirts of Almaty in 2008]. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk.* 2010. № 1. pp. 13–24.
22. Goryachev, A.A. (2011) Poselenie i mogil'nik rannego zheleznogo veka arkhеologicheskogo kompleksa Turgen'-2 [Early Iron Age settlements and cemeteries in the archaeological complex Turgen'-2]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana.* 3. pp. 325–341.
23. Goryachev, A.A. & Egorova, T.A. (2015) Poselenie rannego zheleznogo veka v ushel'e Butakovka (yugo-vostochnaya okraina g. Almaty) [An Early Iron Age settlement in Butakovka Gorge (south-eastern outskirts of Almaty)]. In: Beisenov, A.Z. (ed.) *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoy Evrazii* [The Saka culture of Saryarka in the context of ethnic, social and cultural processes in Steppe Eurasia]. Almaty: [s.n.]. pp. 90–99.
24. Shulga, P.I. (2015) *Skotovody Gornogo Altaya V skifskoe vremya (po materialam poseleniy)* [Herders of Mountain Altai in Scythian Time (settlement materials)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
25. Saveliev, N.S. (2015) Rannesakskie poseleniya Yuzhnogo Zaural'ya [The Early Saka settlements in the South Ural]. In: Beisenov, A.Z. (ed.) *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoy Evrazii* [The Saka culture of Saryarka in the context of ethnic, social and cultural processes in Steppe Eurasia]. Almaty: [s.n.]. pp. 246–254.
26. Khabdulina, M.K. (1994) *Stepnoe Priishim'e v epokhu rannego zheleza* [The steppe Ishim area in the Early Iron Age]. Almaty: Nauka.
27. Martynov, A.I. (1973) Novye materialy o tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh i zhilishchakh [New materials on the Tagar-Tashtyk settlements and dwellings]. *Sovetskaya arkheologiya.* 3. pp. 163–173.
28. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The forest-steppe Tagar culture]. Moscow: Nauka.
29. Absalyamov, M.B. (1977) O tipakh zhilishch na tagarskikh i tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh [About the types of dwellings in the Tagar and Tagar-Tashtyk settlements]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University pp. 34–42.
30. Kyzlasov, I.L. (2005) *Pratyurkskie zhilishcha. Obsledovanie sayano-altayskikh drevnostey* [The Pra-Turkic home. Investigation of the Sayano-Altai antiquities]. Moscow; Samara: Institute of Archeology.
31. Akishev, K.A. (1969) Zimovki-poseleniya i zhilishcha drevnikh usuney [The wintering-settlements and dwellings of ancient Usuns]. *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya obshchestvennaya.* 1. pp. 29–47.
32. Martyanov, V.N. (2009) *Volgo-Kam'e v epokhu rannego zheleza* [The Volga-Kama region in the Early Iron Age]. Arzamas: Arzamas State Pedagogical University.
33. Kovpanenko, G.T. (1967) Raskopki Trakhtemirovskogo gorodishcha [Excavations of Trahtemirovskoe ancient settlement]. In: Tolochko, P.P. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1965–1966 gg.* [Archaeological research in Ukraine in 1965–1966]. Kiev. pp. 103–106.
34. Kovpanenko, G.T., Bessonova, S.S. & Skoryy, S.A. (1989) *Pamyatniki skifskoy epokhi dneprovskogo lesostepnogo pravoberezh'ya (kievo-cherkasskiy region)* [The Scythian monuments on the right bank of the Dnieper forest-steppe (Kyiv, Cherkasy region)]. Kyiv: Naukova Dumla.
35. Daragan, M.N. (2011) *Nachalo rannego zheleznogo veka v dneprovskoy pravoberezhnoy lesostepi* [The beginning of the Early Iron Age on the right bank of the Dnieper forest-steppe]. Kyiv: KNT.
36. Shramko, B.A. (2016) *Bil'ske gorodishche v nauchovykh pratsyakh B.A. Shramka* [The Bilske settlement in scientific studies of B.A. Shramko]. Kotelva; Kharkiv: [s.n.].
37. Shne, V. (1894) Zimovki i drugie postoyannye sooruzheniya kochevnykh Akmolinskoy oblasti [Wintering huts and other permanent structures of the Akmola nomads]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela IRGO.* 17(1). pp. 1–19.
38. Khalikov, A.Kh. (1977) *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza (VIII–VI vv. do n.e.)* [The Volga-Kama at the beginning of the Early Iron Age (the 8th–6th centuries BC)]. Moscow: Nauka.
39. Akhiyarov, I.K. & Beisenov, A.Z. (2016) Poselenie sakskoy epokhi Tuyetas v Tsentral'nom Kazakhstane [The Saka settlement Tuyetas in Central Kazakhstan]. In: Baitanaev, B.A. (ed.) *Aktual'nye problemy arkheologii Evrazii* [Topical problems of Eurasian archeology]. Almaty: Institute of Archeology. pp. 237–244.
40. Berlina, S.V. & Filisyuk, V.G. (2005) K probleme rekonstruktsii krovli drevnikh poluzemlyanochnykh zhilishch (po materialam sargatskoy kul'tury) [On the reconstruction of the roof of the ancient half-dugout dwellings (a case study of Sargatka culture)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography.* 5. pp. 67–73.
41. Matveeva, N.P., Berlina, S.V. & Rafikova, T.N. (2008) *Kolovskoe gorodishche* [The Kolovskoe ancient settlement]. Novosibirsk: Nauka.
42. Tsembalyuk, S.I. & Berlina, S.V. (2014) Kompleks rannego zheleznogo veka gorodishcha Likhachevskoe v Priishim'e [The Lihachevsky Early Iron Age settlement in the area near the Irtysh]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography.* 3. pp. 55–65.
43. Loman, V.G. (1984) *Novoe poselenie epokhi pozdney bronzy v gorakh Kent* [A New Late Bronze Age settlement in the Kent mountains]. Proc. of the Conference. Karaganda. November 21–22, 1984. Karaganda. pp. 56–58.

А.А. Казаков

О ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ ПОЛИХРОМНОГО СТИЛЯ

На основании новых материалов, полученных исследователями за последние 50 лет, определяется восточная граница распространения изделий полихромного стиля, которые маркируют ареал влияния культур гуннского круга. Анализ погребально-поминальных комплексов, содержащих в составе инвентаря изделия, выполненные в полихромном стиле, позволил выделить погребения как инокультурные, принадлежащие собственно гуннам, являвшимся источником культурных инноваций и трансформаций, так и погребения, представляющие местные культурные традиции. Проведенная граница позволила высказать гипотезу о включении археологических культур Западной Сибири эпохи раннего Средневековья в круг культур, образующих гуннское культурное единство с преимущественно западным направлением культурных контактов, и провести границу с культурами преимущественно с восточным направлением культурных связей.

Ключевые слова: полихромный стиль; гунны; ареал распространения; раннее Средневековье.

С момента публикации в 1978 г. Алексеем Павловичем Уманским материалов разрушенного погребения у с. Тугозвонovo, в комплексе которого содержалось большое количество изделий, выполненных в полихромном стиле [1, 2], ранее не известных в материалах Западной Сибири и сопредельных территорий, археологами введен в научный оборот достаточно представительный и объемный блок материалов, относящихся к интереснейшему периоду истории – эпохе раннего Средневековья, в том числе и к достаточно короткому в хронологическом отношении, но весьма емкому по содержанию периоду «Великого переселения народов». К сожалению, в настоящее время эти материалы интерпретируются в рамках локальных регионов и пока недостаточно осмыслена роль раннесредневекового населения Западной Сибири в глобальных исторических процессах, происходящих в это время на территории Евразийского континента. О включенности этого региона в интереснейшие события этого периода, по мнению А.П. Уманского, свидетельствуют в том числе и изделия полихромного стиля, связываемые большинством исследователей с гуннами, которые были основной движущей силой глобальных исторических процессов эпохи «Великого переселения народов».

К сожалению, до сих пор исследователям, занимающимся гуннской проблематикой, не удалось выявить другой категории инвентаря, кроме изделий, выполненных в неповторимом полихромном стиле, которая маркирует принадлежность комплексов материальной культуры к гуннской культурной среде. Более того, до сих пор имеются обоснованные сомнения в том, что именно полихром является этим диагностирующим маркером. Однако за неимением других в настоящее время будем опираться именно на это положение.

Среди выдвинутых А.П. Уманским гипотез и поднятых вопросов в связи с Тугозвоновской находкой, актуальных и в настоящее время, следует отметить одно существенное наблюдение: эта находка в 1978 г. маркировала восточную границу распространения изделий полихромного стиля [1. С. 129, 163]. Однако

уникальность этих предметов из всего лишь одного захоронения, их исключительность для этого региона (географической широты) и большое расстояние от других восточных находок полихрома, локализованных в основном в Средней Азии, порождали некоторые сомнения во включенности юга Западной Сибири в сферу влияния культур гуннского круга. Существовала возможность и случайного проникновения этих предметов столь далеко на восток.

Накопленные в настоящее время материалы, происходящие из девяти памятников, содержащих предметы полихромного стиля, позволяют уточнить восточную границу их распространения и выдвинуть гипотезу об интеграции археологических культур эпохи раннего Средневековья Западной Сибири в круг культур гуннского влияния.

Несмотря на то что изделия полихромного стиля, происходящие с восточной периферии их распространения, являются уже достаточно представительной коллекцией, их публикации рассредоточены по различным изданиям, отдельные из которых являются уже библиографической редкостью и не имеют электронных версий, что затрудняет ознакомление с ними широкого круга молодых исследователей. С целью устранения этого положения позволю переопубликовать отдельные изделия полихромного стиля, сведя их в одну публикацию, оставив авторские рисунки без единой правки.

Как уже было сказано, в настоящее время известно 9 памятников, в материалах которых присутствуют гуннские изделия полихромного стиля, маркирующие восточную границу его распространения. Один из них приобрел мировую известность, и с его материалами знакомы практически все археологи, занимающиеся проблемами истории первого тысячелетия. Это могильник Тугозвонovo, материалы которого достаточно полно опубликованы и интерпретированы А.П. Уманским [1, 2].

Восемь других, содержащих столь же уникальные полихромные материалы, к сожалению, до сих пор не

так широко известны исследователям. По крайней мере, в литературе при упоминании полихромного стиля обязательно есть сноски на коллекцию из Тугозвонovo, и намного реже встречаются указания на коллекции других, уже достаточно давно опубликованных памятников. Это погребение Ераська в лесостепном Алтае [3], погребение на могильнике Сопка-2 (№ 688) в Барабе [4], погребение на могильнике Ивановка-6 в Новосибирской области [5], погребение кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1 [6. С. 90], погребение кургана 6 курганного могильника Крохалевка-23 [7. С. 104], погребение 2 кургана 1 курганного могильника Крохалевка-16 [8. С. 222], поминально-погребальный комплекс Аржан-Бугузун из юго-восточного Алтая (Кош-Агачский район Республики Алтай) [9] и погребение из кургана Бома в Северном Приитышанье [10].

Для достижения целей настоящей работы нам необходимо более конкретно определиться с их географическим местонахождением.

Тугозвоновское погребение расположено на правом берегу р. Чарыш, в 0,5 км к СВ от пос. Новосельский. Верхняя наддуговая терраса реки достигает здесь 3,5 м высоты [1. С. 129] (примерные географические координаты (по описанию А.П. Уманского) определены при помощи программы Google Планета Земля: 82° 32' в.д., 52° 03' с.ш.).

Погребение на р. Ераська также является случайной находкой. Первые данные о нем относятся к июню 1991 г., когда в Алтайский краеведческий музей поступило сообщение о нем от местной жительницы И.Н. Митьковской. Расположено оно в Калманском районе Алтайского края, в 2 км юго-западнее Змеиногорского тракта на левом берегу пруда на р. Ераська [3. С. 77]. Географические координаты памятника 83° 33' 81,1" в.д., 53° 01' 12,2" с.ш. (сняты автором автомобильным навигатором при повторном обследовании).

Разновременный могильник, объединенный общим названием Сопка-2, содержащий погребение № 688, расположен в Венгеровском районе Новосибирской области, в месте слияния рр. Омь и Тартас [4]. Примерные географические координаты определены при помощи программы Google Планета Земля (76° 44' в.д., 55° 37' с.ш.) и являются достаточно относительными. Но высокой точности для достижения целей нашей работы и не требуется.

Погребение с подвеской-фибулой, изготовленной в полихромном стиле, исследованное в 1994 г. на курганном могильнике Ивановка-6, является подкурганым. Могильник расположен на правобережье р. Оби у с. Чингисы Ордынского района Новосибирской области [5. С. 283]. Примерные географические координаты определены при помощи программы Google Планета Земля: 81° 37' в.д., 54° 14' с.ш.

Погребение кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1, в инвентаре которого имеются изделия,

выполненные в полихромном стиле, расположено «на левом берегу р. Томи, против Томска, на 1 км западнее пос. Тимирязево» [6. С. 7]. Примерные географические координаты Тимирязевского курганного могильника 1 определены при помощи программы Google Планета Земля: 84° 52' в.д., 56° 28' с.ш.

Еще одно изделие полихромного стиля обнаружено в погребении кургана 6 курганного могильника Крохалевка-23, расположенного у с. Крохалевка Коченевского района Новосибирской области, на высокой террасе над системой проток и рек Чик-Чаус [7. С. 16]. Примерные географические координаты курганного могильника Крохалевка-23 определены при помощи программы Google Планета Земля: 82° 32' в.д., 55° 09' с.ш. Координаты относительные, вероятнее всего, имеется определенная погрешность.

Погребальный комплекс с материалами, содержащими два предмета, изготовленных в полихромном стиле, представлен могилой 2 кургана 1 курганного могильника Крохалевка-16, расположенного в 3,2 км к востоку от южной окраины с. Крохалевка Коченевского района Новосибирской области, на пологом склоне террасы в сосновом бору [8. С. 66]. Примерные географические координаты курганного могильника Крохалевка-16 определены при помощи программы Google Планета Земля и совершенно незначительно отличаются от координат курганного могильника Крохалевка-23. Погрешность при определении координат незначительна и не влияет на достижение цели нашей работы – определения восточной границы распространения полихромных изделий гуннского типа.

Погребально-поминальный комплекс Аржан-Бугузун, исследованный в 2009 г., находится в верхнем течении р. Бугузун, в Кош-Агачском районе Республики Алтай [9. С. 28]. Примерные географические координаты памятника определены при помощи программы Google Планета Земля: 89° 14' в.д., 50° 03' с.ш.

Курганы Бома, разрушенные при проведении земляных работ в октябре 1997 г., находятся в уезде Чжаосу, рядом с погранзаставой Бома на южном участке китайско-казахской границы (Восточный Туркестан, непосредственно граничащий с Восточным Казахстаном и Российским Алтаем). Географические координаты памятника 80° 15' 11,4" в.д., 42° 41' 30,4" с.ш. [10. С. 91].

Приведенные данные располагающихся в различных широтных координатах погребений, являющихся самыми восточными по долготе на своей параллели, позволяют достаточно четко проследить восточную границу распространения изделий полихромного стиля гуннского типа. Учитывая, что полихромные изделия являются своеобразным маркером, ориентируясь на который возможно определить и восточную границу влияния носителей определенной культурной среды, в которой подобные изделия имели широкое распространение, представляется достаточно интересным определить с их культурно-хронологической при-

надлежностью, так как, не имея широкого распространения в восточных регионах, можно говорить, что они были привнесены сюда представителями правящей элиты с запада.

Для решения одного из основных вопросов ранне-средневековой археологии – о направлении культурных связей, преобладающем влиянии в этот период культурных традиций в культурировании археологических культур, включенности в определенное культурное пространство регионов Западной Сибири, необходимо определиться и с самими изделиями полихромного стиля, насколько они культурно-хронологически однородны. Здесь мы сталкиваемся с еще одной трудностью: в большинстве случаев отсутствуют их детальные, качественные прорисовки или они достаточно схематичны и не отражают всех необходимых деталей для культурно-хронологической атрибуции, опирающейся на технологические «мелочи», которые нередко и являются основой для хронологии. Кроме того, представленные фото не слишком хорошего качества и зачастую черно-белые.

При работе над этой статьей автор столкнулся с труднообъяснимым явлением, когда самые красивые, показательные, интереснейшие вещи во всей археологии не нашли отражения в детальной, качественной цветной съемке. Ни в каталогах Государственного Эрмитажа, ни в сводных изданиях по археологии мне не встретилось ни одного цветного снимка вещей из Тугозвонovo. Не имея возможности провести фотосъемку всех вещей, публикую снимки изделий из погребения на р. Ераська (рис. 1), наперстка меча из погребения № 688 могильника Сопка-2 (рис. 2 по: [11. С. 101]) и серебряной подвески из Ивановки-6 (рис. 3 по: [12]) – все, что удалось найти в публикациях.

Учитывая, что изделия полихромного стиля являются достаточно уникальным культурно-хронологическим явлением, привлекающим внимание исследователей на протяжении уже более чем полутора веков и благодаря этому достаточно хорошо изученным, начнем с их культурно-хронологической интерпретации.

Рис. 1. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська

Рис. 2. Изделие полихромного стиля из погребения № 688 могильника Сопка-2

Рис. 3. Изделие полихромного стиля из Ивановки-6

Для поиска аналогий необходимо определиться с имеющимся материалом. Как уже было замечено, публикации оставляют желать лучшего. Несмотря на прорисовки, по ним нельзя определить многие технологи-

ческие особенности, имеющие важное значение для культурно-хронологической атрибуции.

Так, в погребении на Ераське найдены «3 бронзовые, круглые, “ярусные” бляхи с позолотой, насечками и выпуклой вставкой из отполированного минерала (одна вставка утеряна), <...> набор поясного ремня погребенного, к которому они крепились при помощи 3 шпеньков. Диаметр блях 3,5 см. На вставках минерала, по центру, заметны наколотые отверстия для крепления во время обработки» [3. С. 80]. Это всё. Нет даже цвета вставок, не говоря уже об определении минерала. Судя по рисунку, насечки могли представлять и зернь, а гнезда для крепления «минерала» являются литыми, хотя на деле могут быть и напаянными.

Подобное описание побудило к более подробному исследованию этих изделий, хранящихся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея (Учетное обозначение ОФ 15625/31-33, А-2482-24-84), позволив проследить некоторые технологические приемы и реконструировать особенности технологической цепочки [13], что не повлияло на представленные ниже выводы.

Изделие из могилы № 688 могильника Сопка-2 описано следующим образом: «Золотой набалдашник полусферической формы с широкими полями основания. Край поля оформлен зернью, а внешняя поверхность украшена перегородчатой эмалью, но сохранились лишь две вставки из стекла бордового цвета» [4. С. 164–165]. Возникает множество вопросов. Учитывая, что перегородчатая эмаль является показательным технологическим приемом, ее сочетание с зернью достаточно интересно. Зернь может выполняться тремя технологическими приемами – напайкой, чеканкой или литьем. В сочетании с перегородчатой эмалью обычно встречаются чеканка или литье. Из представленной публикации мы этого выяснить не можем.

Изделие из Ивановки-6 описано автором достаточно подробно и позволяет получить практически все необходимые данные. Очень интересен материал его изготовления – серебро. Это крайне редкий случай из всего комплекса полихрома Евразии. Рентгеноспектральный микроанализ металла, проведенный доктором геолого-минералогических наук А.С. Борисенко в Институте геологии СО РАН, дал достаточно интересные результаты. Сравнение металла из Тугозвонской коллекции с изделием из Ивановки-6 показало, что количественное содержание серебра в изделии из Ивановки-6 несколько отличается от тугозвонских предметов. В первом случае оно составляет 75,41–79,78%, а во втором – 95–96% драгоценного металла. Кроме того, в нем наряду с серебром присутствовало довольно большое количество золота (12,77–14,52%) и меди (6,85–7,24%) [14. С. 286].

Изделие полихромного стиля из кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1 описано также крайне схематично: «пять медальонов в серебряной с позолотой оправе, с кантиками и вставкой из зеленого камня» [6. С. 27]. Далее описание детализируется: «Се-

ребряный корпус со вставкой из зеленого камня. Сам камень в серебряной оправе, серебро позолочено. По краю корпуса проложены в два ряда перевитые серебряные нити» [Там же. С. 84]. Прорисовки этих уникальных вещей также достаточно схематичны и не дают полного представления о некоторых конструктивных особенностях [Там же. С. 177, рис. 42, 1, 2].

Судя по форме, можно предполагать, что эти «медальоны» изначально были ремennыми накладками, вероятнее всего, украшавшими сбрую, и крепились к основе ремня при помощи шпеньков, которые не сохранились. Об этом говорит и приспособление одного из них для вторичного использования, представляющее собой петельку для подвешивания [Там же. С. 177, рис. 42, 1], что превратило их из ремennых накладок в медальоны (рис. 4 по: [Там же. С. 177]).

Ряд вопросов остаются открытыми. Наиболее важные из них связаны с технологическими особенностями изделия. Это характер ободков – проволока или зернь, крепление вставок – в напаянные гнезда или изначально отлитые вместе с серебряной основой, характер позолоты – обтяжка основы золотой фольгой или иной тип золочения, наличие или отсутствие следов целостности изделий (были шпеньки для крепления и они отломаны или их не было, имеются ли следы приспособления для вторичного использования или эти петельки были выполнены при первоначальном изготовлении изделия) и т.п.

Изделие из кургана 6 курганного могильника Крохалева 23 представлено единичным экземпляром с таким же схематичным описанием: «бронзовая позолоченная бляха <...> диаметр – 4,2 см, в центре расположена крупная сердоликовая вставка, вокруг которой и по краю бляхи находятся ободки из зерни. По краям расположены два отверстия для пришивания бляхи, они перекрывают ободки и, видимо, были проделаны позже» [7. С. 30]. Рисунок также выполнен достаточно схематично [Там же. С. 104, рис. 17–55] (рис. 5 по: [Там же. С. 104]).

Размеры этой «бляхи» позволяют предположить, что она также являлась первоначально ремennой накладкой, у которой отломился шпене́к. Это предположение подкрепляется наблюдением о приспособлении этой «бляхи» для вторичного использования путем более позднего, чем изготовления самого изделия, проделывания отверстий для его крепления.

Ряд вопросов, сформулированных в отношении полихромных изделий из кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1, актуальны и в этом случае.

Предметы, изготовленные в полихромном стиле из могилы 1 кургана 1 курганного могильника Крохалева 16, описаны и прорисованы более подробно, но также оставляют открытыми ряд вопросов. Приведем описание: «...поясной набор, представленный бронзовой пряжкой и двумя поясными бляхами. Бляхи выполнены в виде литых бронзовых пластин с бордюром, в центре которого размещался обработанный камень (сердолик), зажатый бронзовым

кольцом, имитирующим зернь. К поясу бляшки крепились с помощью двух шпеньков и отдельной бронзовой пластины, расположенной с тыльной стороны ремня» [8. С. 220]. Достаточно подробный рисунок

[Там же. С. 222, рис. 155, 1; 2] говорит о многослойности конструкции, но большинство сформулированных выше вопросов остаются открытыми (рис. 6 по: [Там же. С. 222]).

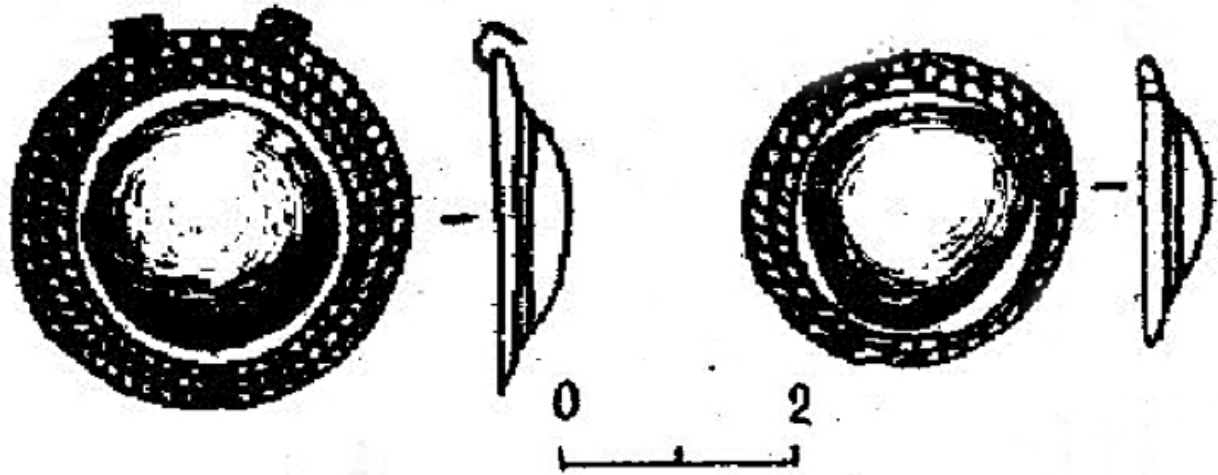

Рис. 4. Изделие полихромного стиля из кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1

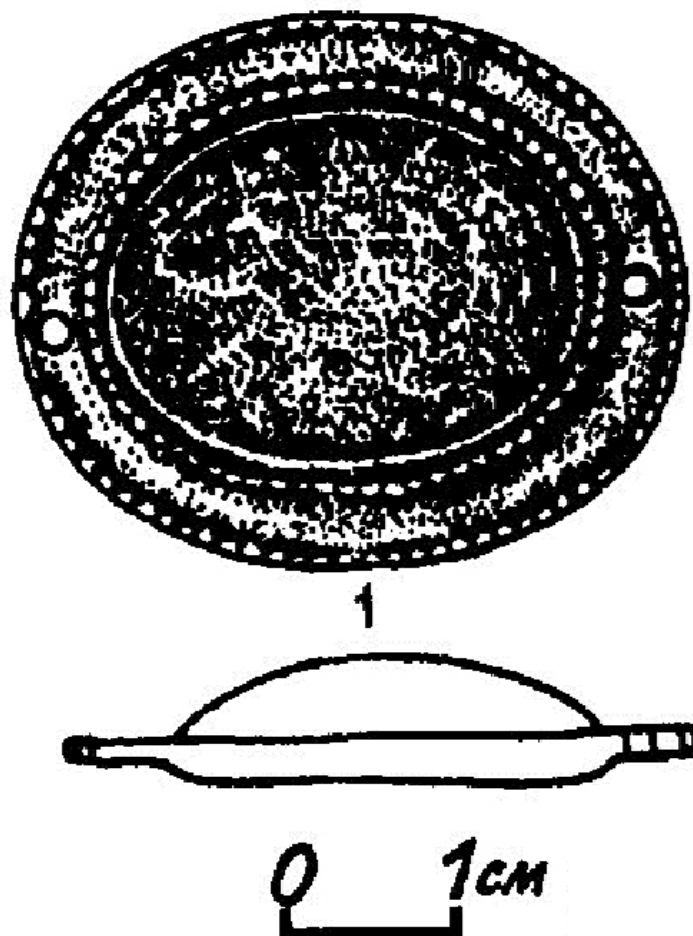

Рис. 5. Изделие полихромного стиля из кургана 6 могильника Крохалевка-23

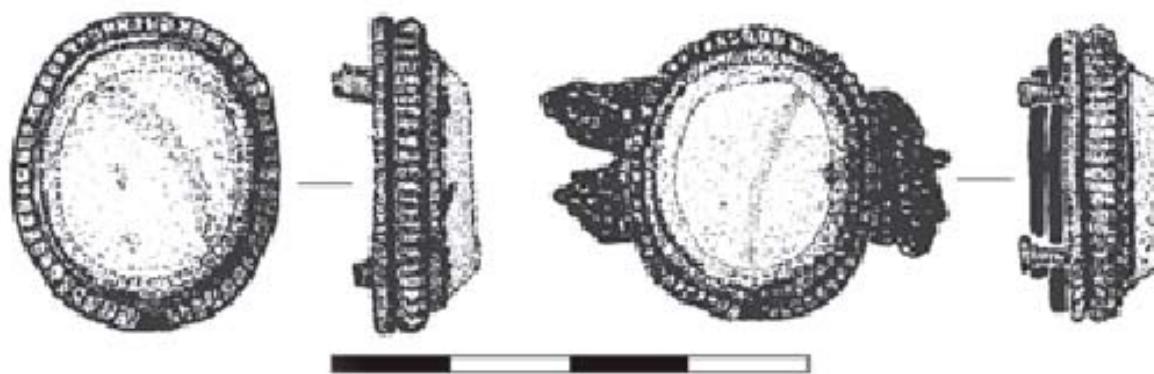

Рис. 6. Изделие полихромного стиля из могилы 2 кургана 1 могильника Крохалевка-16

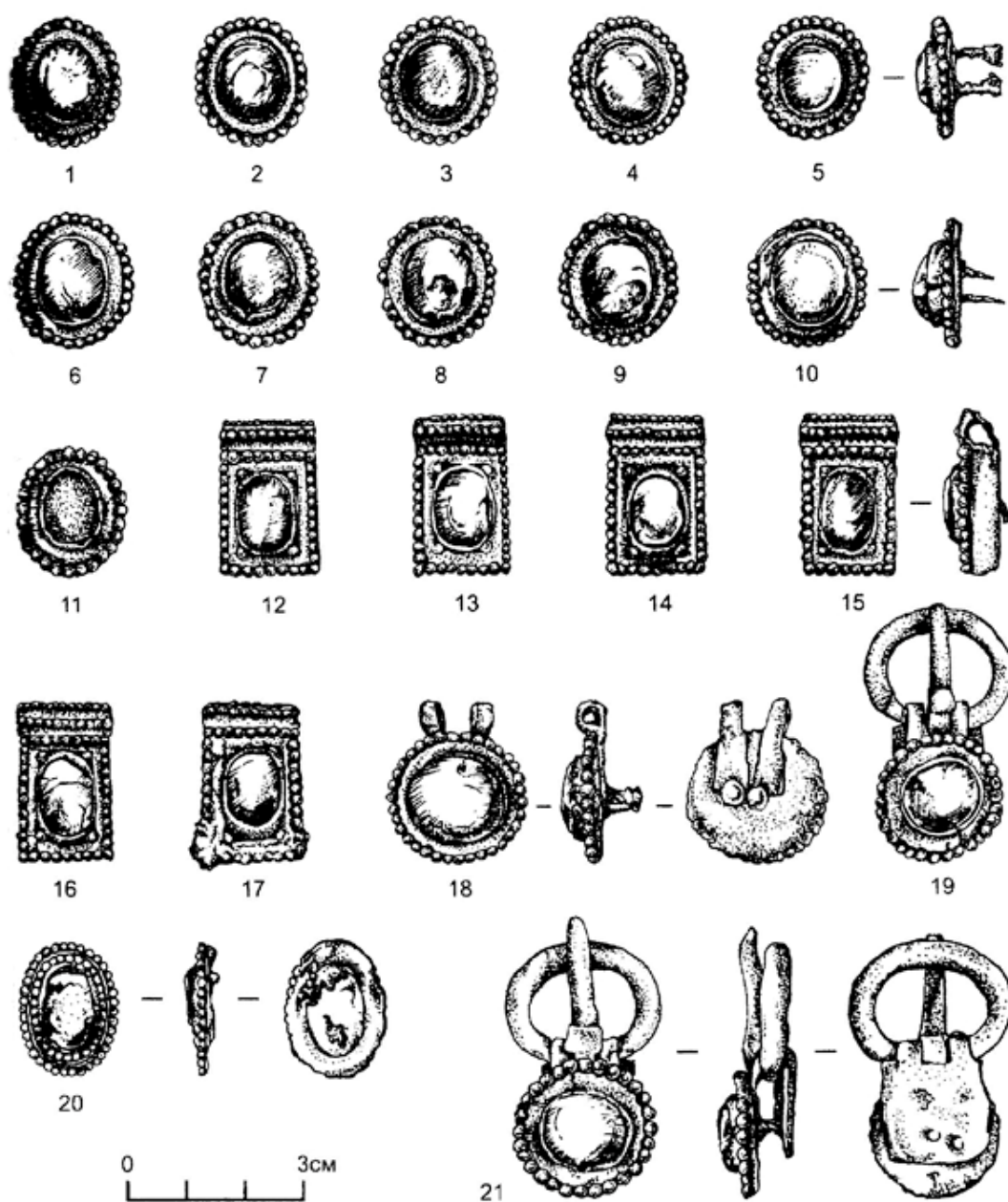

Рис. 7. Изделие полихромного стиля из могильника Аржан-Бугузун

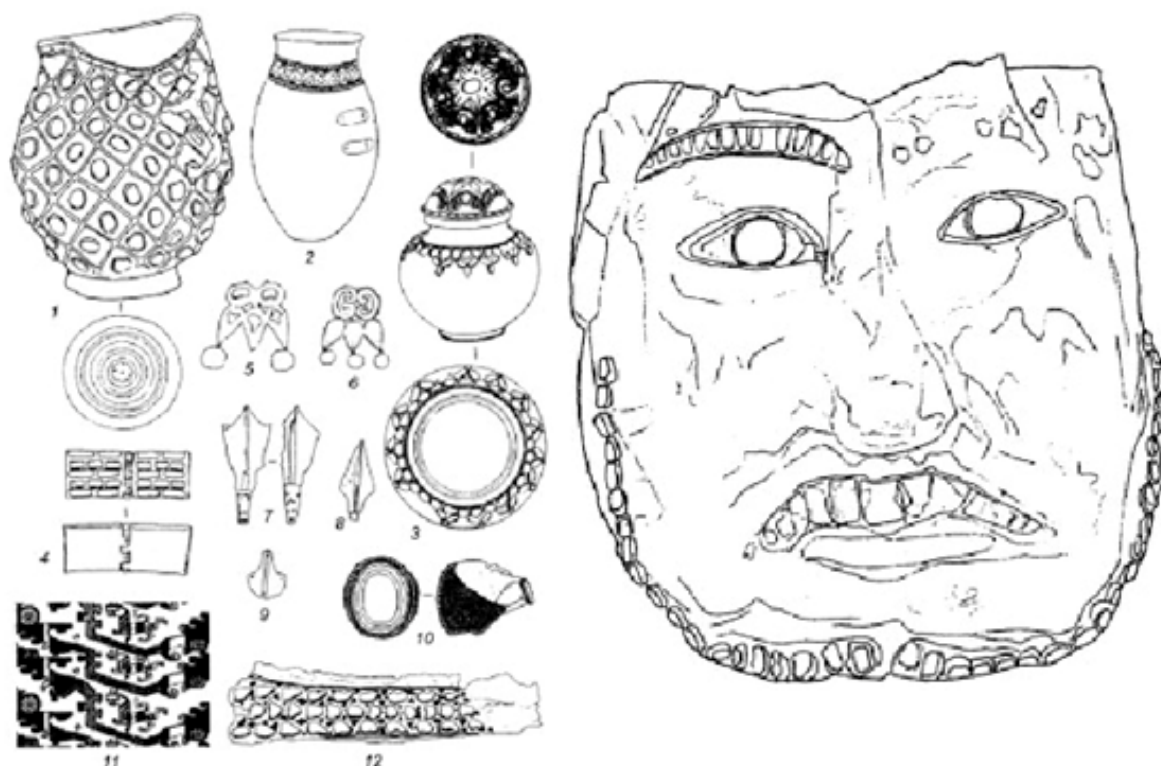

Рис. 8. Изделия полихромного стиля из могильника Бома

Изделия из Аржан-Бугузуна достаточно хорошо прорисованы, но в их описании заложено очень много деталей, позволяющих различно толковать многие технологические особенности. В данном случае мы опять сталкиваемся с достаточно интересным явлением: материалом, из которого изготовлено подавляющее количество изделий полихромного стиля этого памятника, является бронза, а не золото (за исключением одной бляшки, изготовленной из золота) [9. С. 30]. Интересно наблюдение автора, позволяющее заключить, что все бляшки выполнены в едином стиле [Там же]. Судя по рисункам, можно предположить, что каменные вставки крепились на изделиях при помощи напаянных гнезд из тонкой полоски металла, однако в описании нет на это прямого указания и рисунки не дают об этом полного представления. Характер ободка по периметру бляшки также трактуется двояко: «из крупной зерни или из филигранной проволоки, имитирующей зернь» [Там же. С. 29] (см. рис. 7 по: [Там же]).

Интересны крайне подробные описания вставок из разных полудрагоценных камней красноватого и бежевого цветов. Судя по определениям, сделанным кандидатом геолого-минералогических наук, научным сотрудником ИАЭТ СО РАН Н.А. Кулик, все эти камни происходят с территории Монголии [7. С. 28]. Не позволяя себе усомниться в достоверности этих определений, скажу лишь, что остались некоторые сомнения, так как существуют сложности с определением месторождений минералов без проведения некоторых видов

анализов, выполненных при помощи методов естественных наук. Судя по работе, подобных анализов не проводилось, а определение, вероятнее всего, сделано с учетом географически ближайшего крупного месторождения этих минералов. Учитывая достаточно широкое распространение подобных минералов, необходимо более подробно обосновывать указания на их происхождение.

Подтверждением сложности определения места добычи минерала даже при проведении сложнейших естественнонаучных исследований служит работа, проведенная при атрибуции некоторых минералов кургана Солончанка 1, причем место находки изделий с минералами не говорит о их происхождении с ближайшего месторождения [15].

Несмотря на то что работа А.П. Уманского является наиболее ранней, описание предметного комплекса в нем наиболее полное, не оставляющее пространства для догадок и предположений. Иллюстрации также вполне представительные, фотографии четкие, сделанные при хорошем освещении и дающие ясное представление о той или иной вещи. Комплекс полихрома, представленный из погребения в Тугозвонovo, наиболее выразительный и представительный.

Публикация материалов из курганов Бома также оставляет обширное поле для догадок и предположений, не давая полного представления о технологии изготовления вещей полихромного стиля. Например, в описании отсутствуют указания на способ крепления

гнезд, в которых вставлялись рубины, напаяны они из узкой полоски или приклепаны, как у одного из описываемых предметов коллекции – золотой маски. Мелкий масштаб иллюстрации позволяет только по описанию понять, где расположена зернь, хорошо, что в описании есть указание на то, что она напаяна. Однако даже такое описание позволяет выделить основные технологические моменты. Мы видим напаянную зернь, напаянную проволоку, полное отсутствие перегородчатой эмали, доминирование вставок из минерала красного цвета (рубинов) (см. рис. 8 по: [10. С. 92–93]).

Таким образом, несмотря на достаточно полные публикации девяти комплексов, остается еще много вопросов именно по деталям.

Попытка самостоятельно разобраться с изделиями полихромного стиля показала полную несостоятельность автора в этом вопросе, так как существующее огромное количество этих предметов рассредоточено по различным музеям мира и даже поиски их первичных публикаций сопряжены с огромными временными и материальными затратами, поэтому будем опираться на публикации наиболее авторитетных в этом вопросе ученых, посвятивших свои основные усилия исследованию именно этой проблематики. Учитывая, что их взгляды на некоторые вопросы эволюционировали (что вполне естественно), будем ориентироваться на их итоговые, обобщающие работы. Это труды Анатолия Константиновича Амброза и Ирины Петровны Засецкой.

Несмотря на различия в интерпретации одного и того же материала, и А.К. Амброз, и И.П. Засецкая признают, что независимая типология, проведенная этими исследователями, дала практически идентичные результаты, за исключением небольших различий, кардинально не влияющих на основные выводы [16. С. 70; 17. С. 112].

Так, А.К. Амброз выделяет 3 типа изделий полихромного стиля, причем типы 1 и 2 очень схожи между собой, потому что группу 2 «труднее всего было выделить <...>, так как по ряду признаков напоминала группу 1» [16. С. 66]. Таким образом, им было выделено 2 основных типа полихромных изделий, в которых типы 1 и 2 были схожи, а «от группы 1 очень наглядно отличается группа 3» [Там же. С. 65]. Кроме того, проведенная картография показала, что ареалы распространения изделий групп 1 и 2 отличаются от ареала распространения изделий группы 3 [Там же. С. 55–56], что наглядно подтверждает правильность проведенной типологии.

К подобному выводу по типологическим особенностям пришла и И.П. Засецкая, разделившая комплексы гуннского времени на 5 отдельных подгрупп –

«А», «Б», «В», «Г» и «Д» [17]. Причем «в результате простой систематизации, а также типологического анализа вещей <...> комплексы распались на 2 группы» [Там же. С. 54], а комплексы подгруппы «Д» выделены по отсутствию вещей полихромного стиля [Там же. С. 65]. Дальнейшая систематизация и выделение более дробных типов показали, что «подгруппы «А» и «В» резко отличаются по составу погребального инвентаря» [Там же. С. 66].

Таким образом, мы видим, что выделение двух основных типов изделий полихромного стиля подтверждается независимыми выводами двух выдающихся исследователей, ведущих между собой постоянную научную полемику, что лишний раз доказывает независимость этих выводов, а их схожесть в своей основе говорит о том, что мы имеем дело уже с более-менее объективной реальностью.

Типологические особенности вещей из описанных в работе комплексов, маркирующих восточную границу распространения полихрома, позволяют отнести их к 3-му типу по типологии А.К. Амброза, характеризующемуся «неумеренным применением зерни <...>, тисненные подражания зерненым вещам» [16. С. 65], или к подгруппе «В» И.П. Засецкой, для которой характерны «полихромные украшения, декорированные цветными вставками в напаянных гнездах и накладным орнаментом из золотой проволоки и зерни <...> ободками зерни, треугольниками, ромбиками и пирамидками, выложенными зернью» [17. С. 62]. Эти памятники маркируют границу их восточного распространения, а следовательно, и зону влияния представителей гуннов, что включает их в круг гуннской культурной среды.

Таким образом, наличие изделий полихромного стиля гуннского типа в рассматриваемых погребально-поминальных памятниках позволяет отнести девять изучаемых погребений к гуннско-европейскому кругу памятников и, учитывая наиболее восточные их координаты, определить восточные границы огромного гунно-европейского культурного пространства с преимущественно западным направлением культурных контактов.

Наиболее восточной точкой находок изделий полихромного стиля гуннского типа можно считать координату порядка 89° в.д. (Аржан-Бугузун). Зона контакта между европейской и азиатской мультикультурами, маркирующая основное направление культурно-исторических связей (запад – восток), пролегает преимущественно в районе между 80° и 90° в.д.

Более детальное обоснование предварительного вывода будет приведено в последующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
2. Уманский А.П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтаистика: археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 55–63.

3. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.
4. Молодин В.А., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 161–179.
5. Бородавский А.П. Украшение полихромного стиля из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VII Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. Т. V. С. 283–287.
6. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 245 с.
7. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
8. Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области. Новосибирск : Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. 272 с.
9. Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии : сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Азбука, 2010. 188 с. С. 27–31.
10. Алкин С.В. Коллекция из кургана Бомы в Северном Приитышье: материалы к изучению гунно-сарматского времени в Восточном Туркестане // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности : сб. науч. ст. / под ред. В.Е. Ларичева. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 91–100.
11. Соловьёв А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до Средневековья. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.
12. Бородавский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири (краткая история, состав металла, рудные месторождения). Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. 88 с.
13. Казаков А.А. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 106–114.
14. Бородавский А.П. Древнее серебро в Сибири (обзор проблематики) // Древности Алтая : межвуз. сб. науч. тр. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2003. № 11. С. 44–58.
15. Бушмакин А.Ф., Таиров А.Д. Гранат из могильника Солончанка 1 (Южный Урал) // Курганы с «кусами» Солончанка 1 : сб. науч. тр. / под ред. А.Д. Таирова. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 90–97.
16. Амброс А.К. Хронология древностей Северного Кавказа 5–VII вв. М. : Наука, 1989. 134 с.
17. Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников Южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // Советская археология. 1971. № 1. С. 53–71.

Kazakov Alexander A. Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russia). E-mail: kaa-2862@mail.ru

ON EASTERN BORDER OF POLICHROME STYLE OBJECTS SPREADING.

Keywords: polychrome style; the Huns; spreading area; Early Middle Ages.

This article is aimed at identifying the eastern border of polichrome style objects that have been culture indicators demarcating the influence area of the Hunnic cultures after receiving new materials from 9 burial complexes in the Western Siberia and Northern China during recent 50 years (Tugozvonovo, Eras'ka, Sopka 2 (tomb № 688), Ivanovka 6, Timeryazevskii kurgan burial 1, Krokhalovka 23, Krokhalovka 16, Arzhan-Buguzun, Boma). The analysis of the burial-memorial complexes, containing polichrome style objects, helped to identify both the burials of cultures from other regions, that is, belonging to the Huns and the burials representing local cultural traditions. The Hunnic burial-memorial complexes belonging to a different culture were a source of cultural innovations and transformations, which in their turn led to a change in the culture of the vast region. Those burial complexes are distinguished from the local graves by the larger depth of phreatic burial pits, ring deformation of skulls, a complex of polichrome style objects (not just single instances of polychrome style objects), single graves (not as a part of burial field). Polychrome style objects marking the eastern border of their distribution are similar in their stylistic peculiarities. Identification of geographical coordinates of the burial-memorial complexes with polichrome style objects, led to draw the eastern boundary of their distribution, which is in the area between 80 and 90 degrees East longitude. The most easterly is burial-memorial complex Arzhan-Buguzun, located at 89 degrees East longitude. The eastern border of the polychrome style objects distribution has made it possible to put forward a hypothesis about the inclusion of the Western Siberia archaeological cultures in the early Middle Ages in the range of cultures belonging to the Hunnic cultural unity characterized by prevailing West direction of cultural contacts, and draw a border with the cultures of predominantly eastern direction of cultural ties. Such inclusion of huge territories (of Western Siberia) in global historical processes of the Great Migration Period allows to take a fresh look at the early Middle Ages period of the region, the history of which is closely connected with the turbulent historical events of that most interesting period of the world history, when the basis for most modern ethnicities was laid.

REFERENCES

1. Umanskiy, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi "velikogo pereseleniya narodov" na Charyshe [A burial of the "Great Migration" era on the Charysh]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient cultures of the Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 129–163.
2. Umanskiy, A.P. (1985) Pamyatniki epokhi "Velikogo pereseleniya narodov" na Altae [Monuments of the "Great Migration" in the Altai]. In: Gemuev, I.N. (ed.) *Uralo-Altaistika: arkheologiya, etnografiya, yazyk* [The Ural-Altai Studies: Archeology, ethnography, language]. Novosibirsk: Nauka. pp. 55–63.
3. Egorov, Ya.V. (1993) Novoe issledovanie pogrebeniya voina epokhi velikogo pereseleniya narodov na Altae [A new study of a "Great Migration" warrior's burial in the Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [Culture of the ancient peoples of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 77–80.
4. Molodin, V.A. & Chikisheva, T.A. (1990) Pogrebenie voina IV–V vv. n.e. v Barabe [A warrior's burial of the 4th – 5th BC in Baraba]. In: Khudyakov, V.S. et al. *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [The warfare of ancient and medieval population of North and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 161–179.
5. Borodavskiy, A.P. (1999) [A polychrome decoration for the Ob territory near Novosibirsk]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and cross-border regions]. Proc. of the 7th Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. Novosibirsk. pp. 283–287. (In Russian).
6. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments in the Ob region near Tomsk of the 5th – 8th BC]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Upper Ob culture in the Ob region near Novosibirsk]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

8. Sumin, V.A., Evteeva, E.M., Anufriev, D.E. & Roslyakov, S.G. (2013) *Arkheologicheskie pamyatniki Kochenevskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological sites of Kochenyovo District, Novosibirsk Region]. Novosibirsk: The Research and Production Centre for the Conservation of Historical and Cultural Heritage of Novosibirsk Region.
9. Kubarev, G.V. (2010) Uzdechnyy nabor v polikhromnom stile iz pamyatnika Arzhan-Buguzun (Yugo-Vostochnyy Altay) [Polychrome bridle sets from Argens Buguzun monument (South-Eastern Altai)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii* [Toreutics in ancient and medieval cultures of Eurasia]. Barnaul: Azbuka. pp. 27–31.
10. Alkin, S.V. (2007) Kolleksiya iz kurgana Boma v Severnom Prityan'shan'e: materialy k izucheniyu gunno-sarmatskogo vremeni v Vostochnom Tupkestane [Collection from the Bohm mound in the North Irtysh area: Materials to the study of Hun-Sarmatian time in East Turkestan]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Altai-Sayanskaya gornaya strana i sosednie territorii v drevnosti* [The Altai-Sayan mountain country and neighbouring areas in ancient times]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. pp. 91–100.
11. Soloviev, A.I. (2003) *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ya* [Weapons and armor. Siberian weapons: From the Stone Age to the Middle Ages]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
12. Borodovskiy, A.P., Obolenskiy, A.A., Babich, V.V., Borisenko, A.S. & Mortsev, N.K. (2005) *Drevnee srebro Sibiri (kratkaya istoriya, sostav metalla, rudnye mestorozhdeniya)* [Ancient Siberian silver (brief history, composition of the metal, ore deposits)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
13. Kazakov, A.A. (2016) Polychrome style objects from burial site on the Eras'ka river. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 106–114. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/15
14. Borodovskiy, A.P. (2003) Drevnee srebro v Sibiri (obzor problematiki) [Ancient silver in Siberia (review)]. *Drevnosti Altaya*. 11. pp. 44–58.
15. Bushmakin, A.F. & Tairov, A.D. (1999) Granat iz mogil'nika Solonchanka 1 (Yuzhnyy Ural) [Garnet from Solonchanka 1 burial (Southern Urals)]. In: Tairov, A.D. (ed.) *Kurgan s "usami" Solonchanka 1* [Solonchanka 1: A burial mound with the "mustache"]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. pp. 90–97.
16. Ambroz, A.K. (1989) *Khronologiya drevnosti Severnogo Kavkaza 5–VII vv.* [The chronology of antiquities from North Caucasus of the 5th – 7th centuries]. Moscow: Nauka.
17. Zasetskaya, I.P. (1971) O khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti pamyatnikov Yuzhnorusskikh stepey i Kazakhstana gunnskoy epokhi (postanovka voprosa) [About the history and cultural identity of the Hun monuments of the Southern Russian steppes and Kazakhstan (to the question)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 53–71.

УДК 902 /904 (571) + 930.2
DOI 10.17223/19988613/45/14

П.И. Романов

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОРРЕЛЯЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА ПРИМЕРЕ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

В рамках дискуссионного вопроса о взаимоотношениях письменных и археологических источников на примере Умревинского острога рассматриваются проблемы и перспективы корреляции архивных документов, представленных ранее неизученными делами фондов Государственного архива Новосибирской области, и археологического материала, представленного результатами полевых исследований острога с 2000 по 2015 г. В ходе обсуждения вопроса самодостаточности двух видов исторических источников описывается информационный потенциал архивного документа в рамках проведения археологических исследований.

Ключевые слова: Умревинский острог; корреляция исторических источников; интерпретация археологического материала.

Положение о «русской археологии как новом направлении в сибиреведении» было сформулировано в одноименной статье М.П. Чёрной [1]. По мнению автора, развитие русской археологии в Сибири на первых этапах затягивалось по причине того, что работа с поздними памятниками требовала привлечения, помимо археологических, других видов источников: письменных, изобразительных, картографических, а также овладения методикой комплексного источниковедения. В то же время стереотипное отношение к письменным источникам как главным и самодостаточным для освещения поздних периодов истории отодвигало на второй план археологические материалы [Там же. С. 488]. В сибирской археологии возник вопрос взаимосвязи двух типов исторических источников: вещественных и словесных (письменных), а также методики их корреляции. В данной статье, затрагивающей общую проблему взаимосвязи двух типов исторических источников, на примере Умревинского острога будут рассмотрены проблемы и перспективы корреляции архивных и археологических источников.

В представленной работе мы намеренно сужаем письменные источники до архивных документов, подразумевая официальное острожное делопроизводство, сохраняемое в архиве, поскольку такие документы представляют основной доступный для изучения массив письменных документов при изучении истории сибирских острогов. Безусловно, существуют и некоторые исключения. Наиболее авторитетный свод документов делопроизводства Албазинского острога, составленный и систематизированный известным историком XIX в. Николаем Полевым [2], был опубликован в электронном виде библиотекой Мичиганского университета. Такие исключения единичны и не имеют широкого распространения.

Для начала стоит обратиться к определению потенциала информативности двух видов источников и определить возможную методику их корреляции. Информационный потенциал архивного документа практически

не вызывает сомнений у историков после проведения тщательного источниковедческого анализа, включающего в себя анализ происхождения и логический анализ содержания: изучение исторических условий создания источника, изучение личности автора, выявление контекста и целей создания исторического источника [3. С. 35]. Поскольку вся обработка письменных источников не отличается принципиально от основной работы историка – установления причинно-следственных связей между явлениями, письменное источниковедение нередко успешно и вполне профессионально разрабатывается историком, который затем использует полученную информацию для исторического исследования – реконструкции и понимания прошлого [4. С. 46].

С.О. Шмидт в своей типологии ставит архивный документ в разряд письменного памятника словесного источника, но также определяет его и как «документальный памятник» [5. С. 17]. Археологический материал, по его мнению, входит в тип вещественных источников [Там же. С. 21]. В свою очередь Л.С. Клейн считает, что археологический материал, как вещественный источник, не может изучаться с применением методики изучения письменных свидетельств, поскольку без предварительной переработки информация, запечатленная в вещах, непригодна к научному использованию. Требуется его радикальная переработка: двойная перекодировка информации (с языка вещей на естественный язык), а затем сопоставление полученных сведений с другими для установления событий и процессов прошлого, отразившихся в описанных источниках [4. С. 47]. Поскольку такой квалифицированный перевод требует особой подготовки, в которой нужна своя методика и теория, эта отрасль выделяется в особую науку (археологию. – П.Р.), которой поручается обработка древних вещественных источников [Там же. С. 48].

Обработка письменных источников – традиционно область действия профессиональных историков, а об-

работка археологического материала – область действия профессиональных археологов. Возникает справедливый вопрос: кто должен осуществлять корреляцию двух видов источников, археолог или историк? По справедливому мнению Л.С. Клейна, подобный историк-синтезатор должен взять на себя обязательство освоить методику и теорию другой науки, «постоянно держать в голове, что ты вломился в другую науку» и не действовать как сугубый дилетант [6]. В данном контексте речь шла о комплексном исследовании первобытных обществ, а Л.С. Клейн склоняется скорее к коллективному разделению обязанностей.

Следовательно, мы должны понимать, что подобная корреляция в большинстве случаев осуществляется либо историком, либо археологом в зависимости от вопросов исследования. Если, по мнению Л.С. Клейна, археология – наука, ведающая особым видом источников, предоставляемых на суд историка после тщательной обработки, то, по мнению М.П. Чёрной, «накопление “критической массы” археологических данных, внедрение современных методик их обработки обеспечили переход от простого количества к новому качеству – самостоятельному, самоценному, необходимому, объективному источнику, который не только дополняет, уточняет или иллюстрирует, но дает новое глубокое и разностороннее знание» [1. С. 500].

Мы не считаем ни один вид источников самостоятельным. Очевидно, что письменные источники XVIII в. запечатлели на бумаге события, связанные с различными людьми, описания строительных материалов, военного снаряжения, провианта и т.д. Все это существовало в действительности, но историк может только представить себе, каким это должно было быть, а археологический материал – это реальный «свидетель» того, как было.

Потребность корреляции письменных и археологических источников по истории Умревинского острога возникла с обнаружением новых, не актуализированных архивных документов населенного пункта, с одной стороны, и вопросов, касающихся интерпретации археологического материала, с другой.

Наиболее авторитетным историком-исследователем острогов новосибирского Приобья является Н.А. Миненко, результаты её работы обобщены в научно-популярной монографии «По старому Московскому тракту» [7]. В этой же публикации описана и история возникновения Умревинского острога. К сожалению, в этом издании не приводятся источники информации. Известно, что автор работала почти во всех архивах современного Сибирского федерального округа, однако в её работе не были использованы документы фонда № Д-107 Государственного архива Новосибирской области «Умревинский острог и судная контора» [8. Ф. 107]. Полезным для изучения документом оказалась и нигде ранее не упомянутая метрическая книга церкви Трёх Святителей Умревинского острога за 1781–1784 гг. [Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2714].

Под археологическим материалом подразумеваются результаты полевых исследований Умревинского острога с 1999 по 2009 г., обобщенные в монографии А.П. Бородавского и С.В. Горохова «Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг.» [9].

Основной проблемой в изучении документов является их сложная письменная форма. В данном случае при изучении документов XVIII в. – это европейская скоропись XVII в. в локальном варианте её развития. Но при выборе правильной методики, после консультации с археографами (в нашем случае это В.Н. Алексеев), палеографическая расшифровка доступна и археологу. В данном контексте стоит отметить, что главная проблема начала изучения сибирских острогов – определение его локализации – была решена старейшим новосибирским краеведом К.П. Зайцевым именно в ходе анализа письменных источников [Там же. С. 15].

Одним из важнейших вопросов археологического исследования некрополя Умревинского острога являются причины массовых захоронений детей и младенцев на его территории. В разных местах некрополя существуют целые конгломераты таких захоронений. Помощником в поиске ответа на этот вопрос стала уже упомянутая метрическая книга Томской духовной консистории «О рождении, браке и смерти» Трёхсвятительной церкви с. Умрева за 1781–1784 гг. [8. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2714]. Свидетельством того, что церковь была приписана именно к Умревинскому острогу, является первая запись данной книги: «Книга, учиненная в Томском духовном правлении за силой указа святейшего правительствующего синода, состоявшегося 23 ноября 1779 г., данная Умревинского острога Трёхсвятительной церкви священник Пётр Иволинов для записи на три части о приходе той церкви люди рождающиеся, бракосочитающиеся и умирающие» [Там же. Л. 1].

Приход церкви состоял не только из жителей Умревинского острога, а распространялся на большую часть современного Мошковского района Новосибирской области. По данным Н.А. Миненко, кроме самого Умревинского острога (в котором в 1777 г. было 3 семьи церковнослужителей и 11 крестьянских семей) в этот приход входили деревни Ташаринская, Дубровина, Поросская, Каменская, Кындынбозинская, Вашинская, Боткинская, Кунгурова, Глызина, Кайлинская, Канарбуцкая, Калаганова, Буготацкая, Маткова, Карбысаяцкая, Елбацкая, Черномысская, Умревинская дистанция. В деревне Черномысской жили ясачные татары. Умревинская дистанция и деревня Елбацкая возникли в 70-е гг. XVIII в. и были населены ссыльными поселщиками. Всего в 1777 г. в приходе насчитывалось 1 736 человек, в том числе духовного звания 14 человек, мещан – 295, крестьян и поселщиков – 1 314, новокрещенных ясачных людей – 113 [7. С. 51]. Мы попробовали установить уровень детской смертности (с 0 до 15 лет) в приходе Умревинского острога за этот период по письменным источникам.

В записях за 1781 г. значится 57 рожденных детей (29 мальчиков, 28 девочек). В записях о смерти присут-

ствуют 17 человек, из них 3 ребенка: 1 девочка трёх недель и 1 девочка пяти недель умерли от болезни, точно неизвестной; мальчик в возрасте 1 года умер, как записано, от горячки. Таким образом, в этот год умерло всего 3 ребенка, причем умирали дети в возрасте меньше года, что составляет 1,71% от родившихся детей и 17, 647% от общего числа умерших. Естественный прирост населения прихода – 40 человек [8. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2714. Л. 6]. В записях за 1782 г. значится 54 рожденных ребенка (26 мальчиков, 28 девочек). В записях о смерти присутствуют 29 человек, из них 9 детей: 1 мальчик пяти дней от роду (причина смерти не указана), 2 мальчика в возрасте одного месяца (причина смерти не указана), одна девочка в возрасте полугода (причина смерти не указана), 2 мальчика и девочка одного года (причины смерти написаны неразборчиво), мальчики 2 и 6 лет (причины смерти написаны неразборчиво). Таким образом, в этот год умерло 4 ребенка, родившихся в текущем календарном году, что составило 7,4% от общего числа родившихся. 9 умерших детей составляют в этом году 31% от общего числа усопших. Естественный прирост населения прихода – 25 человек [Там же. Л. 12].

В записях за 1783 г. указаны и места жительства умирающих. Эти данные свидетельствуют о разделении Умревинской деревни (возможно, Умревинской дистанции) и Умревинского острога. В этом документе имеются сведения о 61 родившемся ребенке (30 мальчиков, 31 девочка). В записях о смерти значится 20 человек, из них 9 дети. Имеются сведения об умерших мальчиках: 1 года, 2, 3 и 4 лет, и девочках: две 2-летние, 3, 5 и 6 лет. Причина смерти установлена только у девочки 6 лет (горячка). Таким образом, 9 умерших детей – это 45% от общего числа усопших. Непосредственно в Умревинском остроге в этом году родилось 2 ребенка, один из них умер через месяц. Естественный прирост населения прихода – 41 человек [Там же. Л. 17].

По установленным данным можно констатировать высокую детскую смертность (32% от всех усопших), которая, судя по отсутствию в некоторых случаях указания причины смерти, была вполне естественной. Любопытно, что у взрослых причина смерти указана во всех случаях, но не всегда разборчивым почерком. Основными причинами смерти взрослых указаны: 13 человек – скоропостижная смерть, 10 человек – от горячки, 7 человек – от чахотки, 4 человека – утонули, 3 человека – от старости, 2 человека – от удущья, 1 человек – от опухоли и 1 человек – от паралича.

Причины детской смертности в XVIII в. рассматривал М.В. Ломоносов в своем сочинении «О размножении и сохранении русского народа». Для решения проблемы детской смертности, а также увеличения населения страны предлагалось: пресекать неравное супружество, где жена значительно старше своего мужа; для преодоления основных смертоносных детских болезней (грыжа, оспа, сухотка, режущиеся зубы, черви в животе) издать большой тираж литературы о методах

их лечения; запретить попам крестить детей в проруби и зажимать им нос при крещении; грамотно распределить христианские посты и праздники; увеличить число ученых врачей; предотвращать убийства [10. С. 598–614]. Это сочинение отражает основные причины детской смертности, связанные с отсутствием профессионального медицинского обслуживания, легкомысленным отношением родителей к своим детям, недостатком знаний об элементарных гигиенических нормах и методах лечения болезней. Стоит отметить, что эти причины характерны не только для болезней детей, но и взрослых. Большое количество детских смертей объясняется также слабым иммунитетом.

Результаты археологических исследований Умревинского некрополя содержат данные о 76 погребениях, среди которых 45 детских (0–15 лет), визуально подразделяемых на 26 младенческих и 19 подростковых захоронений. Из них младенцев: 10 в раскопе западного тына; 2 в раскопе южного тына; 5 в раскопе юго-западной башни; 9 в раскопе жилого сооружения в центральной части. Подростковые: 11 в раскопе западного тына; 1 в раскопе южного тына; 2 в раскопе юго-западной башни; 5 в раскопе жилого сооружения. При изучении периметра острога встречаются погребения и в тыновой канаве и за пределами острога возле тыновой канавки, что осложняет археологическое изучение конструкции сооружения [9. С. 80].

В связи с вышеизложенным мы вынуждены не согласиться с мнением А.В. Шаповалова, считающего, что исследование острога затягивается из-за смены приоритетов в изучении острога с конструкции на некрополь. В действительности дальнейшее изучение острога может продолжаться только при исследовании погребений на его территории, основательно повредивших культурный слой начала XVIII в. [11].

На территории некрополя содержатся массовые детские захоронения, а также могилы младенцев, погребенных не по православному обряду. Датировка погребений затруднена. Антропологическое изучение детских останков проводилось лишь частично. Одно подростковое погребение выглядит наиболее любопытным. При раскопе избы приказчика острога было обнаружено детское захоронение ребенка в мундире, вероятно, времен Екатерины II. В этом погребении, с левой стороны от черепа, под тленом от досок гроба находилась монета 1767 г. с вензелем императрицы Екатерины II [9. С. 69]. Наличие мундира и монеты косвенно позволяет датировать погребение второй половиной XVIII в., что может свидетельствовать о появлении кладбища на территории острога еще в период его бытования, но после пожара и разрушения сооружения в центральной части острога (приказной избы). Количество детских погребений составляет 60% от общего числа усопших, что говорит об очень высоком уровне детской смертности. Коллективные захоронения младенцев могут свидетельствовать о массовой смерти детей в период эпидемии. Факт наличия на тер-

ритории некрополя детских захоронений вне православного канона зафиксирован археологически, но не встречается в метрической книге, хотя учет таких погребений осуществлялся ежегодно.

Таким образом, на территории Умревинского некрополя количество детских погребений составляет 60% от общего числа изученных. Схожие данные при изучении некрополя Илимского острога получил и академик В.И. Молодин – 58,92% [12. С. 34]. Вместе с тем письменные источники затрагивают определенный период его функционирования, поэтому большие разногласия письменных и археологических данных по этому вопросу (30%) подвергаются сомнению.

Если принять во внимание замечание академика В.П. Алексеева о том, что «переход от первичных данных к средним характеристикам не требует специальных допущений, и поэтому можно считать средние показатели достаточно объективными» [13. С. 295], то мы имеем вполне объективные данные. Однако получение более достоверных сведений требует расширения базы письменных источников путём поиска в архивах Сибири метрических книг данной церкви, а также продолжения археологического изучения некрополя Умревинского острога, которое проводится одновременно с исследованием конструкции оборонительного сооружения.

Интересен и документ, составленный в Умревинской судной конторе 25 мая 1759 г. [8. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1, Л. 62]. В этот день была допрошена одна женщина. Она поведала о том, что, вступив в «блудное воровство», зачала ребенка, который позже родился мертвым. Ребенок был похоронен за пределами острога возле стены со стороны леса. Судя по тексту документа, младенец должен покоиться возле еще неисследованного участка восточного тына Умревинского острога. Даже если это погребение не будет обнаружено, мы получаем зафиксированный в архивном документе факт наличия погребений за пределами острога, объясняющийся той или иной экстремальной ситуацией и имеющий в данном контексте коммеморативное значение.

Говоря о корреляции архивных документов и археологического материала по вопросу конструкции острога, стоит отметить ряд важных особенностей. Например, достоверность картографических источников (в том числе архивных), отражающих населенные пункты эпохи русской колонизации Сибири, подвергается сомнению со стороны археологов. В частности, М.П. Чёрная на примере Томска показывает, как построение гипотезы на единственном картографическом источнике может стать причиной появления необоснованной версии о первоначальном размещении города [14. С. 117]. Подчеркивается также расхождение картографических материалов С.У. Ремезова и сведений о большинстве сибирских острогов, предоставленных Г.Ф. Миллером, что требует верификации данных в ходе проведения археологических исследований на территории сибирских острогов [15. С. 177].

В этой связи стоит отметить, что Умревинский острог, ввиду своего появления лишь в начале XVIII в., не был зафиксирован на картах С.У. Ремезова. Не сохранились планы острога и в архивах Новосибирской области. Мы оказываемся в ситуации, когда археологический источник является единственным в вопросе определения конструкции острога. Известно, что план отразил бы конструкцию сооружения лишь на определенный период времени, а археологически мы изучаем его конструкцию с её изменениями за весь период его существования.

Сейчас нам известно, что на территории острога прослежено археологически как минимум три строительных периода: 1) постройка острога без юго-западной башни; 2) постройка юго-западной башни (поскольку изучение конструкции острога не завершено, мы не можем судить о том, что второй строительный период касался только юго-западной башни; вполне возможно, что сначала был построен только тын, а в дальнейшем сооружены башни острога); 3) сооружение некрополя на территории острога [9. С. 51].

Обладая достаточным спектром архивных источников, мы смогли бы ответить на два ключевых вопроса: а) располагалось ли кладбище на территории острога в период его бытования?; б) в какое время острог перестал выполнять свои административные функции и был заброшен? Ответы на эти вопросы позволят сделать интерпретацию археологического материала гораздо более объективной.

Подводя итоги данной статьи, следует отметить, что в ходе корреляции архивных документов и археологического материала мы, столкнувшись с рядом проблем (недостаток базы письменных источников, палеографические трудности, трудности хронологической синхронизации и не законченное археологическое изучение Умревинского острога), тем не менее, значительно продвинулись в вопросе интерпретации археологического материала, изучении погребений некрополя и уточнении предметного комплекса, характерного для Умревинского острога не только как оборонительного сооружения, но и как административного объекта. Были установлены предполагаемые причины высокого уровня детской смертности в приходе острога. Стоит отметить, что сохранились метрические книги большинства острогов. По ним можно установить не только основные причины смерти на территории острога, где особый интерес представляют скорее данные о насильственной смерти («застрелен», «заколот»), поскольку их можно определить археологически, но и годы эпидемии, уровень смерти в разное время года, количество умерших в год и т.д.

В то же время не стоит оставлять без внимания замечание С.О. Шмидта о том, что архивный документ является также и вещественным «документальным памятником» [5. С. 17]. Безусловно, чтение этих документов затруднено, и если для чтения ранних скорописей существуют отдельные азбуки, то для прочтения

каждого документа, составленного отдельным человеком, приходится составлять свою уникальную азбуку, используя которую возможно прочесть документ. Приходится входить в поле вспомогательных исторических дисциплин, обращаться к археографии и палеографии. На первых этапах этой работы мы смогли актуализировать годы бытования острога как минимум до 1784 г.

Очевидно, что археологу не стоит ограничиваться одним видом источников, когда возможно их

расширение. При этом не стоит быть дилетантом. В связи с этим полезно привлекать к консультациям, а когда это возможно, и к совместной работе демографов, палеодемографов, историков и краеведов. Важно не забывать, что разные виды источников отражают не разные вещи или события, а одни и те же объекты под разным ракурсом, именно поэтому ни один вид источников не является самодостаточным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чёрная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // *Московская Русь: Проблемы археологии и истории архитектуры*. М.: ИА РАН, 2008. С. 482–515.
2. Полевой Н.А. Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы. М.: Типография Августа Семена при императорской мед.-хирург. академии, 1833. 415 с.
3. Репина Л.П. История исторического знания: пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2006. 288 с.
4. Клейн Л.С. Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 120 с.
5. Шмидт С.О. О классификации исторических источников // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1985. Вып. 16. С. 3–24.
6. Клейн Л.С. Назад в Ренессанс? URL: <http://trv-science.ru/2009/08/04/nazad-v-renessans>, свободный.
7. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск: Новосиб. книжн. изд-во, 1990. 184 с.
8. Государственный архив Новосибирской области.
9. Бородавский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, НГПУ, 2009. 244 с.
10. Ломоносов М.В. О размножении и сохранении русского народа // *Избранные философские произведения*. М., 1950.
11. Шаповалов А.В. В Сузуне находится самый значимый исторический памятник Новосибирской области: интервью. URL: <http://sibkray.ru/news/1/32237>, свободный.
12. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
13. Алексеев В.П. Демографическая и этническая ситуация // *История первобытного общества*. М.: Наука, 1988.
14. Чёрная М.П. О чём «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2016. Т. 44, № 1. С. 114–122.
15. Зеленина В.В. Основные особенности планировки острогов Средней Сибири по описаниям Г.Ф. Миллера // *Материалы LVI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых в 2016 г.* Чита, 2016. С. 176–178.

Romanov Pavel I. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: Pol777tip@yandex.ru

PROBLEMS AND PROSPECTS OF CORRELATION OF ARCHIVAL DOCUMENTS AND THE ARCHAEOLOGICAL MATERIAL (IN THE UMREVINSK STOCKADED TOWN).

Keywords: the Umrevinsk Stockaded Town; correlation of historical research; interpretation of archaeological material.

The Umrevinsk Stockaded Town was founded in 1703. It is situated in the Moshkovsk District of the Novosibirsk Region, in 3,1 kilometers to the north-west of the Umreva Village, on the left bank of the Umreva River, at the place where the latter falls into the Ob River. The written sources of that time, as a rule, are either fragmentary or too chary of words for one to obtain the complete notion about the process of advancement and security of the new territories of the Russian State. That is why the archaeological data are, perhaps, most authentic source for the study of spreading the Russian population's culture in the south of Western Siberia. The absence of settlements on the territory of the Umrevinsk Stockaded Town, in later periods, led to natural conservation of the cultural layer of the first half of the XVIIIth century. Such concurrence of circumstances allows to consider this populated area as the standard archaeological site of the period of development of Siberia by the Russians, as the one which has a great significance for the whole Siberian Region. In the process of archaeological researches carried out in 2000, 2002–2004 years, the foundation of the south-western embankment tower of the Umrevinsk Stockaded Town, as well as the western, northern and southern palings were revealed. The geophysical and dendrochronological prospecting works at this place open the new prospects for obtaining interesting information. In the central section of the Umrevinsk Stockaded Town, fallen to pieces construction of brick was revealed. The latter represented itself remains of one of the early Russian stove in the south of Western Siberia. The stove was placed inside of the wooden house of a clerk. These house and stove, on the ground of numismatic finds (over 20 coins – copecks, money, quarter-copeck pieces), one may date from the first half of the XVIII century. In the 90-s of the same century, this permanent defensive work vanished from sight in consequence of conflagration. As part of the discussion of the question of interrelations of written and archaeological sources on an example of the Umrevinsk Stockaded Town we consider problems and prospects of correlation of archival documents, which are represented by previously unexplored cases of the funds of Novosibirsk Region State Archive, and the archaeological material, which is presented by the results of field researches of the Stockaded Town from 2000 to 2015. During the discussion of the question of self-sufficiency of the two types of historical sources we describe the information potential of archival document as part of the archaeological research.

REFERENCES

1. Chernaya, M.P. (2008) *Russkaya arkheologiya kak novoe napravlenie v sibirevedenii* [Russian archeology as a new direction in Siberian Studies]. In: Belyaev, L.A., Batalov, A.L. & Krenke, N.A. (eds) *Moskovskaya Rus': Problemy arkheologii i istorii arkhitektury* [The Moscow Rus: Problems of archeology and history of architecture]. Moscow: Institute of Archeology RAS, pp. 482–515.
2. Polevoy, N.A. (1833) *Sobranie materialov dlya otechestvennoy istorii, geografii, statistiki i drevney russkoy literatury* [The collection of materials for the country's history, geography, statistics and ancient Russian literature]. Moscow: Tipografiya Avgusta Semena.
3. Repina, L.P., Zvereva, V.V. & Paramonova, M.Yu. (2006) *Istoriya istoricheskogo znaniya* [The history of historical knowledge]. Moscow: Drofa.
4. Kleyn, L.S. (1978) *Arkheologicheskie istochniki* [Archaeological sources]. Leningrad: Leningrad State University.

5. Shmidt, S.O. (1985) O klassifikatsii istoricheskikh istochnikov [On the classification of historical sources]. In: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary sciences of history]. Issue 16. Leningrad: Nauka. pp. 3–24.
6. Kleyn, L.S. (2009) *Nazad v Renesans?* [Back in the Renaissance?]. [Online] Available from: <http://trv-science.ru/2009/08/04/nazad-v-renessans>.
7. Minenko, N.A. (1990) *Po staromu Moskovskomu traktu* [Along the old Moskovsky Tracts]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
8. The State Archives of Novosibirsk Region.
9. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, S.V. (2009) *Umrevinskiy ostrog. Arkheologicheskie issledovaniya 2002–2009 gg.* [Umreva. The 2002–2009 Archaeological Research]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
10. Lomonosov, M.V. (1950) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
11. Shapovalov, A.V. (2010) *V Suzune nakhoditsya samyy znachimyy istoricheskiy pamyatnik Novosibirskoy oblasti: interv'yu* [Suzun holds the most significant historical monument of Novosibirsk Region: An interview]. [Online] Available from: <http://sibkray.ru/news/1/32237>.
12. Molodin, V.I. (2007) *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Cross-pendants from Ilim]. Novosibirsk: INFOLIO.
13. Alekseev, V.P. (1988) Demograficheskaya i etnicheskaya situatsiya [The demographic and ethnic situation]. In: Alekseev, V.P., Artemova, O.Yu., Kubbel, L.E. et al. *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha klassoobrazovaniya* [History of the primitive society. The era of class formation]. Moscow: Nauka.
14. Chernaya, M.P. (2016) What history says versus what archaeology shows: Sources and methods in the study of Russian culture in Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 44(1). pp. 114–122. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.1.114-122
15. Zelenina, V.V. (2016) [The main features of planning forts in Central Siberia from descriptions by G.F. Miller]. *Materialy LVI Rossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh v 2016 g.* [Proceedings of the 56th Russian Archaeological and Ethnographic conference of Students and Young Scientists in 2016]. Chita. pp. 176–178. (In Russian).

УДК 398.344 (517.17)
DOI 10.17223/19988613/45/15

Е.А. Орлова, В.В. Челухоев

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРЕДМЕТОВ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЕЛЕУТОВ

Рассматривается символическое значение предметов домашнего обихода в традиционной культуре телеутов. Делается вывод о том, что символическое значение данных предметов было связано с культом плодородия. Это объясняется их формой, ассоциировавшейся с мужским или женским началом; парностью, которая трактовалась как объединение этих противоположных начал; выполняемыми функциями, связанными с приготовлением и потреблением пищи. Также авторы показывают, в какой степени подобные представления сохранились у телеутов до настоящего времени. Данная информация полезна для реконструкции традиционного мировоззрения телеутов и сохранения их культурного наследия.

Ключевые слова: телеуты; символика; предметы домашнего обихода; традиционное мировоззрение.

Предметы домашнего обихода, окружающие человека, выполняют целый ряд функций. Помимо практических функций, обеспечивающих выживание людей, они способствуют передаче знаний не только от поколения к поколению, но и между народами – носителями различных культур. Объясняется это тем, что любой предмет отражает миропонимание своего создателя, который вкладывает в изготовленную вещь представления о мире, свойственные также всему своему народу на конкретном этапе исторического развития. Поэтому выявление смыслов, которыми люди наделяли предметы, позволяет реконструировать мировоззрение того или иного общества.

Реконструкция мировоззрения приобретает особую актуальность при изучении традиционной культуры коренных малочисленных народов, так как в настоящее время им зачастую сложно поддерживать свойственный им жизненный уклад. Территория проживания этих народов нередко оказывается в зоне экономических интересов крупных компаний, заинтересованных в использовании природных ресурсов региона. Для Южной Сибири, например, это будет добыча угля, руд различных металлов, использование рекреационных ресурсов и т.д.

В Кузбассе проживают два народа, отнесенные федеральным законодательством к числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, – шорцы и телеуты. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность шорцев, проживающих на территории Кузбасса, составляет 10 672 чел. (12 888 в РФ), телеутов – 2 520 чел. (2 643 в РФ) [1]. Около 2 тыс. телеутов живут в сёлах Беково, Челухоево, деревнях Верховская, Шанда, селе Ново-Бачаты на территории Беловского и Гурьевского муниципальных районов Кемеровской области.

В местах проживания бачатских телеутов (юг Кемеровской области) расположены угольные разрезы – «Бачатский» и «Шестаки». Также эта территория частично входит в сферу производственной деятельности

Западно-Сибирского металлургического комбината [2. С. 96]. Таким образом, из-за промышленного освоения и загрязнения становятся невозможны многие типичные для телеутов виды хозяйственной деятельности – например, охота, в том числе на сусликов, и скотоводство. Вместе с отказом от некоторых видов деятельности отпадает необходимость в использовании соответствующих орудий труда и предметов быта. Также происходит утрата связанных с ними образов и смыслов.

Актуальность исследования символического значения предметов домашнего обихода определяется той ролью, которую они играют в традиционном жизненном укладе любого народа. Набор этих предметов, как правило, ограничен и проверен многовековым опытом. Отношение к предметам домашнего обихода в традиционных культурах отличается бережностью и является собой выгодный контраст с современным обществом. Рост производства и потребления, характерный для настоящего времени, ведёт к истощению природных ресурсов и загрязнению окружающей среды, поэтому изучение опыта традиционных культур по выстраиванию взаимоотношений человека и вещного мира может быть полезным для современного общества.

Объектом исследования данной статьи являются такие предметы домашнего обихода телеутов, как посуда и некоторые орудия труда. Предметом исследования стало символическое значение предметов домашнего обихода в культуре телеутов. В связи с этим целью исследования является рассмотрение символического значения некоторых обиходных предметов в традиционной телеутской культуре.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить набор предметов повседневного обихода, свойственных традиционному телеутскому быту; выявить символическое значение данных предметов.

Первоначально исследователи, внёсшие значительный вклад в изучение тюркских народов Южной Сибири, такие, например, как В.В. Радлов, В.И. Вербицкий, описывая народный быт и духовные представления

телеутов, не ставили своей целью анализ символического значения предметов повседневного обихода. В советское время исследователи Н.П. Дыренкова, Л.Э. Каруновская, Д.В. Кацюба, Л.П. Потапов ввели в научный оборот важные данные относительно шаманства, свадебного и погребального обрядов, а также дали характеристику многих аспектов традиционного хозяйства телеутов.

Большой вклад в понимание сущности вещи как символа и способа трансляции культурных смыслов в рамках структурно-семиотического подхода внесли Вяч.Вс. Иванов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, Т.В. Цивьян, а также А.К. Байбури, Д.М. Сегал, А.Л. Топорков, М.Н. Эпштейн и др.

Для определения места предметов домашнего обихода в традиционной картине мира тюрков Южной Сибири важнейшее значение имеют работы Э.Л. Львова, И.В. Октябрьской, А.М. Сагалаева, М.С. Усмановой, в которых раскрывается единство утилитарной и символической функций вещей. Особое место здесь принадлежит трёхтомнику «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири».

Вещь как символ в традиционной культуре тюркских народов также рассматривалась в работах П.К. Дашковского и С.М. Карымовой, как, к примеру, «Вещь в традиционной культуре Центральной Азии: философско-культурологическое исследование».

Ценные сведения по телеутскому фольклору, позволяющие реконструировать многие элементы картины мира телеутов, были опубликованы в работах Д.А. Функа.

Однако многие вопросы, связанные с интерпретацией символического значения предметов быта у телеутов, освещены недостаточно. Например, интерес представляет наделение предметов символикой, связанной с культом плодородия.

В процессе исследования авторы применяли различные методы. Они опирались на опубликованные этнографические материалы различных лет, а также на результаты собственных полевых исследований (преимущественно включённого наблюдения, так как один из авторов постоянно проживает среди телеутов), хранящихся в архиве музея-заповедника «Томская Писаница». Для обработки полученной в ходе наблюдения и опросов информации были использованы описательный метод, типологический – выделение у предметов обихода неких признаков, позволяющих объединить их в группы (парные предметы и т.д.), сравнительно-исторический – авторы привлекали этнографические материалы по другим тюркским народам (шорцам, алтайцам, киргизам) для выявления общего и особенного.

Для определения символического значения того или иного предмета авторы применяли структурно-семиотический метод, согласно которому в традиционной культуре вещь сообщает человеку определённую информацию и обязательно отражает свой исто-

рико-культурный контекст. Бытие вещи представляется как единая семиотическая система, каждый элемент которой соотнесён со всеми другими элементами и все они «участвуют в единой всеобъемлющей метафоре» [3. С. 39].

Научная новизна проведённого авторами статьи исследования состоит в том, что впервые была определена связь символического значения предметов домашнего обихода в телеутской культуре с культом плодородия.

Представление о символическом значении той или иной вещи можно получить, исследуя её форму, материал, из которого она изготовлена, отделку, выполняемые ей функции в народном быту. Также многое можно узнать из её названия.

Следует помнить, как было отмечено А.К. Байбуриным, что в традиционных обществах «отсутствует <...> разделение на мир знаков и мир вещей, которые так характерны для современного общества. Здесь вещи всегда суть знаки, но и знаки суть вещи. <...> При вхождении в некоторую семиотическую систему (например, в ритуал) они функционируют как знаки, при выпадении из системы – как вещи» [4. С. 71].

В традиционном телеутском быту широко использовались чугунные котлы, деревянные вёдра, сосуды из кожи, деревянные блюда, деревянные чайные чашки, большие и маленькие ступы, ящики и сундуки.

С.М. Карымовой была отмечена интересная особенность представлений о вещном мире тюркских народов – практически полное отсутствие преданий и легенд о генезисе вещи. В мифах о сотворении мира говорится, что ряд предметов уже существовал, с их помощью происходило создание мира (посох, черпак, ковш и т.д.). Вещный мир представлялся не столько достижением человека, сколько данностью мира божественного. Орудия труда, созданные богами верхнего (Тенгри, Ульгень) или нижнего мира (Эрлик), проникают в жизнь человека вместе с самим актом творения мира [5].

Так, в легендах южносибирских тюрков мир был создан с помощью ковша (по-телеутски *көпшик*) и мутовки (по-телеутски *қалбууш*). Шорское сказание «Кан Кес» описывает этот процесс следующим образом: «Давным-давно это было... / Прежнего поколения позже, / Нынешнего поколения раньше. / Это было в то время, когда мешалкой горы делили, / Когда ковшом воду делили, / Пробиваясь белое море текло. / Нагромождаясь, золотая гора вырастала...» [6. С. 25–27]. Подобное соотнесение данных предметов с актом творения можно объяснить, во-первых, функцией – с их помощью можно как разделять, так и соединять, смешивать продукты, во-вторых, формой – с некоторой долей условности их можно рассматривать как символы противоположных начал – мужского (мутовка) и женского (ковш). Тем более что в традиционной культуре вода и всё связанное с ней часто соотносится с женским началом и Нижним миром.

По-телеутски ступка и пест, используемые для измельчения продуктов, иносказательно называются *соқы* (ступка), а пест – *соқы балазы*, т.е. «дитя ступки». Таким образом, в языке оказалась закреплена символическая связь данных предметов с культом плодородия. Объяснить подобные названия можно тем, что ступка и пест предназначены для измельчения продуктов, необходимых для приготовления различных блюд. Кроме того, носители традиционного сознания могли усматривать в самом процессе толчения чего-то пестом в ступке определённое сходство с актом соединения мужского и женского начал и последующего оплодотворения. Это можно подтвердить данными этнографии. Так, С.М. Абрамзоном были зафиксированы различные киргизские обряды, связанные с деторождением. Согласно опубликованным им данным, если у женщины не мог отойти послед, то окружающие предпринимали различные меры, чтобы помочь ей, в том числе сильно стучали три раза в металлическое ведро, деревянное ведро и ступу [7. С. 101].

Приготовление пищи не обходилось без чугунного котла (*казан*). Он фигурировал в поверьях, связанных с получением камом шаманского дара. Так, жившая на Алтае в первой половине XX в. телеутка Коюн (Ирина Шадеева) рассказывала, что во время шаманской болезни у неё было видение, будто духи разрезали её тело на куски по суставам и положили варить в котёл [8. С. 272]. Прошедший через все испытания кам словно родился заново, он становился *јајалқан* (в дословном переводе – «быть сотворённым») [9. С. 109].

Котёл, а точнее процесс варки на огне, которая невозможна без котла, фигурировал в телеутских представлениях о болезнях, в частности о кори. Если ребёнок заболел корью, то ежедневно старший член семьи окуривал его вереском, произнося при этом молитву, где были такие слова: «Мать-корь, уважаемая!.. / Много раз варившая, / Много раз творившая, / Будучи творцом» [10. С. 33]. Мать-корь (*Корь-эне*) словно бы варила тело ребёнка, изменяя его, поэтому, выздоровев, он воспринимался родными как иное, заново рождённое существо [11. С. 141]. Можно сделать предположение, что участие котла или упоминание варки в нём в подобных обрядах объясняется не только его формой, напоминающей материнское чрево, но и функцией – в котле происходит преобразование продукта, изменение его качества.

Прочную символическую связь котла с дарованием и сохранением новой жизни демонстрирует обряд другого тюркского народа – киргизов. Женщина, у которой часто умирали дети, при рождении очередного младенца пришивала к правому плечу верхней одежды ребенка маленькую перемётную суму из ткани и шла попрошайничать в семь домов, где ребенка заставляли кусать ушки семи котлов и лизать сажу, а в перемётную суму накладывали золу [7. С. 104].

Перевернутый котёл обозначал смерть, что закреплено в самом телеутском языке. Глагол *кѳмгѳр*, означающий «переворачивать вверх дном», является однокоренным с *кѳм* – зарывать, закапывать, хоронить. Угрозы шамана, обращённые к злым духам, также сопровождались призывами к духам-помощникам: «Кровавых юзют’ов чѳрных нечистых, / Каменный очаг их разрушайте, / Талкан воду разбросайте! / Таганы – треножки их заставьте греметь, / Казаны их заставьте бряцать, / Разрушая, ради забавы, взволнуйте!» [6. С. 169–170]. Пустой, гремящий котёл – яркий символ разрушения и запустения. Разбитый котёл, по сведениям известного этнографа и лингвиста В.И. Вербицкого, народы Алтая клали в могилу у ног покойника [12. С. 358].

В алтайском эпосе «Маадай-Кара» есть следующие строки, относящиеся к чаше/котлу: «Вертась в воздухе, полетел. / В каменную юрту Талбан-каана, / Живущего за девяноста высокими горами, / Прямо через дымоход упал, / Дно бронзовой чаши, / В которой мясо быка варилось, пробил, / В подземное подводное море ушёл...» [13. С. 302]. Здесь чаша/котёл, а точнее её дно и стенки, выступают границей между Средним и Нижним мирами.

Продолжая рассматривать символику перевернутой посуды, стоит упомянуть ещё один телеутский обряд, связанный с почитанием священных деревьев. В настоящее время, как и в старину, многие семьи устанавливают с восточной стороны дома семейные обереги *сомдор*. Сомдор – это несколько молодых берёзок, скреплённых между собой и установленных с восточной стороны дома (количество берёзок могло варьироваться в зависимости от сеока). Так, например, осенью 2016 г. сомдор было можно увидеть во дворах у следующих жителей села Челухоево (Бековское сельское поселение): Шадеева Владимира Николаевича, Тыдыкова Николая Прокопьевича, Колчегосевой Марии Павловны, возраст которых от 40 до 70 лет. В домах более молодых жителей Бековского сельского поселения, т.е. сёл Беково, Челухоево, а также деревни Верховской, сомдор не выявлены [14. Л. 1].

Каждую весну, как правило на Троицу, совершается ритуал смены берёзок. Раньше обряд смены сомдор проходил при участии шамана, а сейчас его проводит хозяин дома (обязательно мужчина). Во время этого обряда в деревянную чашку *айак* наливается молоко, и молоком кропятся берёзки. Когда обряд проводился шаманом, то он сначала брызгал молоком в разные стороны, затем пил сам и угощал всех присутствующих. После чего он бросал чашку. Если чашка падала на донышко и прочно стояла на земле, то считалось, что жертва оказалась угодной духам и год будет хорошим (рис. 1). Если же чашка опрокидывалась вверх дном, то полагали, что духи не приняли жертву и год будет плохим. То есть, как и в случае с перевернутым казаном, чашка, упавшая вверх дном, является дурным знаком [Там же].

Рис. 1. Гадание по чашке во время обряда замены сомдор (2016 г.)

В то же время чашка айак является своего рода средством объединения всех присутствующих на празднике. После кропления шаман сначала пил из чашки сам, а затем угощались все присутствующие. Нечто подобное можно встретить и на телеутской свадьбе. Для мужчин на свадьбе устраивается специальное место *күре* (самодельная лавка в виде квадрата). В углу *күре* усаживается старейшина, самый уважаемый человек, а в центре *күре* разжигается костёр и устанавливается казан, в котором варится мясо. Когда мясо готово, его выкладывают в ту же деревянную чашку айак или деревянное корыто *тепиш*. Затем чашка с мясом подаётся старейшине. После того как он отрезает кусок мяса и угощается, чашку начинают передавать – каждый из сидящих на *күре* мужчин, отрезав себе кусок мяса, передаёт её дальше. Таким образом, деревянная чашка является символом объединения, причём не только всех присутствующих на празднике гостей, но и двух семей, так как на *күре* сидят родственники и жениха, и невесты. Все эти люди не просто делят общую трапезу, но и угощаются из одной, общей деревянной чашки. Одному из авторов данной статьи довелось наблюдать этот обряд в 2015 г. в селе Челухоево на свадьбе Шадеевых Александра и Елены [14. Л. 2].

Символическое значение посуды в телеутской культуре тесно связано с идеей плодородия, зарождения, роста и развития новой жизни. Она словно позволяет передать плодородие. Правда, здесь следует сделать оговорку, что непосредственным носителем, как правило, становилась приготовленная в ней пища. Сама посуда зачастую являлась просто вместилищем плодородия.

Например, на родинах обязательно готовили бульон с бараниной, называвшийся *ийт-мүн* («собачий бульон»). Варила его пожилая женщина, сначала она

немного бульона отливала собаке, потом подавала угощение роженице. Если роды были лёгкими, то роженица могла угостить ийт-муном собравшихся девушек, чтобы их будущие роды прошли также легко. После трудных родов роженица никого не угощала бульоном [15. С. 74]. Через угощение происходило приобщение собравшихся девушек и женщин к фертильности.

Связи между приготовлением/употреблением пищи и способностью женщины давать новую жизнь запечатлены в самом телеутском языке. Так, пища называется *курсақ*, есть, принимать пищу – *курсақтан*, беременная – *курсақтау* (дословно «имеющая желудок», т.е. с животом).

Среди предметов домашнего обихода особое значение приписывалось составным вещам или тем, что обязательно использовались парно, – молоток, топор, нож и т.д. В них видели наглядное воплощение объединения мужского и женского начал. Причём соотнесение части предмета с мужским или женским началом происходило на основе его формы. Выпуклая часть считалась мужской и обозначалась словом *сап* – рукоятка, черенок. Созвучным ему было телеутское название пуговицы – *сапинке*. Вообще, пуговицы и петли, хотя и относящиеся не к домашней утвари, а к национальному костюму, могут послужить наглядной иллюстрацией того, как носители традиционного мировоззрения видели в парных предметах характерной формы соединение мужского и женского начал. Если пуговица называлась *сапинке*, то петля – *тижи*. Последнее слово имело в телеутском языке два значения: «петля на одежде» и «самка».

Следует также отметить, что в языках тюрков Южной Сибири упоминание составных предметов могло

служить метафорическим названием соития. Например, во время свадебного обряда у алтайцев сваты обраща-

лись к родителям невесты со словами: «Я пришёл просить черен для ножа, у которого его нет» [11. С. 119].

Рис. 2. Свадебный обряд. Угощение гостей на кюре (2011 г.)

Важной парой были и упоминавшиеся ранее ковш (черпак) и котёл. Ковш находится в паре с котлом – казан помещали в центре юрты на треножнике, а черпак подвешивали над ним. Согласно этимологии тюркских языков, слово *кош* переводится как предмет (ковш, черпак, чаша) и как действие (перемешивать, добавлять, разбавлять). И даже имеет более широкое значение – один из составляющих пару, пару супругов [16. С. 89–91].

Необходимо отметить, что часть из описанных в статье обрядов в той или иной форме сохранилась до наших дней (например, свадебные обряды и почитание сомдор), но о многих сейчас можно узнать лишь из описаний учёных. Это касается преимущественно шаманских обрядов. В настоящее время как сохранившиеся, так и ушедшие в небытие обряды телеутов реконструируются в Бековском историко-этнографическом музее «Чолкой». Неоднократно сотрудниками музея совместно со школьниками и студентами проводился обряд установки сомдор. Также регулярно в музее проводится реконструкция свадебного обряда. Кроме того, среди экспозиций под открытым небом в музее «Чолкой» есть кюре, поэтому в последние годы устроители большинства свадеб, проходящих в селах Беково, Челухоево и Верховская,

просят о том, чтобы участники-мужчины расположились именно на музейном кюре. Сотрудники музея всегда идут навстречу молодожёнам. Благодаря этому посетители музея «Чолкой» могут своими глазами увидеть некоторые элементы свадебного обряда. Например, как мужчины сидят на кюре, как в центре кюре стоит казан, в котором варится мясо, и как мужчины передают по кругу деревянную чашку с мясом [14. Л. 2]. Некоторым посетителям даже удаётся стать участниками обряда (рис. 2).

Подводя итоги, можно сказать, что в традиционной культуре телеутов различные предметы домашнего обихода наделялись определённым символическим значением. Значение это было связано с культом плодородия, так как все эти предметы использовались при приготовлении пищи и тем самым помогали поддерживать жизнь. Предметы домашнего обихода соотносились с этим культом на основе их формы, напоминающей чрево, лоно (ступка, котёл) или же могущей символически изображать мужское начало (пест, мутовка). Другой важной характеристикой предметов, ассоциировавшихся в традиционной культуре телеутов с почитанием плодородия, была их парность, когда использование одного предмета невозможно без другого – ступка и пест, котёл и черпак. То же самое относится и к составным предме-

там, выпуклая часть которых (рукоять, черенок) соотносилась с мужским началом, а другая часть – с женским.

Представленная в статье информация может быть полезна для сохранения материального и нематери-

ального культурного наследия телеутского народа, например, её можно учитывать при разработке сценариев музейных праздников и планов музейных уроков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm, свободный (дата обращения: 27.10.2016).
2. Белозёрова М.В. Глобализация и некоторые проблемы коренных малочисленных народов // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики : сб. науч. ст. по итогам всероссийской с международным участием науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.) / отв. ред.: В.В. Поддубиков ; редкол.: В.Г. Дружинин [и др.] ; сост. В.В. Поддубиков ; КеМГУ. Кемерово : Практика, 2014. С. 96–101.
3. Сегал Д.М. Мир вещей и семиотика // Декоративное искусство СССР. 1985. № 6. С. 38–41.
4. Байбурина А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63–88.
5. Каримова С.М. Особенности бытия вещи в традиционной культуре : автореф. ... дис. канд. философ. наук. Барнаул, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/osobennosti-bytiya-veschi-v-traditsionnoy-kulture>, свободный (дата обращения: 3.11.2016).
6. Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н.П. Дыренковой / отв. ред. акад. И.И. Мещанинов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.
7. Абрамзон С.М. Рождение и детство киргизского ребенка (из обычаев и обрядов тьянь-шанских киргизов) // Сборник Музея антропологии и этнографии / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР ; отв. ред. С.П. Толстов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 78–138. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xii/mae_xii_03.pdf, свободный (дата обращения: 2.11.2016).
8. Дыренкова Н.П. Получение шаманского дара по воззрениям турецких племён // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1930. Т. IX. С. 267–291. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkPoluchenie.pdf>, свободный (дата обращения: 23.11.2016).
9. Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1949. Т. 10. С. 107–190. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkovaMaterialy.pdf>, свободный (дата обращения: 01.11.2016).
10. Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1927. Т. 6. С. 19–36.
11. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Л.Э. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1988. 225 с.
12. Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского племён // Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2005. 496 с.
13. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М. : Наука. Глав. Ред. вост. лит-ры, 1973. 476 с.
14. Архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 3. Оп. 1. Д. 138.
15. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отд-е Алт.о кн. изд-ва, 1981. 182 с.
16. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К». М. : Вост. лит., 2000. 265 с.

Orlova Yelena A. State Autonomous Cultural Institution of Kemerovo region “Historical Cultural and Natural Museum-Reserve “Tomsкая Pisanitsa” (Kemerovo, Russia). E-mail: orlova42@gmail.com; Cheloukhoev Vladimir V. Municipal Budgetary Institution “Museum of History and Ethnography “Cholko” (Bekovo village, Belovo District, Kemerovo region, Russia). E-mail: cholko@yandex.ru

SYMBOLIC MEANING OF SOME HOUSEHOLD ITEMS IN THE TRADITIONAL TELEUT CULTURE.

Keywords: Teleuts; symbols; household items; traditional worldview.

This article explores the symbolic meaning of certain household items in the traditional Teleuts culture – indigenous minority of South Siberian Turkic peoples, on the basis of participant observation (Bekovsky rural settlement, 2015–2016), as well as scientific publications. The phenomenon of granting household items and tools specific symbolic meaning in the traditional Teleut culture has not been sufficiently studied so far. Ethnographers have done a huge amount of work collecting the Teleut folklore, describing various rituals, forms of subsistence activities etc. The authors relied on published materials by V.I. Verbitsky, N.P. Dyrenkova, L.E. Karunovskaya and other scientists while carrying out the study. Researchers, who worked in the framework of a structural-semiotic approach, contributed greatly to the understanding of the essence of the thing as a symbol and method of transmission of cultural meanings. For instance, the authors cite works by A.K. Bayburina and D.M. Segal. The thing as a symbol in the traditional Turkic culture was studied by E.L. Lvova, I.V. Oktyabrskaya, A.M. Sagalaev, M.S. Usmanova, P.K. Dashkovskiy, S.M. Karymova and others. The study revealed that the Teleuts traditionally associated household items, such as utensils and tools, mostly with fertility. There are several reasons for that. Firstly, the object's shape was important. Concave items such as pot, ladle, wooden cup, mortar represented the feminine principle. It is worth noting that, when objects were turned over or broken, they were associated with death and misfortune. Convex objects like pestle, whisk, knife handle and so on, respectively, represented the masculine principle. Another important characteristic of objects associated with fertility in the traditional Teleut culture was their dyad, when the use of one item is impossible without the other, such as mortar and pestle, pot and ladle. The same applies for composite objects, the convex part of which (handle, haft) correlated with the masculine, and the other part - with the feminine. Such ideas are reflected in Teleut language, folklore, customs and rituals. Thus, the allegorical names of different objects may be associated with birth or death. For example, in Teleut language a mortar and pestle are called *soky* (mortar) and *soky balazy* (“mortar's child,” pestle). Shamanic rituals include a cauldron in which the body of a future shaman is created anew. A divination by a wooden bowl could predict whether a year will be favorable or not. There are other examples confirming the conclusions made by the authors. The article shows the extent to which such ideas are preserved in the Teleut culture to this day. These findings could be useful in the development of museum festivals and museum lessons, which help to preserve the intangible cultural heritage of indigenous peoples.

REFERENCES

1. The State Statistics Committee of the Russian Federation. (n.d.) *Informatsionnye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiyskoy perepisi nasele-niya 2010 goda* [Information materials on the results of the 2010 All-Russian Census]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm. (Accessed: 27th October 2016).
2. Belozeroва, M.V. (2014) Globalizatsiya i nekotorye problemy korennykh malochislennykh narodov [Globalization and some problems of indigenous minorities]. In: Poddubikov, V.V. (ed.) *Malochislennyye etnosy v prostranstve dominiruyushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoy politiki* [Ethnic minorities in the dominant society: The practice of applied research and effective tools of ethnic politics]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 96–101.
3. Segal, D.M. (1985) Mir veshchey i semiotika [The world of things and semiotics]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*. 6. pp. 38–41.
4. Bayburin, A.K. (1989) Semioticheskie aspekty funktsionirovaniya veshchey [Semiotic aspects of things functioning]. In: Mylnikov, A.S. (ed.) *Etnograficheskoe izucheniye znakovykh sredstv kul'tury* [The ethnographic study of the iconic cultural assets]. Leningrad: Nauka. pp. 63–88.
5. Karymova, S.M. (2010) *Osobennosti bytiya veshchi v traditsionnoy kul'ture* [The being of things in the traditional culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Barnaul. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/osobennosti-bytiya-veschi-v-traditsionnoy-kulture>. (Accessed: 3rd November 2016).
6. Dyrenkova, N.P. (1940) *Shorskiy fol'klor. Zapisi, perevod, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya*. [The Shor folklore. Records, translation, introduction article and notes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Abramzon, S.M. (1949) Rozhdenie i detstvo kirgizskogo rebenka (iz obychev i obryadov tyan'-shanskikh kirgizov) [The birth and childhood of a Kyrgyz child (from the customs and rituals of the Tien-Shan Kyrgyz)]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 12. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 78–138. [Online] Available from: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xii/mae_xii_03.pdf. (Accessed: 2nd November 2016).
8. Dyrenkova, N.P. (1930) Poluchenie shamanskogo dara po vozzreniyam turetskikh plemen [Getting shamanic gift according to the views of the Turkish tribes]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 9. pp. 267–291. [Online] Available from: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkPoluchenie.pdf>. (Accessed: 23rd November 2016).
9. Dyrenkova, N.P. (1949) Materialy po shamanstvu u teleutov [Materials on shamanism Teleuts]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 10. pp. 107–190. [Online] Available from: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkovaMaterialy.pdf>. (Accessed: 1st November 2016).
10. Karunovskaya, L.E. (1927) Iz altayskikh verovaniy i obryadov, svyazannykh s rebenkom [From Altai believes and practices associated with the child]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 6. pp. 19–36.
11. Lvova, L.E., Oktyabrskaya, I.V., Sagalaev, A.M. & Usmanova, M.S. (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Rem world]. Novosibirsk: Nauka.
12. Verbitskiy, V.I. (2005) *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [A Dictionary of Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.
13. Surazakov, S. (ed.). (1973) *Maaday-Kara. Altayskiy geroicheskiy epos* [The Altaic heroic legends and the epic “Maadai-Khara”]. Moscow: Nauka.
14. The Archive of the Museum-Reserve “Tomsкая Pysanytsa.” Fund 3. List 1. File 138.
15. Shatinova, N.I. (1981) *Sem'ya u altaytsev* [Family in the Altai]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe otd-nie Altayskogo kn. izd-va.
16. Sevortyan, E.V. (2000) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu “K”* [The Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and inter-turkic stems with the letter “K”]. Moscow: Vostochnaya literatura.

УДК 316.334.56
DOI 10.17223/19988613/45/16

Д.Е. Брызгина

«КИТАЙСКИЕ» РЫНКИ В ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ИРКУТСКА

Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России, проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России» и проекта «“Этнические рынки” в пространстве постсоветского сибирского города», поддержанного РФФИ (проект № 16-03-00100).

Статья посвящена изучению роли «китайских» рынков в процессах постсоветских городских трансформаций. На примере Иркутска ставится вопрос о том, каким образом рынки взаимодействуют с городом и какие последствия имеют такие взаимодействия. Анализ строится в рамках концепции естественного развития городской среды, подчеркивающей роль рынка в организации пространства города. На основе изучения «китайских» рынков Иркутска обосновывается тезис о том, что, несмотря на изменения формата и внутренней организации таких объектов, они по-прежнему остаются неотъемлемым элементом городской среды и одной из доминант ее развития.

Ключевые слова: «китайские» рынки; городское пространство; Иркутск.

Конец XX в. ознаменовался появлением в большинстве сибирских городов нового элемента повседневности, без которого представить современное городское пространство сейчас уже крайне трудно. Речь идет о «китайских» рынках, которые быстро стали ключевым элементом социальной и экономической жизни города. В тяжелых экономических условиях они превратились в один из основных источников снабжения населения, удовлетворения его потребностей [1. С. 109]. Это определяло их значимость для городского сообщества и пространства города.

Рынки превратились в неотъемлемую часть инфраструктуры, предмет обсуждения в медиа, а также повод для диалога власти и городского сообщества. Следствием укоренения «китайских» рынков в пространстве и жизни города является приобретение ими новой, организующей, функции. Они становятся важным фактором городского пространственного развития, влияние которого обнаруживается в повседневных практиках горожан, в их отношении к рынкам и в восприятии пространства города. При этом изначально маркированные как «китайские» рынки со временем утратили элементы, за которые они получили такой статус. С точки зрения их внутренней структуры и организации, они становятся скорее полиэтничными, что обеспечивает многообразие социальных взаимодействий на рынке, а его «этничность» оказывается символом специфичности городской локальности.

Еще одним следствием укоренения рынков в городской повседневности является их фактическое отсутствие в поле зрения исследователей, обусловленное известной в антропологии проблемой разграничения «поля» и «дома» [2. С. 12–14], отсутствием внимания к привычному [3. С. 39]. Отсюда – низкая степень изученности рынков, в том числе как фактора развития городского пространства. Ставшие частью городской повседневности, «китайские» рынки представляются

как обыденные, ничем не выделяющиеся объекты. В результате они остаются в поле вненаучных рефлексий, превращаются в «уходящую натуру» [4. С. 38–41], поскольку их динамичное развитие приводит к серьезным изменениям формата торговли, трансформации открытых рынков в торговые центры. Это приводит к тому, что остаются не изученными важные механизмы трансформации пространства постсоветского города, понять которые с уходом рынков из жизни города станет крайне сложно.

Интерес к развитию рынков в условиях российских реалий возникает в конце 1990-х – начале 2000-х гг. [5, 6]. С этих работ начинается развитие направления исследований, акцентирующих внимание на «этнических» рынках как особой локальности, системе социально-экономических отношений в городе. Однако большинство научных работ, так или иначе затрагивающих тему рынков, просто описывают и анализируют отдельные кейсы. Это порождает проблему систематизации подходов к изучению феномена и концептуализации понятий, нерешенность которой приводит, по выражению И. Пешкова, к «изобретению концептуального велосипеда» [7. С. 58]. В немалой степени такая ситуация связана с ограниченностью письменных источников, адекватно отражающих реалии «китайского» рынка. Сказывается и отсутствие традиции изучения проблемы в связи с отсутствием исследований и описаний советских рынков.

Распространение этого феномена выходит далеко за пределы российских границ: подобные рынки довольно часто встречаются в пространстве многих постсоциалистических, европейских и других городов. Тем не менее и зарубежных работ на эту тему крайне мало. В немногочисленных исследованиях преобладает взгляд на рынки в контексте глобальных социально-политических и экономических трансформаций [8, 9], формирования трансграничных связей

[10] и взаимоотношений местных сообществ с мигрантами [11].

Среди исследований, посвященных рынкам, нередко встречаются анализ взаимоотношений и практик, складывающихся на рынках и вокруг них [12], исследования социально-экономического развития рынков [13], историко-социологический и антропологический анализ процесса формирования мигрантских локальностей, связанных с рынками [14]. Включение проблематики рынков в научный дискурс в последние годы ознаменовалось выходом тематического номера журнала «Известия Иркутского государственного университета» [15], впоследствии ставшего основой проблемного сборника статей [16], ставших своего рода ревизией ситуации в изучении рынков.

Исследование «китайских» рынков в контексте процессов трансформации и модификации городской пространственной организации позволит понять, какое влияние они оказывают на организацию города. В этом вопросе рынок выступает не просто как система экономических связей и отношений, но и как часть его пространства, функционирующая в рамках процессов городского развития. Ввиду этого отправной точкой моего анализа является концепция эволюционизма, подчеркивающая естественный характер процессов развития городского пространства и «естественных» ареалов, составляющих социальное пространство города [17. С. 67–73]. Городская организация в рамках этого подхода рассматривается как результат неосознанной эволюции пространства, которая разворачивается в форме борьбы городских сообществ за ресурсы, в результате которых формируются «естественные» ареалы – пространства, закрепленные за отдельными группами горожан [18. С. 7–8]. Интеграция мигрантских локальностей в местное сообщество определяется прежде всего их способностью закрепить за собой подобные ареалы.

«Китайские» рынки являются важным объектом властного управления в городе. В связи с этим в исследовании проблемы организации «китайского» рынка целесообразно обратиться к идее о стремлении власти к упрощению управляемых объектов. Этот подход разрабатывался не только в исследованиях власти [19], но и в городской социологии [20]. Планирование ландшафта, с этой точки зрения, служит инструментом контроля, позволяющим эффективно выстраивать властные практики. Однако ценой этому является упрощение ландшафта, несоответствующее городской реальности. Подобные планы зачастую оказываются нежизнеспособными и вызывают реакцию отторжения у горожан, так как не отвечают устоявшимся практикам повседневности [19. С. 177–194]. Следствием этого становится сопротивление процессам внедрения упрощенных моделей планирования в жизнь города.

Идея властных упрощений подчеркивает некоторую вторичность фактора власти в развитии городского пространства, которая содержится в концепции эволю-

ционного развития города. «Китайские» рынки как элемент городского пространства, безусловно, развиваются под воздействием властных решений. Но вместе с тем они остаются особой локальностью со специфическими чертами, которые проявляются в развитии социального и физического пространства города «вопреки» властным решениям.

Исследование построено на примере двух крупнейших «китайских» рынков Иркутска – «Шанхай» и «Китай-город». Эти объекты, по моему мнению, как нельзя лучше подходят для понимания того, каким образом «китайские» рынки оказывают воздействие на процессы трансформации городской среды. Оба рынка, на первый взгляд, представляют две типологически схожие, но независимые локальности. Однако, на самом деле, они являются воплощением различных этапов развития главного «китайского» рынка Иркутска – «Шанхая». Его стихийная эволюция в начале 1990-х гг. способствовала быстрой интеграции в жизнь города и определила его организующую роль. «Китай-Город», возникший в результате попыток управления процессами развития «Шанхайки», усиливает эту функцию и демонстрирует новые механизмы влияния «китайских» рынков на организацию пространства современного города.

Рынок «Шанхай» как городская локальность. Первый и крупнейший «китайский» рынок Иркутска – «Шанхай» – за все время своего существования пережил множество трансформаций от открытого, затем контейнерного рынка, до современной торговой площади, сформированной комплексом торговых зданий. В том виде, в котором он функционирует сейчас, назвать «Шанхай» рынком можно с серьезными оговорками, так как внешне он больше напоминает большой торговый центр. Однако внутреннее содержание торговли и социально-экономические отношения, связанные с этим рынком, практически не изменились. «Шанхай» по-прежнему располагается в центре города, сосредотачивая вокруг себя активную торговлю, услуги, транспортные развязки и т.д. Более того, к функциям центра добавилось обеспечение взаимосвязи города с удаленными районами, ранее не связанными с «китайским» рынком, и частью города, в котором он располагается.

Концентрация мигрантов из Китая в Иркутске, ставшая одним из последствий и механизмов социально-политических трансформаций, послужила толчком к формированию рынка. Деятельность китайцев в центре города, развернувших торговлю на необорудованных для этого улицах, подтолкнуло городские власти к выделению специального пространства для урегулирования такой стихийной торговли. В результате под рынок было отведено специальное место в центре города, что обеспечило успешное развитие новой торговой площади. Новизна «китайского» рынка для горожан и доступные цены привлекали покупателей, а удачное местоположение на пересечении основных транспорт-

ных маршрутов обеспечило доступ к рынку из других районов.

Фиксация рынка в пространстве города способствовала его дальнейшему развитию и расширению. Постепенно вокруг него складывается обслуживающая инфраструктура – система охраны, места общепита, гостиницы, парикмахерская и т.д. [6. С. 121–122]. Рыночная торговля распространяется на близлежащие территории, выходя за пределы официальной «Шанхайки», в результате чего вокруг собственно «Шанхая» формируется комплекс более мелких рынков, каждый из которых превращается в неотъемлемый элемент городского центра. Однако расширение рынка сопровождалось не только социально-пространственным развитием города: неподконтрольность властям, вне-легальная деятельность, транспортные пробки и масса других проблем существенно усложняли жизнь города [Там же. С. 124–126]. Противоречивость положения и значения рынка легла в основу устремлений власти к его закрытию, но каждая попытка приводила к новым трансформациям форм функционирования «Шанхая», продлевающим ему жизнь. Так, например, приостановление работы рынка в 2002 г. под предлогом несоблюдения пожарной безопасности привело к трансформации формата торговли: часть открытых прилавков была заменена контейнерами [Там же. С. 121]. Это повлекло сокращение торговых мест на рынке, но позволило частично устранить заявленные нарушения и возобновить его работу.

В процессе развития рынок становится важнейшей точкой притяжения людей, товаров; пересечением инфраструктурных, коммуникационных, торговых и иных сетей. Трансформация формы сопровождалась укоренением этих функций в содержании социальных взаимодействий и практик рынка. Появление «Шанхайки» в период кризиса стало спасением для горожан. Доступность и разнообразие товаров обеспечили высокую конкурентоспособность и экономическую эффективность рынка на ранних этапах его существования [1. С. 106, 109]. Экономическое значение рынка для города выражалось в обеспечении занятости, регулировании цен на товары повседневного пользования, развитии мелкооптовой торговли. Система экономических взаимосвязей развивалась по мере роста рынка. Однако в результате стабилизации экономической ситуации и повышения уровня жизни населения «Шанхай» утратил свое положение в экономической жизни Иркутска, сохранив за собой функцию снабжения малообеспеченных слоев населения.

Помимо экономической роли рынок выполняет социально-пространственную функцию в городе. Тенденция слияния небольших торговых площадей в единое пространство вокруг главного рынка, которое может быть обозначено как «Большой Шанхай», становится определяющей в формировании восприятия горожанами центра города. В рамках «торгового комплекса» рынки, очевидно, тесно связаны, имеют общую

инфраструктуру и выступают как части целостной системы. Тесно взаимодействуя между собой, они определяют характер городского центра. Для горожан рынок становится фактически единым пространством, главной функцией которого является торговля. Помимо этого, здесь пролегает множество транспортных, торговых и иных инфраструктурных путей и развязок, обуславливающих высокую интенсивность взаимодействия людей и «проходимость» этой части города.

«Китайский» рынок – также центр притяжения мигрантов, обеспечивающий их доходом, возможностью адаптации в чужой среде, налаживанием социальных контактов и т.д. Восприятие рынка местным сообществом формируется на основе воспроизводимых в городских медиа представлений о мигрантах из Китая, «захвативших» эту часть городского пространства [21. С. 787]. Однако интеграция рынка в жизнь города усиливает его экономическое значение, привлекая горожан не только как источник потребительских товаров, но и как прибыльное место работы. Ограничение с 2007 г. на торговлю иностранными гражданами на рынках под открытым небом привело к расширению участия в деятельности рынков местного населения. Это обусловило расширение полиэтнической структуры рынка, в которой также присутствуют вьетнамцы, корейцы, киргизы, выходцы с Кавказа и т.д. В структуре товаров, продающихся на рынке, продукция из Китая уже значительно разбавляется киргизскими, российскими и иными товарами, однако устойчивое представление «дешевое равно китайское» по-прежнему делает рынок «китайским».

Отношение горожан к рынку также претерпевает изменения. Первоначальный интерес к «Шанхаю» был вызван его экзотичностью и специфичностью для города. Постепенно он сменился устойчивым отношением к рынку как «присвоенному» мигрантами пространству [22. С. 141–142]. Подобное обозначение определяет формы развития и самоорганизации «Шанхайки», а также практики взаимодействия горожан с пространством рынка в публичном дискурсе. «Китайский» рынок рассматривается местным сообществом как пространство, исключенное из жизни города. В основе подобных оценок лежат публичные образы рынка, формирующиеся в медиа. Однако, на самом деле, рынок способствует вовлечению горожан в систему социальных и экономических взаимоотношений города. В результате массовые представления о нем оказываются оторваны от непосредственного опыта горожан, базирующегося на системе нерелефлексированных практик взаимодействия с рынком.

Трансформация «китайского» рынка: «Новый Шанхай». Будучи динамичной структурой «Шанхай» продолжает видоизменяться под влиянием очередных мер по борьбе с «китайским» рынком в центре города. Под их удар попал не только официальный рынок, но и территория «Большого Шанхая», что существенно усложняло задачи, стоявшие перед властью: необходи-

мо было справиться с совокупностью рынков, которые сформировали единую систему, основанную на прочных социальных связях [23. С. 92], складывавшихся годами. Однако ядро торгового «кластера» удалось ликвидировать: на месте прежней «Шанхайки» был построен «Шанхай-Сити молл» – торговый центр, внешне отвечающий современным стандартам. Тем не менее со временем стало ясно, что, несмотря на внешнее преобразование, «Новый Шанхай» остался частью «Большой Шанхайки». Такое изменение рынка можно рассматривать как естественный процесс, вызванный трансформацией социальных отношений, структуры и нужд городского сообщества [23. С. 92]. Кроме того, изменения обеспечивают выживаемость рынка в новых городских условиях. «Уход под крышу» [1. С. 105] наделяет рынок новым статусом, который гарантирует признание его частью городского пространства со стороны власти и тем самым обеспечивает своего рода «новую крышу» в терминологии девяностых [24].

Несмотря на описанные трансформации, «Шанхайка» как крупнейший субъект социально-экономической жизни города не исчезла из городской повседневности окончательно. Эволюционируя из открытого рынка в торговые центры, она продолжает существование уже в новом качестве в рамках закрепившегося за пространством городского центра образа «китайского» рынка. Он сохраняется в названии торгового центра, в элементах дизайна нового здания, вывески и т.д. При этом наименование рынка изначально было неформальным, которое закрепило за центром города его торговую функцию и «этнический» статус. Таким образом, «китайский» рынок превращается в бренд, символизирующий уже привычные для горожан функции городской локальности.

Специфика «Шанхая», связанная с его «этничностью», по мере развития рынка также модифицируется. «Китайская» торговля по-прежнему доминирует в его деятельности, однако ассортимент товаров расширяется за счет появления «некитайского» сегмента. В результате роста миграции из Центральной Азии на рынке формируется и развивается киргизская торговля, представленная «Бишкекскими рядами», из которых со временем вырос еще один торговый центр [22. С. 155–156]. Так же развивается «киргизская» инфраструктура: появляется множество заведений с киргизской кухней. Таким образом, киргизский сегмент «китайского» рынка повторяет тенденции развития «Шанхая», при этом органично вписываясь в организацию его пространства.

Трансформации, происходящие с «Шанхаем» и другими «китайскими» рынками, придают ему особое символическое значение: образы рынка воспроизводятся в представлениях горожан о пространстве города и становятся еще одним механизмом их укоренения. Оформление нового юридического статуса способствует тому, что рынки отображаются в геоинформационных ресурсах, приобретают возможности официально-

го диалога с властью и т.д. Это, в свою очередь, объясняет природу конфликтов местной администрации с «китайским» рынком, упомянутых ранее. Неформальность рынка стала основой для его негативного восприятия, трансформировалась в характеристики, описывающие их как незаконные объекты (во многом благодаря медиа). Вследствие этого, власть воспринимает эту ситуацию как формирование запроса на ликвидацию рынка. Но действия власти становятся лишь механизмом дальнейших трансформаций. Впоследствии «Шанхай» как самоорганизующийся элемент городской реальности быстро адаптируется к изменяющимся условиям и приобретает официальный статус торгового центра. Это сглаживает сложившийся конфликт образа и функций рынка в жизни города.

Преобразование рынка является не только результатом трансформации социальных отношений в городе, но и механизмом его дальнейших изменений и развития городского пространства в целом. Новый формат торговли задает несколько иной контекст для развития социально-экономических связей «Шанхая». Он становится более статичным и организованным. Дальнейшее пространственное расширение рынка ограничено стенами здания и отведенными под прилавки конструкциями. Однако близлежащие рынки, образующие «Большой Шанхай», продолжают функционировать. Более того, «Шанхайка» неизменно остается «китайским» рынком в символическом пространстве города. Это существенно сглаживает последствия вмешательства власти в жизнь рынка, который продолжает развиваться и функционировать по собственным правилам, и позволяет ему сохранить свою роль в жизни города и его сообществ.

За измененной формой «китайского» рынка сохраняется его первичное содержание: превратившись в торговый центр, «Шанхайка» продолжает играть в городе центрообразующую роль, которая заключается в том, что рынок закрепило функцию торговли за территорией своего размещения. Это отразилось в проекте по реконструкции центра Иркутска [25]. Пересечение транспортных маршрутов, сформировавших вокруг «Шанхая» важнейший внутригородской пассажирский узел, обуславливает роль «Шанхая» как механизма организации пространственных взаимосвязей в городе. Помимо того, что к нему обеспечен доступ даже из удаленных районов, рынок оказывается ключевым узлом коммуникаций между отдельными частями города. В этом смысле «китайский» рынок представляет собой не просто ядро торговли и экономических операций, но и важнейший узел движения людей, товаров, информации.

Трансформация «Шанхая» демонстрирует действие механизма пространственных преобразований в городе. Стремление власти устранить негативные последствия существования «Шанхая» в городе сводились к многочисленным попыткам закрыть рынок, однако это оказалось непростой управленческой задачей. Неодно-

кратные усилия администрации по ликвидации «Шанхая» оказывались неэффективны. Одной из причин поражения власти в этой борьбе можно назвать, с одной стороны, ее искаженное видение ситуации с рынком, а с другой – его быстрое реагирование на изменяющиеся условия, обеспечивающие «выживаемость» рынка в городе. Вмешательство власти в процесс трансформаций рынка меняет траекторию его развития. В результате происходящих изменений «Шанхай» теряет свою экзотичность, растворяясь в повседневности горожан. Он становится частью городской инфраструктуры, функционирует как его органичная часть и становится важным механизмом пространственного развития города.

Формирование новой локальности: «Китай-Город». Последние на момент наблюдения изменения на «Шанхайке» связаны с процессом переноса части рынка из центрального района на городскую периферию. Этот процесс был инициирован «сверху» как результат борьбы городской администрации со стихийной торговлей в центре города, которую в СМИ показывали как масштабную «войну» [26]. Это определило характер формирования второго крупнейшего торгового объекта Иркутска – «Китай-города», который является еще одним важным узлом «китайской» торговли в Иркутске. Этот рынок возникает как следствие переноса «китайского» рынка из городского центра и представляет собой не самостоятельно сложившийся рынок, а скорее новую фазу существования «Шанхайки». В отличие от последней, он должен был стать четко структурированным, а значит, легко поддающимся управлению объектом. С новым местоположением у рынка появляется новый владелец: если «Шанхай» находился в муниципальной собственности города, то новый рынок был передан в управление крупной компании «Фортуна». В этом смысле способ организации нового рынка, пространство которого было спланировано геометрически четко [23. С. 91], подчеркивает стремление «новых хозяев» установить контроль над территорией рынка, упростив его структуру.

Однако преобразуемый ландшафт зачастую не соответствует планам организации рынка, что приводит к сопротивлению процессам их реализации. Это наглядно иллюстрируется примером «Китай-города», который изначально имел четкую планировку, но в процессе развития быстро вышел за ее пределы, изменяя первоначальную планировочную структуру и расширяя его границы [Там же. С. 91–93]. В отличие от «Шанхайки», структура «Китай-Города» была изначально спланирована и ограничена конструкциями, установленными под торговые павильоны. Контейнеры были расположены по прямым линиям, упрощающим пространство рынка, а следовательно, делающим его понятным и контролируемым. Однако рынок быстро размывает первоначальную структуру: формируются неформальные торговые ряды, нарушающие общую планировку «Китай-Города», центральная

часть которого все больше напоминает «Шанхайку» начала 2000-х.

Эти процессы можно объяснить тем, что «Китай-город» является не самостоятельным рынком, а скорее продолжением «Шанхая», и в этом смысле повторяет траекторию его развития на новом месте [Там же]. Но, возможно, это не единственная причина. Принимая во внимание идею Дж. Скотта о несоответствии преобразуемого ландшафта планам его организации [19. С. 177–194], можно говорить о несоответствии планирования пространства рынка его реальным условиям, в результате чего рынок «оказывает сопротивление», попросту нарушая эту планировку. Этот процесс хорошо объясняется идеями эволюционизма, в рамках которых процесс формирования нового «китайского» рынка можно рассматривать как следствие повседневных социальных практик, лежащих в основе этого процесса. Они оказывают незаметное, но решающее воздействие на властные решения, влияние которых оказывается второстепенным. С этой точки зрения, именно нерефлексируемые действия определяют характер происходящих преобразований.

Процессы естественного развития рассматриваемого рынка выходят далеко за его пределы. Несмотря на то, что появление «Китай-города» было инициативой власти (городской администрации и тесно взаимодействующего с ней крупного иркутского бизнеса), рынок постепенно становится все более децентрализованным и интегрированным в городскую среду. Однако его периферийное расположение противоречит функциям, «унаследованным» от «Шанхайки». Это естественным образом приводит к тому, что возникает потребность в установлении пространственной связи между новым рынком и центром города. Для обеспечения этой связи был создан специальный пассажирский маршрут, напрямую соединяющий «Китай-город» и «Шанхай». Позднее появляются маршруты, связывающие новый рынок с другими районами города. Развитие системы мобильностей, связанной с «Китай-Городом», становится механизмом перетягивания части характеристик центра Иркутска на периферийные территории, а сам центр при этом приобрел новую функцию связующего узла между различными районами города и новым «китайским» рынком.

Несмотря на различия в формировании рассмотренных кейсов «китайских» рынков, развитие новой локальности, представленной «Китай-Городом», сходно с процессами преобразования «Шанхая». Новый рынок быстро осваивает предоставленную территорию и расширяется на близлежащее пространство. Логика развития рынка продиктована внутренними законами, сложившимися еще в рамках существования «Шанхайки». В результате этого структура рынка приобретает смешанный характер: помимо установленных администрацией рынка павильонов образуются стихийные торговые ряды. Так же развивается обслуживающая рынок инфраструктура, значение которой в условиях функци-

онирования «Китай-Города» как торговой локальности на окраине города заметно возрастает. Новый рынок располагается на периферийном пространстве, непригодном к обслуживанию больших масс людей, соответственно альтернативы сервисным предприятиям рынка поблизости нет.

Расположение рынка в удаленном районе города, с одной стороны, укрепило пространственные взаимосвязи этой городской окраины с центром и способствовало его включению в социальное пространство города, с другой – способствовало обособлению нового «китайского» рынка от «Шанхая». Благодаря развитию инфраструктуры, притяжению товарных потоков и масс людей пространство, занимаемое «Китай-Городом», включается в повседневность города [23. С. 93], а сам рынок становится серьезным экономическим конкурентом для «Шанхая».

Выводы. Изменения, происходящие с «китайскими» рынками в Иркутске, наглядно демонстрируют их место и роль в жизни города. В начале своего существования они стали центром новой экономической реальности города и основным источником материальных благ для горожан в условиях дефицита. Экономическое значение рынков было тесно связано с их социальной функцией: рынки оказались не только ядром торговли, но и основой для формирования новых локальностей, которые стали основой развития физического и социального пространства города. В результате «китайские» рынки прочно вошли в его повседневность, стали частью его инфраструктуры.

Будучи органичной частью города рынки становятся важным фактором его социальной жизни. Притяжение людей и товаров обеспечивает высокую плотность взаимодействий и формирует комплекс взаимоотношений и связей вокруг «китайских» рынков, которые становятся сущностными характеристиками занимаемых ими территорий. Они оказываются не просто «торговыми комплексами», но важными узлами коммуникаций людей друг с другом, с пространством города. Более того, трансформация рынков сопровождается раз-

витием обслуживающей их инфраструктуры. В связи с этим рынки обеспечивают многофункциональность пространства. Таким образом, рынки придают особое значение и задают контекст дальнейшего пространственного развития города.

Помимо этого, «китайские» рынки обеспечивают выстраивание пространственных взаимосвязей города. Притяжение к рынку транспортных маршрутов обеспечивает доступ к нему из различных районов. Рынок оказывается связан даже с удаленными частями города, коммуникация между которыми налажена крайне слабо. Он способствует усилению взаимосвязи между ними и активизации взаимодействия людей с районами, ранее исключенными из повседневности города в силу своей удаленности.

Следует подчеркнуть, что «китайские» рынки создают и множество проблем, которые составляют оборотную сторону их укорененности в пространстве. Рынки оказываются в поле пристального внимания и особого контроля местных властей, действия которых, как правило, ориентированы на вытеснение рынков на периферию города либо полную ликвидацию. Однако запланированные меры зачастую не приводят к ожидаемым результатам, а лишь стимулируют новые трансформации рынка.

Таким образом, рынки как самоорганизующаяся система переживают множество внешних и структурных изменений, но в своем содержании остаются неизменными. Несмотря на новый формат и уход с авансцены городской экономической жизни, «китайские» рынки продолжают существовать в повседневности и символическом пространстве города и, в этом смысле, продолжают развиваться. В этих процессах проявляется организующая роль «китайских» рынков: преобразуя город, они адаптируются к новым условиям, сохраняя при этом свои функции. Смена формата «китайских» рынков оказывается, с одной стороны, ответом на изменение социальных отношений в городе, а с другой – эволюцией механизмов развития городского пространства, диалога горожан с городом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дятлов В.И. «Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 105–123.
2. Гупта А., Фергюсон Дж. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 3–44.
3. Эриксен Т.Х. Что такое антропология. М. : Изд. дом ВШЭ, 2014.
4. Дятлов В.И. «Этнические рынки» в современной России – ускользающий объект исследовательского внимания // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 16–41.
5. Тренин Д., Витковская Г. Введение // Московский центр Карнеги. Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 7–8.
6. Дятлов В.И., Кузнецов Р.Э. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Экономическая социология. 2004. № 4. Т. 5. С. 56–71.
7. Пешков И.О. «Восточный рынок» на постсоветском «Востоке»: анализ подходов к восточным моделям товарно-вещевых рынков Восточной Сибири и Дальнего Востока // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 42–58.
8. Endres K.W. Trades, Markets, and the State in Vietnam: Anthropological Perspectives // ASEAS – Austrian Journal of South-East Asian Studies. 2013. Vol. 6, № 2. P. 356–365.
9. Hohnen P. A Market out of Place? Remaking Economic, Social, and Symbolic Boundaries in Post-Communist Lithuania. Oxford ; N.Y. : Oxford University press, 2004.
10. Nyiri P. Chinese in Russia and Eastern Europe: A Middle Minority in a Transnational Era. L. : Routledge, 2007.
11. Huwelmeier G. Postsocialist Bazaars: Diversity, Solidarity, and Conflict in the Marketplace // Laboratorium. 2013. Vol. 5, № 1. P. 52–72.

12. Журавская Т.Н. «Китайский» торговый центр vs. «китайский» рынок: что изменилось со времени запрета на торговлю иностранцев на розничных рынках (на примере Амурской области) // Полития. 2012. № 4 (67). С. 104–123.
13. Рыжова Н.П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. 2003. № 5, Т. 4. С. 54–71.
14. Сорокина Т.Н. «Заветная мысль каждого китайца»: форматы китайской торговли в Приамурском крае на рубеже XIX–XX вв. // Известия Иркутского гос. университета. Сер. «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 10. С. 84–102.
15. Известия Иркутского гос. университета. Сер. «Политология. Религиоведение». Иркутск. 2014. Т. 10.
16. Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015.
17. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
18. Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. № 3, Т. 2. С. 3–12.
19. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М. : Университетская книга, 2005.
20. Ingold T. Lines: A Brief History. N.Y. : Routledge, 2007.
21. Grigoriev K. Migrant Localities: “Gated Space” or “Access Points”? // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Vol. 9, № 4. P. 783–794.
22. Хорие Н., Григоричев К.В. Эволюция китайских рынков в Сибири: пересборка «китайскости» и открытие «закрытых» локальностей // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 141–158.
23. Григоричев К.В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 86–104.
24. Волков В.В. Силовое предпринимательство. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2002.
25. «Иркутские кварталы» как ближайшее будущее // Информационное агентство «Телеинформ». URL: <http://i38.ru/nedvizhimost-kommentii/irkutskie-kvartali-proekt-preobrazheniya-tsentra-goroda-kommentiruiut-eksperti>, свободный.
26. «Шанхайские» планы Виктора Кондрашова // Альтаир – альтернативное информационное агентство Иркутской области. URL: http://altair.ru/new/policy/_the_shanghai_plans_viktor_kondrashov, свободный.

Bryazgina Diana E. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: br.diana21@gmail.com

"CHINESE" MARKETS IN POST-SOVIET TRANSFORMATIONS OF URBAN SPACE (THE CASE OF IRKUTSK).

Keywords: "Chinese" markets; urban space; Irkutsk.

The paper is devoted to research of the function of “Chinese” markets in the processes of Post-Soviet urban transformation. The example of Irkutsk shows how the markets interact with the city and consequences of these interactions. “Chinese” markets transformed into integral part of the city infrastructure and consequently became an important factor of development of urban space. The important result of market integration lay in the fact that the market interrelation with the urban space is not in the research field. Hence, the aim of the study is determination and analysis of “Chinese” market’s role in the processes of urban space organization in Irkutsk. The empirical basis of study is the results of observation of the largest Irkutsk “Chinese” markets – “Shankhai” (“Shanghai”) and “Kitai-gorod” (“China-town”). Transformations of “Shankhai” reveal interrelation between reshaping of “Chinese” market and city’s spatial changes. This market changed many forms from the open market (like a grass-root place of bargain) to the container market and later to the contemporary shopping mall. Nevertheless, despite the form modifications the essence of “market” relations remains unchanged. “Shankhai” plays formative role for the central part of the city as the area of bargain and its infrastructure. The second case of “Kitai-gorod” appeared as a result of attempts to control the future development processes of “Shankhai”. In this case, the formative role of market is enhanced and demonstrates another way to “Chinese” market’s influence on organization of urban space. The market is located in the city’s peripheral so it strengthens the spatial connections between the city areas and ensures the integration of outskirts in urban social space. At the same time, it contributed to the separation of the new “Chinese” market from “Shankhai”. The changes of Irkutsk “Chinese” markets demonstrate their role in city development processes. “Chinese” markets have economic function, which is closely related with their social importance. The markets are the basis of new urban localities, which define development of spatial and social development of the city. Markets provide people-to-people and human-space interactions. They determine the multifunctionality of urban space and the system of the intercity connections. In this way, the “Chinese” markets have a special meaning: despite their new forms, these markets set the context for further spatial development of Irkutsk. On the one hand, transformation of “Chinese” markets is the answer to changes in social life of the city, but on the other hand, this is evolution of urban development mechanism.

REFERENCES

1. Dyatlov, V.I. (2015) “Kitayskiy” rynek “Shankhay” v Irkutske: rol’ v zhizni gorodskogo soobshchestva [The “Chinese” market “Shanghai” in Irkutsk: The role in the life of the urban community]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: The space of trade and a meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 105–123.
2. Gupta, A. & Ferguson, J. (2013) Distiplina i praktika: “pole” kak mesto, metod i lokal’nost’ v antropologii [Discipline and practice: “Field” as the place, method and locality in anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 6. pp. 3–44.
3. Eriksen, T.H. (2014) *Chto takoe antropologiya* [What is anthropology]. Translated from English by A. Karasev. Moscow: HSE.
4. Dyatlov, V.I. (2015) “Etnicheskie rynki” v sovremennoy Rossii – uskol’zayushchiy ob’ekt issledovatel’skogo vnimaniya [“Ethnic markets” in modern Russia – the elusive object of research]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: The space of trade and a meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 16–41.
5. Trenin, D. & Vitkovskaya, G. (1999) Vvedenie [Introduction]. In: *Moskovskiy tsentr Karnegi. Perspektivy Dal’nevostochnogo regiona: kitayskiy faktor* [Carnegie Moscow Center. Prospects of the Far East region: the Chinese factor]. Moscow: HSE. pp. 7–8.
6. Dyatlov, V.I. & Kuznetsov, R.E. (2004) “Shankhay” v tsentre Irkutsk. Ekologiya kitayskogo rynka [“Shanghai” in the centre of Irkutsk. Ecology of a Chinese market]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 4(5). pp. 56–71.
7. Peshkov, I.O. (2015) “Vostochnyy rynek” na postsovetском “Vostoke”: analiz podkhodov k vostochnym modelyam tovarno-veshchevykh rynkov Vostochnoy Sibiri i Dal’nego Vostoka [An “Eastern market” in the post-Soviet “East”: The analysis of approaches to the eastern model of commodity-goods markets in Eastern Siberia and the Far East]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: The space of trade and a meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 42–58.
8. Endres, K.W. (2013) Traders, Markets, and the State in Vietnam: Anthropological Perspectives. *ASEAS – Austrian Journal of South-East Asian Studies*. 6(2). pp. 356–365. DOI: <http://dx.doi.org/10.4232/10.ASEAS-6.2-7>
9. Hohnen, P. (2004) *A Market out of Place? Remaking Economic, Social, and Symbolic Boundaries in Post-Communist Lithuania*. Oxford; New York: Oxford University Press.
10. Nyiri, P. (2007) *Chinese in Russia and Eastern Europe: A Middle Minority in a Transnational Era*. London: Routledge.

11. Huwelmeier, G. (2013) Postsocialist Bazaars: Diversity, Solidarity, and Conflict in the Marketplace. *Laboratorium*. 5(1). pp. 52–72.
12. Zhuravskaya, T.N. (2012) “Chinese” shopping centre vs. “Chinese” market: What changed after ban on foreign traders in retail markets (a case study of Amur Region. *Politiya – Politeia*. 4(67). pp. 104–123. (In Russian).
13. Ryzhova, N.P. (2003) Transgranichnyy rynek v Blagoveshchenske: formirovanie novoy real'nosti delovymi setyami “chel'nikov” [The cross-border market in Blagoveshchensk: The formation of a new reality by suitcase traders' networks]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 5(4). pp. 54–71.
14. Sorokina, T.N. (2014) “Zavetnaya mysl' kazhdogo kitaytsa”: formaty kitayskoy trgovli v Priamurskom krae na rubezhe XIX–XX vv. [“The cherished thought of every Chinese”: Chinese trade formats in Amur region at the turn of 20th century]. *Izvestiya Irkutskogo gos. universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie*. 10. pp. 84–102.
15. *Izvestiya Irkutskogo gos. universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie*. (2014) 10.
16. Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) (2015) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: The space of trade and a meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University.
17. Trubina, E.G. (2010) *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [The city in the theory: Space comprehension experiments]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
18. Park, R.E. (2002) Gorod kak sotsial'naya laboratoriya [The city as a social laboratory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 3(2). pp. 3–12.
19. Scott, J. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Good intentions of the state. Why and how failed projects to improve the conditions of human life]. Translated from English by E.N. Gusinskiy, Yu.I. Turchaninova. Moscow: Universitetskaya kniga.
20. Ingold, T. (2007) *Lines: A Brief History*. New York: Routledge.
21. Grigoriev, K. (2016) Migrant Localities: “Gated Space” or “Access Points”? *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 9(4). pp. 783–794. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-4-783-794
22. Khorie, N. & Grigoriev, K.V. (2015) Evolyutsiya kitayskikh rynkov v Sibiri: peresborka “kitaykosti” i otkrytie “zakrytykh” lokal'nostey [The evolution of the Chinese market in Siberia: Remaking “Chinese” and opening the “closed” localities]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) (2015) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: The space of trade and a meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 141–158.
23. Grigoriev, K.V. (2015) Bazar i gorod: “kitayskiy” rynek kak tochka sborki gorodskogo prostranstva [Bazaar and the city: “The Chinese” market as a point of urban space assembly]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) (2015) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: The space of trade and a meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 86–104.
24. Volkov, V.V. (2002) *Silovoe predprinimatel'stvo* [Power busin]. St. Petersburg: EUSPb.
25. Teleinform News Agency. (2015) “Irkutskie kvartaly” kak blizhayshee budushchee [“Irkutsk districts” as the immediate future]. [Online] Available from: <http://i38.ru/nedvizhimost-kommenti/irkutskie-kvartali-proekt-preobrazheniya-tsentra-goroda-kommentiruiut-eksperti>.
26. Altair News Agency. (n.d.) “Shankhayskie” plany Viktora Kondrashova [Viktor Kondrashov's “Shanghai” plans]. [Online] Available from: http://altair.ru/new/policy/_the_shanghai_plans_viktor_kondrashov.

Е.Н. Савельева, В.Е. Буденкова

**ОБРАЗ ДРУГОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ КИНО**

Исследуются проблемы формирования и функционирования культурной идентичности. В контексте предлагаемой модели идентичности и взаимодействия ее разных уровней раскрывается специфика механизмов идентификации советской и постсоветской эпохи. Уникальная природа культурной идентичности советского человека рассматривается с позиции тесной взаимосвязи гражданской и национально-культурной идентичностей. Советская идеология, «встроенная» в процесс формирования культурной идентичности, обеспечивала единство ее ценностно-смыслового пространства и солидарность коммуникативных практик. Так, анализ образа Другого (чужака или мигранта) в отечественном кино демонстрирует успехи конструирования художественной реальности в соответствии с идеологией интернационализма и дружбы народов. Раскол и неопределенность культурной идентичности постсоветского времени, в свою очередь, отражается в киноискусстве, переставшем выполнять миссию консолидации общества.

Ключевые слова: персональная идентичность; национальная идентичность; гражданская идентичность; киноискусство; киноязык; образ мигранта; советская идеология.

Тема идентичности на протяжении нескольких десятилетий вызывает устойчивый интерес не только у ученых-гуманитариев, но и у широкой общественности. В последнее время все чаще звучат утверждения о кризисе идентичности как глобальном процессе, об утрате современным человеком идентификационных ориентиров и трудностях самоидентификации. Не менее драматично обстоят дела и с коллективной идентичностью. Поток мигрантов, наводнивших страны ЕС, поставил под сомнение европейскую идентичность и обострил национальные чувства жителей Европы. Для современной России поиск национальной идеи, а значит, и конструирование национальной идентичности, также являются актуальными задачами, от решения которых зависит будущее страны.

Ситуация усугубляется процессом глобализации, причем не только в плане стирания границ и различий, унификации и гомогенизации современного мира, но и в плане реакции на происходящие изменения, выражающейся в демонстративном стремлении подчеркнуть собственное отличие и превосходство по отношению к тем, кто не является «своим». Таким образом, обнаруживается противоречие между манифестациями идентичности на индивидуальном и коллективном уровнях и неспособностью субъектов (индивидов, социальных групп, этносов и т.д.) позиционировать себя по отношению к другим и внятно артикулировать свою принадлежность.

Примечательно, что еще в середине прошлого века вопрос об идентичности не вызывал особых затруднений, т.е. в обществе, в частности советском, имелись четкие представления и ориентиры, позволявшие людям «самоопределяться». А в XIX в. идентичность человека, как правило, «задавалась» двумя параметрами – именем собственным и национальностью. Это говорит о том, что в XXI в. идентичность и идентификация усложнились и перестали быть чем-то само собой разумеющимся. Идентичность в наше время требует уси-

лий, прежде всего интеллектуальных и волевых. Кроме того, особого изучения заслуживают механизмы конструирования и реализации идентичности, поскольку, зная «как это работает», мы можем воздействовать на процесс ее формирования и противостоять деструктивным процессам.

Среди всего многообразия аспектов проблемы внимание авторов привлекли закономерности формирования идентичности, ее структуры и динамики, а из арсенала средств авторы выделили кино, в частности формы проявления национально-культурной идентичности сквозь призму представлений о «других» в советском и постсоветском кинематографе. Но прежде, чем перейти к анализу киноматериалов, следует изложить теоретико-методологические основы нашего исследования. Авторскую модель идентичности мы достаточно подробно описали в своей предыдущей статье [1], здесь же кратко напомним ее основные положения.

Данная модель базируется на трех методологических принципах. Во-первых, идентичность, при всей ее текучести, конструируемости, контекстуальности, имеет «твердое ядро», обеспечивающее преемственность и устойчивость. Таким ядром выступает персональная идентичность. Во-вторых, идентичность формируется и реализуется в процессе коммуникации, т.е. постоянство нашего «Я» поддерживается не только внутренними, но и внешними факторами, т.е. в общении с другими, круг которых постоянно расширяется. В-третьих, структура идентичности подобна матрешке и включает последовательный ряд ступеней. Персональная идентичность (кто я?) – социальная (кто я в социуме?), которая делится на микро- (семья, работа, друзья), мезо- (этнокультурная, религиозная – кто я как представитель определенной культуры, национальности?) и макросоциальную (общество, государство – кто я как гражданин?)¹ – культурно-цивилизационная (кто я как представитель цивилизации или «мира», например «европеец»). Последова-

тельность этих ступеней и формирует целостность нашего «Я».

По нашему мнению, названные принципы и модель, построенная на их основе, обладают двумя методологическими преимуществами: они позволяют связать персональную и коллективную идентичность в единое целое и проследить его динамику. При этом следует подчеркнуть, что на разных уровнях идентификация осуществляется по разным основаниям. Персональная идентичность формируется на основе *различия*, микросоциальная – по *принадлежности*, а последующие уровни – по принципу *сходства*. Эти особенности важно иметь в виду при анализе отношений «свой – чужой». Так, на уровне микросоциальной идентичности все «Другие» – это по сути «Свои», и поэтому для идентификации с ней не требуются дополнительные инструменты, достаточно осознания принадлежности к общему. Но, начиная с уровня мезоидентичности, часть «Других» неизбежно становится «Чужими» и для идентификации требуется найти нечто общее.

Таким образом, подчеркнем два важных момента. Во-первых, именно с микросоциального уровня начинается проявление коллективной идентичности, а процесс идентификации осуществляется на основе принадлежности и сходства, а не различия. Это в полной мере относится и к макросоциальной идентичности, связанной с ощущением себя членом общества, гражданином государства, частью своей страны. Во-вторых, особой формой коллективной идентичности является национально-культурная идентичность, манифестирующая общее историческое прошлое, аккумулирующая и выражающая базовые ценностно-смысловые установки и принципы². Неслучайно данный тип идентичности нередко рассматривается как воплощение национального характера, особенностей менталитета и т.д. Кроме того, в изменчивых условиях современности актуализируются механизмы, обеспечивающие солидарность сообществ. Сегодня, как никогда, народам необходим «свой» смысловой идентификационный комплекс, включающий общее историческое прошлое, географию проживания, семейные и религиозные ценности, традиции, региональную мифологию и отражающий самобытность культуры.

Как показывает история, крайне опасно пускать на самотек процесс формирования национально-культурной идентичности. Это приводит к расколу в обществе, «сворачиванию» межкультурных коммуникаций, к росту непонимания, агрессии и ксенофобии. Поэтому, понимая национально-культурную идентичность как «интегративный, рационально конструируемый с использованием политических и идеологических механизмов феномен, образующий «культурную скрепу» для проживающей на одной территории коллективной общности» [2. С. 256], следует задаться вопросом: каковы практические формы реализации механизмов, способствующих укреплению культурной идентичности?

Серьезное значение в данном контексте имеет, к примеру, кинематограф – массовый вид искусства, обладающий высочайшим коммуникативным потенциалом. Так, анализ специфики художественного решения образа Другого (чужака или мигранта) в советском и постсоветском кино позволяет обнаружить два принципиально разных подхода. Один подход воплощает киноискусство советского времени, основанное на принципах соцреализма и получившее характеристику «идеологического» кино. Второй реализует новая образная система постсоветского кинематографа, освободившегося от идеологических и эстетических нормативов. Сущность различий мы связываем с нарративной целостностью ценностно-смыслового пространства советского киноискусства. Это указывает на внутрисистемную слаженную взаимосвязь разных уровней и типов национально-культурной идентичности, в то время как подобную устойчивость идентичности сменяют ее раскол, множественность и неопределенность эпохи 1990-х гг. Причем советскую эпоху отличало доминирование в общей идентификационной матричке гражданской идентичности. Именно на нее ориентировался субъект коммуникации – советский человек, маркирующий границы Свой–Чужой. В этом случае идентичность мезоуровня (этнокультурная, религиозная (в определенном смысле)) «поглощалась» гражданской, т.е. макроуровневой, и подчинялась ее ценностно-смысловым ориентирам. Другими словами, в советском обществе гражданская идентичность, соединившись с национально-культурной, образовали уникальную в своем роде целостность – идентичность советского человека. Это нашло отражение и в языке, и в идеологических формулах того времени. Так, согласно философскому энциклопедическому словарю, советский народ – это «новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию и многообразную по национальным особенностям культуру...» [3. С. 620].

Заметим, что речь не идет о благой ситуации всеобщей дружбы и полного взаимопонимания, поскольку действительность всегда полна противоречий и не укладывается в тесные рамки «идеальных схем». Однако интернационализм, как тип отношений между людьми, этносами, народами, основывающийся на признании Другого Своим (хотя и обладающим рядом отличий), прочно укрепился в системе идентификационных координат советской эпохи.

Следует обратить внимание на то, что кино, как показательный феномен визуальной культуры XX–XXI в., выполняет двоякую функцию. С одной стороны, его резерв неисчерпаем в успешном конструировании моделей социокультурной реальности. С другой стороны, при всей условности художественно-образного отражения мира киноискусство способно улавливать и транслировать негативные симптомы в жизни общества. Речь идет не столько о прямом крити-

ческом высказывании по поводу тщательно скрываемых и табуированных властью противоречий, сколько об их неосознанной маркировке. Так, болевым нервом режиссеров семидесятников и восьмидесятников оказываются проблемы свободы личности – ее экзистенциальной, духовной, социальной природы. На эту тему высказываются многие авторы (Р. Балаян, А. Герман, Э. Климов, К. Муратова, А. Тарковский и др.), используя метафорический эзоповский киноязык. «Все формы повествования (от условных до максимально жизнеподобных) стали выглядеть как зашифрованные аллегории подсоветской жизни» [4. С. 316].

Однако заметим, что проблема чужака-мигранта не обнаруживается в кинопроизведениях этого периода ни в имплицитной, ни в открытой формах. Подобная тематическая лакуна косвенно свидетельствует об успехах построения в советское время культурной идентичности на коллективном уровне.

Так, советский киноязык конструирует художественную модель социалистической реальности, ориентированной идеологическими установками на солидарность, дружбу народов, интернационализм. Насколько официальная пропаганда содружества народов Союза Советских Социалистических Республик, декларируемая системой, имела отношение к реальному положению дел, вопрос дискуссионный. Но хотелось бы обратить внимание на то, что, несмотря на жесткость цензуры, проблематика миграционной политики обязательно бы получила имплицитную рефлексию в художественной сфере (к примеру, в авторском кино). Вместо этого *формируется позитивный образ Другого* как жителя иной союзной республики, представителя национальных меньшинств и т.п. Множество фильмов (разных по стилю и жанрам) демонстрируют доброжелательное к ним отношение. Гости столицы из союзных республик в отдельных эпизодах фильмов «Я шагаю по Москве» (1963 г., Г. Данелия, Г. Шпаликов) или «Три тополя на Плющихе» (1967 г., Т. Лиознова) пребывают хотя и в новой, но вполне естественной и комфортной коммуникативной среде. Их выслушивают, им при необходимости помогают. Источником и центром притяжения испытаний героя фильма Г. Данелии «Мимино» (1977 г.) является абсурдность социального пространства, а вовсе не национальная принадлежность (она скорее подчеркивает самобытность реакций героя). Кавказец Ибрагим в фильме «Угрюм-река» (1968 г., Я. Лапшин) оказывается Другим по отношению к Прохору Грому не по национальному признаку, несмотря на свою внешнюю экзотичность, необузданность и бесстрашие характера. Акцент различия героев перемещается в морально-этическое пространство: самоотверженность Ибрагима и предательство Прохора. В целом же сама художественно-образная система советского кино (от монтажа до актерской игры) выстраивает фильмическую реальность, в которой полностью *отсутствует негативная интерпретация национальной принадлежности*. Пред-

ставитель какого-либо народа советской России – будучи другой национальности – рассматривается как «свой», но «особенный», а не как Чужой, абсолютно непостижимый и представляющий угрозу.

Объяснить феномен позитивного образа Другого в его этнонациональной ипостаси можно следующим образом. Во-первых, идеология советской системы являлась объединяющим началом, формирующим коллективную идентичность, где доминирующую роль играет гражданская идентичность, а не этнонациональная или религиозная. Уникальный ценностно-смысловой ряд (коллективизм, патриотизм, социальная справедливость и проч.) определял самосознание «советского народа» на всех уровнях коллективной идентичности: микро-, мезо- и макросоциальном. А поскольку утопический проект социалистическо-коммунистических преобразований предполагал мировые масштабы, поэтому можно говорить о расширении идентификационной модели до культурно-цивилизационного уровня. Соответственно, основанием коммуникации становится культурно-цивилизационная идентичность, которая в силу своей изначальной открытости и интегративной природы частично включает национальную, религиозную, социальную, хотя не исчерпывается ими. Это значит, что растет число Других (индивидов, этносов, наций, религий), которые становятся Своими. Персональный же характер выбора подобной системы ценностей только закрепляет целостность и устойчивость культурной идентичности. Следует упомянуть, что такие черты, как коллективизм, общинность, терпимость к инородцам, исторически присущи отечественному менталитету. Это объясняет их трансляцию в пространство советской культуры, сохранившей и укрепившей подобную преемственность мировоззренческих установок и традиций.

Именно по этой причине *демаркацию Свой–Другой определяли не этнокультурные, а иные различия*. Какие именно параметры оказываются идентификационными для определения Своих? Кто в этом случае занимает место Другого – Чужака, несущего угрозу? Ответы мы обнаруживаем в пространстве советского кино, репрезентирующего образ Другого посредством следующих форм инаковости.

Во-первых, образ Другого *выстраивается по принципу идеологического несовпадения*. Как правило, это иностранец, представитель западного, капиталистического мира, которому противостоит советский человек – любой национальности, религии, профессии. Ярким примером является фильм Г. Александрова «Цирк» (1936 г.), где герой с чуждыми советскому человеку установками воплощает чужака, в то время как героиня-иностранка (как и ее темнокожий сын) приобретают статус Своих, продемонстрировав желание интегрироваться в советскую систему. Даже в фантастическом жанре – «Аэлита» (1924 г., Я. Протазанов) или «Через тернии к звездам» (1980 г., Р. Виктор) – ино-

планетяне идентифицируются, в первую очередь, как представители иной враждебной идеологической системы. Как правило, она имеет признаки западноевропейской капиталистической формации. В этом же русле идеологического противостояния складывается богатейшая традиция исторического, историко-революционного, военного кино. Демонстрируется враг – захватчик, нацист, диверсант и т.п.

Во второй модели Другого мы все же обнаруживаем представителя национальных меньшинств, но драматургический конфликт связан с его идейным сопротивлением советской власти. Показательно, что в тот момент, когда осуществляется цивилизационное рекрутирование, этноэкзотичность героя не мешает его включению в круг Своих. Подобные примеры дает кино сибирской тематики («Случай в тайге» 1953 г., Ю. Егоров, Ю. Победоносцев; «Золотое озеро» 1935 г., В. Шнейдеров; «Звероловы» 1959 г., Г. Нифонтов) [5].

Обе модели в качестве идентификационных маркеров Своего/Другого ориентируют на приверженность ценностным системам определенного общественно-политического типа. Свои – безусловно, за социалистическое мироустройство, а именно: за социальную справедливость, интернационализм, коллективизм, патриотизм, мировую революцию и т.д. Другие опознаются по агрессивно-активному либо пассивному сопротивлению данному устройству общества.

Выделим *третий вариант возможного конструирования Другого, который осуществляется в контексте бесконечного разнообразия производственных, психологических, социальных, межличностных и прочих конфликтов между представителями единого культурного пространства.* Демонстрируется не столько кардинально Другой, сколько в чем-то ущербный Свой, не достигший идеального образа героя эпохи. Тем самым предлагается возможность обнаружить тождество на уровне персональной идентичности. Советское кино демонстрирует плодотворный путь от первых шагов самоидентификации человека новой эпохи («Строгий юноша» 1936 г., А. Роом; «Летчики» 1935 г., Ю. Райзман) к рефлексии по поводу внутреннего мира в экзистенциальном кино восьмидесятников («Полеты во сне и наяву» 1983 г., Р. Балаян; «Сталкер» 1979 г., А. Тарковский). Важно подчеркнуть, что, несмотря на специфику ценностных приоритетов разных киноэпох (пафос человека труда и коллективизм в соцреализме или поворот к индивиду в кино оттепели и т.д.), базовые ценностные ориентиры остаются определяющими. Зато жанровое и тематическое разнообразие советского кино предлагало множество вариантов самоидентификации и по принципу тождества, и по принципу персонального различия. Так, к примеру, шестидесятники обнаруживают демаркацию между ценностными установками города – деревни (кино деревенской тематики В. Шукшина); прогрессом – консерватизмом («Журналист» 1967 г., Герасимов); между поколениями отцов и детей; между добропорядочными

гражданами и преступным миром, между индивидуалистом и представителем коллективистских убеждений и т.д.

В любом случае средства киноискусства эффективно использовались как механизм художественно-образной трансляции ценностных установок, как предписанных советской идеологией (социалистические принципы), так и присущих отечественному менталитету (взаимопомощь, опора на Другого, порядочность, бескорыстность, альтруизм, сострадание, патриотизм, самопожертвование и проч.). Таким образом, советская идеология, «встроенная» в процесс формирования культурной идентичности, поддерживала ее целостность и обеспечивала взаимопонимание субъектов коммуникативных практик.

Продуктивность подобной стратегии государственной культурной политики становится очевидна при обращении к кино постсоветской эпохи. После распада СССР кинопродукция отчетливо демонстрирует атрофию государственной идеологии. В пространстве киноискусства мы не находим ни солидарного дружелюбия по отношению к представителю иной национальности, ни внятного киновысказывания по поводу лавинообразного роста межнациональных проблем. Более того, в отличие от европейского кино (Жак Одиар, С. Фрирз, Жан-Пьер и Люк Дарденны и др.), активно осваивающего проблему мигрантов, отечественных фильмов данной тематики крайне мало [6].

Обозначим причины такого положения. Несмотря на устойчивость «ядра», персональная идентичность, сформированная в процессе индивидуального выбора систем ценностей, лишена «внешней» поддержки коллективных «матрешек». Процесс коммуникации не обеспечивает самоотождествления по принципу сходства, так как социокультурную реальность характеризует ценностно-смысловой релятивизм. Киноязык, с одной стороны, маркирует эту ситуацию неопределенности. С другой, он уже не выполняет миссию конструирования художественной реальности на основаниях, определенных идеологией, и не призван консолидировать общество. А «ухватить» проблемную реальность он тоже не в состоянии из-за коммерческих приоритетов. Другой возможной причиной может быть культурная память о бывшем содружестве наций, стыдливо превращающая миграционную проблематику в «фигуру умолчания».

Между тем на малочисленном киноматериале мы обнаруживаем следующие тенденции. *Во-первых, в систему демаркации Свой–Другой входит четкая фиксация этно-национальных различий.* Появляется образ мигранта – чужака, представителя иного мира, вовсе не входящего в Свой круг («Она» 2012 г., Л. Садилова). *Распространяется негативный образ «понаехавших»,* систематически возникающий в телесериалах. Даже вполне безобидный ТВ-сериал «Наша Russia» (производства «Comedy Club Production»), героями которого являются символы *гастарбайтеров* Равшан и Джам-

шут, косвенно демонстрирует негативные симптомы общества. Насколько герои – Другие, исключенные из круга Своих, – указывают приемы комизма, выстроенные на подсознательном страхе русского начальника перед подчиненными рабочими-таджиками. Это вызывает его агрессию по отношению к *гастарбайтерам*, живущим в своем – абсолютно непроницаемом для понимания – мире [7. С. 266]. Весьма показателен фильм Дм. Мамулия «Чужое небо» (2010 г.) о пастухе Али из Средней Азии, который отправляется в Москву в поисках пропавшей жены. Художественно-образные средства киноязыка предельно достоверно конструируют враждебную среду мегаполиса как безнадежно чуждое герою пространство. Для этого используются подчеркнута некоммуникативные планы (со спины, сверху, сквозь дверные проемы); камера имитирует движение в узком темном пространстве; грязные коридоры, дворы, троллейбусы как резервация для чужаков; в противовес уверенной телесности и стремительным движениям «хозяев» территории – молчаливость, согбенность героя. Режиссер педалирует не столько страх перед Другими, сколько брезгливость, на что метафорически указывает звуковой фон, транслирующий информацию о нарастающей эпидемии гриппа и сцены дезинфекции *гастарбайтеров*.

Стоит отметить также, что статус мигрантов в подобном негативном контексте получают и «оккупирующие» столицу провинциалы («Мигранты» 1991 г. В. Приемыхов; «Глянец» 2007 г. А. Кончаловский).

Таким образом, в идентификационный ряд тождества и различий включаются этнокультурные признаки. Таков подмеченный киноискусством симптом наступления эпохи «всеобщего интернационального недружелюбия», национальных проблем и недееспособности гражданской идентичности.

Вторым принципиальным изменением в критериях демаркации Свой–Другой является утрата идеологической составляющей. Основания инаковости иностранцев, представителей западноевропейского мира, существенно меняются. Например, в фильме В. Меньшова «Зависть богов» (2000 г.) иностранец как Иной занимает не идеологическое, а сексуальное интимное пространство. Его социально-политическая позиция не выступает необходимым параметром различия. Для героини фильма гораздо неожиданнее и экзотичнее оказывается мир его гендерной идентичности.

Подобное замещение происходит и в осваиваемых постсоветским кино жанрах фантастики и фэнтези. Так, Иные/Другие в «Ночном дозоре» (2004 г.) Т. Бекмамбетова обладают особой – внеантропологической

природой, и это их основной идентификационный признак.

Теряет актуальность и третья модель конструирования Другого, ориентированная на поиск тождества и различий персональной идентичности во внутрикультурном пространстве. Культурную идентичность постсоветского времени определяют установки, эпизодически декларируемые и зачастую противоречивые по ценностно-смысловому содержанию. Подобная идейная сумятица отражается и в киноискусстве. Кинопространство складывается из мозаики произведений, в которых герои либо выступают носителями невянятно выраженной системы ценностей; либо транслируют установки ушедшей советской эпохи; либо опираются на особенности западноевропейского менталитета, усиливая их воздействие обращением к голливудским эстетическим принципам и т.д. В целом же отсутствуют критерии, на которые можно ориентироваться в процессе самоидентификации и провести демаркацию между Своими и Другими. В силу этого теряет свое значение принцип сходства при коммуникации коллективного субъекта нынешней эпохи с Другим – мигрантом, представителем иной национальности бывшего Советского Союза. Мы больше не солидарны в своем дружелюбии по отношению к представителям национальных меньшинств. Настроения значительной части общества по отношению к ним располагаются где-то между настороженностью и враждебностью, что угрожает ростом ксенофобии и национализма.

Таким образом, киноискусство, будучи механизмом конструирования художественно-образных миров и выявления скрытых симптомов общества, способно внести лепту в укрепление культурной идентичности. Как показывает наше исследование, советское кино успешно участвует в формировании национально-культурной идентичности, в репертуаре которой на коллективном уровне доминирует гражданская, а не этнокультурная или религиозная. Идеология интернационализма обуславливала терпимость и толерантность по отношению к языкам, поведенческим моделям, традициям, нормам и т.п., что обеспечивало иммунитет к ксенофобии и национализму у советских граждан. Сегодня же, когда идеологические механизмы не обеспечивают единства гражданской и национальной идентичностей, а некогда общее коммуникативное пространство разделено вполне осязаемыми границами, сложно, но нужно и можно найти то общее, что позволит воспринимать Другого без негативных коннотаций и идентифицировать себя с ним на основе сходства, а не различий. Опыт советского кинематографа здесь может быть весьма кстати.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы разделяют этнокультурную и национально-культурную идентичности. В данном случае национально-культурная может совпадать с гражданской. В многонациональном государстве гражданская – шире, но в СССР национально-культурная совпадала с гражданской.

² Нетрудно заметить, что гражданская и национально-культурная идентичности тесно взаимосвязаны, что позволяет говорить об их «обратимости» в определенных культурно-исторических условиях и обстоятельствах. Тем не менее нам важно подчеркнуть специфику обеих, связанную

с разными временными измерениями. Гражданская идентичность – это современность, т.е. самоопределение в настоящем времени; национально-культурная – это переживание истории, актуализированный опыт прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44.
2. Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории : Научный альманах. Человек в поисках идентичности. М. : Ин-т философии РАН, 2010. Т. IV. С. 255–281.
3. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. 836 с.
4. После оттепели: кинематограф 1970-х. М. : НИИ киноискусства, 2009. 576 с.
5. Савельева Е.Н. Художественно-образная модель Сибири и «сибирская идентичность» в отечественном кино XX века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 4 (20). С. 14–24.
6. Долин А. Мигранты в кино: замкнутый круг насилия. URL: http://radiovesti.ru/episode/show/episode_id/35219.
7. Тихонова А. «Гламурный подонок» и «суровый гей», или Постсоветские репрезентации маскулинности в телевизионной поп-культуре: «Наша Россия» на ТНТ // Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, М. : ООО Вариант ЦСПГИ, 2009. 296 с.

Savelieva Elena N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: limi77@inbox.ru, kulturtu@yandex.ru; Budenkova Valeriya E. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: soler@front.ru, kulturtu@yandex.ru

THE CONCEPT OF THE OTHER AS A MANIFESTATION OF NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY IN SOVIET AND POST-SOVIET CINEMA.

Keywords: personal identity; national identity; civic identity; film art; language of cinema; the image of the migrant; the Soviet ideology.

The article is concerned with the study the role of cinema in the construction of national and cultural identity. Through the example of the Soviet and post-Soviet cinema the authors seek to show peculiarities of the national and cultural identity manifestation from the perspective of the concept of “the Others”. The significance of the study is due to the following factors. Firstly, in recent years have increasingly heard statements about identity crisis as a global process, about the loss by our moderns the identity guides, and about difficulties of self-identification. Secondly, in the context of globalization national feelings become more sensitive and desire to emphasize our own difference and superiority toward those who are not “one of us”, increases. Thirdly, understanding the ways and mechanisms of constructing and maintaining national and cultural identity is essential for the future of Russia. The aim of this paper is to show how an artistic model of reality, which is ideologically focused on solidarity, friendship and internationalism, is constructed by means of cinema language, and a positive image of “the Other” is formed. Methodological basis of the study is the model of identity developed by authors. This model allows us to explain the phenomenon of Soviet identity, which had connected national and cultural with civic identity. The consequence of this association was the relationship based on the searching for similarities in the difference and recognition “the Other” “One of us”. As for the images of “aliens” in the Soviet cinema, they are formed not on ethnic grounds, but on the ideological and/or socio-political basis. In any case, the means of cinema were effectively used as a tool of artistic translation values, both prescribed by the Soviet ideology and historically inherent in the national mentality. Thus, the Soviet ideology included in the cultural identity formation supported its integrity and ensured mutual understanding of subjects of communications. The opposite situation exists in the post-Soviet cinema. Firstly, the demarcation of “us-them” is based on fixation of ethnic and national differences. The image of the migrants as “interlopers”, representatives of another world appears in contemporary Russian cinema. The second fundamental change in distinguishing “us-them” is the loss of the ideological component. Also, the third model of “the Other” construction that is directed at the searching orienting points for personal identity in native culture, loses its relevance. We are no longer in agreement in our friendliness towards representatives of other nations. Today the ideological mechanisms do not ensure the unity of civil and national identity, and perceivable boundaries have divided formerly common communicative space. So it is very important to find something in common, which allows to perceive “the Other” without negative connotations. The Soviet cinema experience can be a handy idea under current conditions.

REFERENCES

1. Budenkova, V.E. & Savelieva, E.N. (2016) Identity as a topic of theoretical and methodological analysis: models and approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1(21). pp. 31–44. DOI: 10.17223/22220836/21/4
2. Astafieva, O.N. (2010) Restrukturizatsiya i demarkatsiya kolektivnykh identichnostey v usloviyakh globalizatsii: budushchee natsional'no-kul'turnoy identichnosti [Restructuring and demarcation of collective identities in the context of globalisation: The future of national and cultural identity]. In: Reznik, Yu.M. & Tlostanova, M.V. (eds) *Voprosy sotsial'noy teorii. Chelovek v poiskakh identichnosti* [Issues of Social Theory. Man's Search for Identity]. Vol. 4. Moscow: Institute of Philosophy RAS. pp. 255–281.
3. Ilichev, L.F., Fedoseev, P.N., Kovalev, S.M. & Panov, V.G. (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
4. Shemyakin, A. & Mikheeva, Yu. (2009) *Posle ottepeli: kinematograf 1970-kh*. [After the Thaw: cinematography of the 1970s]. Moscow: NII kinoiskusstva.
5. Savelieva, E.N. (2015) The artistic model of Siberia "Siberian identity" in Russian cinema of the twentieth century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4(20). pp. 14–24. DOI: 10.17223/22220836/20/2
6. Dolin, A. (2015) *Migranty v kino: zamknuty krug nasiliya* [Migrants in the cinema: a vicious circle of violence]. [Online] Available from: http://radiovesti.ru/episode/show/episode_id/35219.
7. Tikhonova, A. (2009) “Glamurnyy podonok” i “surovy gey” ili postsovetkie reprezentatsii maskulinnosti v televizionnoy pop-kul'ture: “Nasha Russia” na TNT [A “glamorous scum” and a “harsh gay” or representation of masculinity in the post-Soviet television pop culture: “Our Russia” on TNT]. In: Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, P. (eds) *Vizual'naya antropologiya: nastroyka optiki* [Visual Anthropology: Setting optics]. Moscow: Variant TsSPGI.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94 (47).043-073
DOI 10.17223/19988613/45/18

Д.А. Ананьев

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ И НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ В ОЦЕНКАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ И НЕМЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI в.)

Выявляются подходы англо-американских и немецких исследователей к изучению истории массовых крестьянских переселений в Азиатскую Россию в дореволюционный период. Установлено, что работам западных авторов, опубликованным в первой половине XX в., присущи объективизм, использование «универсальных теорий» (колонизации, модернизации), стремление рассмотреть историю крестьянских миграций в общеевропейском и глобальном контексте. Во второй половине XX – начале XXI в. исследователи сосредоточились на изучении особенностей крестьянских миграций в условиях «сибирского фронта». Наряду с разнообразием теоретико-методологических подходов для рассматриваемого исследовательского направления характерна широкая палитра оценок переселенческого движения, от преимущественно критических в начале XX в. до преимущественно положительных – в современной историографии.

Ключевые слова: историография; история Сибири; крестьянские переселения.

В дореволюционной истории Сибири и Дальнего Востока западные исследователи нередко выделяют рубеж XIX–XX вв. как особый период, отмеченный вступлением Азиатской России на путь модернизации, ускорением социально-экономического развития и, как следствие, изменением геополитической роли восточных регионов Российской империи. Наряду с сооружением Транссибирской магистрали существенным фактором, способствовавшим упрочению российского присутствия в Азии, послужили массовые крестьянские переселения – «ключевой элемент «внутренней колонизации» [1. S. 19].

История массовых миграций на востоке России привлекала внимание многих зарубежных авторов – представителей особого исследовательского направления, связанного с изучением аграрной истории России. Как отмечает Д. Мун, начало данному направлению на Западе положили труды А. фон Гакстгаузена и Д. Маккензи Уоллеса [2–4], опубликованные в XIX в. В дальнейшем ведущая роль в его развитии сохранялась за немецкими и британскими (а со второй трети XX в. – и американскими) учеными.

Историографический анализ их работ дается в обобщающих трудах, посвященных современному западному россиеведению (Е.Б. Шашина, Н.С. Бичерова, О.В. Большакова) [5–7], а также специальных исследований, затрагивающих более узкие темы. В частности, англоязычная и немецкоязычная историография социально-экономического развития дореволюционной России освещается в работах М.Д. Карпачева, А.В. Карагодина, А.Г. Дорожкина [8–10]; исследования по истории русского крестьянства – в статьях С.И. Жука, Дж. Брукса, Б. Эклофа, Дж. Чэннона [11–13]. Работы британских и американских историков, посвященные столыпинской аграрной реформе, изучали П.Н. Зыря-

нов, И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская, О.В. Ефимов и др. [14–21].

В историографии отмечается, что для западных авторов характерно стремление вписать аграрную историю России в общемировой контекст. Так, Т. Шанин [22] и Б. Эклоф [12] характеризуют черты российского крестьянского быта как региональные вариации глобальной крестьянской культуры и считают необходимым рассматривать историю русского крестьянства рубежа XIX–XX вв. как часть всемирного исторического материала, не воспринимая их как некое «отклонение» от европейского образца (который сам является одним из «отклонений» в мировой истории). Им вторит С. Хок, утверждающий, что круговая порука, чересполосица, периодические переделы земли представляли собой разновидности приемов «уклонения от рисков», общие для крестьянства многих стран [23].

В XX в. повышенный интерес западных специалистов к истории русского крестьянства объяснялся не только популярностью проблематики «социальной истории», но и тем, что, по определению Т. Шанина, «на протяжении всего XIX в. и значительной части XX в. две трети населения России составляли крестьяне. <...> Выражаясь количественно, крестьяне и были Россией». [8; 22. P. 102]. В полной мере сказанное можно отнести и к Сибири. Отмечая доминирующую роль крестьянства в социальной структуре и сходство методов колонизации в европейской и азиатской частях Российской империи, западные историки в то же время призывали уделять пристальное внимание региональным особенностям.

Решению данной задачи отчасти способствовали исследования по аграрной истории Сибири и в частности истории крестьянских миграций, опубликованные англо-американскими и немецкими авторами в конце

XIX – начале XXI в. Отдельные работы западных сибиристов анализировали Г.Я. Дубовский, Л.М. Горюшкин, А.Н. Сагайдачный, С.В. Передерий, А.Г. Дорожкин [24–28]. В настоящей статье предпринята попытка комплексного историографического анализа работ англо-американских и немецких авторов и оценки их вклада в изучение истории массовых крестьянских переселений в Сибирь и на Дальний Восток в пореформенный период.

На рубеже XIX–XX вв. в Германии появилось значительное количество работ, посвященных проблемам истории социально-экономического развития России. Их авторы (Г. Шульце-Гевеверниц, Г. Крамер, К. фон Цепелин, С. Гельфферих, В. Витчевский, О. Хетцш, В.Д. Прейер и др.) в большинстве своем не являлись профессиональными историками. Обращение к прошлому представляло для них интерес прежде всего с точки зрения поиска ответов на актуальные вопросы современности. Большинство исследователей писали о позитивных тенденциях в российской экономике, хотя состояние сельского хозяйства России многими оценивалось как кризисное [10]. По мнению А.Г. Дорожкина, наибольшую объективность в освещении российских реалий демонстрировали представители так называемого консервативно-реформаторского направления (В. Витчевский, К. Гельфферих, О. Хетцш), которые увязывали прогресс в развитии России с проведением консервативных (т.е. в рамках существующей политической системы) реформ.

К данному направлению можно отнести и работы известного немецкого экономиста и дипломата Курта Виденфельда (1871–1955), который, в частности, подверг обстоятельному анализу ход и итоги крестьянских переселений в Сибирь в специальном разделе своей монографии «Сибирская магистраль в ее экономическом значении», опубликованной в 1900 г. [29]. Источниками для К. Виденфельда послужили труды дореволюционных российских исследователей (в первую очередь А.А. Кауфмана), отчеты Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД), материалы российской печати.

Историю сибирских переселений К. Виденфельд рассматривал с позиций концепции «колонизации», различая при этом «внутреннюю колонизацию» (в случае с Западной Сибирью, давно обжитой несколькими поколениями русских колонистов), «внешнюю» (имевшую место на Дальнем Востоке); «военную» и «штрафную». Примечательно, что в кратком очерке, посвященном истории освоения Сибири, ведущую роль в общем колонизационном процессе К. Виденфельд отводил русскому крестьянству, а не казакам, промышленникам или государству.

Анализируя эволюцию колонизационной политики правительства, К. Виденфельд положительно оценивал переселенческое законодательство 1840–1850-х гг., инициированное главой Министерства государственных имуществ П.Д. Киселевым и оказавшее благотворное влияние на Сибирь. В период реформ 1860–1870-х гг.,

по мнению исследователя, ситуация изменилась к худшему, поскольку добиться разрешения на выход из своей общины и на переселение в другую местность крестьяне могли лишь после уплаты выкупной суммы, что было под силу далеко не многим. К тому же помещики старались не допустить дальнейшего оттока рабочей силы, а правительство отказалось от идеи оказания крестьянам какой-либо дополнительной материальной помощи.

Послабления (по закону от 30 июля 1865 г.) были сделаны лишь для тех, кто переселялся в Алтайский округ, земли которого являлись частной собственностью Романовых, а также в новоприобретенную Амурскую область, о необходимости «русификации» которой говорил еще гр. Н.Н. Муравьев-Амурский. Однако, как указывает К. Виденфельд, во второй половине XIX в. переселенческое движение на Дальнем Востоке не было заметным, что отчасти объяснялось различиями в природно-климатических условиях, отчасти – удаленностью региона и значительными финансовыми затратами на переезд и обустройство на новом месте.

В 1880-х гг. правительство, по мнению К. Виденфельда, старалось не столько оживить и поощрить переселения, сколько удерживать их в определенных рамках (о чем свидетельствовали указы 1881 и 1889 гг.). Получить официальное разрешение на переезд было непросто, а общий размер выданных переселенцам ссуд ежегодно составлял лишь несколько тысяч рублей. Власти по-прежнему стремились удержать рабочую силу для сельского хозяйства и промышленного производства в метрополии.

Строительство железной дороги потребовало заселения безлюдных территорий, соответственно, новый царь Николай II потребовал поставить переселенческое дело на «твердые рельсы». Порядок получения разрешений был упрощен, переселенцы получали беспроцентную ссуду сроком на 10 лет, для них были снижены тарифы на железнодорожные перевозки, по пути следования оказывалась медицинская помощь. По заключению К. Виденфельда, железная дорога способствовала дальнейшей интеграции Сибири в общееимперское пространство, позволила сделать ее неотъемлемой частью России.

Впрочем, достаточно быстро обнаружилось, что местные власти оказались не готовы к стремительному росту переселений, остро ощущалась нехватка подготовленных участков. В итоге КСЖД 20 февраля (4 марта) 1897 г. распорядился по возможности ограничить поток переселенцев. Разумеется, речь не шла об отмене действовавших законов; чиновники лишь стали опровергать преувеличенные слухи о благополучной жизни в Сибири.

Вслед за А.А. Кауфманом К. Виденфельд заключил, что к исходу XIX в. пик крестьянских переселений в Сибирь уже миновал. В числе факторов, сдерживавших переселенцев, исследователь наряду с нехваткой подготовленных участков называл отсутствие в Сибири частной собственности на землю; сложности во взаи-

моотношениях между новоселами и старожилами; сохранявшуюся в Западной Сибири общинно-передельную форму землепользования и подушную подать (на момент выхода в свет книги К. Виденфельда фактически еще не отмененную).

Однако главным фактором, препятствовавшим успеху крестьянских переселений, немецкий экономист считал низкое качество «человеческого материала» (термин К. Виденфельда). Русские колонисты справлялись с задачами аграрной колонизации в тех местностях, где условия напоминали привычные, сходные с теми, что их окружали в Европейской России, в противном случае крестьянам не доставало, по мнению автора, ни знаний, ни умений, ни желания, чтобы стать хозяевами положения. Отсюда – попытки покинуть выделенный участок (что запрещалось властями) и растущий поток тех, кто решил уехать из Сибири.

В этой связи К. Виденфельд резонно замечал, что наряду с привлечением новых переселенцев следовало бы найти достойное применение уже имевшимся; отменить круговую поруку, сдерживавшую рост производительности, расширить возможности сбыта произведенной продукции, в том числе за счет развития местной индустрии и увеличения численности городского населения. Впрочем, автор высказывал сомнения, что крестьянское население Сибири сможет выделить из своей среды достаточное количество промышленных рабочих. В итоге К. Виденфельд предложил собственное, довольно неожиданное решение – сохранить уголовную ссылку (несмотря на то, что, согласно царскому указу от 7(19) мая 1899 г., ее упразднение уже стояло в повестке дня).

Решение властей, означавшее фактический отказ от штрафной колонизации, исследователь считал поспешным, а освещение положения ссыльных в прессе и литературе – необъективным. По его мнению, Н.М. Ядринцев и Дж. Кеннан в своих трудах руководствовались «исключительно односторонним подходом, в основу которого положена гуманистическая сентиментальность, ни в малой степени не учитывающая государственные нужды». К. Виденфельд допускал, что в отдаленном будущем, когда в Сибири появится избыток свободной рабочей силы, от принудительного труда можно будет отказаться, однако до тех пор «лучше иметь ссыльных работников, чем не иметь никаких». В целом перспективы социально-экономического развития Сибири автор считал далеко не такими блестящими, как их порой рисовали «мечтатели, чуждые критики».

В русле концепции «колонизации» следовал другой немецкий экономист начала XX в. – Вильгельм Клумберг (1886–1942), анализировавший ход и итоги следующего этапа крестьянских переселений, связанного с проведением столыпинской аграрной реформы. В 1914 г. В. Клумберг защитил в Цюрихе диссертацию по теме «Русская колонизация в Сибири». В своей работе исследователь широко использовал сравнительный

метод, сопоставляя колонизационные процессы на востоке России с колонизацией различных регионов Европы и Северной Америки. Разнообразные статистические данные, касавшиеся России и Сибири, были им почерпнуты из публикаций дореволюционных экономистов (В.В. Кирьякова, П.П. Маслова, А.И. Чупрова, А.А. Кауфмана) [30].

Немецкий исследователь перечислил основные факторы, обусловившие рост крестьянских переселений во второй половине XIX – начале XX в.: 1) малоземелье (вследствие неудовлетворительного распределения наделов в 1861 г., а также роста численности населения); 2) семейные разделы (с передачей наделов по наследству) или разделы земельного имущества при его покупке и продаже; 3) рост цен на землю (при том, что зачастую она приобреталась в рассрочку, и это вело к еще большему росту цен), 4) налоговый гнет, 5) неурожай и голод 1891–1892 гг.

Однако важнейшим фактором являлся аграрный кризис, обострившийся на рубеже XIX–XX вв. В. Клумберг разделял убежденность российских либеральных экономистов в том, что главная причина кризиса заключалась в низком агротехническом уровне крестьянских хозяйств, а выход видел в модернизации и интенсификации сельскохозяйственного производства. Немецкий экономист подчеркивал, что в некоторых европейских странах среднедушевой надел был меньше, чем в России, но общие показатели аграрного производства – значительно выше. Объяснял он это разницей в развитии производительных сил и интенсивности обработки земли. Деньги, которые русские крестьяне расходовали на аренду дополнительных участков земли, по мнению В. Клумберга, следовало бы потратить на более качественные семена и удобрения.

По наблюдениям автора, в начале XX в. в правительственных кругах начали распространяться новые настроения, позволявшие надеяться на развитие переселенческой политики и либерализацию законодательства. Выработке нового взгляда на переселенческий вопрос способствовала инспекционная поездка министра финансов С.Ю. Витте на Дальний Восток, совершенная им в 1902 г. в целях изучения перспектив колонизации на месте. Министр возлагал большие надежды на мелиоративные и землеустроительные работы; планировал меры по содействию переселениям, расширению компетенции переселенческих комиссий, финансированию медицинских и санитарных служб, развитию коммуникаций, в том числе строительству железных, гужевых и автомобильных дорог. Все эти идеи были изложены им в отчете, который лег в основу «Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев на казенные земли», принятых 6 июня 1904 г. Новый закон свидетельствовал об определенном прогрессе в колонизационной политике, поскольку более не предусматривал возможности резких запретов на переселения.

Как отмечает немецкий исследователь, по прошествии всего лишь двух лет, в условиях резко изменившейся внутриполитической обстановки, указом 10 марта 1906 г. объявлялась свобода переселений при всемерной государственной поддержке. К этому закону примыкал указ от 9 ноября 1906 г., дополнявший положения царского манифеста от 3 ноября 1905 г. о прекращении взимания выкупных сумм за земельный надел с 1 января 1907 г. По новому указу крестьянам, укрепившим наделы в личную собственность, предоставлялось право свободного выхода из общины, тем самым отменялся закон 1893 г. о ее неприкосновенности. Продав свой надел, крестьянин мог получить средства на переселение в Сибирь.

В. Клумберг признал, что, несмотря на увеличивавшийся поток переселенцев, число возвратившихся в Европейскую Россию также неуклонно возрастало, достигнув пика в 1909 г. (по данным отчета Переселенческого управления, в этом году на родину вернулось до 20% переселенцев). Доводы чиновников, объяснявших отток переселенцев плохими урожаями, не показались исследователю вполне убедительными. По мнению В. Клумберга, неурожаи неизбежны до тех пор, пока крестьяне не перестанут вести хозяйство хищническими способами.

В числе проблем, препятствовавших успешному аграрному развитию края, исследователь называл отсутствие должной агрономической и организационной помощи; недостаточно развитые коммуникации; удаленность от мирового рынка, отсутствие крупных центров потребления сельскохозяйственной продукции в самой Сибири; а также низкий культурный уровень крестьянства. Немецкий экономист считал ошибочным стремление российских властей расширить в Сибири крупное частное землевладение и призывал привлечь общественность к участию в колонизационной работе, в том числе путем введения в Сибири земств. В целом В. Клумберг пришел к выводу, что регион «вследствие беспринципной колонизаторской политики находится в плачевном состоянии», а предпринятые правительством меры оказались несостоятельными.

В отличие от В. Клумберга позитивную оценку итогов переселенческого движения в годы столыпинских реформ давали О. Хетцш, К. Дице, К. Виденфельд [31–33], М. Шлезингер [34], который, впрочем, указал и на ряд серьезных проблем: нехватку специалистов (в частности, землемеров); недостаточную информированность переселенцев о наличии пригодных земель и др. [28; 34. S. 199–201].

Для периода 1920–1940-х гг. характерен определенный спад интереса немецких исследователей к экономической истории России и Сибири. Традиции предыдущего периода развивал Х.-Ю. Серафим, защитивший в 1923 г. в Лейпцигском университете диссертацию по теме «Русская аграрная колонизация Западной Сибири». Опираясь на труды Н.М. Ядринцева, Б.Э. Петри, Н.П. Огановского, А.А. Кауфмана, немец-

кий историк признал, что, несмотря на усилия правительства по колонизации региона, предпринимавшиеся с середины 1880-х гг., экономика Сибири оставалась неразвитой. Главная причина такого положения дел заключалась в «человеческом факторе»: «Здесь нет созидającego человека, способного поднять и использовать на благо общества все те богатства, которые ныне большей частью лежат нетронутыми и ждут освоения» [35. S. 3].

Сходную оценку итогов крестьянских переселений на рубеже XIX–XX вв. давал американский историк, профессор Колумбийского университета Дж.Т. Робинсон (1893–1971). В своем известном труде «Сельская Россия при старом режиме», опубликованном в 1932 г., автор пришел к выводу, что колонизация Сибири в пореформенный период мало способствовала решению аграрного кризиса. Впрочем, история Сибири не являлась для него предметом специального рассмотрения, а соответствующие данные историк взял из трудов Н.П. Огановского и А.А. Кауфмана [36. P. 110].

По наблюдениям современного исследователя О.В. Ефимова, изучавшего англо-американскую историографию столыпинских реформ, для англоязычных исследований, опубликованных в 1-й половине XX в., характерны слабая аналитичность, склонность к описательности; недостаток источников, что отчасти компенсировалось использованием работ дореволюционных и советских историков (а нередко – их простой компиляцией). К числу таких публикаций можно отнести статью русского эмигранта А.В. Байкалова «Завоевание и колонизация Сибири», опубликованную в 1932 г.

Воспроизводя общую схему колонизации Сибири в XIX–XX вв. (примерно в том же виде, в каком она приводится в работах К. Виденфельда и В. Клумберга), автор не ставил под сомнение успехи и перспективы экономического развития региона в дореволюционный период: «После строительства Транссибирской магистрали экономическое и культурное развитие страны стремительно прогрессировало и будущее Сибири представлялось в радужных тонах. К сожалению, данный процесс был прерван Великой войной и большевистской революцией. Но эти времена пройдут, и Сибирь, которая уже сделала первые шаги на пути экономического и культурного прогресса, сможет быстро возродиться и осуществить пророчества, сделанные многими западными наблюдателями» [37. P. 571]. Примечательно, что в своей оценке прогрессивного развития Сибири в дореволюционный период А.В. Байкалов предвосхитил концепции многих западных исследователей середины XX в., рассматривавших историю Сибири с позиций теории «модернизации».

По заключению О.В. Ефимова, конец 1950-х – 1960-е гг. стали переходным периодом в истории англо-американской историографии, посвященной аграрной истории России пореформенного периода. Данный период характеризовался использованием «универсальных теорий» (модернизации, стадий экономического роста и

стадий экономической отсталости), разработка которых дала исследователям современную терминологию и позволила обозначить ключевые исследовательские проблемы. В зависимости от оценок итогов и перспектив социально-экономического развития дореволюционной России британских и американских историков середины XX в. можно условно разделить на два направления – «оптимистов» (Л.И. Страховский, Дж. Яни), полагавших, что у России был шанс осуществить модернизацию и избежать революционных потрясений; и «пессимистов» (В. Моссэ, Л. Хэймсон, Т. Фон Лауэ), по мнению которых империя была обречена.

Аналогичные тенденции отмечаются исследователями и в развитии немецкоязычной историографии 1950–1970-х гг. По наблюдениям А.Г. Дорожкина, работам, опубликованным в этот период, присущи компилятивность и ограниченный круг использованных источников. В западногерманской историографии также развернулись дискуссии между «оптимистами» и «пессимистами», но в целом преобладал «пессимистический» взгляд на социально-экономическое развитие России в дореволюционный период (Ю. Нецольд, Б. Бонвеч, К. Функен, Д. Гайер, Х. Хауманн, М. Хильдермайер). Несмотря на широкое применение «модернизационных» схем, западногерманские историки 1950–1970-х гг. оценивали их критически, подчеркивая роль идеологических и социально-психологических факторов в процессе перехода к индустриальному обществу, альтернативность и многовариантность путей модернизации.

В американской историографии середины XX в. последовательным сторонником концепции «модернизации» выступал русский эмигрант, профессор Гарвардского университета М.М. Карпович (1889–1959). По его мнению, мирная эволюция в экономической, политической, культурной областях накануне войны свидетельствовала об успехах модернизации России. По мере экономического и культурного прогресса «опасность насильственного взрыва становилась более отдаленной», но война «сделала революцию весьма возможной, а человеческая ошибка сделала ее неизбежной» [38].

Влияние идей М.М. Карповича заметно в трудах его ученика Д. Тредголда (1922–1994), опубликовавшего в 1957 г. монографию по истории крестьянских переселений в Сибирь в пореформенную эпоху [39]. Не имея возможности работать в архивах СССР, американский историк использовал широкий круг публикаций дореволюционных и советских исследователей, сборники статистических материалов, периодику. Одним из первых в западном сибиреведении Д. Тредголд применил в своем исследовании теорию «фронта», которую в конце XIX в. предложил Ф.Дж. Тернер, полагавший, что наличие фонда свободных земель, а также постепенный сдвиг границы неосвоенных территорий на запад по мере притока переселенцев служат главным объяснением хода американской истории.

По убеждению Д. Тредголда, при всех различиях в Сибири сложился социум, более похожий на тот, что сформировался в США, нежели в Европейской России. Сибиряки проявляли куда большую самостоятельность, а их социальные связи отличались значительно большей гибкостью, чем в остальных регионах Российской империи. На примере сибирского крестьянства российские власти, а также крестьяне из других регионов могли увидеть, какого уровня благополучия они в принципе могли бы достигнуть.

Согласно Д. Тредгольду, миграция населения в Сибирь являлась частью более широкого процесса, развивавшегося в России в течение XIX – начале XX в. В то время, благодаря реформам Александра II, на смену сословному обществу с законодательно закрепленной социальной стратификацией постепенно приходило общество, руководствовавшееся принципом равенства граждан перед законом. Д. Тредголд убежден, что крестьянство, как и остальные социальные классы России, в рассматриваемый период эволюционировало в сторону юридического и экономического равенства.

В конце XIX – начале XX в. важным аспектом аграрной политики правительства являлось содействие землеустройству крестьян, а одной из целей Столыпинской реформы – формирование слоя юридически свободных фермеров, владевших земельной собственностью. Постепенно царским чиновникам стала очевидна возможная и фактическая взаимосвязь между землеустройством в Европейской России и переселениями в Сибирь. Характеризуя итоги сибирских переселений, Д. Тредголд утверждает, что крестьяне смогли получить землю и свободу в больших масштабах, чем когда-либо ранее.

По мнению исследователей, 1960–1990-е гг. стали временем расцвета англо-американской историографии, посвященной русскому крестьянству. Важнейшим фактором в данный период стало развитие социальной истории. В центре внимания исследователей (Т. Шанин, Б. Эклофф, П. Чап и др.) оказалась история не политических структур и элит, а история народа, отдельных социальных групп, которые ранее рассматривались как часть «молчаливого большинства». Изучались их поведение и сознание, история повседневности, проблемы социальной мобильности и урбанизации, взаимоотношений гражданского общества и государства.

Представители нового поколения исследователей привлекли огромный массив данных, собранных еще дореволюционными специалистами (в том числе земскими статистиками), и в большинстве своем констатировали кризис самодержавного государства и общества в позднимперский период. Указывая на ведущую роль бюрократии в любых преобразованиях, историки, как правило, приходили к выводу о фактической неспособности самодержавия к эволюции, модернизации и самосохранению. Так, американский историк Д. Мэйси признал, что в начале XX в. правительство выказывало

все большую заинтересованность в том, чтобы интегрировать крестьянство в остальное общество, однако, используя в этих целях инструмент бюрократической опеки (в своем полном виде она представляла собой «социальный этатизм» или даже «государственный социализм»), возможно, только усилило эгалитарные и коллективистские черты общины.

Ситуация отчасти изменилась в период столыпинской реформы, непосредственной целью которой являлись реорганизация крестьянского землевладения и замена крестьянского обычного права концепцией «закона», которой придерживалось образованное общество. Впрочем, крестьяне имели достаточно развитое представление о правах собственности, что особенно ярко проявлялось в ходе земельных переделов. По мнению американского историка, в период столыпинской реформы община как инструмент разрешения конфликтов стала воплощением не столько крестьянского эгалитаризма, сколько крестьянского эгоизма. В итоге весь землеустроительный процесс погряз в конфликтах, конфронтации и беспорядках, хотя с течением времени конфликты постепенно затухали, особенно по мере того, как правительство все чаще делало акцент на групповых процедурах и все меньше поддерживало идею тотальной хуторизации [40–41].

Для работ немецких исследователей, опубликованных в последние десятилетия XX в., также характерны использование широкого круга источников, расширение проблематики исследований. Специальные работы были посвящены вопросам экономического освоения Дальнего Востока (об этом писали Д. Ландграф и Л. Деег, австрийский историк А. Морич, швейцарец К. Шписс) [42–45]. Указанные авторы отмечали наличие как экономических и внутривнутриполитических, так и геополитических расчетов в дальневосточной политике самодержавия.

При этом политику П.А. Столыпина на восточных окраинах империи они не считали неуспешной. Так, Л. Деег указывал на рост уровня жизни переселенцев, сумевших обзавестись собственным хозяйством. Вместе с тем К. Шписс полагал, что правительству не удалось создать на Дальнем Востоке слой среднего крестьянства, самостоятельного, ориентированного на рыночное производство и лояльного к государству. В целом в 1980–1990-е гг. немецкоязычные историки признавали как достижения, так и проблемы переселенческого дела в Сибири и на Дальнем Востоке.

Особенностью англоязычного сибиреведения последней трети XX в. стало сочетание колонизационной и модернизационной парадигм с теорией «фронттира». В частности, анализу особенностей землепользования в условиях «фронттира» посвящена статья американского исследователя Д. Казмера, написанная на основе его докторской диссертации, которую автор защитил в Массачусетском технологическом институте в 1973 г. [46]. Автор использовал модель, предложенную в 1954 г. экономистом У.М. Льюисом для описания раз-

вития экономики при неограниченном предложении труда, в том числе для объяснения роста экономики развивающихся стран в условиях перетока труда из традиционного сектора натурального хозяйства в современный промышленный сектор [47].

По мнению Д. Казмера, эволюция аграрного сектора в условиях «фронттира» может рассматриваться аналогичным образом – как развитие при неограниченном предложении земли. Статья представляет собой обстоятельный комментарий автора к нескольким графикам, описывающим взаимодействие основных факторов сельскохозяйственного производства в Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Д. Казмер противопоставил старожилов и новоселов с точки зрения относительного распределения доходов, полученных от использования земельных и неземельных ресурсов. Новоселы, оказавшиеся в условиях «фронттира», зачастую не имели средств, необходимых для обустройства на месте и возмещения расходов, связанных с обработкой малоплодородной и неарендуемой земли. В итоге имело место относительное распределение факторных доходов в пользу доходов, полученных прежде всего от использования трудовых ресурсов. Иными словами, доходы перераспределялись от старожилов, владевших земельными участками, в пользу новоселов, старавшихся аккумулировать денежные средства, необходимые для обзаведения собственным крестьянским хозяйством.

В разделе, посвященном аграрному капиталу в Сибири, Д. Казмер напоминает о необходимости различать факторы, дополняющие труд (к ним можно отнести рабочий скот и инвентарь, дополняющий труд взрослого члена крестьянской семьи, – факторы-комплементы), и факторы, заменяющие труд (в их числе сельскохозяйственная техника, заменяющая рабочую силу целой артели, т.е. факторы-субституты). Факторы-комплементы способствовали росту уровня заработной платы и более быстрому становлению самостоятельных крестьянских хозяйств. Заменяющие факторы в долгосрочной перспективе приводили к снижению заработной платы (в пределах данной местности) и повышению расходов на обустройство самостоятельного хозяйства. В то же время они могли (наряду с ростом выработки на единицу затрат труда) иметь нежелательный эффект, связанный с увеличением периода, в течение которого крестьянское хозяйство должно было продавать свою рабочую силу на рынке труда, прежде чем могло обрести самостоятельность. В худшем случае крестьянское хозяйство могло оказаться зажатым на уровне доходов сельского пролетариата. В этой связи Д. Казмер высказал предположение, что описанный механизм поможет объяснить, почему модель успешного развития «фронттира» в XIX в. не была повторена в слабо развитых странах в XX в.

По мнению немецкого историка А. Каппелера, использование теории «фронттира» позволяет оценить роль культурного «порубежья» в развитии Сибирского

региона, рассмотреть проблемы мультикультурализма, специфики сибирского социума, обусловленной соседством русскоязычного населения со множеством народов, населяющих Евразию. Очевидно, что усиление миграционных процессов в Сибири на рубеже XIX–XX вв. в еще большей степени продемонстрировало значение культурных и этнических особенностей различных групп сибирского населения, как коренного, так и пришлого. В статье, посвященной истории формирования украинской диаспоры за пределами собственно малороссийских губерний Российской империи, А. Каппелер показал, что, несмотря на суровые условия, украинцы, заселявшие степные районы Южной Сибири и Северного Казахстана, добились в ведении хозяйства больших успехов, нежели русские, селившиеся в лесной местности [48]. Историк отметил значительную свободу действий переселенцев в условиях сибирского «фронта». В свое время Д. Трегголд также писал, что, отправляясь в Сибирь, крестьяне надеялись обрести «землю и волю», но их многовековая мечта вполне вписывалась в систему традиционных ценностей.

Иначе интерпретировали «свободолюбие» крестьян-переселенцев сторонники модернизационной парадигмы. Так, известная американская исследовательница Барбара Андерсон предположила, что для таких миграций требуется «современное» («модерновое») мировоззрение, желание изменить традиционный образ жизни и рискнуть выйти в открытый мир: только после этого люди захотят переселиться в другой, более развитый регион [49]. При этом, как заметил американский историк И. Стебелски, этнический состав населения не был одной из «переменных», анализируемых исследовательницей, что не позволило ей сравнить модели миграций, к примеру русских и украинцев, и объяснить их культурные предпочтения [50, 51].

В последней четверти XX в. в историографии наметился переход от анализа неподвижных социальных структур к исследованию культурных практик [8]. Своеобразие культурных, социальных и политических оснований российской истории изучается в рамках «имперской» парадигмы (Д. Ливен, Дж. Бербэнк, Ф. Купер, А. Эткинд и др.). Рассматривая символический аспект исторической реальности, исследователи уделили значительное внимание проблематике «воображаемой географии и пространственного мышления», «пространственного конструирования».

Западным историкам удалось показать, что само восприятие пространства – динамичный процесс, который определяется социальными и культурными условиями, изменяется во времени и оказывает непосредственное воздействие на социальный ландшафт (так, Ф.Б. Шенк доказывает, что в дореволюционной России одним из факторов, влиявших на восприятие и организацию социальных пространств, стало строительство железных дорог) [52–54]. Изучение истории имперских окраин позволяет глубже понять своеобразие общена-

циональной культуры, формирующейся в рамках империи, при этом отдельные регионы, при всей их специфике, мыслятся как неотъемлемые части единого пространства, отражающие в себе его фундаментальные характеристики. В полной мере такой взгляд распространяется и на Сибирь, о чем свидетельствуют работы Я. Кусбера, К. Вайсс, С. Франк и др.

По мнению А. Кинга, применение «имперского подхода» к изучению сибирской истории вполне оправданно, поскольку Сибирь, несмотря на статус «окраины» и удаленность от столиц, играла ключевую роль в формировании Российской империи и являлась ее «сердцевиной» [55. Р. IX]. К тому же, вслед за многими российскими историками, А. Кинг не считает Сибирь колонией, учитывая, что регион полностью интегрировался в единое пространство Российского государства. Использование «имперской» терминологии, таким образом, позволяет отказаться от «колониального» и «постколониального» дискурсов, а также от понятия «внутренняя колония».

Со своей стороны А. Эткинд настаивает, что в Российской империи имела место «внутренняя колонизация», в рамках которой элита навязывала или предписывала народу тот образ его идентичности, который позволил бы преодолеть культурный разрыв между ними. Имперская территория нуждалась во вторичной колонизации, своего рода «реконкисте». Соответственно переселения крестьян в течение XIX в. проводились как государственные мероприятия, часто насильственные [56].

По мнению В. Сандерланда, идеальным для России могло стать создание единообразной (но не культурно однородной) империи, сохраняя баланс между процессами интеграции окраин и их противопоставлением Центру. Такие методы управления «современной колониальной империей» наиболее полно проявились на азиатских окраинах империи [57–58].

Современная немецкая исследовательница Э.-М. Столберг предприняла попытку обобщения теоретических подходов, применявшихся в западном сибиреведении на рубеже XX–XXI вв. [1]. В монографии «Сибирь: “Дикий Восток” России. Мифы и социальная реальность в XIX и XX вв.» автор подчеркнула необходимость вписать культурную историю Сибири в политические и социально-экономические рамки, внося тем самым вклад в разработку теории «фронта», трансрегиональной и транскультурной истории.

Объединяя культурологию с социальной историей, автор стремилась резче обозначить «пограничный ландшафт», «культурную переходную зону» между двумя «культурными пространствами» (Европой и Азией), протянуть мост между историей Восточной Европы и историей Восточной Азии. По определению Э.-М. Столберг, в рамках трансрегиональной и транскультурной истории изучение пространства осуществляется не с точки зрения подчиняющего его центра, но с точки зрения окраин, граничащих с другими

регионами, отличающимися в культурном отношении. Для решения поставленной задачи наряду с материалами из центральных и местных российских архивов исследовательница привлекла также китайские и японские источники, справедливо полагая, что взгляд на Сибирь только с русской (т.е. европейской) точки зрения был бы односторонним.

Подобно исследователям начала XX в., Э.-М. Столберг вписывает сибирские переселения в общеевропейский и глобальный контекст, хотя оговаривается, что речь ни в коем случае не идет о некоем едином процессе; напротив, необходимо видеть различия, присущие конкретным странам и регионам, с учетом географических, социальных и экономических, равно как и институциональных предпосылок. Сравнивая ситуацию в Российской империи и Северной Америке, исследовательница подчеркивает деятельное участие государства в организации крестьянских переселений в Сибирь, тогда как на Диком Западе колонисты переезжали самостоятельно.

В начале XX в. на фоне роста численности населения и малоземелья в Европейской России пришло более глубокое понимание выгод и перспектив, связанных с крестьянской колонизацией и экономическим развитием Сибири. Главным организатором массовых переселений Э.-М. Столберг считает премьер-министра П.А. Столыпина. Немецкая исследовательница уделяет пристальное внимание думским дебатам вокруг крестьянских переселений и отмечает, насколько, с ее точки зрения, обоснованной была критика сибирских кадетов, полагавших, что колонизационная политика, сочетавшаяся с отказом от учреждения земств, была «колоссом на глиняных ногах».

По определению исследовательницы, переселения стали ключевой темой в демократической культуре дискуссий, при этом участники ориентировались на опыт колонистов в Северной Америке (как это было и в случае с общественными дискуссиями по поводу строительства трансконтинентальной магистрали). П.А. Столыпин также выстраивал свою переселенческую политику, во многом заимствуя американский опыт, поскольку укрепление мелких крестьянских хозяйств в общем было ясно выраженным желанием американского федерального правительства. При задаче земель американские власти стремились избежать появления крупного землевладения, как это было на европейском континенте, где существовал разрыв между богатыми землевладельцами и безземельными крестьянами.

В монографии Э.-М. Столберг показано, что переселения превратились в своего рода «национальный миф», умело поддерживавшийся правительством средствами пропаганды (в этом российские власти также следовали примеру американцев). В то же время миграционная политика не была свободна от националистических мотивов, поскольку царское правительство полагало, что форсированное заселение Си-

бири способствует решению задач, связанных с обеспечением безопасности имперских окраин. Власти опасались притока в безлюдную Сибирь мигрантов из сопредельных государств Восточной Азии, прежде всего из Китая.

Немецкая исследовательница подробно описывает сложности и недостатки в организации переселенческого процесса (многое, по ее мнению, напоминало «потемкинские деревни»), сравнивает состояние транспортных коммуникаций в Сибири и на Диком Западе; отмечает высокий уровень заболеваемости и смертности среди переселенцев (как в Сибири, так и в Северной Америке). В числе проблем, связанных с переселениями, упоминаются острые столкновения из-за земельных участков между старожилами и новоселами, использование устаревших методов ведения хозяйства, масштабное вторжение переселенцев в экологическую систему региона. Однако, несмотря на все издержки аграрной колонизации Сибири, Э.-М. Столберг дает в целом положительную оценку ее итогам.

В правомерности применения теории «фронтира» к сибирской истории усомнился американский историк С. Маркс (сотрудник Университета Клемсона), называющий такие попытки «тщетными» и призывающий использовать более традиционную теорию «колонизации», разработанную русскими историками еще в XIX в. [59]. Историк рассматривает массовые крестьянские переселения за Урал, имевшие место в конце XIX – начале XX в., как часть общего процесса европейской колонизации. По признанию С. Маркса, западные историки часто не уделяют должного внимания роли России в этом глобальном процессе, хотя среди всех примеров колонизации в новейшей истории немногие страны могут сравниться с успешностью освоения Сибири, куда в течение 1891–1914 гг. прибыли примерно 5 млн чел.

По мнению исследователя, европейский империализм в большинстве случаев являлся проявлением экономического и военного могущества, тогда как продвижение русских не на запад, а на восток свидетельствовало скорее о геополитической слабости России. С самого начала колонизация Сибири характеризовалась «стремлением к однородности, которая противопоставлялась разнообразию элементов, образовавших империю», и лишь усиливала национальные противоречия, требуя перекачки скудных финансовых и интеллектуальных ресурсов на окраины, подальше от центральных территорий. В конечном итоге столь ошибочная расстановка приоритетов способствовала краху царского режима, а вместе с ним распалась та самая империя, на строительство которой ушло так много сил и средств.

В русле концепции «колонизации» написаны статьи западных исследователей, опубликованные в сборнике «Заселение российской окраины: колонизация пограничных территорий в истории Евразии» в 2007 г. [60]. Один из авторов сборника, американский

историк Ч. Стейнвелл анализирует эволюцию правительственной политики в отношении крестьянских переселений в восточные регионы империи на рубеже XIX–XX вв. [61]. Автор использует термины «переселение» и «колонизация» в качестве синонимов (как это делалось в источниках того времени). В свое время другой американский исследователь В. Сандерленд отметил, что в позднеимперский период оба понятия являлись взаимосвязанными и могли употребляться одновременно [62].

В своем исследовании Ч. Стейнвелл приходит к выводу, что в Сибири центральная власть отказалась от попыток воспроизвести социальную иерархию Европейской России, в которой доминировали дворяне (последнюю и безуспешную попытку создать дворянское землевладение в Сибири власти предприняли в 1901 г.), сделав выбор в пользу более инклюзивного и гибкого общества, основой которого служило частное землевладение [61. Р. 141]. Меняющийся подход к миграциям свидетельствовал о новом взгляде на подданных, который получал распространение среди влиятельных царских чиновников в позднеимперский период. Влиятельные государственные деятели, такие как П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, более не считали интересы населения тождественными интересам государства. Напротив, народное волеизъявление отныне воспринималось как важнейшее условие и фундамент деятельности государственных институтов. Представление об экономике как состоящей из отдельных субъектов лежало в основе нового взгляда на сословный статус, который все менее использовался в качестве принципа общественной организации, при этом для характеристики населения все чаще применялся национальный критерий, что проявилось в колониационной политике еще до Революции 1905 г.

Современный немецкий историк Д. Дальманн принял попытку обобщения результатов исследований западных сибиреведов в своей монографии, посвященной истории Азиатской России в Новое и Новейшее время [63]. Как и С. Маркс, он рассматривает крестьянские переселения рубежа XIX–XX вв. (процесс «внутренней колонизации») в неразрывной связи с сооружением Транссибирской магистрали, подчеркивает выдающуюся роль А.Н. Куломзина и С.Ю. Витте, показывает эволюцию переселенческой политики правительства от строгой регламентации и регулирования в сторону все большего смягчения или либерализации законодательства.

По мнению Д. Дальманна, в начале XX в. новая политика предполагала усиление среднего крестьянства и развитие крестьянской частной собственности. В целом историк положительно оценивает итоги аграрных преобразований в Сибири, где почти полностью отсутствовал слой малоземельных и безземельных крестьян, а их наделы были больше, чем в Европейской России, и вдвое или втрое превышали норму в 15 десятин. В отсутствие земельных переделов большинство крестьян

считали себя владельцами земли, даже если де юре это было не так. Как следствие, крестьянская община утратила часть своих важных функций и более не играла той роли, какая у нее была в регионах, расположенных к западу от Урала. Благодаря такой устойчивости права землевладения и землепользования у сибирских крестьян формировалось столь явно выраженное чувство собственного достоинства.

Таким образом, на основе анализа публикаций англо-американских и немецких исследователей, изучавших историю массовых крестьянских переселений в Сибири в дореволюционный период, можно сделать вывод, что работам первой половины XX в. присущ объективизм, поиск всеобщих законов исторического развития в сочетании с использованием «универсальных» теорий (колонизации, модернизации) и сравнительного метода, позволявшего рассматривать историю крестьянских миграций в общеевропейском и глобальном контексте. Известная ограниченность источниковой базы отчасти компенсировалась активным использованием работ дореволюционных и советских специалистов. По мере расширения международного научного сотрудничества западные исследователи все чаще привлекали документальные материалы из центральных и местных архивов СССР, а затем России.

В последние десятилетия XX в. рассматриваемое исследовательское направление испытало на себе влияние «новой социальной истории», «культурного» и «лингвистического поворотов». Особенностью историко-сибиреведческих исследований второй половины XX – начала XXI в. явилось широкое применение теории «фронтира», позволявшей, по мнению западных историков, глубже понять экономические, социальные, культурные и этнические аспекты крестьянских переселений в Азиатской России. Сосредоточившись на рассмотрении региональной сибирской специфики, западные авторы порой преувеличивали степень антимонархизма сибирского населения, его этнического своеобразия, недооценивали последствия правительственной политики, направленной на усиление национальной «гомогенности» империи, «слияние» народов азиатской окраины в одном государственном сообществе [64].

Англо-американские и немецкие исследователи демонстрировали самую широкую палитру мнений относительно хода и итогов массовых крестьянских переселений: от преимущественно критических оценок в литературе начала XX в. до преимущественно положительных – в современной историографии. Признавая неудачи в реализации отдельных мероприятий правительства и специфику ситуации в Южной и Восточной Сибири или на Дальнем Востоке, современные исследователи в целом склонны писать о благотворном влиянии переселений на социально-экономическое развитие Азиатской России. В то же время ряд историков (С. Маркс, А. Вуд и др.) призывают не преувеличивать успехи «модернизации» Сибири или специфику сибир-

ского «фронта». Такая позиция, в сочетании с использованием традиционной теории «колонизации», сближает их выводы с оценками и прогнозами, содержащимися в исследованиях начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009.
2. Moon D. The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made. London & New York : Addison Wesley Longman Ltd., 1999. 396 p.
3. Haxthausen A. Von, Studies on the Interior of Russia. Chicago, 1972. 328 p.
4. Wallace D. Russia. 2 vols. L., 1877.
5. Шашина Е.Б. Основные направления развития руссификации в США, 1960 – начало 1990-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
6. Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века. Американская историография. М. : Наука, 2008. 263 с.
7. Бичерова Н.С. История России второй половины XIX – начала XX в. в современной американской русистике : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2009.
8. Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном руссификации: основные концепции, подходы и перспективы : автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2001.
9. Карпачев М.Д. Буржуазные реформы 1860–1880-х гг. в оценке английской и американской буржуазной историографии // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. Воронеж, 1998.
10. Дорожкин А.Г. Экономическое и социальное развитие России второй половины XIX – начала XX в. в германоязычной историографии XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
11. Жук С.И., Брукс Дж. Современная американская историография о крестьянстве пореформенной России // Вопросы истории, 2001. № 1. С. 151–159.
12. Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861–1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas, 36 (1988): H.1. S. 57–79.
13. Channon J. From muzhik to kolhoznik: some recent Western and Soviet Studies of Peasant in Late Imperial and early Soviet Russia // Slavic and East Slavonic Review. 1992. Vol. 70. P. 127–139.
14. Зырянов П.Н. Современная англо-американская историография Столыпинской аграрной реформы // История СССР. 1973. № 6. С. 186–195.
15. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б. Американские историки о русском крестьянстве XIX в. // История СССР. 1971. № 5. С. 195–213.
16. Селунская Н.Б. Современная англо-американская буржуазная историография аграрного строя России эпохи капитализма // История СССР. 1979. № 4. С. 229–240.
17. Селунская Н.Б. Критика буржуазных концепций аграрного строя России накануне Октября (К проблеме предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1980.
18. Селунская Н.Б., Шашина Е.Б. Страницы аграрной истории России в прочтении западных ученых // Отечественная история. 1992. № 3. С. 191–194.
19. Ефимов О.В. Англо-американская историография реформ П.А. Столыпина : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
20. Селунская Н.Б. Концепция аграрного строя России в пореформенную эпоху // Исторические записки. 1999. № 2 (120). С. 187–209.
21. Большакова О.В. Аграрные реформы П.А. Столыпина в современной англоязычной историографии // Российская история. 2012. № 2. С. 164–172.
22. Shanin T. Roots of Otherness. Vol. 1. Russia as a developing society. Basingstoke, 1982.
23. Хок С. Мальтус: Рост населения и уровень жизни России: 1861–1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–54.
24. Дубовский Г.Я. Критика буржуазной фальсификации истории сибирской деревни кануна Великой Октябрьской революции // Бахрушинские чтения – 1973 : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1973. Вып. 1. С. 162–168.
25. Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Англо-американская историография о роли иностранного капитала в сельском хозяйстве Сибири (1900–1917) // Революция 1905–1907 гг. на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983.
26. Передерий С.В. К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. : сб. ст. Томск, 1980. С. 164–178.
27. Передерий С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984.
28. Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века : сб. матер. регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 41–49.
29. Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung. Berlin, Heidelberg : Springer-Verlag, 1900.
30. Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich 1914. (Diss.). Zürich: Gebr. Leemann, 1914.
31. Dietze C. Stolypinsche Agrarreform und Feldgemeinschaft. Berlin, 1920.
32. Hoetzsch O. Russland. Eine Einfuehrung auf Grund seiner Geschichte vom japanischen bis zum Weltkrieg. Berlin : Reimer, 1917. 439 s.
33. Wiedenfeld K. Russlands Stellung in der Weltwirtschaft // Russlands Kultur und Volkswirtschaft. Berlin-Leizig, 1913. S. 247–283.
34. Schlesinger M.L. Russland im XX Jahrhundert. Berlin, 1908. 542 s.
35. Seraphim H.-J. Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland. Jena : Fischer, 1923. 204 s.
36. Robinson G.T. Rural Russia Under the Old Regime. Berkeley; Los Angeles, 1972. 342 p.
37. Baikarov A.V. The Conquest and Colonization of Siberia // The Slavonic and East European Review. Vol. 10, No. 30 (April, 1932). P. 557–571.
38. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. 144 с.
39. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1957.
40. Macey D.A. Government and Peasant in Russia, 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms. De Kalb : Northern Illinois University Press, 1987. 408 p.
41. Macey D.A. The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906–1914 // Roger Bartlett, ed. Land Commune and Peasant. Community in Russia. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 219–236.
42. Spiess K. Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897–1970. Zuerich, 1980. 200 s.
43. Moritsch A. Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien-Koeln-Graz, 1986. 257 s.
44. Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin. 1847–1917. Muenchen, 1989. 956 s.
45. Deeg L. Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864–1924. Essen : Klartext-Verlagsges, 1996. 320 s.
46. Kazmer D.R. Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II // American Economic Review. 1977. Vol. 67, № 1. P. 429–432.
47. Lewis W.A. Development with Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1954. May. P. 400–449.

48. Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtiche Diaspora in Russland vor 1917 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd.45. H.1 (1997). S. 48–63.
49. Anderson B.A. *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1980.
50. Stebelsky I. Rec. ad op.: Barbara A. Anderson. *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1980 // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 6. No 3 (September 1982). P. 421–423.
51. Hagen M. von. Rec. ad op.: *Ukrainian Past, Ukrainian Present. Selected papers from the Fourth World Congress for soviet and East European Studies*. Harrogate, 1990 / ed. by B. Krawchenko. New York: St. Martin's Press, 1993 // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 17, No 314 (December 1993). P. 387–389.
52. Schenk F.B. *Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilitaet und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter*. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2014. 440 s.
53. Schenk F.B. *Mastering Imperial Space? – The Ambivalent Impact of Railway-Building in Tsarist Russia* // *Comparing Empires: Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century*. Goettingen : Hubert & Co, 2011. P. 60–78.
54. Нарский И.В. Рец. на: F.B. Schenk. *Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilitaet und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter* // *Российская история*. 2016. № 5. С. 208–212.
55. King A.D. *The Siberian Studies Manifesto* // *Sibirica*. 2006 (Spring). Vol. 5, № 1. P. V–XV.
56. Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 3. С. 50–73.
57. Sunderland W. *The ministry of Asiatic Russia: The colonial office that never was but might have been* // *Slavic rev. Urbana – Champaign*, 2010. Vol. 69, No 1. P. 120–150.
58. Сазонова Т.К. Колониализм и технократия в России конца XIX – начала XX в. (Сводный реферат) // *Реферативный журнал «История»*. 2012. № 2. С. 75–82.
59. Marks S.G. *Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia* // *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East* / ed. by S. Kotkin and D.A. Wolff. N.Y. ; L., 1995. P. 23–39.
60. *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L. ; N.Y., 2007.
61. Steinwedel Ch. *Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917* // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L. ; N.Y., 2007. P. 128–147.
62. Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, 2004.
63. Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn : Schöningh, 2009.
64. Ремнев А.В. *Внутренняя геополитика Азиатской России конца XIX – начала XX в.: национальные и колониальные контексты* // *Демографическое пространство Азии: история, современность и гипотезы будущего* : сб. материалов. Междунар. науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2011. С. 184–203.

Ananyev Denis A. Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: denis.ananyev@gmail.com

PEASANT MIGRATION TO SIBERIA AND FAR EAST DURING THE POST-REFORM ERA AS EVALUATED BY THE ANGLO-AMERICAN AND GERMAN RESEARCHERS (LATE XIX – EARLY XXI CENTURIES).

Keywords: historiography; history of Siberia; peasant migrations.

The **aim** of the paper is to present a comprehensive historiographical analysis of the works of Anglo-American and German authors who studied the history of mass peasant migration to Siberia and Far East during the post-reform era. Since the late XIX century up to the present the Western researchers have shown a great interest in the progress and results of the mass peasant resettlements beyond the Ural. In their numerous publications they used new theoretical and methodological approaches, made some valuable observations and conclusions. However, the majority of their publications have been neglected by the Soviet and contemporary Russian scholars. The present paper is meant to fill this gap, so it has the following **tasks**: to determine the range of relevant issues addressed by Western researchers; to delineate the main periods in the history of studying the peasant migration to Siberia; to characterize main theoretical and methodological approaches used by Western scholars; to evaluate their contribution to this field of research. The author notes that Anglo-American and German researchers considered the mass peasant migrations along with the construction of Trans-Siberian railroad as significant factors ensuring a stronger Russia's presence in Asia. In their works the agrarian history of Russia and Siberia is analyzed in the global context, while the Russian peasantry's way of life is viewed as part of the global peasant culture. In the late XIX – mid-XX centuries the English- and German-language scholars used an objectivist approach and “universal theories” of colonization (K. Wiedenfeld, W. Klumberg, H.-Y. Seraphim) and modernization (D. Treadgold). They retrieved their data from a limited amount of available sources which was offset partially by the widespread use of the works of pre-revolutionary and Soviet specialists. As the international scientific cooperation increased, Western scholars increasingly used documentary materials from the central and local archives of the USSR and Russia. In the second half of the XX – early XXI centuries one of the main distinguishing features of Siberian studies in the West was an extensive use of the “frontier” theory (D. Treadgold, D. Kazmer, A. Kappeler). A contemporary German researcher E.-M. Stolberg attempted at summarizing various theoretical approaches representing the cultural history of Siberia within the political and socioeconomic frameworks, thus contributing to the development of the “frontier” theory, trans-regional and trans-cultural history. The author comes to **conclusion** that over the last century Western researchers demonstrated a variety of opinions: from the mostly negative attitudes in the early XX century to the mostly positive ones – in the contemporary historiography. While admitting failures in implementation of some governmental measures and specific situation in Southern and Eastern Siberia or in the Far East, contemporary authors tend to write about the migrations’ positive impact on the social and economic development of Asian Russia. Focusing on the specifics of situation in Siberia they often underestimate the results of governmental policy aimed at unification of social groups and creation of a “big Russian nation” in Asia. However some historians (St. Marks, A. Wood and others) urge their colleagues not to exaggerate the success of “modernization” or specifics of the Siberian frontier. Such approach along with the use of a traditional theory of “colonization” resembles evaluations and forecasts made by the researchers at the beginning of the XX century.

REFERENCES

1. Stolberg, E.-M. (2009) *Sibirien: Russlands “Wilder Osten”. Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert* [Siberia: Russia's “Wild East”. Myth and social realities in the 19th and 20th centuries]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
2. Moon, D. (1999) *The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made*. London & New York: Addison Wesley Longman Ltd.
3. Haxthausen, A. (1972) *Studies on the Interior of Russia*. Chicago: University Of Chicago Press.
4. Wallace, D. (1877) *Russia*. 2 vols. London: [s.n.].

5. Shashina, E.B. (1993) *Osnovnye napravleniya razvitiya rossiyevedeniya v SShA, 1960 – nachalo 1990-kh gg.* [The main directions of development of Russian Studies in the USA in the 1960s – early 1990s]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Bolshakova, O.V. (2008) *Vlast' i politika v Rossii XIX – nachala XX veka. Amerikanskaya istoriografiya* [Power and Politics in Russia in the 19th – early 20 centuries. American historiography]. Moscow: Nauka.
7. Bicheroval, N.S. (2009) *Istoriya Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. v sovremennoy amerikanskoj rusistike* [History of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries in modern American Russian Studies]. Abstract of history Cand. Diss. Ryazan.
8. Karagodin, A.V. (2001) *Izucheniye poreformennogo rossiyskogo krest'yanstva v sovremennoy zapadnoy rossiyevedenii: osnovnye kontseptsii, podkhody i perspektivy* [The study of the post-reform Russian peasantry in modern western Russian studies: Basic concepts, approaches and perspectives]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
9. Karpachev, M.D. (1998) *Burzhuaznye reformy 1860–1880-kh gg. v otsenke angliyskoy i amerikanskoy burzhuaznoy istoriografii* [Bourgeois reform of the 1860–1880s in the assessment of the British and American bourgeois historiography]. In: Karpachev, M.D. & Korotikh, M.G. (eds) *Burzhuaznye reformy v Rossii vtoroy poloviny XIX v.* [Bourgeois reforms in Russia in the second half of 19th century]. Voronezh: Voronezh State University.
10. Dorozhkin, A.G. (2005) *Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitiye Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. v germanoyazychnoy istoriografii XX v.* [Economic and social development of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries in German historiography of the 20th century]. History Doc. Diss. Moscow.
11. Zhuk, S.I. & Brooks, G. (2001) *Sovremennaya amerikanskaya istoriografiya o krest'yanstve poreformennoy Rossii* [The modern American historiography of the peasantry on the reformed Russia]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 151–159.
12. Eklof, B. (1988) Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861–1914). *Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas*. 36(1). pp. 57–79.
13. Channon, J. (1992) From muzhik to kolhoznik: some recent Western and Soviet Studies of Peasant in Late Imperial and early Soviet Russia. *Slavic and East Slavonic Review*. 70. pp. 127–139.
14. Zyryanov, P.N. (1973) *Sovremennaya anglo-amerikanskaya istoriografiya stolypinskoj agrarnoy reformy* [Modern Anglo-American historiography of the Stolypin agrarian reform]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 186–195.
15. Kovalchenko, I.D. & Selunskaya, N.B. (1971) *Amerikanskii istoriki o russkom krest'yanstve XIX v.* [American historians on the Russian peasantry of the 19th century]. *Istoriya SSSR*. 5. pp. 195–213.
16. Selunskaya, N.B. (1979) *Sovremennaya anglo-amerikanskaya burzhuaznaya istoriografiya agrarnogo stroya Rossii epokhi kapitalizma* [Modern Anglo-American bourgeois historiography on the agrarian system of Russia during capitalism]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 229–240.
17. Selunskaya, N.B. (1980) *Kritika burzhuaznykh kontseptsiy agrarnogo stroya Rossii nakanune Oktyabrya (K probleme predposylok Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii)* [Criticism of bourgeois concepts of the agrarian system in Russia on the eve of the October (On the preconditions of the Great October Socialist Revolution)]. Moscow: Znanie.
18. Selunskaya, N.B. & Shashina, E.B. (1992) *Stranitsy agrarnoy istorii Rossii v prochenii zapadnykh uchenykh* [Pages of the Russian agrarian history in the interpretation of Western scholars]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 191–194.
19. Efimov, O.V. (1995) *Anglo-amerikanskaya istoriografiya reform P.A. Stolypina* [The Anglo-American historiography of the Stolypin reforms]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
20. Selunskaya, N.B. (1999) *Kontseptsiya agrarnogo stroya Rossii v poreformennuyu epokhu* [Russian agrarian system in the post-reform era]. *Istoricheskie zapiski*. 2(120). pp. 187–209.
21. Bolshakova, O.V. (2012) *Agrarnye reformy P.A. Stolypina v sovremennoy angloyazychnoy istoriografii* [P.A. Stolypin's agrarian reform in modern English historiography]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 164–172.
22. Shanin, T. (1982) *Roots of Otherness*. Vol. 1. Basingstoke: Springer.
23. Hock, S. (1996) *Mal'tus: Rost naseleniya i uroven' zhizni Rossii: 1861–1914 gody* [Malthus: The population growth and living standards in Russia: 1861–1914]. *Otechestvennaya istoriya*. 2. pp. 28–54.
24. Dubovskiy, G.Ya. (1973) *Kritika burzhuaznoy falsifikatsii istorii sibirskoy derevni kanuna Velikoy Oktyabr'skoy revolyutsii* [Criticism of bourgeois falsification of the Siberian village history on the eve of the Great October Revolution]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Bakhrushinskie chteniya-1973* [The Bakhrushin Readings–1973]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 162–168.
25. Goryushkin, L.M. & Sagaydachnyy, A.N. (1983) *Anglo-amerikanskaya istoriografiya o roli inostrannogo kapitala v sel'skom khozyaystve Sibiri (1900–1917)* [The Anglo-American historiography on the role of foreign capital in the agricultural sector in Siberia (1900–1917)]. In: Kopylov, D.I. (ed.) *Revolutsiya 1905–1907 gg. na Urale i v Sibiri* [The Revolution of 1905–1907 in the Urals and Siberia]. Tyumen: Tyumen State University.
26. Perederiy, S.V. (1980) *K voprosu ob osveshchenii istorii Sibiri epokhi kapitalizma v sovremennoy anglo-amerikanskoj burzhuaznoy istoriografii* [About the interpretation of the Siberian capitalist history in contemporary Anglo-American bourgeois historiography]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Rabochie Sibiri v kontse KhKh – nachale XX v.* [Siberian workers in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 164–178.
27. Perederiy, S.V. (1984) *Sovremennaya amerikanskaya i angliyskaya burzhuaznaya istoriografiya istorii Sibiri kontsa XIX v. – fevral' 1917 g.* [Modern American and British bourgeois historiography of Siberia of the late 19th century – February 1917]. History Cand. Diss. Tomsk.
28. Dorozhkin, A.G. (2007) *Resettlement policy of the autocracy and economic development of Siberia and the Far East in the late 19th – early 20th centuries in the German-language historical and economic literature. Rol' gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokul'turnom razvitiy Aziatskoy Rossii XVII – nachala XX veka* [The state's role in economic and socio-cultural development of the Asian part of Russia in the 17th – early 20th centuries]. Rproc. of the Regional Conference. Novosibirsk. pp. 41–49. (In Russian).
29. Wiedenfeld, K. (1900) *Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung* [The Siberian Railway in its economic significance]. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.
30. Klumberg, W. (1914) *Die Kolonisation Rußlands in Sibirien* [The Colonization of Russia in Siberia]. Dissertation. Zürich: Gebr. Leemann.
31. Dietze, C. (1920) *Stolypinsche Agrarreform und Feldgemeinschaft* [Stolypin's agrarian reform and co-operation]. Berlin: Leipzig u Berlin Teubner.
32. Hoetzsch, O. (1917) *Russland. Eine Einfuehrung auf Grund seiner Geschichte vom japanischen bis zum Weltkrieg* [Russia. An introduction based on its history from the Japanese to the World War]. Berlin: Reimer.
33. Wiedenfeld, K. (1913) *Russlands Stellung in der Weltwirtschaft* [Russia's position in the world economy]. In: Sering, M. (ed.) *Russlands Kultur und Volkswirtschaft* [Russia's culture and national economy]. Berlin-Leipzig. pp. 247–283.
34. Schlesinger, M.L. (1908) *Russland im XX Jahrhundert* [Russia in the 20th century]. Berlin: Dietrich Reimer.
35. Seraphim, H.-J. (1923) *Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland* [The rural settlement of Western Siberia in Russia]. Jena: Fischer.
36. Robinson, G.T. (1972) *Rural Russia Under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
37. Baikalo, A.V. (1932) *The Conquest and Colonization of Siberia. The Slavonic and East European Review*. 10(30). pp. 557–571.
38. Bolkhovitinov, N.N. (2005) *Russkie uchenye-emigranty (G.V. Vernadskiy, M.M. Karpovich, M.T. Florinskiy) i stanovlenie rusistiki v SShA* [Russian scientists-emigrants (G.V. Vernadsky, M. Karpovich, M.T. Florinskiy) and the establishment of Russian Studies in the United States]. Moscow: ROSSPEN.
39. Treadgold, D. (1957) *The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
40. Macey, D.A. (1987) *Government and Peasant in Russia, 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms*. De Kalb: Northern Illinois University Press.

41. Macey, D.A. (1990) The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906–1914. In: Bartlett, R. (ed.) *Land Commune and Peasant. Community in Russia*. New York: St. Martin's Press. pp. 219–236.
42. Spiess, K. (1980) *Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897–1970* [Peripheral Soviet Economy. A case study of Russian Far East 1897–1970]. Zuerich: Steiner, Franz.
43. Moritsch, A. (1986) *Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution* [Agriculture and agricultural policy in Russia before the revolution]. Wien-Koeln-Graz: Boehlau Verlag.
44. Landgraf, D. (1989) *Amur, Ussuri, Sachalin. 1847–1917* [Amur, Ussuri, Sakhalin. 1847–1917]. Muenchen: Hieronymus.
45. Deeg, L. (1996) *Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864–1924* [Kunst and Albers, Vladivostok. The history of a German trading house in the Russian Far East. 1864–1924]. Essen: Klartext-Verlagsges.
46. Kazmer, D.R. (1977) Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II. *American Economic Review*. 67(1). pp. 429–432.
47. Lewis, W.A. (1954) Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *The Manchester School of Economic and Social Studies*. May. pp. 400–449. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1954.tb00021.x
48. Kappeler, A. (1997) Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917 [Chochly and Kleinrussen: The Ukrainian rural and urban diaspora in Russia before 1917]. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 45(1). pp. 48–63.
49. Anderson, B.A. (1980) *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton: Princeton University Press.
50. Stebelsky, I. (1982) Barbara A. Anderson. Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia / Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980. *Harvard Ukrainian Studies*. 6(3). pp. 421–423.
51. Hagen, M. von. (1993) Ukrainian Past, Ukranian Present. Selected papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies. Harrogate, 1990. Ed. by B. Krawchenko. New York: St. Martin's Press, 1993. *Harvard Ukrainian Studies*. 17(314). pp. 387–389.
52. Schenk, F.-B. (2014) *Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilitaet und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter* [Russia's journey into modernity. Mobility and social space in the railway era]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
53. Schenk, F.-B. (2011) Mastering Imperial Space? - The Ambivalent Impact of Railway-Building in Tsarist Russia. In: Leonhard, J. & Hirschhausen, U. von (eds) *Comparing Empires: Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century*. Goettingen: Hubert & Co. pp. 60–78.
54. Narskiy, I.V. (2016) Rez. na: F.B. Schenk. Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilitaet und sozialer Raum in Eisenbahnzeitalter [Review: F.B. Schenk. Russia's journey into modernity. Mobility and social space in railway age]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 208–212.
55. King, A.D. (2006) The Siberian Studies Manifesto. *Sibirica*. 5(1). pp. 5–15. DOI: 10.3167/136173606780265298
56. Etkind, A. (2011) Fuko i tezis vnutrenney kolonizatsii: postkolonial'nyy vzglyad na sovetskoe proshloe [Foucault's thesis of internal colonisation: the post-colonial view of the Soviet past]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3. pp. 50–73.
57. Sunderland, W. (2010) The ministry of Asiatic Russia: The colonial office that never was but might have been. *Slavic rev. Urbana – Champaign*. 69(1). pp. 120–150. DOI: 10.2307/25621731
58. Sazonova, T.K. (2012) Kolonializm i tekhnokratiya v Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [Colonialism and technocracy in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Referativnyy zhurnal "Istoriya"*. 2. pp. 75–82.
59. Marks, S.G. (1995) Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia. In: Kotkin, S. & Wolff, D.A. (eds) *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York, London: Routledge. pp. 23–39.
60. Breyfogle, N.B., Schrader, A. & Sunderland, W. (eds) (2007) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonisation in Eurasian history*. London, New York: Routledge.
61. Steinwedel, Ch. (2007) Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917. In: Breyfogle, N.B., Schrader, A. & Sunderland, W. (eds) (2007) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonisation in Eurasian history*. London, New York: Routledge. pp. 128–147.
62. Sunderland, W. (2004) *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca: Cornell University Press.
63. Dahlmann, D. (2009) *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart* [Siberia. From the 16th century to the present]. Paderborn: Schöningh.
64. Remnev, A.V. (2011) [Domestic geopolitics of Asian Russia in the late 19th – early 20th centuries: National and colonial contexts]. *Demograficheskoe prostranstvo Azii: istoriya, sovremennost' i gipotezy budushchego* [Demographic space Asia: Past, Present and Future of the hypothesis]. Proc. of the International Conference. Novosibirsk: Parallel'. pp. 184–203. (In Russian).

С.Ю. Буркин

ПОДХОДЫ К НАУЧНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Предпринята попытка типологизировать подходы к изучению эсхатологической проблематики в польской научной периодике и продемонстрировать пользу ее применения в историографическом анализе отечественной гуманитарной наукой. Объясняются причина недооценки польской научной литературы в отечественном религиоведении и причины относительной изолированности двух крупнейших славяноязычных научных школ. В их сравнительном анализе автор стремится показать некоторые преимущества польской славистики, в частности в вопросах старообрядческой антропологии.

Ключевые слова: польская историография; эсхатология; католицизм; старообрядчество.

Призыв использовать достижения современной польской гуманитаристики в исследовании эсхатологизма как феномена исторического сознания, с которого хочется начать статью, обусловлен не только стремлением увеличить амплитуду исследования, но и выгодным для работы положением польской гуманитарной науки. С одной стороны, она находится как бы на перекрестии западной и отечественной школ, а с другой стороны, польская культура и наука традиционно сосредоточены на христианской проблематике.

Статья не посвящена региональным аспектам конкретно польской эсхатологии, и можно было бы вполне обойтись привлечением иностранной литературы на основных европейских языках или же привлечь любой другой европейский язык в качестве «арбитра». Однако венгерская, чешская, румынская или болгарская литературы едва ли сопоставимы по своему сосредоточению на религиоведческой проблематике с научной литературой на польском языке. Вероятно, вполне сопоставима, а возможно даже превосходит польские научные изыскания последних лет, авторов итальянских, греческих или нидерландских национальных школ. Однако ни одной из них не принадлежит то исключительное промежуточное положение, в котором в силу исторических, географических, культурных и политических причин оказалась Польша. Немаловажным плюсом в привлечении польского языка в разработке историографического материала является относительная простота изучения для российского исследователя дополнительного славянского языка, особенно если этому языку, так же как польскому, принадлежит вполне самобытная научная школа.

Православие и католицизм прошли не только двухтысячелетнюю историю формирования, но и укоренились в различных культурах и социумах, порождая не только национальные церкви, но и такие специфические явления, как национальный эсхатологизм.

Польская славистика интересуется восточной славянской литературой с большой интенсивностью. Польские слависты динамично обсуждают российские изыскания в этой области. В частности, в работах Элж-

баты Олзацкой рассматриваются проблемы, поднятые русским историком Михаилом Яковлевичем Геллером.

М.Я. Геллер (1922–1997) зарекомендовал себя авторитетным специалистом в области российской истории и русской литературы. После окончания МГУ он работал преподавателем высшей школы, был репрессирован и в 1963 г. уехал из СССР в Польшу, затем в Париж, где получил звание профессора Сорбонны. Занимал оппозицию по отношению к советской исторической школе.

Работы Геллера более известны на Западе, и можно было бы предположить, что в тонких вопросах русской истории, на которые советская школа не могла дать адекватный ответ, мы можем положиться на русских ученых-эмигрантов. Однако польский ученый Элжбета Олзацка в своей статье об эсхатологических основаниях старообрядческого раскола опровергает мнение Геллера о политической подоплеке русского религиозного конфликта XVII в.

Уже во введении Олзацка пишет, что, несмотря на то, что староверы противопоставили себя не только Никону, но и еретическому государству царя Алексея Михайловича, не следует забывать, что истоки конфликта не были политическими: «Скорее в самом их основании – глубокий религиозный конфликт. Старообрядцы не были революционерами, которые под видом религиозных мотивов хотели разрушить систему и создать на ее месте нечто новое. Их критика власти шла в первую очередь от глубокого беспокойства за судьбу Московского государства, которое в результате отказа от “исконных” русских традиций обрекает себя на крах. Это доказывает то упорство, с которым старообрядчество пытается убедить царя вернуться к старым традициям и спасти Русь от падения. Постепенно, однако, в силу отсутствия положительного ответа на свои призывы, старообрядчество склоняется к радикализации своих позиций. Воспринимая окружающую действительность как область зла, оно признает, что спасение возможно только через противостояние. Этот протест сопровождался самым сильным эсхатологическим напряжением» [1. С. 9].

Утверждая политическую подоплеку конфликта, Геллер полемизирует с советской школой: «В действительности раскол не имел антифеодальной направленности» [2. С. 361]. Ссылаясь в своем исследовании на этот посыл Геллера [1. С. 15], польский исследователь не опровергает политической напряженности конфликта, потрясшего самые основы русского национального устройства. Элжбета Олзацка углубляет религиозные и эсхатологические основы этого конфликта и ставит их во главу угла. Если для Геллера этот конфликт, будучи религиозным, носит несомненный политический характер, то для Олзацкой он, будучи политическим, в истоках своих имеет сугубо религиозные причины: «Несмотря на то что мы рассматриваем раскол как процесс, обусловленный политическими и социальными факторами, в контексте этой работы гораздо более важно смотреть на религиозные мотивы и последствия» [Ibid.]. Одновременно польский ученый не отрицает, что «религиозный спор в своих корнях и мотивации в специфических российских условиях был также причиной идеологического бунта против новых идей государства и политических решений» [Ibid. С. 21].

Для понимания эсхатологизма как феномена исторического сознания научное обоснование религиозных основ таких исторических конфликтов, как старообрядческий раскол, имеет принципиальное значение. В данном случае даже оппозиционное советской школе мнение Михаила Геллера не уделяет такого внимания эсхатологической мотивации конфликта XVII в., как это делается в современной польской научной литературе.

Секрет этой разницы заключается в особом внимании польских исследователей к антропологическим аспектам конфликта. В частности, Уршула Церняк в своей статье «Человек в эсхатоне. Антропология старообрядчества» обращает внимание на то, что в самой польской науке еще в 1986 г. даже после важнейших польских исследований на тему старого обряда¹ можно было наткнуться на непонимание глубоких религиозных оснований раскола [3. С. 106]. Так, Церняк приводит пример Людвика Базылева, писавшего, что в основе конфликта лежал самобытный характер русского мужика, имевшего особое пристрастие к мелочам, к дотошному разбирательству в самых ничтожных вопросах [Ibid.].

Оспаривая столь упрощенное представление с точки зрения антропологических измерений в старообрядческой литературе, Церняк делает вывод, что эти «ничтожные вопросы» вроде трехперстного знамения или направления процессии вокруг аналоя – не что иное, как свидетельства взрывоопасного религиозного напряжения, царившего в русских умах в эпоху реформ. В основе этого напряжения лежали несколько антропологических факторов, таких как антропология традиции, антропология правильной смерти, антропология оснований человеческой природы, а также антропология страдания и святости.

В этом свете фанатизм, с которым раскольники отвечали на реформы, объясняется встречной реакцией этих антропологических факторов на возможности, которые открылись для их реализации в свете жесточайших репрессий, интерпретированных русским религиозным сознанием в апокалипсическом ключе [Ibid. С. 107]. Более подробно эта проблема поднималась Церняк еще в 1992 г. в работах «Виденье Антихриста у старообрядцев и библейские пророчества» [4. С. 157–168], «Представления о силах зла у прежних и современных старообрядцев» [5. С. 79–87] и «Апокалипсис российских старообрядцев» [6. С. 73–98].

Во всех этих работах ключевым образом старообрядчества Церняк видит Антихриста, на котором сходились все апокалипсические признаки наступающего конца света в его последовательной реализации, когда «анализ текущих событий в их противостоянии с историческим опытом, знаниями и мудростью предков вкупе с православной религиозной традицией и культурой породили среди противников Никона образ человека, защищающего чистоту веры у конца времен, образ человека в эсхатоне» [3. С. 107].

Специфической чертой польского религиоведения является большая доля в научной работе университетов духовных лиц, а также католических высших школ, где проводятся научные исследования различных аспектов эсхатологии. В русской, особенно в советской, а затем и в российской академической науке существует более четкая граница между светским исследователем и имеющим духовный статус. Если внешне это отражается на самом стиле описания, то внутренне эти два типа исследований имеют глубокие методологические, а часто и идеологические различия, не позволяющие православным авторам использовать авторитетные изыскания западных коллег.

В католических университетах и среди ученых, имеющих отношение к католическому клиру, дискурсивная практика мало чем отличается от светской. Это связано прежде всего с глубокими традициями эквивалентности светского и теологического образования и ученых званий в католическом мире. Теологическое образование фактически приравнивается к философскому, а в некоторых специальных областях гуманитарных наук принадлежность исследователя к теологическому учреждению носит лишь формальный характер. Например, Дариуш Каспшак обращает внимание, что проблема христианских институций в обществе с равным успехом разрабатывается как историками церкви, так и политической теологией, так как действуют вне проблематики *communio et misterium* – мистических, а потому строго теологических аспектов учения о церкви [7. С. 135].

Не следует также забывать о том особом положении, которого удалось добиться католической церкви в Польской Народной Республике (1945–1990 гг.), и что в рамках католических высших школ гуманитарная наука в Польше являлась своего рода интеллектуаль-

ным оазисом или, как пишет Генрих Возняковский, «пространством свободы» в эпоху коммунистической диктатуры [8]. Научный характер дискуссий в католических учреждениях и научные методы изысканий позволяли избавиться от лишнего идеологического столкновения с недружелюбной властью.

В частности, издательство варшавского университета имени кардинала Стефана Вышинского с 1963 г. выпускает полугодник «*Studia Theologica Varsoviensia*», где публикуются исключительно научные материалы, и финансируется это издание польским Комитетом научных исследований (Komitet Badań Naukowych). Издание состоит из трех основных частей: трактатов и статей (представленных тематически), рубрика «*Varia*» содержит другие статьи и доклады научных конференций, дискуссий и обзоров. Несмотря на то что журнал является ведомственным органом богословского факультета и формально рецензируется курией митрополита варшавского, уже первым его редактором профессором Марианом Михальским в 1963 г. была озвучена стратегия поддержания журнала в строго научном ключе. На заглавной странице сайта² издания написано «*Staramy się pozostać wierni temu wyzwaniu*»: «Мы стараемся оставаться верными этому вызову».

Для понимания эсхатологического мышления важно попытаться понять пространственно-временную модель действительности, которая продиктована тем или иным религиозным мировоззрением. Описывая православное восприятие сакрального мира в разработке своего направления, я прибегаю к обоснованию мистериальной сущности этого восприятия или «иконического сознания» греко-славянской иеротопии [9]. Началом этого мировосприятия, безусловно, для восточных христиан является литургическая практика, обрядовая сторона быта и собственно мистерия, или таинство. Привлечение такой периодики, как «*Studia Theologica Varsoviensia*», позволяет посмотреть на проблему не только в компаративистском отношении с католической стороны, но и с точки зрения польской науки.

Кшиштов Филипович в статье «Поиски мистериального характера литургии» обращает внимание на то, что в самом теологическом дискурсе связь литургической практики с древними культами стала обсуждаться лишь в начале XX столетия [10. S. 189]. О связи православного сакрального пространства и египетской «Книги мертвых» писал в конце жизни русский философ Сергей Булгаков [11. С. 255]. По мнению Филиповича, несмотря на то что христианство осуждало мистериальные культы, как и любые проявления язычества, модные среди римлян восточные культы Изиды, Осириса или Митры не могли не оставить своего следа на формирующейся литургической практике самих христиан.

Однако если в римский католицизм мистериальный мистицизм мог проникнуть только через модные восточные веяния, то православие формировалось непо-

средственно в ближневосточной религиозной среде. Православный сасгит кроме литургического перемещения во времени и пространстве за счет мистерии воспринял от восточных религий также и свое видение эсхатологического пространства загробного мира.

В результате избыток мистериального характера в православной духовности порождал в западном мире некоторое недоверие к восточным единоверцам, «видя в них проявления глубоко укоренившихся древних языческих религий, существенно отличающихся от собственного ритуального формализма, связанного с таинствами, которые относились к спасительным событиям вокруг личности Иисуса и встроены в конкретное частно-историческое измерение» [10. S. 195].

Одновременно с научными изысканиями в католических высших школах в Польше существуют теологические факультеты в светских университетах. Например, Мичеслав Целестин Пачковски с теологического факультета университета имени Николая Коперника в Торуне непосредственно обращается к нашей теме в своей статье «Христианский мессианизм и миллениаризм в первых веках».

Центральную роль в религиозно-эсхатологическом осмыслении хода истории играли идеи миллениаризма или хилиазма, учение о земном Тысячелетнем Царстве Божьем как наиболее радикальное апокалипсическое видение исторической перспективы. В ходе становления церкви как государственной институции и превращения христианства в доминирующее мировоззрение миллениаризм был отвергнут. Вместе с этим отошли на второй план оптимистические ожидания близкого второго пришествия и стремление к установлению царства верных на руинах господствующих государств. Однако процесс институализации христианства начался не сверху, не с решений императора Константина I Великого, не с Миланского эдикта или созыва Первого Вселенского собора, а снизу и несколько ранее – со стремления христианских общин включиться в систему римских коллегий.

С началом этого процесса официальными руководителями общин становились не пророки и апостолы (харизматические лидеры), а римские граждане, принимавшие на себя гражданскую ответственность в соответствии с системой коллегий в римском обществе, т.е. епископы и пресвитеры, ставшие впоследствии основой иерархической церкви. Вальдемар Ян Турек в статье «От Церкви харизматично-духовной до институционально-иерархической: Тертуллиан и Киприан» отмечает, что в таких творениях Тертуллиана, как *Apologeticum*, созданных в конце II в., и таких творениях его ученика Киприана, как *De unitate Ecclesiae*, созданных в середине III в., разница в понимании церкви носит эсхатологический характер или, как пишет Турек, «Тертуллиан действовал под сильным влиянием близкого возвращения Христа и не допускал мысли об основании на земле <...> постоянной церковной организации и церковных управлений. Совершенно иначе

понимал Церковь и ее структуры св. Киприан. Прежде всего, он видел необходимость централизованной власти в Церкви, которая была бы гарантом ее целостности. Видел он ее в <...> во всем епископате» [12. S. 95–96]. Говоря об этом, Пачковски замечает, что взгляды Тертуллиана того периода необязательно были связаны с его переходом в ряды монтанистов [13. S. 23].

Именно в этот период (полвека между *Apologeticum* Тертуллиана и *De unitate Ecclesiae* Киприана) антиримские ноты в апокалипсисах и идеи земного царства верных вытесняются из учения церкви, становясь прерогативой маргинальных течений с ярко выраженными эсхатологическими и хилиастическими доктринами.

Пачковски обращает внимание на то, что среди ранних христиан хилиастические настроения сохранялись там, где основу христианских общин составляли евреи: «Идея тысячелетнего царства Христа и его избранных процветала там, где общины еврейские или иудеохристианские были наиболее многочисленны и активны» [Ibid. S. 20], делая тем самым хилиазм одной из отправных точек разрыва европейского христианства с иудаизмом.

Одновременно автор подчеркивает, что еще во II–III вв. все христианские авторы были под влиянием хилиазма, однако начало процесса отмежевания от исторического Тысячелетнего царства он связывает со «сговором умолчания» [Ibid. S. 21]. Иначе говоря, эта тема становится непопулярной среди сторонников иерархической церкви. В частности, Пачковски отмечает диссонанс в творениях Ириния Лионского, который в спорах с гностическими системами активно прибегает к теме Тысячелетнего царства с его земным торжеством и практически умалчивает о хилиазме в катехизических поучениях, направленных внутрь христианской общины [Ibid. S. 23].

Будучи католическим клириком, Пачковски свободно и аргументированно рассуждает о тотальной принадлежности ранних христиан к учению о земном Тысячелетнем царстве, описывает тот сложный путь, который пришлось проделать христианским богословам до окончательного признания миллениаризма ересью. В православной традиции это учение так никогда и не было признано ересью. Существуют лишь частные богословские мнения на этот счет. Однако трудно себе представить, чтобы после осуждения хилиазма как ереси в Православной церкви исследователи, имеющие духовный статус и преподающие богословие, рассуждали бы в своих работах о тотальной принадлежности раннего христианства к идее Тысячелетнего царства на земле, как это делает русский священник Борис Кириянов [14. С. 58–72].

Польское научное сообщество отдает дань ведущей континентальной науке – немецкой. В контексте эсхатологии интересным является отношение современных польских религиоведов к признанным немецким эсхатолам.

Кристиан Павлачик из университета имени Адама Мицкевича в Познани в статье «Об эсхатологических

истоках историософии (перспектива Карла Лёвита)» [15] рассматривает поднятый К. Лёвитом вопрос о прямой зависимости историософии от мышления в таких эсхатологических категориях, как линейность, целенаправленность и конечность истории. В работе «Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History» [16] Лёвит объясняет, что большинство понятий, на которые опирается светская философия истории, в сущности являются секуляризированной адаптацией представлений, характерных для религиозного мышления. Таким образом, вера в прогресс сравнивается с надеждой на спасение, а положение о рациональности исторического процесса выступает как модификация представлений о божьем промысле. И главным мотивом этого вывода, как пишет Павлачик, является сосредоточение на первичном и трансцендентном значении христианской эсхатологии [15. S. 9].

Критике Лёвитом эсхатологизма историософии Павлачик посвящает вторую часть своей статьи. В основе этой критики лежит генетическая взаимосвязь секуляризованного эсхатологизма с тоталитаризмом XX в. Провозгласив некогда третью эпоху Духа по эту сторону от конца света, Иоахим Флорский открыл большую плеяду провозглашаемых новых эр, будь то коммунизм или Третий рейх.

Таким образом, на нескольких примерах я постарался показать, какую значительную пользу для исторического исследования эсхатологии можно извлечь из привлечения в качестве иностранной литературы польской историографии последних лет. Одним из значительных плюсов такого привлечения является то, что польская литература, будучи одной из активнейших в религиоведческих вопросах национальной школой в Европе, практически не вовлекается в научный оборот российскими исследователями. Чего нельзя сказать о самой польской науке, не только успешно разрабатывающей русский эсхатологический материал, но и вовлекающей в свой историографический инструментарий достижения российских гуманитарных наук.

Современные требования к историографии исследования отличаются повышенным вниманием к привлечению иностранной литературы, что закономерно приводит к использованию в исследованиях англоязычных текстов. Вводятся также и другие основные европейские языки – немецкие и французские источники. Однако некоторые темы, разрабатываемые сегодня отечественными исследователями, требуют использования менее распространенных в западной науке языков, представляющих эксклюзивную ценность в специализированных направлениях, что позволяет добиться как большей новизны, так и достоверности исследований.

Еще одним немаловажным нюансом в привлечении именно польской литературы является факт исторического родства двух крупнейших славянских народов – православного и католического. Русская и польская научные традиции, с одной стороны, – крупнейшие

славяноязычные, а с другой стороны, наиболее самобытные славянские и, пожалуй, восточно-европейские школы.

Среди рассматриваемых в данной статье польских работ ни одна не была упомянута в научных работах российскими исследователями. Одной из причин этого может быть то, что мною были отобраны наиболее свежие публикации польских авторов³. Возможной предпосылкой этого может являться недостаточное понимание российским научным сообществом специфики академического баланса между духовными и светскими лицами в польской науке.

Обобщая в заключение примеры использования польской историографии в разработке эсхатологической проблематики, следует заметить, что в современной российской научной периодике отсутствует столь

бурная дискуссия по этому вопросу. Редким примером специализированного российского издания по эсхатологии является проект Журнала «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» под названием «Эсхатологический сборник» [17]. Сравнивая «Эсхатологический сборник» с польской периодикой по данному вопросу, бросается в глаза концентрация российских изданий на мировой эсхатологии (исламской, иудейской, гностической и др.), включая ее секуляризованные формы. Для польской же науки характерна концентрация на сугубо христианской эсхатологии.

В этом смысле весьма полезной могла бы быть не только полемика между двумя школами, но и опыт их взаимного дополнения через аналитический мониторинг и публикацию переводов наиболее актуальных текстов, особенно в вопросах, касающихся славистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Церняк У. приводит следующие примеры таких работ: Jakubowski W., Wstęp [w:] Żywot protopopa...; Łużny R. Z listów protopopa Awwakuma, „Znak” 1980, nr 307 (1), styczeń, s. 29–38; tenże, Bojarzyna Morozowa oraz jej staroruska biografia a literacka, „Znak” 1982, nr 331 (6). S. 497–506. Ważny dla zrozumienia istoty starego obrzędu był artykuł: R. Łużny, „Stary obrzęd” i jego miejsce w kulturze rosyjskiej, „Więź” 1984, styczeń, nr 1 (303). S. 92–100; Kowalska H. Rosyjski wiersz duchowny i kultura religijna staroobrzędowców pomorskich. Wrocław, 1987.

² stv.uksw.edu.pl

³ Исулов Г.К. в работе «Антихрист» (Общество. Среда. Развитие. № 1. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2006) ссылается на польскую публикацию У. Церняк за 1992 год: Cierniak U. Wizji Antychrysta u staroobrzędowców a prorocstwa biblijne // Biblia a kultura Europy. Łódź, 1992.

ЛИТЕРАТУРА

1. Olzacka E. Ucieczka od świata jako droga do zbawienia – antysystemowe realizacje postaw rosyjskich staroobrzędowców // The Polish Journal of the Arts and Culture. 2013. № 6.
2. Геллер М. История Российской империи. М. : МИК, 1997. Т. 1.
3. Cierniak U. Człowiek w eschatonie. Antropologia staroobrzędowców // Prace komisji kultury słowian PAU. Kraków, 2012. T. VIII. Kultura i polityka obraz człowieka w kulturach słowian.
4. Cierniak U. Wizje Antychrysta u staroobrzędowców a prorocstwa biblijne // Biblia a kultura Europy / red. M. Kamińska, E. Małek. Łódź, 1992.
5. Cierniak U. Wyobrażenia o siłach zła u dawnych i współczesnych staroobrzędowców, „Studia Religioznawcze” 1996, z. 29: Prawosławie.
6. Cierniak U. Apokalipsa rosyjskich staroobrzędowców [w:] Apokalipsa. Symbolika – tradycja – egzegeza / red. K. Korotkich i J. Ławski. Białystok, 2006. T. 1.
7. Kasprzak D. Kościół IV/V wieku – pomiędzy instytucją Kościoła imperialnego a ideałem Kościoła apostołskiego // Kościół Starożytny – Królestwo Chrystusa I Instytucja. Lublin, 2010.
8. Возняковский Г. Церковь в коммунистической Польше (1945–1990) / сокр. пер. с фр. оригинала // Электронный журнал «Новая Польша» (Nowaja Polska). 2006. № 3. URL: http://novpol.org/ru/S108t_MDoZ/CERKOV-V-KOMMUNISTICHESKOJ-POLSHI-1945-1990
9. Лидов А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М. : Феофия, 2009.
10. Ks. Krzysztof Filipowicz. Poszukiwania misteryjnego charakteru liturgii // Studia Theologica Varsoviensia 2 półrocznik. Warszawa, 2014.
11. Булгаков С. Православие. М., 2001.
12. Turek W.J. Od Kościoła charyzmatyczno-duchowego do instytucjonalno-hierarchicznego: Tertulian i Cyprian // Kościół Starożytny – Królestwo Chrystusa I Instytucja. Lublin, 2010.
13. Paczkowski M.C. Mesjanizm a milenaryzm chrześcijański w pierwszych wiekach // Studia Gdańskie. Gdańsk, 2014. T. XXXIV.
14. Кирьянов Б. О Тысячелетнем царстве Господа на Земле. СПб., 2001.
15. Pawlaczyk K. O eschatologicznych źródłach historiozofii. Perspektywa Karla Löwitha // Filo – Sofija. 2015. № 28.
16. Löwith K. Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History. Chicago : University of Chicago Press, 1949.
17. Эсхатологический сборник // Журнал «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». СПб. : Алетейя, 2006.

Burkin Stanislav Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: stas.burkin@gmail.com

APPROACHES TO THE SCIENTIFIC STUDY OF THE ESCHATOLOGICAL PROBLEM IN POLISH HISTORIOGRAPHY.

Keywords: Polish historiography; eschatology; Catholicism; old believes.

The article attempts to typologize the directions and approaches to the study of the eschatological perspective in Polish scientific periodicals on theological topics. One of the objectives of this article is to demonstrate the benefit of the introduction into circulation of Russian humanities literature in minor European languages even if the research subject is not limited by regional issues. Plenty of links to English-speaking, German, and French authors meet the formal requirements of the modern Russian scientific journals. However, ignoring the languages less common in the scientific use can lead to lapses in historiographical elaboration of themes. The advantage of the Historical and Religious Studies in the Polish language introduction into the scientific circulation is in the creation of new independent perspectives in the history of religion. There is certain underestimation of the Polish scientific literature on the issues of religion and the history of Christianity that is observed among the Russian-speaking researchers. This article discusses the possible causes of the relative isolation of the two largest Slav scientific schools. The paper substantiates some of the advantages of using the Polish language in the study of the history of eschatology. The author draws attention to the achievements of Polish science in the Slavonic Studies, particular-

ly the problems of Old Believers eschatology, in a comparative analysis of the Russian and Polish historiography and the history of Christianity. A fundamental difference in the understanding of the origins of Russian religious conflict of the XVII century is evident. Russian emigrant thought was in opposition to the Soviet historical school and contrasted their understanding of the political nature of the conflict to the class and economic approach. Modern Polish researchers, Elżbieta Olzacka and Urszula Cierniak in particular, oppose their conclusions about the anthropological motivation of Russian religious conflict to the both approaches. Further, the article offers an analytical review of recent publications on the Polish eschatological issues, which exposes specific questions, which are not studied in the Russian science enough or at all. These questions concern the relations of the Christian perception of the afterlife with Gnosticism, as well as changes in the eschatological conception in the transformation of the Christian community into the institutionalized church. The article ends with a demonstration of research interest to the Polish science advances in the eschatological perspective of the famous German thinkers. In particular, Krystian Pawlaczyk refers to the works of the German scientist Karl Löwith who proved the implicit connection between historiosophy and Christian eschatology. As a result, the article draws conclusions concerning not only the benefits of attracting minority European languages in the Russian humanities research, but also the risks caused by the continuation of their neglect.

REFERENCES

1. Olzacka, E. (2013) Ucieczka od świata jako droga do zbawienia – antysystemowe realizacje postaw rosyjskich staroobrzędowców [Escape from the world as the way to salvation – anti-system projects of Russian Old Believers]. *The Polish Journal of the Arts and Culture*. 6.
2. Geller, M. (1997) *Istoriya Rossiyskoy imperii* [The History of Russian Empire]. Vol. 1. Moscow: MIK.
3. Cierniak, U. (2012) Człowiek w eschatonie. Antropologia staroobrzędowców [Man in the eschaton. Anthropology of the Old Believers]. *Prace komisji kultury słowian PAU*. 8.
4. Cierniak, U. (1992) Wizje Antychrysta u staroobrzędowców a proroctwa biblijne [Visions of the Antichrist in the Old Believers and Bible prophecy]. In: Kamińska, M. & Małek, E. (ed.) *Biblia a kultura Europy* [The Bible and culture in Europe]. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
5. Cierniak, U. (1996) Wyobrażenia o siłach zła u dawnych i współczesnych staroobrzędowców [Notions about the forces of evil by ancient and modern Old Believers]. *Studia Religiológica*. 29.
6. Cierniak, U. (2006) Apokalipsa rosyjskich staroobrzędowców [Apocalypse of Russian Old Believers]. In: Korotkich, K. & Ławski, J. (eds) *Apokalipsa. Symbolika – tradycja – egzegeza* [J]. Vol.1. Białystok: Instytut Filologii Polskiej Uniwersytetu.
7. Kasprzak, D. (2010) Kościół IV/V wieku – pomiędzy instytucją Kościoła imperialnego a ideałem Kościoła apostołskiego [Church in the 4th – 5th centuries. Between the institution of the Church and the imperial ideal of the Apostolic Church]. In: Drączkowski, F. et al. (eds) *Kościół Starożytny – Królestwo Chrystusa i Instytucja* [Ancient Church – Kingdom of Christ and Institution]. Lublin: [s.n.].
8. Woźniakowski, G. (2006) Tserkov' v kommunisticheskoy Pol'she (1945–1990) [Church in the Communist Poland (1945–1990)]. Translated from French. *Novaya Pol'sha (Nowaja Polska)*. 3. [Online] Available from: http://novpol.org/ru/S108t_MD0Z/CERKOV-V-KOMMUNISTICHESKOJ-POLShE-1945-1990.
9. Lidov, A.M. (2009) *Ierotopiya. Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantiyskoy kul'ture* [Hierotopy. Spatial icons and images of paradigm in the Byzantine culture]. Moscow: Feoriya.
10. Filipowicz, K. (2014) Poszukiwania misteryjnego charakteru liturgii [The search for the nature of the mystery of the liturgy]. *Studia Theologica Varsaviensia*. 2.
11. Bulgakov, S. (2001) *Pravoslavie* [Orthodoxy]. Moscow: AST.
12. Turek, W.J. (2010) Od Kościoła charyzmatyczno-duchowego do instytucjonalno-hierarchicznego: Tertulian i Cyprian [From the Church of the charismatic and spiritual to the institutional and hierarchical: Tertullian and Cyprian]. In: Drączkowski, F. et al. (eds) *Kościół Starożytny – Królestwo Chrystusa i Instytucja* [Ancient Church – Kingdom of Christ and Institution]. Lublin: [s.n.].
13. Paczkowski, M.C. (2014) Mesjanizm a milenaryzm chrześcijański w pierwszych wiekach [Messianism and millenarianism in the first centuries of the Christian Studies]. *Studia Gdańskie*. 34.
14. Kiryanov, B. (2001) *O Tysyacheletnem tsarstve Gospoda na Zemle* [About Millennial kingdom of God on Earth]. St. Petersburg: Aleteyya.
15. Pawlaczyk, K. (2015) O eschatologicznych źródłach historiozofii. Perspektywa Karla Löwitha [The eschatological sources of history. The prospect of Karl Löwith]. *Filo – Sofija*. 28.
16. Löwith, K. (1949) *Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History*. Chicago: University of Chicago Press.
17. Adonasin, E. et al. (2006) *Eskhatologicheskiy sbornik* [The eschatological collection]. St. Petersburg: Aleteyya.

УДК 930.1

DOI 10.17223/19988613/45/20

В.В. Миронов

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ АДАМА УОТСОНА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА В XX в.

Статья посвящена изучению вклада в формирование общей концепции Английской школы международных отношений известного дипломата и историка Адама Уотсона. Выделяются ключевые факторы биографии А. Уотсона. Анализируются две важные темы, которые волновали ученого: историческая социология международных отношений, обозначившая его научную принадлежность к Английской школе, и дипломатия в качестве института изучения международного общества. Последней теме были посвящены не только научные книги исследователя, но и тридцатилетний опыт работы в качестве дипломата. Специфика взглядов А. Уотсона демонстрируется на примерах изучения истории международных отношений XX в.

Ключевые слова: Адам Уотсон; Английская школа; Британский комитет по изучению внешней политики; международное общество; дипломатия.

Одной из центральных тем, поднятой Английской школой международных отношений, выступала проблематика макроисторического взгляда на историю международного общества. Хидеми Суганми называет эту линию изучения исторической социологией международных отношений [1. Р. 43]. Первые шаги в данном направлении были сделаны одним из основателей школы – Мартином Уайтом в 1960 г., который попытался сравнить три международных системы, существовавшие, по его мнению, в истории международных отношений. Он выделял греко-персидскую международную систему, систему воинствующих королевств в Китае и европейскую международную систему нового времени. М. Уайт попытался проанализировать отдельные характеристики указанных международных систем и сформулировать общие тенденции развития системы государств в истории [2. Р. 21–41]. В дальнейшем эту линию Английской школы продолжили работы А. Уотсона 1980-х гг., как и масштабное исследование Б. Бузана и Р. Литтла, опубликованное в конце XX – начале XXI в. [3]. Но если к последним двум исследователям внимание в современной науке только растет, то наследие Адама Уотсона, занимавшегося разработкой этой темы в течение двадцати лет, относительно редко попадает в поле зрения исследователей. Данная статья призвана способствовать устранению существующего пробела и через анализ специфики взглядов А. Уотсона на историю международной системы и дипломатию в качестве института международного общества реконструирует общую логику становления исторической социологии международных отношений в концепции Английской школы международной политики.

Джон Хью Адам Уотсон (1914–2006) родился на десятый день после начала Первой мировой войны – 10 августа 1914 г. Это обстоятельство повлияло и на судьбу, и на научные взгляды будущего ученого и дипломата. Образование он получил в королевском колледже Кембриджа. Стоит заметить, что почти все британские дипломаты в первой половине XX в. «рекрути-

ровались» из выпускников Оксфорда или Кембриджа. Его наставником по истории в студенческие годы был известный историк Герберт Баттерфилд.

В 1937 г. он поступает на дипломатическую службу и получает назначение на Балканы. Тогда данный регион не считался «пороховым погребом Европы», но важно, что первоначальные самостоятельные шаги в профессии Адам Уотсон делал именно внутри европейской дипломатической службы. Часто под особенностями дипломатии в целом он понимал особенности данного института в практике регулирования именно европейских отношений. Справедливости ради необходимо заметить, что за свою долгую тридцатилетнюю дипломатическую карьеру Уотсон поработал почти во всех частях света. В начале Второй мировой войны он получил назначение в Египет, а в конце войны – в СССР. Видимо, в это время он познакомился еще с одним человеком, сыгравшим важную роль в становлении его взглядов на политику и дипломатию, – младшим советником американского посольства в Москве Джорджем Кеннаном. Взгляды Уотсона на природу дипломатии во многом отражали реализм Кеннана.

Следующим местом службы за рубежом стало Британское посольство в Вашингтоне в начале 1950-х гг., откуда он был переведен на должность главы африканского департамента министерства по делам колоний. Заметим, что это изменение в его карьере совпало по времени с периодом, последовавшим за Суэцким кризисом – событием, ставшим знаковой точкой падения колониальной роли Великобритании. В 1960–1961 гг. он был британским послом в Мали, а в 1960–1962 гг. еще и послом в Сенегале, Мавритании и Того. Видимо, в то время английское государство экономило на дипломатических представительствах в «неприоритетных» странах. Но нельзя не отметить и того обстоятельства, что быть главой посольства в условиях распада колониальной империи, особенно в странах – бывших колониях, хотя и не всегда колониях Великобритании – отнюдь не самое лучшее и безопасное «предприятие». Следующее его назначение – диплома-

тическая служба в качестве посла на Кубе в 1963–1966 гг. – также было не легким для карьеры местом. После Карибского кризиса и в условиях разрыва дипломатических отношений Кубы с США Великобритании здесь был нужен опытный дипломат в качестве главы представительства, способный работать в кризисных ситуациях.

Опыт работы, как тогда говорили в «странах третьего мира», в кризисных ситуациях и в условиях, когда он был свидетелем процессов крушения позиций колониальных стран, способствовал началу его исследовательской деятельности. Уже в «африканский период» он пишет работу «Гегемония и история», впервые опубликованную после смерти ученого в 2007 г. Правда, некоторые фрагменты этой книги ученый сам включил в работу «Пределы независимости» [4. Р. 46–81]. Здесь он попытался рассуждать о месте небольших и средних стран в истории международных отношений после крушения колониальных режимов. Ключевой тезис работы состоял в слабости самостоятельной государственности новых государств в условиях отсутствия внешней поддержки.

В завершении своей дипломатической карьеры Уотсон работал в качестве советника в «Форин офисе» с 1966 до отставки в 1968 г. Причины его отставки не совсем понятны. Сам он ее не комментировал. Однако тогда ему не было шестидесяти лет – предельный возраст нахождения на службе по английским законам. Можно предположить, что 1968 г. для дипломатической службы Великобритании был завершением реформы дипломатического ведомства, когда Министерство иностранных дел, Министерство Содружества и Министерство по делам колоний были объединены в современный «Форин офис» и Уотсон по каким-то причинам не вписался в реорганизованную структуру нового министерства. В целом его карьера дипломата выглядит вполне респектабельной и удачной.

Научная стезя Адама Уотсона, связанная с Английской школой, начала формироваться в 1960-е гг. с участия в работе Британского комитета по изучению международной политики. Первоначально его пригласил в качестве эксперта и практика Г. Баттерфильд. Уотсон с интересом воспринял идею своего учителя и стал принимать активное участие в работе. Вскоре из эксперта он превратился в докладчика. А затем, после смерти Уайта, он стал третьим Председателем комитета, занимая эту должность с 1972 по 1978 г. По его собственным словам, он сделал это ради того, чтобы на время подменить Хедли Булла – еще одну знаковую для Английской школы фигур, – который тогда уехал на стажировку в США [5. Р. 2]. В 1973 г. Уотсон начинает и преподавательскую деятельность, согласившись на предложение того же Хедли Булла стать приглашенным лектором в Австралийском национальном университете. В 1970-е гг. он также работал в общественной организации в Париже, занимавшейся публикацией работ диссидентов из стран с репрессивными режимами.

В 1980–1990-е гг. выходят его работы, посвященные дипломатии и международному обществу. Определенную научную известность ему принесла публикация глав в «Экспансии международного сообщества», когда он стал восприниматься как фигура, равная Х. Буллу внутри школы. В 1990 гг. он получает должность в университете Вирджинии, где он и провел оставшуюся часть своей жизни.

Как отмечалось в газете «Телеграф» от 22 сентября 2007 г., в заметке, посвященной памяти ученого, он сумел соединить в своей работе практический опыт дипломата и научные идеи концепции международного общества; теорию и практику, которые и позволили ему сформулировать уникальное и комплексное видение важных международных институтов [6].

Основной вклад А. Уотсона в формирование Английской школы международных отношений видится в исследовании и проработке нескольких самостоятельных тем, способствовавших укоренению и развитию общей концепции международного общества. Среди них особенно выделяются две: первая – исторический анализ международных систем, который, как и работы Б. Бузана и Р. Литтла, утверждали внутри школы историческую социологию международной политики в качестве автономного раздела изучения; вторая – исследование дипломатии в качестве одного из институтов международного общества.

Обе отмеченные темы затрагивались в работах Баттерфильда, Уайта и Булла. Уайт хорошо поставил проблемы. Баттерфильд переоценивал роль дипломатии в качестве инструмента по поддержанию баланса сил. Булл живо интересовался изменениями в дипломатии во второй половине XX в. и на этом, по сути, частном историческом опыте судил о дипломатии как регуляторе международных отношений в целом. Исследования Уотсона на этом фоне выглядят глубокими и комплексными. В немалой степени этому способствовал его тридцатилетний опыт работы на дипломатическом поприще. Собственно говоря, он и пришел в науку как дипломат-практик, а интерес к указанным темам в известной степени также диктовался «практическими соображениями».

Он сам так писал об этом в предисловии к одной из своих книг: «Необходимо сконцентрироваться на двух важных вопросах, которые могут помочь дать ответ на дилеммы государственных деятелей по поводу управления международным обществом. Первый – какова природа дипломатического диалога, а второй – что в действительности было сделано для управления международным обществом после Второй мировой войны?» [7. Р. 10]. Характеризуя такую постановку проблемы в отношении дипломатии, необходимо отметить три важных момента.

Во-первых, в такой постановке проблемы Уотсон отталкивался от традиционных для политиков и ученых в Великобритании представлений о существовании дипломатии. Эта традиционная позиция была выражена в

работах Э. Сатоу, Г. Никольсона и нашла свое отражение в «Оксфордском словаре». Так, Эдвард Сатоу в своем знаменитом определении 1919 г. писал, что «дипломатия есть применение ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами независимых государств, включая иногда и их отношения с зависимыми странами» [8. Р. 1]. Гарольд Никольсон со ссылкой на определение Оксфордского словаря в 1930-е гг. полагал, что дипломатия есть «ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками, работа и искусство дипломата» [9. С. 20].

Во всех этих случаях в дипломатии видели искусство переговоров между только лишь официальными представителями и только суверенных государств. Такой подход до середины XX в. позволял политикам и ученым разделять собственно внешнюю политику и дипломатическую деятельность. Хотя уже с первой трети XX в., с появления универсальных международных организаций, указанная позиция перестала отвечать реалиям международной жизни. Примечательно в этой связи определение, которым пользовался сам Адам Уотсон: «Переговоры между политическими образованиями, которые признают независимость друг друга, называют дипломатией» [7. Р. 33].

Сущность этого феномена он видит в том, что дипломатия представляет собой механизм, посредством которого осуществляется обмен контактами, правилами поведения и институтами между государствами [Ibid. Р. 14]. При таком подходе правомерность термина «английская традиция» уместна в отношении определения Адама Уотсона и в узком – как представителя Английской школы, и в широком смысле – как отражение общей британской традиции в понимании дипломатии как межгосударственного института.

Во-вторых, из постановки проблемы изначально просматривается его принадлежность к Английской школе. Задачи изучения дипломатии ученый видит в исследовании механизмов управления и функционирования международного общества. Сам он считал, что происхождением своей работы он обязан Британскому комитету по международной политике [Ibid. Р. 12]. Баттерфильд кооптировал своего бывшего кембриджского студента в работу семинара, где Уотсон стал одним из разработчиков общей концепции. Более того, он считал, что «в условиях развития международного общества дипломатия становится больше, чем просто инструментом коммуникации и сделок». Этим и было продиктовано желание функционального изучения указанного института. Поэтому изначальный традиционный интерес к историческому осмыслению дипломатии был соединен с концепцией международного общества.

В-третьих, интерес к дипломатии в том виде, в каком представлял себе данный институт Уотсон, был обусловлен личным психологическим фактором, который без труда можно обнаружить на страницах его ра-

бот. Точкой отсчета для анализа дипломатии для ученого послужила Первая мировая война. Этот опыт он вынес из детства. Он считал данную войну знаковым и рубежным событием: называл ее незабываемой травмой для европейского общества [Ibid. Р. 10]. Причинами катастрофы он стал интересоваться еще в межвоенный период и считал, что это был провал дипломатического диалога между странами. После Второй мировой войны знакомства с Гербертом Баттерфильдом в Великобритании и Джорджем Кеннаном в США убедили Уотсона в том, что другие рубежные события, как то Вторая мировая война, холодная война и гонка вооружений в условиях угрозы применения ядерного оружия – всего лишь отголоски крушения системы дипломатических институтов. Первая мировая война ознаменовала собой разрушение международного общества и начало периода заката уникальной европейской цивилизации, чьими усилиями поддерживалась международная система на всем протяжении XIX в.

Собственно, нет ничего удивительного в том, что дипломат-практик, пытаясь определить место и роль дипломатии в международном обществе, переоценивал значение данного института. Он полагал, что альтернатив дипломатии в мире во второй половине XX в. не много, а те, которые имеются, – часто нереализуемы. Так, например, он считал, что альтернативой дипломатии выступает хаос и ничем не регулируемые контакты между государствами. По сути, это мир Т. Гоббса с его «войной всех против всех», но, в отличие от американских реалистов, которые считали хаос движущей силой международных систем, Уотсон находил международную анархию в ядерный век невозможной.

Другая альтернатива дипломатии ему виделась в возникновении мирового правительства – проект довольно «популярный» среди ученых в 1970-е гг. Уотсон также рассуждал об этой возможности и полагал, что гипотетически существуют две модели эволюции в указанном направлении: новая мировая империя – проект, который он считал реализуемым только в отношении части мира; и создание целенаправленными усилиями международной федерации. Как историк он не верил в возможность существования новой мировой империи в долгосрочной перспективе. Его собственный опыт изучения истории международных отношений к такому выводу не предрасполагал, а мировое правительство в форме федерации требовало бы отказа государств от суверенитета, в чем он искренне сомневался как дипломат-практик. Нельзя не отметить, что в дальнейшем эволюция так называемого скандинавского проекта мирового правительства привела к идее создания организации, лишь функционально сопоставимой с мировым правительством, но не упраздняющей власть суверенных государств. В целом таким институтом ООН он не рассматривал, считая дипломатию предметом традиционных межгосударственных отношений, а не международных организаций. Но даже и при таком сценарии эволюции модели мира роль дипломатии со временем только бы росла.

Как мыслитель, не исключая случайность в социальных вопросах, Адам Уотсон предполагал возможность формирования некоего принципиально нового регулятора международных отношений. Это то, что, вслед за Х. Буллом, представители Английской школы стали называть «новым средневековьем» – рождением новой формы отношений между акторами в условиях роста взаимозависимости в мире и укрепления роли негосударственных участников международного взаимодействия. Такой сценарий нельзя было просчитать, как невозможно было представить феодализм в античной Греции. Однако отмирание дипломатии и в этом случае было бы маловероятным.

В основе собственной исторической социологии международных отношений Адама Уотсона находились идеи, которые активно обсуждались в Британском комитете в 1960–1970-х гг. И в первую очередь, это идея системы государств, которая была сформулирована Уайтом, отчасти развивалась Буллом и присутствовала у Баттерфильда. Для Уотсона последний из участников проекта оставался самым авторитетным членом данного семинара. В январе 1965 г. Баттерфильд выступил с оставшимся неопубликованным докладом «Историческая система государств», где как председатель комитета он суммировал и углубил дискуссии участников о функциях и природе международной системы. Текст доклада находится в библиотеке Королевского института международных отношений в Честере Хаусе [10. Р. 5].

Вряд ли в данном случае имеет смысл останавливаться на вопросе, кто из ученых сформулировал понятие системы государств для школы первым, хотя, скорее всего, это был Мартин Уайт. Здесь важен источник происхождения термина, как и то, какой смысл вкладывали в это понятие различные представители школы. Источником послужили работы немецких историков Геттингена XIX в. и, в первую очередь, книги Арнольда Германа Людвига Геерена (1760–1842). Это свидетельствует о европейских корнях системности в появлении термина в Английской школе. Содержание данного понятия, благодаря обсуждению в Комитете, со временем приобрело общий смысл. Уотсон в одной из работ дал такое определение: «Когда группа государств взаимосвязана между собой так, что без учета интересов одного из участников можно говорить о потере независимости других» [7. Р. 15].

Это определение очень близко к определению Х. Булла, который рассуждал о системе как о ситуации, где каждый из участников вынужден был принимать в расчет интересы других государств. Как и Уайт, Уотсон не считал европейскую систему государств – единственной международной системой, существовавшей в истории. Как и Уайт, Уотсон считал, что общность культуры и религиозное единство способны выступать системообразующим фактором.

Новизна подхода Адама Уотсона состояла в сравнении различных систем сквозь призму общих историко-

социологических понятий. Он считал, что система формируется из двух противоположных тенденций в развитии государства. Первая тенденция – тенденция к независимости от других стран, вторая – стремление подчинить своим интересам интересы других. Первая тенденция в абсолюте означает торжество анархии в международных отношениях, вторая – стремление к созданию империи как типа универсальной власти. Обе тенденции – это идеальные модели, между которыми находится спектр различных промежуточных состояний. Тогда полезной метафорой для обозначения истории международных отношений как процесса развития между двумя данными полюсами выступает маятник, в амплитуде движения которого и находится понятие «система государств». Такое представление и стало основой концептуализации исторического развития международного общества.

В истории международных отношений XX в. ученый обращал внимание не столько на наличие двух устойчивых систем в международных отношениях – Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской, сколько на процесс становления современного глобального общества. Он делает акцент не на разрывах в эпохах, а на разных этапах становления глобального международного общества. В этой связи исследователь выделяет четыре основных периода в истории международных отношений XX в.:

- 1) разрушение европейского общества государств в ходе Первой мировой войны;
- 2) двадцатилетний период действия Версальского договора и Лиги Наций;
- 3) реорганизация международного порядка после Второй мировой войны;
- 4) деколонизация и появление нового глобального общества [10. Р. 278].

Разрушение европейского международного общества в начале XX в. Адам Уотсон считает комплексным событием. Главную роль в этом процессе, по его мнению, сыграл рост германской силы. Тройственный союз с участием Германии сумел объединить ведущие страны Центральной и Восточной Европы. Аналогичным образом и японский милитаризм не находил себе места в международных отношениях, сформированных под воздействием европейской экспансии. Объективно Германия, Япония, США и Россия выступали ведущими державами международного общества XX в. Послевоенное разделение Германии и ослабление стратегической роли Японии, ученый считал временными явлениями. В этом контексте даже дезинтеграция СССР представлялась ему предпосылкой к реставрации идеи «нового международного концерта», только не в европейском, а в мировом масштабе. В такой оценке проявлялся кульминационный характер влияния европейской системы на международные отношения в мировом масштабе. Хотя, как дипломат и современник событий, Уотсон не исключал и временное лидерство США в мире [Ibid. Р. 302–303].

Примечательно, таким образом, что в истории XX в. ученый видит преемственность, а не разрывы; мировой концерт, а не сверхдержавность. С позиций эволюции международного общества не разделял он и идеи полярности мира. Такой подход был обусловлен особой ролью, которую сыграла Первая мировая война в судьбах представителей первых поколений Английской школы. Уайт видел в ней истоки упадка европейского доминирования; Баттерфильд – точку разрыва между новой и исторической дипломатией. Взгляд Уотсона, в сравнении с Баттерфильдом, был более оптимистичным. Он стремился выделить относительно устойчивые и прогрессивные черты-тенденции в современном международном обществе.

Так, Версальские договоренности исследователь считает первым актом регулирования международных отношений в мировом масштабе, а Лига Наций была тем институтом, которая прекратила практику «рассеянной гегемонии» Европы. Он не был склонен не замечать недостатков Лиги, но обращал внимание на три важных аспекта ее деятельности, которые не потеряли своего значения и в настоящее время:

1) Универсальность Лиги Наций. Она впервые признавала все государства независимыми. При этом большая их часть находилась за пределами Европы [10. Р. 284]. Следствием этого подхода было то, что в XX в. все государства стали участниками системы государств, а не только самые развитые, цивилизованные.

2) Лига Наций стала местом постоянных встреч, которые давали небольшим и средним странам право и возможность участия в решении наиболее важных международных проблем. Это увеличивало легитимность международного общества. В данном отношении ООН выступает лишь правопреемником Лиги Наций.

3) Деятельность Лиги была сопряжена с попыткой создания системы коллективной безопасности, которая в условиях роста количества стран должна была обеспечить расширение баланса сил – основного института управления в международном обществе [Ibid. Р. 284–285].

Думается, что в последнем случае Уотсон не совсем прав, отождествляя механизм баланса сил и действия Лиги Наций. Здесь проявляется различие между английским и американским подходами к пониманию коллективной безопасности. Для Вудро Вильсона основным назначением Лиги была попытка уйти от системы частных военных альянсов, которые, по его мнению, привели к развязыванию Первой мировой войны. Как минимум военное планирование должно было быть поставлено под контроль международного права в рамках Лиги Наций. Британская научная традиция настаивала на первичности баланса сил, как систематизирующем институте международного общества, который должен был быть адаптирован к росту количества участников международного взаимодействия.

Главный недостаток этой модели ученый видел в игнорировании интересов наиболее влиятельных для

XX в. стран – Германии и Японии, которые объективно были заинтересованы в пересмотре Версальско-Вашингтонских решений. В целом попытки создания новых империй со стороны указанных государств в XX в., Уотсон считает эфемерными. И та и другая державы в лучшем случае могли рассчитывать на региональную гегемонию. Однако слабость и чрезмерное миролюбие демократий в лице Франции и Великобритании привели к попустительству в отношении агрессии. В этих условиях, полагал дипломат, лишь СССР эффективно отстаивал свои интересы в межвоенный период [Ibid. Р. 284]. В этом вопросе он полагался не на международные организации, но на свои интересы в условиях, когда баланс сил не срабатывал.

Международный порядок второй половины XX в., по мнению А. Уотсона, характеризуется следующими наиболее важными чертами.

Во-первых, биполярной структурой мира, где ООН стала в значительной степени формальной структурой [Ibid. Р. 288]. Организация, конечно, выступала преемницей ценностей европейского общества, что нашло выражение в структуре Совета безопасности. По мысли ученого, в нем воплотилась система европейского концерта XIX в., адаптированная к реалиям XX в. в виде состава участников, имеющих право вето. Право вето и постоянного членства в Совете – это своего рода механизмы доверия в отношениях между великими державами.

Во-вторых, Уотсон пишет о биполярности общества, а не только власти. В советско-американских отношениях проявилось не только столкновение внешнеполитических интересов государств, но и ценностей общества. Применительно к США он говорит о ценностях демократии, верховенстве права, деколонизации, «открытых дверях», которые американское общество находило универсальными. Советские представления о справедливом порядке отталкивались от геополитики и имперского прошлого в том виде, в каком их понимало партийное руководство [Ibid. Р. 291]. Здесь чувствуется личное знакомство с Джорджем Кеннаном в период дипломатической работы в СССР. Победа коммунистов в Китае, становление просоветских режимов в странах Восточной Европы рассматривались равным образом как ценности и интересы советской внешней политики. Поэтому и холодная война привела к формированию глобальной конфронтации и перешла на общественный уровень.

В-третьих, международный порядок второй половины XX в. характеризует ядерный фактор, попытки установления контроля над которым дали временный результат и, в целом, оказались неэффективны. Этот фактор способствовал растягиванию холодной войны на четыре десятилетия.

Четвертой важной чертой международных отношений указанного периода выступает деколонизация, которая способствовала становлению нового глобального общества. Данный процесс выступал показателем

упадка силы Европы в международном обществе. Если раньше европейские страны брали на себя обязательства действовать в качестве «опекунов» в отношении «слабых» народов, то после Первой мировой войны система подмандатного управления нашла свое закрепление в рамках Лиги Наций, а затем – в системе опеки ООН [10. Р. 294]. Это повышало международную легитимность сложившейся системы управления, но не способствовало сохранению колониальных режимов.

При этом даже крушение колониальной системы бывший дипломат изображает едва ли не как заслугу самих колонизаторов. Так, решающим шагом в распаде системы он считает хорошо подготовленный вывод английских войск из Индии [Ibid. Р. 296]. Это предотвратило масштабный кризис в регионе и показало общее направление развития мира. Не упускает он и возможности лишний раз упомянуть, что стандарты и ценности европейской цивилизации во многом сыграли системообразующую роль в формировании новой независимой государственности в период крушения колониализма. Такой подход впоследствии Б. Бузан и Р. Литтл называли классическим в оценке колониального взаимодействия, что подразумевало встречу двух культур с взаимной пользой [11. Р. 60–63]. Для многих представителей Английской школы такой подход был характерен в 1960–1980 гг. и отражал недостаток в оценке вклада Европы в международные отношения той эпохи.

Современная международная система в целом при таких характеристиках выступает как наследник прошлой европейской системы государств, но в модернизированном виде. В экономическом и социальном отношении мир представляется ученому более интегрированным, хотя в отношении политическом он становился все более разобщенным. Разделение мира, к моменту написания книги, на 180 стран изменило классические ценности суверенитета в международной политике. Даже страны, которые де Голль называл «пылью империй», получили независимость и право голоса в ООН. Иначе говоря, в современной глобальной системе государств образовалось противоречие между экономической и социальной интеграцией, с одной стороны, и политическим и культурным многообразием – с другой. Такая ситуация, по мысли ученого, создавала возможность движения международной системы в направлении новой гегемонии. Маятник исторического развития стал двигаться в обратном направлении, испытывая систему государств в очередной раз на прочность.

Нельзя не отметить при оценке исторической социологии А. Уотсона того обстоятельства, что в рамках макроисторического опыта осмысления разноплановых проблем концепция международного общества сумела стать широкой теоретико-методологической основой для описания и анализа самых разноплановых сюжетов истории международных отношений и внешней политики отдельных стран. Вопросы колониального прошлого и проблемы деколонизации многими школами

международной теории вообще не поднимались. А дискурс, примененный Адамом Уотсоном для изучения, хотя и представляется социологическим упрощением сложной и многоплановой исторической проблемы, был понятен многим европейцам. Дальнейшая разработка указанной темы представителями школы привела к анализу очень широкого и важного вопроса о соотношении международного порядка и справедливости в международных отношениях. Это так же контрастировало с американской теоретической традицией, концентрировавшейся на национальных интересах и прикладных аспектах политики.

То обстоятельство, что последние годы жизни Уотсон жил и работал в США, свидетельствует о том, что дипломат сумел донести свою систему взглядов на историю и дипломатию по другую сторону Атлантики. Историческая социология выводила изучение международной политики из традиционного поля предмета внутри конституционного права и политической истории, заставляя отойти историков от концентрации внимания на дипломатических источниках. Концепция международного общества в этом отношении способствовала автономизации предмета изучения истории и становлению самостоятельного историко-социологического подхода к международным отношениям.

Хотя Адам Уотсон и был первоначальным участником Британского комитета по международной политике, его работы, посвященные исторической социологии международных отношений и дипломатии как институту международного общества, были завершены в 1980–1990-е гг. Кропотливый и масштабный характер работы, которую он делал в рамках Английской школы, не позволял ему завершить свой труд в течение формообразующего для школы периода 1960–1970-х гг. Кроме того, в своих оценках экспансии и общем понимании проблематики международного общества он шел вслед за идеями Х. Булла, что несколько заслонило его вклад в формирование Английской школы.

В целом творческое наследие А. Уотсона по указанным проблемам представляется важным и необходимым этапом в развитии одной из центральных тем Английской школы международных отношений. Работы А. Уотсона – это самостоятельный и закономерный шаг в развитии одного из кластеров концепции международного общества. Нивелирование его вклада в историю внутреннего развития школы создает брешь между работами М. Уайта и современными исследованиями Б. Бузана и Р. Литтла. А. Уотсон способствовал укоренению в школе исторического и компаративного измерения международной политики, которую сегодня принято называть исторической социологией международных отношений. Как и его работы, посвященные дипломатии, историко-социологические аспекты изучения международных отношений демонстрируют развитие общего концептуального подхода Английской школы в 1960–1990-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Linklater A., Suganami H. *The English School of International Relations. A Contemporary Reassessments*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 302 p.
2. Wight Martin. *De systematibus civitatum // System of State* / ed. by H. Bull. Leicester : Leicester University Press, 1977. P. 21–41.
3. Buzan B., Little R. *International System in World History. Remaking the study of International Relations*. Oxford : Oxford University Press, 2000. 452 p.
4. Watson A. *The limits of Independence. Relatives between states in the Modern world*. L. ; N.-Y., 1997. 160 p.
5. Watson A. *The British Committee for the Theory of International Politics*. 1998. November // Electronic Resource. URL: <http://www.polis.leeds.ac.uk/assets/files/research/english-school/watson-bull02.pdf>, free (access data: 22.04.2014).
6. *The Telegraph* 12:01AM BST 28 Sep 2007 // Electronic Resource. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/1564415/Professor-Adam-Watson.html>, free.
7. Watson A. *Diplomacy. The Dialogue between States*. L. : Eyre Methuen, 1982. 239 p.
8. Satow E. *A Guide to the Diplomatic Practice*. Third edition. L. : Longman, 1932. 519 p.
9. Никольсон Г. *Дипломатия*. М., 1941. 153 с.
10. Watson A. *The Evolution of International Society. A Comparative historical analysis*. London ; N.Y., 1992. 337 p.
11. Buzan B., Little R. *The Historical Expansion of International Society // Guide to the English School in International Studies* / ed. by C. Navari and D. Green. Oxford : Wiley Blackwell, 2014. P. 59–75.

Mironov Victor V. Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: vvm_512@rambler.ru

HISTORICAL SOCIOLOGY BY ADAM WATSON AND THE PROBLEMS OF THE STUDY HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE XX CENTURY.

Keywords: Adam Watson; English school; theory of international relations; British Committee for the Theory of International Politics; International Society.

This article is devoted to English historian and diplomat Adam Watson (1914–2006) and his role in the making of the conception of international society. The aim of the article is to demonstrate the specific two main themes in his views as a historian: historical sociology and diplomacy in the XX century. Three main tasks studied in the article are the following. 1. Diplomacy as institute in modern international society. 2. Historical sociology as the part of schools theory. 3. The keys factors of his biography, which explain his scientific views. The sources for the article were the works by Adam Watson, which had been published in the 1980–2000 and other texts of English school authors. As a result of the study we came to the conclusions: 1. Watson was one of the main figures in English school of International relations. He was a member of British Committee for the Theory of International Politics from the beginning of its activities in 1959. He was invited in this project by famous English historian Herbert Butterfield as an expert and diplomat. But soon after that he had taken an active part in the work of Committee as scientist and then in 1972–1978 he was a chief of the Committee. 2. He was born on the tenth day after the First World War began. This war was the borderline event for the many historians and diplomats. Herbert Butterfield considered that the War divided history of diplomacy on old and new. Watson agreed with such opinions, but in his works he said about growing role of diplomacy in history of international society in XX century. Like Headley Bull – other famous person of English school of International relations, he saw in diplomacy one of the main institute for international order in the XX century. He said that two World Wars in the XX century did not prove crisis of diplomacy, but only demonstrated new needs in international order. So he said that exceptions of Germany and Japan from Great powers in international relations after the World War II were mistakes for stability of contemporary global society. Diplomacy was one of the central issues of his scientific heritage at the English school. 3. In the British Committee for the Theory of International Politics he researched issue of historical evolution of international society. He believed that in history there were different systems of international relations. He had studied ancient, medieval systems and modern international society nearly 20 years and considered that its history demonstrated movement between the empire and anarchy. At center of this pendulum he founded the concept of international society. From his point of view such sociological ideas explained key processes in the international history of XX century. 4. A. Watson noted four key periods in the history of international society in XX century: Failing of European International Society during World War I; Twenty years period between the World Wars. It was the time of Versailles Settlements and League of Nations activities; Reorganization of International Order after the World War II. Decolonization and the appearance of a new global international society. Thus historical sociology by Adam Watson explains different process in international relations through the evolution conception of international society.

REFERENCES

1. Linklater, A. & Suganami, H. (2006) *The English School of International Relations. A Contemporary Reassessments*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Wight, M. (1977) *De systematibus civitatum*. In: Bull, H. (ed.) *System of State*. Leicester: Leicester University Press. pp. 21–41.
3. Buzan, B. & Little, R. (2000) *International System in World History. Remaking the study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
4. Watson, A. (1997) *The limits of Independence. Relatives between states in the Modern world*. London; New York: Routledge.
5. Watson, A. (1998) *The British Committee for the Theory of International Politics*. [Online] Available from: <http://www.polis.leeds.ac.uk/assets/files/research/english-school/watson-bull02.pdf>. (Accessed: 22nd April 2014).
6. *The Telegraph*. (2007) Professor Adam Watson. Obituary. 28th September. [Online] Available from: <http://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/1564415/Professor-Adam-Watson.html>.
7. Watson, A. (1982) *Diplomacy. The Dialogue between States*. London: Eyre Methuen.
8. Satow, E. (1932) *A Guide to the Diplomatic Practice*. 3rd ed. London: Longman.
9. Nicholson, H. (1941) *Diplomatiya* [Diplomacy]. Translated from English by L.A. Gashkel. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, Geografiz.
10. Watson, A. (1992) *The Evolution of International Society. A Comparative historical analysis*. London, New York: Routledge.
11. Buzan, B. & Little, R. (2014) The Historical expansion of International Society. In: Navari, C. & Green, D. (eds) *Guide to the English School in International Studies*. Oxford: Wiley Blackwell. pp. 59–75.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47+57)
DOI 10.17223/19988613/45/21

В.П. Румянцев

**РЕЦЕНЗИЯ: ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. ПЕРЕПИСКА И.В. СТАЛИНА
С Ф. РУЗВЕЛЬТОМ И У. ЧЕРЧИЛЛЕМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ : В 2 т. М. : ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2015.**

В истории Великой Отечественной войны и разгрома нацизма одной из важнейших страниц является отлаживание механизмов взаимодействия внутри антигитлеровской коалиции. Только два раза у членов «Большой тройки» (И.В. Сталин, У. Черчилль и Ф.Д. Рузвельт), была возможность обсудить эти механизмы лично, видя непосредственную реакцию собеседников – во время Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. и на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Вся остальная дипломатия внутри антигитлеровского «треугольника» осуществлялась посредством переписки глав трех государств. В нашей стране выходили публикации документов и отдельные исследования по истории советско-американских и советско-английских отношений, истории внешней политики СССР в годы Великой Отечественной войны, в которых, безусловно, были представлены отдельные письма Сталина к Черчиллю и Рузвельту. Но эти публикации, как правило, затрагивали двусторонний формат этой переписки. Есть издание переписки Рузвельта и Черчилля с подробными комментариями [1], часть ее была издана и на русском языке [2]. Недавно американский исследователь С. Батлер опубликовал переписку Рузвельта со Сталиным [3]. Но до сих пор не было исторических исследований, посвященных переписке И.В. Сталина со всей «тройкой». Вышедшее в 2015 г. издание, подготовленное московскими исследователями В.О. Печатновым и И.Э. Магадеевым, восполняет этот пробел в историографии.

Добротно изданный двухтомник с хорошим качеством полиграфии и фотографий содержит не только документальные материалы, но и обширные комментарии к ним, что придает данной публикации характер научного издания. Авторы ставили перед собой цель показать в полном объеме переписку Сталина с союзниками, но, кроме того, решались несколько исследовательских задач. Прежде всего, В.О. Печатнов и И.Э. Магадеев стремились проследить процесс создания посланий: кто привлекался к составлению писем, какие и почему вносились правки и т.д. Такой подход позволяет выяснить особенности работы внешнеполитических механизмов в трех странах, которые нередко сильно отличались друг от друга.

Обычно публикации дипломатической переписки имеют один недостаток – мы видим лишь посыл исходящей стороны, но не знаем, как на него прореагировала сторона, принимающая письмо. В издании московских историков показано и то, как послания воспринимались адресатами. Для этого привлекался обширный пласт архивных документов, мемуаров и дневников людей из окружения лидеров «Большой тройки» и дипломатов трех стран. Это стало второй задачей авторов рецензируемого издания.

Третьей исследовательской задачей стал анализ переписки в самом широком контексте союзной дипломатии военных лет. У каждого письма имелся свой подтекст, свое значение в сложной межсоюзнической дипломатии. В результате перед глазами читателя возникает многогранная картина трехсторонних отношений, со своими проблемами, решенными и нерешенными задачами и трагедиями. И здесь следует помнить, что неудачи на дипломатическом фронте нередко оборачивались человеческими жертвами на фронтах сражений. Лидерам трех стран было не просто войти в положение друг друга, и Сталину, например, так и не удалось добиться изменения стратегии своих союзников, которая строилась на желании вести борьбу чужими руками.

Многосторонняя дипломатия – это самый сложный процесс «притирки» ее участников друг к другу, учета психологических особенностей корреспондентов. И тут мы подходим к четвертой, заключительной задаче авторов – показать человеческое измерение отношений внутри «Большой тройки». И этот историко-психологический анализ делает данную публикацию интересной не только узкому кругу специалистов, но и обычным читателям. Приводимые в сборнике новые документы показывают, что Сталин, например, относился более ровно и уважительно к Рузвельту, нередко редактируя послания к американскому президенту в сторону «утепления» и, наоборот, часто ужесточал свою переписку с Черчиллем. Но при этом советский лидер, как хороший психолог, умел использовать эмоциональную натуру британского премьера, вызывая у него то ярость, то слезы умиления и благодарности (Т. 1. С. 15).

Большой интерес представляет разница стилей посланий. Разумеется, наиболее ярким, образным и эмоциональным был язык посланий У. Черчилля – признанного мастера письменного (да и устного) слова. В первом же своем послании Сталину 7 июля 1941 г. он говорит о необходимости прилагать совместные усилия, чтобы «вышибить дух из злодеев» (Т. 1. С. 31). Когда же Красная армия перешла в наступление после коренного перелома в войне в 1943 г., британский лидер называл ее действия «великолепным наступлением» и «изумительным продвижением» (Т. 2. С. 14, 18). Послания Рузвельта на этом фоне выглядят более официальными и строгими. Сталин же и вовсе очень деловит, конкретен и точен в выражениях. Хотя и ему оказывались не чужды сильные выражения и метафоры. Так, в письме Черчиллю от 29 марта 1943 г. он называл тех, кто утверждал, что Англия не воюет, а наблюдает за войной со стороны, «подлецами». Все это было психологически очень тонко рассчитано. Советский посол И.М. Майский, вручавший данное послание, отметил в своем дневнике, что на глазах у Черчилля, когда он дошел до фразы о «подлецах», навернулись слезы и он с чувством воскликнул: «Горячее спасибо Сталину!.. Вы еще никогда не приносили такого замечательного послания» (Т. 1. С. 405–406). Авторы издания отмечают, что взволнованная реакция Черчилля на сталинское письмо была вызвана не только психологическими особенностями британского премьера, но и тем, что он ожидал от Кремля совсем иного – жесткого ответа на решение западных союзников об очередной отмене северных конвоев в СССР (Т. 1. С. 407).

Вместе с тем психологическое чутье и понимание дипломатических нюансов не всегда было характерно для И.В. Сталина. Его послания нередко были прямолинейно грубоваты, и в этом плане они представляли собой особый образец сложности межкультурного диалога. Сталинский стиль отличала большевистская прямота, которая резала слух англичан и американцев, привыкших к более обтекаемым и вежливым фразам. В этом отношении характерно самое первое послание Сталина Рузвельту, в котором Советский Союз едва ли не требовал, чтобы Соединенные Штаты пригрозили Финляндии разрывом дипломатических отношений, если Хельсинки не займут позицию нейтралитета и примирения с СССР. Но между тем, как отмечают авторы, госдепартамент все же предостерег финского посланника Я. Прокопе от продолжения войны с Советским Союзом (Т. 1. С. 47–48). Так что в определенной мере неуклюжий сталинский демарш возымел свое действие.

Важной стороной этого издания является изучение роли дипломатов самых разных уровней в переписке лидеров «Большой тройки». Значительная часть сталинских посланий составлялась наркомом иностранных дел В.М. Молотовым, который изредка привлекал к этому делу своих заместителей А.Я. Вышинского и В.Г. Деканозова. Но все «заготовки» тщательно редак-

тировались «Хозяином», который порой вставлял целые абзацы, а то и собственноручно писал текст целиком. Все вставки, равно как и вычеркивания, в корреспонденции трех лидеров выделены авторами в тексте издания. Читатель, таким образом, может узнать, на чем было решено акцентировать внимание адресата, какие выражения смягчались, а какие ужесточались, что признавалось неважным или неуместным в посланиях подобного рода. Особое значение авторы придают роли послов: И.М. Майского, К.А. Уманского, С. Криппса, А. Керра, А. Гарримана. Проведенное ими исследование подтверждает, что эти послы не были простыми «трансляторами» в переписке лидеров, а воздействовали на нее своим анализом и рекомендациями (Т. 1. С. 11). Так, советский посол И.М. Майский, дневники которого были рассекречены лишь относительно недавно и стали ценнейшим источником по истории советской внешней политики и дипломатии, уже в самом начале Великой Отечественной войны довольно точно в своих сообщениях лично Сталину (а не своему непосредственному начальнику Молотову) предугадал позицию Великобритании по вопросу открытия второго фронта. Он называл пять основных причин затягивания этого вопроса: гипноз германской непобедимости на суше; чувство самоуспокоения из-за решимости Красной армии сражаться до конца; желание ослабить СССР; малая подготовленность к крупным десантным операциям; боязнь нового «Дюнкерка» (Т. 1. С. 56). Показательно, что В.О. Печатнов и И.Э. Магадеев зачастую пишут о взаимодействии Сталина и Майского как о тандеме, участники которого хорошо понимали друг друга: «Сталин и Майский быстро раскусили эту тактику (минимума конкретных действий плюс максимума одобрения со стороны Великобритании. – В.Р.)» (Т. 1. С. 28).

В.М. Молотов если и был недоволен тем, что И.М. Майский вел переписку со Сталиным через его «голову», то своего недовольства «Хозяину», очевидно, открыто не высказывал. А вот министр иностранных дел Великобритании А. Иден, как пишут авторы рецензируемого издания, ревностно воспринимал монополизацию Черчиллем переписки со Сталиным и даже говорил о своей возможной отставке в связи с этим (Т. 1. С. 33).

Особый интерес представляет, пожалуй, переписка союзнического «треугольника» первых, наиболее драматичных месяцев Великой Отечественной войны. И здесь несомненную ценность приобретает использование авторами уникальных архивных материалов. Так, благодаря материалам из Национального архива Соединенного Королевства мы можем узнать об очень тревожном настрое Сталина в дни, когда гитлеровская армия рвалась к Москве. В беседе с британским послом С. Криппсом 7 сентября 1941 г. советский лидер признал, что в случае потери Москвы, Ленинграда и Донбасса СССР утратит две трети своих производственных мощностей, а без них России «придется выйти из активных боевых действий и занять фронт обороны, воз-

можно – за Волгой». (С. 63). Авторы считают, что за фразой Сталина было желание «расшевелить» англичан, но, правда, не уточняют, что означало выражение «выйти из активных боевых действий».

Приведенные в настоящем издании документы и комментарии к ним наводят на мысль о разнообразии методов воздействия И.В. Сталина на своих союзников. В частности, некоторые приемы вполне соответствовали популярной ныне концепции «мягкой силы». Определенный интерес (и аналогии с современностью) вызывает информация о широком кинопрокате в Великобритании советского фильма «Сталинград». После его выхода на британские экраны заметно увеличился сбор средств среди рядовых англичан в пользу города-героя (Т. 1. С. 404).

Издание переписки И.В. Сталина с Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем в том виде, в котором это сделали В.О. Печатнов и И.Э. Магадеев, т.е. сочетание документов с вдумчивыми и пространными комментариями к ним, делает это издание хорошим учебным пособием для студентов специальностей «история» и «международные отношения». В качестве пожелания (но ни в коем случае не критического замечания) можно лишь выразить надежду на то, что однажды авторы опубликуют эту переписку или, учитывая неизбежный боль-

шой объем, лишь часть ее, на языке оригинала. Было бы небезынтересно узнать – в каком виде получали адресаты послания, конкретнее – как, какими словами был осуществлен перевод, чтобы можно было сравнить с исходными письмами. Тем более что некоторые переводы осуществляли не профессиональные переводчики, а, например, послы – И.М. Майский или К.А. Уманский.

В качестве замечания к данному изданию можно отметить то, что не везде выдержан единый стиль сносок на британские архивные документы. Нередко указывается лишь шифр, присвоенный архивному делу, например САВ 65/24/3 (Т. 1. С. 112). Не всегда указывается автор документа и его адресат, а также дата создания, что сделало бы справочный аппарат работы более информативным.

Издание, осуществленное В.О. Печатновым и И.Э. Магадеевым, особенно важно и актуально в наши дни – в период обострения отношений России с Западом. В момент, когда перед человечеством явственно выступает всеобщее зло в виде международного терроризма и необходима координация действий для противостояния этому злу, полезно знать – как три державы антигитлеровской коалиции и их лидеры смогли отбросить свои амбиции и разногласия ради общего дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence / ed. by E. Kimball. Vol. 1–3. Princeton, 1984.
2. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / пер. с англ.; под ред. Ф.Л. Лоуэнхейма и др. М., 1995.
3. Butler S. Dear Mr. Stalin: The Complete Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and Josef V. Stalin. New Haven, 2005.

Rumyantsev Vladimir P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: rumv@mail.ru

REVIEW: V.O. PECHATNOV, I.E. MAGADEEV. THE CORRESPONDENCE OF JOSEF V. STALIN WITH FRANKLIN D. ROOSEVELT AND WINSTON CHURCHILL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR. DOCUMENTARY RESEARCH. IN TWO VOLUMES. MOSCOW: OLMA MEDIA GROUP, 2015.

REFERENCES

1. Kimball, E. (ed.) (1984) *Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence*. Vol. 1–3. Princeton: Princeton University Press.
2. Louenheym, F., Langley, H., Jonas, M. (eds) (1995) *Sekretnaya perepiska Ruzvel'ta i Cherchillya v period voyny* [The Secret Correspondence between Roosevelt and Churchill during war]. Translated from English. Moscow: Terra.
3. Butler, S. (2005) *Dear Mr. Stalin: The Complete Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and Josef V. Stalin*. New Haven: Yale University Press.

УДК 711 (571.122) (035.3)
DOI 10.17223/19988613/45/22

Г.Ю. Колева

**РЕЦЕНЗИЯ : СТАСЬ И.Н. ОТ ПОСЕЛКОВ К ГОРОДАМ И ОБРАТНО: ИСТОРИЯ
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ХАНТЫ-МАНСЬИЙСКОМ ОКРУГЕ
(1960 – НАЧАЛО 1990-х гг.). СУРГУТ : ДЕФИС, 2016. 258 с.**

Данная книга, вышедшая в 2016 г. в Сургуте в издательстве «Дефис», представляет монографию молодого и талантливого ученого Сургутского государственного университета, кандидата исторических наук Игоря Николаевича Стася. Автор пишет: «Монография посвящена градостроительной истории Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения Западной Сибири».

Представляется достойной внимания мысль историка, прозвучавшая во введении к работе, об особом личностном отношении к изучаемой проблеме. Автор подчеркивает, что в основе его научного выбора лежит «чувственная симпатия» [1. С. 4]. Объясняя этот тезис, он говорит о том, что внимание к проблемам урбанизации вытекает из тесной взаимосвязи историка-исследователя с городом, формирующим личностную среду обитания. Эта городская среда и становится одним из важнейших факторов возникающей чувственности исследователя в восприятии города. В городе историк ощущает себя «частицей городского пространства» (С. 5), при этом он является частью триады «человек – город – мир». Город – место его всесторонней жизнедеятельности, образующей его «мир». Переходя от личностной оценки города как макро/микромира историка-исследователя к конкретно-исторической обстановке становления урбанизационного облика северо-западной части Западной Сибири, автор указывает на то, что в триаде «человек – город – мир» «развитие нефтегазового комплекса» стало «связующей нитью» (С. 7). Логика его исследования сводится к следующему тезису: историк как часть мира города выбрал проблему, тесно связанную со спецификой развития региона, где проявились совершенно уникальные процессы урбанизации. Автор указывает на определяющий характер в развитии городов региона нефтегазового освоения. «Нефтяники и газовики создавали и строили нефтегазовый комплекс, через который местное население соединялось с миром, становилось соучастником мировой истории», – пишет И.Н. Стась. Казалось бы, фраза молодого историка «о сопричастности населения к мировой истории» выглядит как проявление склонности к преувеличениям, допустимым в молодости. Однако за ней знание роли региона, чаще охватываемого понятием «Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс» в менявшейся роли нашего государства в геополитической ситуации в мире, как и в судьбе государ-

ства этого самого Ханты-Мансийского автономного округа.

Определяя актуальность своего исследования, И.Н. Стась связывает ее и с необходимостью «в рамках региональной истории» обратить внимание на «городские системы» (С. 6). Он подчеркивает, что еще не получили достаточного изучения процессы урбанизации в период промышленного освоения районов Западной Сибири, как и собственно Ханты-Мансийского автономного округа. Автор определяет назначение своей работы как «осмысление градостроительного опыта в Ханты-Мансийском автономном округе в период нефтегазового освоения Западной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг.»; указывает, что задача книги – «раскрытие государственной политики градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири, определение концептуальных подходов этого освоения, обусловивших основные трансформации в системе городского расселения». С точки зрения И.Н. Стася, на сложные современные перспективы ряда городов ХМАО можно и нужно смотреть через «исторические реалии» (С. 8).

Работа базируется на результатах исследования широкого круга исторических источников, прежде всего архивных материалов, многие из которых впервые введены в научный оборот. Исследователь использовал документы Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Тюменской области, Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа, архивного отдела Администрации города Сургута. Работы И.Н. Стася отличает не только солидная источниковая база, но и качественного уровня историографические обзоры. Историографический анализ изучаемой проблемы нам представляется в работах И.Н. Стася одной из самых примечательных черт его исследований. Данный труд не стал исключением. Применяя междисциплинарный подход, исследователь анализировал историографию проблемы, выделил два основных периода в изучении градостроительства в рамках ЗСНГК и ХМАО – советский и постсоветский, посвятив проблеме историографии специальную главу «Историография градостроительного вопроса в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе» (С. 19–64). Анализируя первый период исследований данной проблемы – совет-

ский, на первое место он поставил работы архитекторов, а также коллективов проектных институтов, в которых нашли отражение концепции и прогнозы развития городов. При этом исследователь вполне осознает, что такого рода блок публикаций во многом «обладает источниковым потенциалом» (С. 20).

Следующую группу публикаций образуют работы: географов, содержащие анализ основных особенностей развития городов Западной Сибири и эволюции городской схемы расселения; экономистов, высказывавших прогнозы и предложения по развитию городов в рамках западно-сибирского нефтегазодобывающего района; философов, которые считали, что развитие городской инфраструктуры осуществлялось недостаточно высокими темпами, велось не комплексно. Подключились к этой проблеме и социологи. При этом вопрос градостроительства в рамках нового нефтегазодобывающего района страны, формировавшегося в абсолютно уникальных природно-климатических условиях, при отсутствии плацдарма освоения, являясь темой, получившей широкое распространение у специалистов разных научных направлений, долгое время не привлекал историков.

Совершенно верно И.Н. Стась указывает на то, что первым из историков, обратившихся к анализу городского развития в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, был Николай Михайлович Пашков (С. 28). Именно он попытался вычленить «основные тенденции и проблемы городского строительства в ХМАО в 1960–1980-е гг.». Основной вклад Н.М. Пашкова «заключался в разработке периодизации городского строительства в районах нефтегазового освоения» (С. 30).

Второй период – постсоветский – в изучении данной проблемы отличается, по мнению И.Н. Стася, активным участием в анализе возникавших и решавшихся проблем градостроительства «экономистов, географов, архитекторов» (С. 30), а также философов и социологов. Автор дает детальную характеристику многим работам этого периода (С. 33–47). И.Н. Стась отмечает, что в них «значительное место уделялось ведомственному характеру, который определил основные негативные моменты развития городов» (С. 47). Делая такой вывод, исследователь верно обозначил основную черту научных публикаций по проблеме градостроительства в Тюменской области (С. 47). В то же время он разделяет основной вывод исследований того периода о негативном влиянии ведомственного характера в градостроительной политике городов. На наш взгляд, ведомственный принцип нефтегазового освоения в целом, как и градостроительного освоения, в частности, был единственно возможным методом реализации поставленных задач, однако основной характеристикой публикаций эпохи 1990-х гг. стало стремление в любом советском опыте, да и близком к нему по времени, находить прежде всего негативные черты. Обращаясь к работам историков, И.Н. Стась дал их подробный ана-

лиз, при этом проявилась достаточно объективная оценка с выявлением не только исключительно положительных сторон, но и противоречивых моментов в работах. Подчеркнуто, что основные исследования и публикации по проблемам градостроительного освоения принадлежали преимущественно тюменским и сургутским историкам. Автор высказывает сожаление, что «историки, живущие за пределами Тюменского региона, не сделали градостроительное освоение нефтегазодобывающих районов Среднего Приобья полноценным предметом своих исследований» (С. 60), но это не помешало ему дать анализ работ, в той или иной степени касающихся данной проблематики: работ историков Института истории СО РАН, подходов, оценок по данной проблеме московского историка М.В. Славкиной. В заключение главы, делая вывод «об увеличении в постсоветский период интереса к городскому развитию в ХМАО», он подчеркнул, что проблема требовала своего «отдельного исследования».

Всего в монографии семь глав, в том числе и специальная глава по проблемам историографии. В структурировании материала по основной заявленной проблематике применен хронологически проблемный метод изложения, при котором, следуя хронологии событий, выделяются основные периоды, отражающие меняющуюся политику градостроительного освоения территории ХМАО в условиях расширяющихся масштабов нефтедобычи. Однако этот метод касается только половины глав работы, в остальной части отступления от него нарушают общую структуру.

В главе «Формирование политики градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Ханты-Мансийского автономного округа (1960–1969 гг.)» выделены основные черты этого периода, такие как использование опыта градостроительного освоения новых районов, сформировавшегося в Советском Союзе с 1930-х гг., когда и был взят курс на развитие производительных сил восточных районов. Применительно к нефтедобывающим центрам этот курс был опробован на развитии Урало-Волжского района в 1930–1950-е гг., а в последующем перенесен на Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район, что, с точки зрения автора работы, было связано и с тем, что многие ведущие руководители нефтегазовой промышленности Тюменской области прибыли из Второго Баку (С. 66). Этот период, с точки зрения И.Н. Стася, характеризовался отсутствием полной ясности перспектив развития нефтяной промышленности региона, с чем мы согласиться не можем, но учитываем такой подход автора монографии. Подчеркивается, что «у министерств и ведомств отсутствовала ясная концепция освоения», оказывала влияние и сохраняющая перспектива строительства Нижне-Обской ГЭС. Интересным, на наш взгляд, является исследовательский прием рассмотрения выработки политики в области градостроения через столкновение позиций руководства Тюменской области и основных ведомств, разворачи-

вавших деятельность на территории региона. В этой борьбе интересов, где прослеживается очень активная и последовательная линия руководства Тюменской области на создание крупных городов с застройкой в капитальном исполнении, и формировалась градостроительная политика на начальном этапе нефтегазового освоения.

Глава третья, специально посвященная дискуссиям о строительстве городов нефтяников Западной Сибири, совпадает с предыдущей по хронологии, а также отражает процесс разработки политики градостроительного освоения в 1960-е гг. Она написана только на основе материалов научно-практической конференции 1966 г. по проблемам градостроительства в нефтегазовых районах, выявленных лично автором исследования. Видимо, последнее обстоятельство определило особое отношение к этой теме и желание рассмотреть ее отдельно. Хотя, на наш взгляд, этот интереснейший материал, отразивший столкновение мнений и выработки подходов, более логично выглядел бы в рамках второй главы.

В последующих – четвертой и пятой главах – автор монографии вновь возвращается к хронологически-проблемному принципу изложения, последовательно рассматривает градостроительную политику; в четвертой главе периода 1960–1970-х гг., а если быть точнее – с конца 1960-х до конца 1970-х гг., он подчеркивает, что в это время акцент был сделан на четыре быстро развивающихся города: Сургут, Урай, Нижневартовск, Нефтеюганск, что в полной мере соответствовало подходам, которые отстаивало руководство Тюменской области. Эти города рассматривались в качестве базовых для развития вахтового метода. В то же время застройка вахтовых поселков разрасталась, и поселки под давлением наплыва желающих работать в отраслях нефтегазодобывающего района Западной Сибири фактически превращались в рабочие. Таким образом, курс, выработанный в предшествующий период, приходил в реальное противоречие со складывающейся ситуацией. В этих условиях стала очевидной проблема выработки новой схемы расселения и отказа от схемы централизованного расселения в нескольких крупных городах.

В пятой главе рассматривается новая градостроительная политика периода 1980-х – начала 1990-х гг. Она, как считает И.Н. Стась, прежде всего соответствовала интересам Министерства нефтяной промышленности СССР и имела главную отличительную черту – курс на строительство небольших городов у групп месторождений с параллельно увеличивающимися масштабами применения вахтового метода. Эту концепцию И.Н. Стась, в отличие от предыдущей – «централизованного расселения» – называет концепцией «группового расселения». В это время 11 поселков ХМАО получили статус городов. Подобная схема расселения породила немало сложностей для вновь возникших городов, однако стала основой высочайших темпов урбанизации на территории ХМАО за весь пе-

риод. Снижение темпов урбанизации последовало вслед за развалом Советского Союза.

Обилие архивного материала, выявленного исследователем, определило его желание максимально отобразить этот материал в публикации, что и привело к появлению глав, нарушающих принятый хронологически проблемный принцип изложения. Отдельная глава посвящена градостроительной истории Сургута периода интенсивного нефтегазового освоения. Специальная глава посвящена особенностям развития архитектурно-планировочного пространства и застройки городов ХМАО, в которой автор на основе анализа генеральных планов городов, проектной документации выделяет и характеризует основные периоды застройки городов и меняющуюся практику градостроительства.

Интересны выводы, приводимые в заключении исследования. Отметим некоторые из них. Подчеркивается неразрывная связь урбанизации с процессами индустриализации, однако последней, как нам представляется, не было уделено внимания в процессе освещения формирующейся и меняющейся градостроительной политики. Нельзя не согласиться с выводом о том, что развитие городов зависело от территориального размещения производства, а также расположения основных осваиваемых месторождений (С. 215). Не вызывают возражения утверждения автора, что «урбанизация и градостроительное освоение выступали главными историческими процессами ХМАО» в 1960–1990-е гг. (С. 217), как и то, что именно «города концентрировали экономический и производственный потенциал, все социальные и культурные изменения в структуре населения, новый облик региона» (С. 218).

В целом работа И.Н. Стась вносит значительный вклад в исследование истории урбанизации в рамках советского периода в районах нового хозяйственного освоения. Среди недочетов работы, на наш взгляд, недостаточно продуманная структура изложения материала, применение в его структурировании разных методов исторического анализа. Положительные стороны работы – богатый исторический материал, блестяще примененный и проанализированный исследователем, освещение эволюции государственной градостроительной политики на территории ХМАО, прослеживаемые ее изменения, рассмотрение проблемы через борьбу интересов региональных и отраслевых элит. Украшает работу богатый фотографический материал, отражающий эволюцию городской застройки. В нем зафиксированы уходящий облик городов периода их начальной застройки, деревянные дома-баракы, балки-вагончики, строящиеся первые микрорайоны, что, несомненно, также представляет историческую ценность.

Заявленный в названии работы тезис «от поселков к городам» нашел аргументированное освещение, а то, что зафиксировано в части заглавия как «и обратно», оказалось в зоне умолчания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стась И.Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.). Сургут : Издательско-печатный дом «Дефис», 2016. 258 с.

Koleva Galina Y. Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia). E-mail: gukoleva@gmail.com

REVIEW : STAS I.N. FROM VILLAGES TO CITIES AND BACK: THE HISTORY OF URBAN PLANNING POLICY IN THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG (1960 – START OF THE 1990S). SURGUT : HYPHEN, 2016. 258 p.

REFERENCES

1. Stas, I.N. (2016) *Ot poselkov k gorodam i obratno: istoriya gradostroitel'noy politik v Khanty-Mansiyskom okruge (1960-e – nachalo 1990-kh gg.)* [From villages to cities and back: The history of urban planning policy in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (1960s – early 1990s.)]. Surgut: Defis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНАНЬЕВ Денис Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: denis.ananyev@gmail.com

БЕЙСЕНОВ Арман Зияденович, главный научный сотрудник, заведующий отделом первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и образования Республики Казахстан. E-mail: azbeisenov@mail.ru

БОЧАРНИКОВА Марта Владимировна, магистрант исторического факультета, преподаватель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: bmartav@mail.ru

БРЯЗГИНА Диана Евгеньевна, студентка 4-го курса исторического факультета Иркутского государственного университета. E-mail: br.diana21@gmail.com

БУДЕНКОВА Валерия Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: soler@front.ru, kulturtu@yandex.ru

БУРКИН Станислав Юльевич, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: stas.burkin@gmail.com

ГУЗЕЙ Яна Сергеевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: guzeiana@mail.ru

ДАМБАЕВ Дмитрий Николаевич, аспирант гуманитарного факультета Бурятской сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова (г. Улан-Удэ). E-mail: dima.dambaev92@mail.ru

ДОЛИДОВИЧ Олеся Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры современных образовательных технологий Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: dolidovich@mail.ru

КАЗАКОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: kaa-2862@mail.ru

КАМАРИ Даниэль Михайлович, преподаватель испанского языка департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва). E-mail: kamari_daniel@mail.ru

КОЛЕВА Галина Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук Института менеджмента и бизнеса Тюменского индустриального университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОНЦЕВОЙ Илья Анатольевич, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: ilkontsevoy@gmail.com

МИРОНОВ Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: vvm_512@rambler.ru

НОВИЧКОВ Василий Сергеевич, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: ritter_lohengrin@mail.ru

ОРЛОВА Елена Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Государственного автономного учреждения культуры Кемеровской области «Историко-культурный и природный музей-заповедник Томская Писаница» (г. Кемерово). E-mail: orlovaea42@gmail.com

РОМАНОВ Павел Игоревич, студент Новосибирского государственного педагогического университета, сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: Pol777tip@yandex.ru

РУМЯНЦЕВ Владимир Петрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой, Новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: rumv@mail.ru

РУМЯНЦЕВА Татьяна Борисовна, ассистент кафедры управления качеством факультета инновационных технологий Томского государственного университета. E-mail: rtb98@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: limi77@inbox.ru, kulturtu@yandex.ru

СИМОНОВ Максим Анатольевич, аспирант Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: Simonov.Maksim@urfu.ru

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: eft@rambler.ru

ФИЛЕНКО Кристина Владимировна, аспирант Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: k.w.filenko@inbox.ru

ЧЕЛУХОЕВ Владимир Владимирович, младший научный сотрудник Историко-этнографического музея «Чолкой» (с. Беково, Беловский район, Кемеровская область). E-mail: cholkoii@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2017 № 45

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – П.П. Румянцев

Подписано к печати 20.02.2017 г. Формат 60х84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 19. Тираж 250 экз. Заказ № 2389. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.02.2017 г.

Редактор – К.В. Полькина

Корректор – Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет К.В. Полькиной

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Скок

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет»,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь – П.П. Румянцев
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Peter Rumyantsev
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru